

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В.И.Бакштановский

Ю.В.Согомонов

ВВЕДЕНИЕ В ПРИКЛАДНУЮ ЭТИКУ

Тюмень
2006

УДК 174

ББК Ю715.4

Б 19

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Введение в прикладную этику** / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.

ISBN 5-88465-785-4

Новая книга авторов содержит результаты их многолетней работы над концепцией прикладной этики, представленные в формате «Введения в теорию». В трех разделах монографии рассматриваются последовательно: (1) *предпосылки* прикладной этики, раскрываемые через характеристики морального феномена и морального выбора; (2) *природа* прикладной этики в двух ее ипостасях: как нормативно-ценностные подсистемы («малые системы») и как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания и продуцирования фронестических технологий; (3) *основания* «малых» нормативно-ценностных систем (подсистем), – этика гражданского общества» как интегратор прикладных нормативно-ценностных систем; моральный выбор как основная ситуация и ключевой акт *приложения*; алгоритм конкретизации морали в «малых системах» на примере идентификации общепрофессиональной морали. В некоторые главы включены фрагменты этико-прикладных разработок, материалы которых позволяют представить феномен конкретизации морали, с одной стороны, потенциал «технологий приложения» – с другой.

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Н.Д.Зотов, к.с.н., доцент М.В.Богданова

Редактор выпуска И.А.Иванова.

Оригинал-макет И.В.Бакштановской. Художник М.М.Гардубей.

В подготовке выпуска участвовали:

М.В.Богданова, И.А.Михайлова, А.П.Тюменцева.

ISBN 5-88465-785-4

© В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. 2006.

Federal education agency
State educational institution
of high professional education
“Tyumen State Oil and Gas University”
Applied Ethics Research Institute

V.I. Bakshtanovsky

Yu.V. Sogomonov

INTRODUCTION TO APPLIED ETHICS

Tyumen – 2006

Оглавление

Предисловие	6
Часть первая. ПРЕДПОСЫЛКИ	9
Глава 1. Феномен морали: предпосылки прикладной этики	9
1.1. Моральный феномен: к «археологии» прикладной этики	9
1.2. Моральный феномен: донормативный слой.....	10
1.3. Моральный феномен: нормативно-ценностный слой.....	14
1.4. Моральный феномен: сверхнормативный слой.....	18
1.5. Моральный феномен: самоценность миссии и «служебность» функций.....	19
Глава 2. Моральный выбор	25
2.1. Предпосылки, которые нас выбирают.....	25
2.2. Ситуация морального выбора: эскиз.....	25
2.3. Ситуация морального выбора: идентификация.....	28
2.3.1. «Перепутье»: контексты, значения, подходы.....	28
2.3.2. Алгоритм идентификации.....	33
2.3.3. Фундаментальные признаки.....	35
2.4. Нравственно-конфликтная ситуация выбора.....	41
2.5. Социокультурная динамика ситуаций морального выбора.....	46
Часть вторая. ПРИРОДА	49
Глава 3. Прикладная этика: что? – к чему? – каким образом? - зачем?	49
3.1. Поиск идентичности: обзор интерпретаций	49
3.2. Прикладная этика как нормативно-ценностная подсистема: идея конкретизации морали.....	59
3.3. Прикладная этика как теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание и продуцирование фронестических технологий.....	65
3.3.1. Методологические предпосылки идентификации этического знания как <i>прикладного</i>	65
3.3.2. Структуры этико-прикладного знания.....	72
Глава 4. Know-how прикладной этики: фронестические технологии	78
4.1. Этическое моделирование (этико-прикладные деловые игры).....	79
4.2. Этическая экспертиза.....	84
4.3. Этическое проектирование.....	94
Часть третья. ОСНОВАНИЯ.....	104
Глава 5. «Будь лицом!»: этика гражданского общества	104
5.1. Естественность «неестественной» морали.....	105
5.2. Рациональная мораль: «Будь лицом!».....	110
5.3. Этика неклассического гражданского общества:	

российский вариант смены нормативно-ценностных систем.....	112
5.4. «Общество свободной близости и свободного антагонизма»: базовые ценности гражданского общества.....	116
5.4.1. Успех.....	116
5.4.2. Профессионализм.....	124
Глава 6. Моральный выбор как <i>modus vivendi</i> прикладной этики	130
6.1. Моральный выбор как наука и искусство <i>приложения</i>	130
6.1.1. Тотальность морального выбора.....	131
6.1.2. Рациональные основания морального выбора	134
6.2. Моральный выбор как творчество общественного масштаба	138
6.3. Моральный выбор как креация и интериоризация «малой» нормативно-ценностной системы (выбор профессии)	146
6.4. Этико-праксиологическое основание морального решения (выбор поступка).....	150
Глава 7. <i>Общепрофессиональная этика: алгоритм конкретизации морали в «малых системах»</i>	159
7.1. «Предназначение» профессиональной этики.....	159
7.2. Природа профессии: «моральное измерение».....	162
7.2.1. Professions или occupations?.....	162
7.2.2. Идея высокой профессии.....	164
7.2.3. Профессия как корпорация.....	165
7.2.4. Саморегулирование профессии.....	168
7.3. Мировоззренческий ярус профессиональной этики.....	170
7.4. Нормативный ярус: профессионально-этические кодексы.....	172
Заключение	181

Предисловие

Всякая инновация проходит три фазы. Первая: «что за чушь?!», вторая: «что-то в этом есть», третья: «кто же этого не знает»...

Мы решили начать свою новую работу «народной мудростью» из фольклора науковедов не просто ради напоминания читателю о том, что отечественная концепция прикладной этики трудно пережила ситуацию первой фазы и вдруг обнаружила, что уже прошла фазу вторую и, честно говоря, не рассчитывала на скорое наступление фазы третьей. Прежде всего, нам важно акцентировать *риски* наступившей третьей фазы.

Динамика современного общества все более сжимает сроки, необходимые для того, чтобы инновационная идея прошла отведенные ей судьбой (науковеды называют это закономерностью) этапы: сначала быть ересью, затем – очевидностью, а в итоге превратиться в предрассудок. Поэтому в ситуации начавшегося в самые последние годы отечественного бума в сфере прикладной этики (вполне естественно возникшего после благополучного завершения первых двух этапов жизни идеи прикладной этики как теоретической инновации) важно вовремя профилировать вполне прогнозируемое и уже проявившееся – во многом именно из-за забвения цены и результатов «еретического» периода – пренебрежение разработчиков различных сфер прикладной этики и первых учебников на эту тему *основаниями* прикладной этики. Профилировать возвращением к теоретико-методологическим проблемам.

Этим объясняется наше решение отложить презентацию заявленной в предшествующих публикациях фундаментальной монографии, обобщающей итоги нашей многолетней работы по развитию отечественной концепции прикладной этики и конкретных направлений этико-прикладного знания, предложив вниманию публики книгу, написанную в формате «Введения в теорию».

Как известно, представить такое «Введение» можно в разных вариантах. Во-первых, созданием популярных изложений уже *принятых* теорий. Но этот вариант применительно к этико-прикладному знанию еще только зреет. Во-вторых, предъявлением публике *начальных* стадий формирования теории, когда она еще только конституируется, ведя энергичный поиск и апробацию методов (посредством заимствований или созданием новых), осознавая специфику как теоретизирования, так и практического применения полученных исследовательских результатов. Этот вариант мы выбрали 20 лет назад, обобщая в нашей первой монографической работе по проблемам прикладной этики результаты прошедшего десятилетия своих исследований¹. Сегодня мы полагаем возможным говорить уже не о *начале* теории, но об определенной ее *зрелости*, создающей возможности актуализации рефлексии теоретико-методологических оснований прикладной этики.

Этот третий вариант «Введения в теорию» определяет формат нашей новой книги.

Еще раз подчеркнем, что ее замысел сформировался в определенном контексте. Развиваемая нами концепция прикладной этики имеет свою историю, которая насчитывает вот уже три десятка лет². Подчеркиваем этот факт прежде всего для того, чтобы попытаться помочь отечественной этике избежать вольного-невольного предпочтения стратегии «догоняющей теории». Если от «догоняющей модернизации» стране пока уйти не удастся, то нашему этико-прикладному знанию нет никаких оснований отказываться от собственного исследовательского потенциала. «*Еще в 1988 году* (курсив наш. – В.Б., Ю.С.) вышла в свет в США одна из первых книг, в названии которой стоит термин “прикладная этика”», – пишет Л.В.Коновалова, указывая на сборник из 16 статей³. Увы, мимо внимания автора прошли *отечественные* сборники статей, также содержащие в своем названии термин «прикладная этика». Укажем лишь на вышедшие в том же 1988 году сборники «Прикладная этика и управление нравственным воспитанием» и «Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования», не говоря уже о монографии В. Момова, В. Бакштановского и Ю. Согомонова «Приложнота этика»⁴.

Но дело не только в установлении «исторической справедливости». Если еще совсем недавно инициативы в сфере этико-прикладного знания либо просто игнорировались, либо встречали резкий отпор от некоторых представителей ведущих этических структур страны, то в последние несколько лет идея прикладной этики вдруг (?) получила у нас в стране признание и даже стала трактоваться в духе ломоносовского прогноза о

роли Сибири в развитии России – как условие «прирастания» всего российского этического знания (а наша концепция представлена в энциклопедическом словаре «Этика»⁵). Это должно радовать? Да, если бы все дело сводилось к долгожданному снятию барьеров на пути этико-прикладных исследований, барьеров идеологических (за которыми нередко стояли личные пристрастия ответственных работников ЦК КПСС) и внутрикорпоративных (в самом этическом сообществе). Или к тому, помнят или не помнят создатели нынешних учебных программ и учебников по общей и прикладной этике о наличии определенных заделов в сфере отечественного этико-прикладного знания, берут ли «в расчет» уже достигнутые результаты. Важнее иное – начавшийся «большой скачок» в сфере отечественной прикладной этики весьма рискован: рассуждая о природе прикладной этики, придают ли его участники должное значение теоретико-методологическим *основаниям ее идентификации*?

В ситуациях вольного словоупотребления термина «прикладная этика» в публикациях нетеоретического жанра определенность такой идентификации, конечно, не обязательна. Например, при толковании этого словосочетания автором журнального очерка о поэте: «У Слуцкого был не только дар поэта. Он обладал даром учителя, историка, философа (*прикладная этика всегда интересовала его*)». Или в рассуждении литературного критика о Науме Коржавине: «Поэтика как *прикладная этика* — для самого Коржавина траектория разговора вполне закономерная: привычка переводить исторический опыт в слова приучает не лукавить с читателем, если не хочешь, чтобы история снова слукавила с тобой». Или в воспоминаниях о Варламе Шаламове: «Его привлекает *практическая этика* революционеров: принцип “соответствия слова и дела” как императив. Этот принцип в глазах Шаламова – первооснова нравственной жизни (“Что говоришь – делай”, так меня учили жить. Так я учил жить других)». Но можно ли обойтись без методологического анализа в ситуации многообразия трактовок понятия «прикладная этика» и часто соотносимого с ним понятия «практическая этика» – в теоретических работах, как отечественных, так и зарубежных? И, тем более, в учебных программах и пособиях? Разве не очевидно, что стратегия культивирования прикладной этики во многом определяется уровнем развития *теоретизирования* в сфере, которую мы называем в целом этико-прикладным знанием?

На наш взгляд, в условиях, когда уже, наконец, не надо доказывать возможность и необходимость прикладной этики, целесообразна новая дискуссия об ее идентичности.

В свою очередь, нередкие полемические интонации в нашей книге не означают, что мы претендуем на монопольную концепцию, стремимся *закрыть* все иные подходы. Амбициозность *поиска*, а не возвещения истины, открытость к дискуссиям – наша позиция.

О структуре книги. В трех разделах монографии рассматриваются последовательно: (1) предпосылки прикладной этики, раскрываемые через характеристики *морального феномена* и *морального выбора*; (2) природа прикладной этики в двух ее ипостасях: как нормативно-ценностные подсистемы («малые системы») – и как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания и продуцирования фронестических технологий; (3) основания «малых» нормативно-ценностных систем (подсистем), в роли которых представлены этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика. Отметим, «забегая вперед», что мы решили включить в ряд глав фрагменты наших этико-прикладных разработок, материалы которых позволяют представить феномен конкретизации морали, с одной стороны, потенциал «технологий приложения» – с другой. Заключение к монографии – своеобразный эскиз ряда направлений прикладной этики, выбранных по критерию нашей личной причастности к их исследованию.

Благодарности.

Авторы не могут не отметить вклад всех своих *соавторов* – коллег, прямо или косвенно принявших участие в проектах, представленных в этой книге.

Особая признательность – руководству ТюмГНГУ, на протяжении многих лет содействующему в работе НИИ прикладной этики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986.

² См. краткий библиографический обзор: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю. НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.

³ См.: Коновалова Л.В. Прикладная этика (на материалах западной литературы). М., 1998. С. 27.

⁴ Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980; Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 1980; Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю. Приложная этика. София: Наука и искусство, 1988.

⁵ Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

Часть первая

ПРЕДПОСЫЛКИ

Развертывание концепции прикладной этики мы решили предварить характеристикой *предпосылок* идентификации прикладной этики (морали) именно как *этики (морали)*, а не как *параморальных* или даже *внеморальных* обычаев, «правил игры», «функционально желательных стандартов поведения» и т.п., которым философская этика делегировала бы задачу конкретизации морали применительно к различным сегментам общества и сферам человеческой деятельности.

Такие предпосылки мы попытались найти в описании феноменов морали и морального выбора. Отдавая себе отчет в том, что эта попытка может завершиться результатом, сходным с тем, о котором говорит реплика О.Г. Дробницкого в заключении к его «Понятию морали»: если читатель ожидал получить в итоге этого исследования полную, исчерпывающую и логически строгую дефиницию морали, то его ждет разочарование¹.

Глава 1

Феномен морали: предпосылки прикладной этики

Прикладная этика в обеих ее ипостасях – и как «малые системы», нормативно-ценностные подсистемы, и как специфическое знание о них – ровесница *современной* морали, морали, достигшей стадии зрелости. Попытка понять природу зрелой морали – условие адекватного понимания природы прикладной этики. В свою очередь, условием этой попытки является анализ становления и развития морали в социокультурном контексте.

1.1. Моральный феномен: к «археологии» прикладной этики

В обыденном сознании издавна закрепилось представление о морали как о чрезвычайно простой, едва ли не элементарной, субстанции, подобной обычаю. Тем более, что обычай послужил чем-то вроде протомодели собственно моральных норм. Возможно, именно это обстоятельство провоцирует представления о самоочевидности природы морали как институте регуляции и ориентации поведения людей, тем более если императивность морали удачно «упакована» в несложных требованиях заповедей мировых религий и кодексов профессий и организаций.

Однако мораль в ее развитых формах следует отнести к классу сверхсложных объектов познания. А понятие «мораль», подобно понятиям «мир», «общество», «цивилизация», «культура», «прогресс», «власть», «истина» и т.п., уместно отнести к ряду «сущностно оспариваемых» (иногда их именуют «трансцендирующими», «гранднарративными»).

«*Моральный феномен*» – рабочая характеристика, позволяющая понять *археологию* прикладной этики (морали), вписать ее в процесс становления и развития морали. Отнюдь не располагая признанным статусом в этической науке, несмотря на некоторую размытость, но, может быть, именно благодаря ей, эта характеристика способна, на наш взгляд, охватить широкий круг логико - грамматических и ценностных форм, так или иначе связанных с исследованиями моральной проблематики. С помощью этой характеристики можно учесть объективированные и символические формы морали, генерализировать множество такого рода форм в их социокультурных контекстах, описать факты и артефакты нравственной жизни, применить теоретические и эмпирические подходы к ней, не упуская из виду ни обыденные образы морали, ни отрефлексированные представления.

Характеристика «моральный феномен» описывает предмет, обладающий сложной структурой, которую можно представить в виде нескольких «слоев» («ярусов»). В основании – древнейший *донормативный* слой. В центре – собственно *нормативно-ценностный* слой, система с множеством конкретизирующих ее разнокачественных под-

систем, изучение которых представляет особый интерес для этико-прикладных исследований и разработок. Над ними возвышается более поздний – *сверхнормативный* слой. Все три «яруса» структуры морального феномена располагают соответствующей символикой.

Мы не ставим себе цель предложить здесь внушительный труд по аналитическому описанию морального феномена. Скорее речь идет о своеобразном синопсисе – сводном обзоре проблематики, связанной с данной темой, – создаваемом в надежде обрести некую *рабочую схему*. Представляется, что она полезна на определенном этапе познавательного процесса, но не может и не должна трактоваться как итог исследования: еще только предстоит наполнить эту схему конкретикой, придать ей жизненную колоритность, учесть возможную критику.

1.2. Моральный феномен: донормативный слой

ОБЫЧАЙ. Донормативный слой морального феномена – древнейший в историческом и функциональном плане. При этом его нельзя считать специализированным только для сферы нравственности: сознание эпохи доминирования обычая было холистским. Естественно, что (меж)-дисциплинарный статус этого слоя, в силу такой неспециализированности, зачастую порождает различного рода методологические недоразумения.

Как известно, обычай (нравы) с характерным для него типом императивности («поступай как все!») – ведущая (и исходная) структура донормативного регулятивного слоя. В то же время отметим, что в эпоху простого и высокого Модерна, когда обычай, казалось бы, навеки утратил свою былую лидирующую роль в регуляции поведения, довольно бурно протекают процессы тесного взаимодействия старых и новых регулятивных механизмов – обычаев и норм. Рискнем предложить тезис о конвертации обычаев и норм, о своеобразном «реванше обычая» (речь не идет, конечно, об «эксгумации» древних обычаев) в современности. Это обстоятельство усложняет задачу обсуждаемой иерархическо-слоевой структуры морального феномена.

Обычай возвышается над неупорядоченным калейдоскопом действий и инстинктивных реакций ситуативного характера: действия еще не обрели статус *поступка*, но в однотипных ситуациях на базе предугадываемой целесообразности, телесности постепенно преодолевается хаотичная реактивность. Обычаю присуща некоторая систематичность, известная последовательность в как будто бы совершенно случайных, изолированных актах: между ними можно проследить причинно-следственные зависимости. Их обнаружение даже в застойных, малоподвижных социумах позволяет разглядеть за пестротой поведенческих акций определенные стратегии, а это уже предполагает известную *избирательность* как общую предпосылку нравственной свободы. В то же время доминирование простых форм труда и социальной жизни не требовало повышенной вариативности регулятивной практики жизненного процесса: она дифференцировалась по словесно-групповым и индивидуальным индикаторам.

Обычаи различаются в соответствии с разнообразием природных и социальных условий бытия, по типу ведения хозяйства и обмена его результатами (охота, рыболовство, земледелие, кочевое скотоводство и т.п.), по роду деятельности (военное дело, торговля, священнослужение, социальное управление и др.). В каждой дифференциации образуется и почитается свой набор добродетелей, которые нередко систематизируются и иерархизируются, а также почти всегда сакрализуются. При интенсификации контактов все это создает базу для сравнений, что приводит к расширению культурного кругозора, к подрыву замкнутости. Благодаря этому обычаи обретают импульсы к саморазвитию.

В обычаях не прослеживается различие между *сущим* и *должным*, что свойственно морали. Стало быть, отсутствуют (или находятся лишь в зачаточном состоянии) установки к нравственно-психологическому напряжению духовной жизни; импульсы к самосовершенствованию, идеальные побудительные мотивы слабо проявлены.

Соответственно, по своей природе и репродуктивным функциям обычай в очень незначительной степени содействует становлению и развитию нравственной свободы, а скорее тормозит их. Прислушаемся в этой связи к суждению А.С. Пушкина: «обычай – деспот меж людей». Хотя такая поэтическая оценка духовного потенциала обычая не является абсолютно непререкаемой, так как в исторической ретроспективе обычай диффе-

ренцируется по тем или иным основаниям, в целом его вериги были довольно мучительными (но привычными, а потому не воспринимались как невыносимое бремя).

В то же время, в ряде случаев, обычай способен оказаться узкой тропкой к первичным формам свободы. Именно поэтому надлежит отличать косный, стагнирующий, «нерассуждающий» обычай от обычая полных жизненных сил, например, консервативного обычая современных обществ, который оказывается почти обязательным элементом социального порядка и даже свойственным ему динамизма.

ХАБИТУС. Императивность обычая («поступай как все!») в процессе исторического развития морального феномена постепенно сменяется другим типом императивности – «поступай как должно, независимо от того, как поступают все». Приходит время хабитуса. Процесс его прихода хорошо объясняет П. Бурдьё (само понятие «хабитус» было включено в оборот еще Фомой Аквинским, к нему прибегали Д. Юм, Гегель и другие исследователи нравственной жизни).

Хабитусом П. Бурдьё называет систему диспозиций в процессе движения от поведенческого правила (пока еще не нормы) к поведенческой стратегии, общей для всех индивидов данного социума. Ментальные матрицы постижения индивидами реального мира обеспечивают единообразие устойчивого символического порядка. Хабитус занимает промежуточное положение между объективными социальными структурами и субъективными решениями действующих лиц, что позволяет говорить об известной предсказуемости поведения этих лиц. В то же время хабитус – в отличие от рационализированных, сплоченных в систему норм, включенных в состав целостных поведенческих кодексов, – отнюдь не лишен некоторой расплывчатости и неопределенности, а потому на него нельзя положиться в критических ситуациях.

Хабитус воплощает *необходимость, ставшую добродетелью*. П. Бурдьё полагает, что в социальном поле нет ничего более *свободного* и, одновременно, более *вынужденного*, чем действия хорошо социализированного игрока. Это соображение открывает путь к пониманию парадокса поведенческой стратегии, когда действия человека могут приводить к целям, не будучи при этом сознательно направленными к ним: агентам деятельности достаточно быть теми, кем они есть, чтобы быть теми, кем они должны быть². Этот вывод весьма выразительно высвечивает сущность хабитуса как особого слоя морального феномена, предшествующего собственно морали в качестве поведенческого регулятива, характерного для эпохи предгосударственности (но не утрачивающего своей значимости даже в постсовременности).

ЭТОС. «Этос», как и хабитус, – понятие с неустойчивым терминологическим статусом. Об этом говорит уже краткий обзор основных подходов.

У древних греков это понятие имело широкий спектр значений: привычка, обычай, обыкновение, душевный склад, характер человека. Этос считался подверженным изменениям и противопоставлялся «физису», природе человека, которая рассматривалась как неподвластная ему, неизменная.

Слово «этос» дало начало не только понятию «этика». В XIX веке от него образовано понятие «этология» (по Дж. Миллю это означало «наука о характере», по Ж. Сент-Илеру – «наука о поведении животных», В. Вундт употреблял его применительно к психологии народов, а в наше время оно используется для выделения «дескриптивной этики» или «моральной этнографии»). Понятие «этос» использовалось и в качестве нравственно-эстетической и этико-логической категории.

Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его речи и целенаправленность как основной признак человеческой деятельности. Греки использовали и понятие «патос». Если «этос» описывал спокойный нравственный характер, разумный стиль поведения, то «патос» (как писал Платон в «Теэтете») определял поведение беспокойное, неупорядоченное, иррациональное, аффективное. Сегодня понятие «патос» может быть использовано для обозначения всего того, что приводит к расшатыванию нормативного порядка в социуме, к деструкции ценностей этоса, к «порче нравов». Согласно М. Веберу, «хозяйственный этос» означает не просто совокупность правил житейского поведения, не только практическую мудрость, но позволяет предложить расширенное понимание самой морали – объективированной, воплощенной в укладе, строе жизни, мироощущении людей. Подобное понимание открывало один из путей к исследованию прикладных этик (моралей) – профессиональной, политической, предпри-

нимательской, врачебной и т.д. М. Шелер использовал генерационный подход, обозначая понятием «этнос» структуру витальных потребностей и влечений новых поколений людей, то, что отличает их ментальность от предшествующих поколений, присущих им чувствований и форм общения. Р. Мертон применил понятие «этнос» в социологии знания, обозначая набор согласованных норм, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений в научном сообществе. В современных исследованиях выделяют субэтносы, этносы как виды консенсуса, противостоящие диссенсусу, указывая тем самым на переходы от старого коллегиального этноса науки к современному дисциплинарному. По определению М. Оссовской, этнос – стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этнос выходит за пределы морали. Согласно Е. Анчел, этнос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни, свидетельствуя о неистребимой человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире, даже если он плохо согласуется с житейским опытом людей³.

С нашей точки зрения, понятие «этнос» обозначает промежуточный уровень между пестрыми нравами и собственно моралью, *сущим и должным*. В то же время понятие «этнос» помогает провести демаркационную линию между этносом как *реально-должным*, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком *идеально-должного*, сферой собственного морального.

Понятие «этнос» дает способ преодолеть дуализм морального феномена, ибо предполагает не просто выход за пределы системы обычаев и традиций, но и добровольное подчинение требованиям к поведению, принятым в некоторых социокультурных практиках, благодаря чему данные практики возвышаются над уровнем повседневности, над «средним уровнем» моральной порядочности. Речь идет о «продвинутых» в духовном отношении группах и сословиях, а не обо всем социуме. В этом смысле можно говорить, например, о рыцарском или монашеском этносе в Средневековье или о множестве профессиональных этносов Нового и Новейшего времени.

При этом соответствующие этносы связываются, но не отождествляются с привычными представлениями о профессиональной морали. Например, воспитательная деятельность – независимо от того, где она протекает, – представляет собой известное сочетание как профессиональных, так и непрофессиональных начал; поэтому ориентациями и регулятивами в ней выступают и профессиональная педагогическая этика, и нечто более широкое, что можно назвать воспитательным этносом. И в медицинской деятельности профессиональная этика врача, медработника во всех ее отраслевых разновидностях может рассматриваться как элемент более обширного нормативно-ценностного комплекса – биоэтики. В научной деятельности такая ориентирующая и регулятивная функция принадлежит как профессиональной этике ученого, во всем многообразии ее отраслевых ипостасей, так и особому этносу науки, ее «духу» свободы и призвания, который не только побуждает и ограничивает поведение научных работников, но и позволяет поддерживать их соучастие в бытии социального мира. Точно так же в менеджеристской деятельности нормативно-ценностный комплекс включает как профессиональную этику управления, служебную, административную этику, так и некий этнос менеджеризма, его «дух», который противостоит паразитарному нормативно-ценностному комплексу «бюрократических добродетелей». Можно говорить и о том, что этика бизнеса опекается особым «духом предпринимательства», а этику инвайронмента патронирует расплывчатый, трудно формулируемый, но в нравственном смысле динамизирующий экологический этнос.

Пытаясь понять природу этноса, важно принять во внимание, что он нацелен на выявление границ, пределов власти над людьми, которая возникает в процессе реализации специализированной деятельности. Он ограничивает степень власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый – над человечеством, политик – над гражданами, врач – над больным, журналист – над получателем информации, менеджер – над подчиненным, предприниматель – над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг, и т.д. Этнос вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества и предназначен для уменьшения зависимости одного лица от другого, возникающей ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, для преодоления влияния патерналистских мо-

делей в отношениях между людьми. Этос открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций, создавая феномен «власти безвластных» (Х. Арендт).

Акцентируя значимость этосного подхода для становления и развития прикладной этики, следует сказать, что предлагаемое нами понимание отличий этики (морали) как чистого бытия должного от этоса, который пребывает между идеально-должным и нравами, репрезентируя лишь реально-должное, позволяет говорить о том, что этика (мораль) и этос отличаются друг от друга подобно сущности и существованию.

Известна точка зрения, согласно которой в ситуации завершенности модернизационного проекта возникает возможность отвержения «цивилизаторского высокомерия» универсалистской морали по отношению к локальным обычаям и традициям и состыковки этики (морали) с «допотопными» (примордиальными) нравами. Тем более – возможность отвержения «господства» морали над обычаями и традициями. Разделяя эту теоретическую позицию, подчеркнем, что именно этос образует тот фрагмент ценностного пространства социума, на котором происходит переплетение единообразных и разнообразных, универсальных и локально-корневых начал в нравственной жизни. Если этика (мораль) не может быть, например, «русифицированной» или «россиефицированной», то этос *не может не быть* таковым, ибо он образуется, выращивается и в ряде случаев даже имитируется не где-то, а именно в России. Добро и зло, справедливость, благородство, честность и т.д. – универсальны, что бы по данному поводу ни изрекали националистически озабоченные ксенофобы и поборники ложного патриотизма всех стран. Во всяком случае, они универсальны с точки зрения формы, а в морали, как это было продемонстрировано И. Кантом, форма в высшей степени содержательна. В этосном контексте фундаментальные моральные понятия «оформляются», конкретизируются их восприятие, отношение к ним, как, впрочем, и вся «проводка» их связей с неморальными понятиями и ценностями: нормативное на этом уровне фактуализируется, не утрачивая своих исходных универсальных значений.

НАРОДНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ. Этос и хабитус образуют непосредственное основание *народной нравственности*. Под этим довольно условным⁴ выражением здесь понимается такой регулятивно-ориентационный механизм, который, не утратив *локалистских* привязок, стал обретать некоторые свойства ограниченного, первичного *универсализма*.

Мобилизация понятия «народная нравственность» свидетельствует о перспективности тенденции возвращения к гегелевскому различению морали и нравственности. Мы присоединяемся к данной интеллектуальной позиции. При этом дает о себе знать многообразие интерпретационных версий такой дифференциации обозначающих понятий: нравственность – это совокупность нравов, хабитусов и этосов как форм предшествования собственно морали с ее последовательным и разноплановым различием должного и сущего, повышением значимости личностного морального выбора и более широкого диапазона индивидуальной свободы и персональной ответственности.

Свойства народной нравственности опирались в своей императивности и санкционировании на ценности мировых религий (заповеди, скрижали, заветы и т.п.) и выводили индивида за племенные границы. Конечно, это еще не универсализм в собственном смысле слова – в лучшем случае объектом регулирования и ориентации были ареалы субойкумен (христианской, мусульманской, индобуддистской, конфуцианской). Причем каждая из этих субойкумен выработала собственное понимание универсализма.

При этом надо иметь в виду, что одновременно существовали и своеобразные анклавные с досовременными типами регуляции и ориентации поведения, с умеренным традиционализмом. И не потому, что они «замешкались» с принятием «данайских даров» индустриализма: речь идет о намеренном отступлении от модернизационного процесса (ретретизм, эскапизм).

Чаще всего объектом регулятивной активности на основе *народной нравственности* были крестьянские общины, городские коммуны («Что ни город, то свой нор» – гласит старинная русская поговорка), некоторые землячества, различные специфические объединения полупрофессионального типа наподобие купечества, казачества, монашества и других корпоративных объединений (в средневековой Франции объединения сту-

дентов порой именовались «нациями»⁵. Значительную роль сыграли нравы, порожденные городским образом жизни, нравы провинциального, преднационального уровня.

Между тем универсализм – и только он, – впитывая через множество опосредований все противоречивое богатство локального развития нравственности, прокладывая нелегкие пути к формированию всевозможных *приложений* народной нравственности. Тем самым подготавливался процесс образования будущих нормативно-ценностных подсистем («малых» систем). Попутно напомним, что все «ярусы» иерархически-слоевой структуры морального феномена связаны друг с другом разнообразными переходами и узлами.

По мнению П. Бурдьё, народная нравственность как системный элемент грядущей собственно моральной онтологии располагала немаловажными отличиями в понимании добродетели от представлений рационализирующейся морали. (Отношения этих контекстов можно, без особого риска ошибиться, уподобить отношению права обычного и права формализованного.) Если в народной нравственности значительное место отводится таким добродетелям, как целостность («отдаться полностью», «отдать всего себя целиком» и т.п.), верность данному слову, лояльность по отношению «к своим», верность самому себе («я таков, каков я есть», «ничто меня не изменит» и т.п.) и другим клишированным диспозициям, то в рационализирующейся морали они могут выглядеть как проявление негибкости и даже глупости⁶.

Народную нравственность можно иначе именовать как «нравственность традиционного общества», как «естественную» нравственность доиндустриальной эпохи, в основе которой лежали солидаристские общности, главным образом, как было сказано выше, крестьянские. Это были ограниченные и органические коллективы, в которых преобладали поведенческие нормы и правила, культурные символы, воспроизводящие социальную структуру практически без изменений. Индивиды этих микросообществ пребывали в состоянии самоудовлетворения, принимая условия своего существования как собственные, т.е. не отчужденные, а потому они почти не стремились их преобразовать, улучшить. В этих социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый достижительный статус. В «верхах» таких социумов практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости (по удачному выражению социоантрополога К. Поланьи), а не расчетливости и хозяйственной эффективности. Такой малоподвижный социум не зря называли «диктатурой предков».

1.3. Моральный феномен: нормативно-ценностный слой

Казалось бы, имеет смысл начать с определения морали. Однако мы предпочли отказаться от прямолинейной категоричности, которая мало пригодна для аналитики сверхсложных объектов. Не ставим мы и задачу показать всю драматургию теоретического поиска в его историческом воплощении. Вместе с тем нельзя вовсе отказаться от попытки выработать какую-то систему понятий и представлений об этом объекте.

Мораль является нормативно-ценностной системой, которая в эволюционном развитии следует за донормативным слоем – после обычая, хабитуса, этоса. А что касается правил «народной нравственности», то они представляют собой непосредственный образ собственно нормативной регуляции. Предшествующие слои, ярусы морального феномена не «испаряются» в историческом небытии, не отрицаются новым ярусом, а, абсорбируясь им, лишь смещаются от регулятивного центра к его периферии. Напомним, что границы между этими слоями не маркируются с желаемой степенью четкости. Они пористы, легкопроницаемы, размыты и потому могут нарушаться в процессе активного взаимодействия между ними.

МОРАЛЬНАЯ НОРМА. Как известно, в предельно широком смысле термин "норма" характеризует *количественные* аспекты, параметры какого-либо явления. Можно говорить, например, о строительных, спортивных, санитарных, производственных, грамматических и т.п. нормах. Но это в основном технические и технологические нормы. Вместе с тем понятие «норма» выполняет роль естественного или сконструированного *образца*⁷. В этом смысле можно говорить о нормативных ценностях, так или иначе отражающих духовные стороны человеческого бытия⁸.

Поведенческая норма не столь конкретна и наглядна, как обычай. Она инициирует не просто акты-действия, но прежде всего *поступки*. Так как норма носит абстрактный характер, основанное на ней поведение является значительно более сложным по сравнению с поведением, которое опирается на обычай и его модификации, и располагает собственной структурой: намерения, разветвленная мотивация, в которой различаются лейтмотивы и мотивы «боковые», целесредственные значения, шкала оценок близких и отдаленных последствий, соответствующие символические и экспрессивные оформления (то, что преимущественно исследует психология морали).

Сверхзадача главы о моральном феномене на выявление *предпосылок* прикладной этики дает основание уже здесь отметить существенное различие между природой моральной нормы и т.н. «*морального стандарта*». С нашей точки зрения, наметившаяся тенденция расширения роли понятия «моральный стандарт», в том числе и в практике кодифицирования профессиональных этик, весьма рискованна и приоритет стоит отдавать «старой, доброй» моральной норме.

Термин «стандарт» не артикулирует духовную глубину, творческие, рефлексивные аспекты человеческой деятельности, практически исключая из практики *ситуации выбора*. «Стандарт» располагает лишь плоскостным измерением атомарного факта, вырванного из поведенческого контекста, в то время как «норма» конкретизирует смыслы деятельности в каждом отдельном поведенческом акте, в поведенческой молекуле. Норма имеет дело с тенденцией, приближаясь к значительно более широкому понятию «принцип поведения», – предельно обобщенной норме поведенческой активности. Благодаря этой особенности «принцип» включается в широкое поле регулятивности, обладая не только функцией предписания, но и функцией оценки и соответствующих санкций по поводу того или иного атомарного факта. В итоге регулятивной активности предоставляется возможность большей варибельности, свободы выбора, маневренности – по сравнению с однозначностью прескрипции «стандарта». «Стандарту» не под силу отразить общее и различное между нормой и моральным мировоззрением, смыслом и целью, миссией и функцией и т.п.

Поведение, основанное на норме, предполагает развитую способность субъекта поступка расшифровать, раскодировать смысл императивности, понять его диспозицию, конкретизировать возможные санкции, требует соотнесения, когеренции одной нормы с другими, родственными и неродственными. Все это означает *творческий акт* со значительно более объемным ресурсом *свободы выбора* действия и, стало быть, с большим объемом ответственности за совершенный поступок.

При этом следует учитывать различные способы взаимодействия собственно моральной нормы с нормами неморального характера (политические, административные, правовые, эстетические и др.), а также различия между отдельным поступком и целостной линией поведения, образованной из некоторого множества поступков.

Известно, что одно из существенных отличий моральной нормы от правовой и административной норм заключается в том, что последние «расписаны», то есть не только конкретизированы, но и *детализированы*. Причем от уровня такой «расписанности» зависит и оценка административно-правовых систем, качество их разработанности. Моральной норме свойственна *генерализованность*, а функция «расписывания» возлагается на субъект моральной регуляции, что предполагает наличие у него способности к совершению подобной работы, которая, понятно, не фиксируется и не имеет обязывающей силы. Она всегда пребывает в режиме *ad hoc*. В этом обстоятельстве заключается креативность подобной регуляции.

Так как в моральной норме, в ее директивной и санкционирующей частях, отсутствует «расписанность» и не указан конкретный адресат и исполнитель санкций – она носит «вселенский» характер, а исполнителем санкций выступает сам субъект регуляции – речь может идти о *саморегуляции*. Проблема справедливости, т.е. соразмерности деяния и воздаяния, отдается при этом «на откуп» самому субъекту: в духовном плане он сам себя награждает и сам себя осуждает (от морального удовлетворения до тяжких угрызений совести).

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ. Как правило, в числе сущностных признаков морали обращают внимание на ее безыституциональный характер (так сказать, «презумпция неорганизованности»), считая, что в этом заключается ее принципиальное отличие от всех иных

механизмов регуляции поведения людей (за исключением разве что обычая). Однако такое в целом верное суждение требует существенных уточнений. В том числе значимых для поиска *предпосылок* прикладной этики.

Дело в том, что в специализированных сегментах человеческой деятельности происходит теснейшее взаимодействие безыституциональных и институциональных регулятивных средств, вплоть до синтеза моральных по происхождению, генезису и функциям норм, ценностей, санкций с множеством неморальных регулятивов – правовых, административных, политических, общекультурных, религиозных и т.п. Такого рода взаимодействие выходит за пределы одной только *дополнительности* разнопорядковых нормативных систем: на его стыках возникают причудливые *новообразования*. Об их природе и статусе давно ведутся дискуссии, так как формирующиеся при этом этико-правовые, этико-административные, этико-политические и подобные им *комплексы* одним фактом своего существования в публичной сфере порождают серьезные теоретико-методологические и организационные проблемы, затяжные междисциплинарные тяжбы по поводу принадлежности каждого из этих комплексов к миру морали, права, политики, коммуникативной деятельности и т.п. Особо напряженные споры – о том, утрачивают ли соединяемые элементы данных комплексов свои исходные атрибутивные свойства, перестают ли быть самими собой, или в каждом из этих «миров», хотя они и «прикипели» друг к другу, продолжают проявляться свои ценностные логики, нормативный инструментарий, лингвистические правила.

Упомянутые комплексы находят зримое выражение в этических кодексах, ориентирующих и регулирующих деятельность институтов саморегулирования – этических комитетов, советов, комиссий, призванных контролировать соблюдение требований кодексов и разрешать возникающие при этом конфликтные ситуации в микросообществах, профессиональных корпорациях, «цехах», отдельных организациях и общественных объединениях.

В реальной практике кодифицирования деятельности профессий и организаций нередко ощущается перекокс в сторону формального права, наблюдается доминирование административно-правовой составляющей над стороной собственно моральной, что дает весомый повод считать такие кодексы внеэтическими документами или этическими лишь номинально. Кроме того, критики такого рода кодексов указывают, что в отличие от общеморальных кодексов их обязательность не имеет свойства универсальности и распространяется лишь на сравнительно узкие группы, на членов вполне определенных организаций и ассоциаций, а не на организации и ассоциации любого типа, что они напрямую завязаны на экономические, политические, престижные, субкультурные и т.п. интересы.

Такого рода критика содержит вполне рациональные моменты. Но нередко ее опасения оказываются несколько преувеличенными, так как при этом операции сопоставления производятся в отношении к *общеморальным* кодексам, к универсальной морали (как бы при этом ни интерпретировалась сама универсальность), а вовсе не к ее инобытию – *прикладной этике*. Для последней же оспариваемые критикой свойства кодексов отнюдь не являются совершенно чуждыми⁹.

Кроме того, должно быть принято во внимание грамматическое родство морального и правового (а также политико-административного и коммуникативного) тезаурусов, что хорошо видно на примере тождества и различия широко употребляемых в них понятий долга и обязанностей. Долг, бесспорно, представляет собой обязанность, но не «от» и «до» – со строго определенным, регламентированным объемом. Он берет начало не «откуда-то извне», а предполагает самонахождение с последующим самовозложением. Долг вытекает из ответственности человека перед самим собой, собственной совестью, ответственности не просто «перед кем-то или чем-то», а «за что-то». Такая ответственность определяется самим субъектом должностования независимо от служебных инструкций и правовых императивов. Если обязанности коррелируют *со службой*, с должностью, социальным рангом, то долг – *со служением* Делу (вплоть до самоотдачи), содержание которого прямо не заложено в целевом секторе институции, организации или ассоциации. Сопоставление (но не противопоставление) службы и служения суть персональная задача конкретного субъекта специализированной деятельности.

Поведенческие кодексы организаций и ассоциаций применимы именно в определенных видах деятельности и не претендуют на статус универсальности, на «вселен-

ский» адресат императивности¹⁰. А универсальная мораль возвышается над конкретикой обстоятельств, их бесконечным многообразием. Она обладает свойством гибкости и пластичности, позволяя тем самым и вмещающая в обязанность человеку самому производить – с учетом обстоятельств, времени и места, на основе мировоззренческих и ценностных суждений – выбор норм из множества, имеющих отношение к той или иной конфликтной ситуации. Ему и только ему предстоит определить, в каком объеме и каким сочетанием норм следует руководствоваться в данном случае, чтобы вынести всю тяжесть и полноту ответственности за принимаемые решения.

НОВЫЙ ПОРЯДОК НРАВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. Институализация морали самым непосредственным образом была связана со становлением индустриально-урбанистической цивилизации, с переходом от традиционной нравственности солидаристских, ограниченных, хотя и органических, общин к нормативно-ценностной системе «открытого общества» и характерной для него *постестественной, рациональной моралью*¹¹.

Цивилизационный трансенсус обусловливал и в то же время обусловливается модернизационными процессами, которые начались на исходе Средневековья и опирались на рост общественного разделения труда, ставшего основой профессионализации различного свойства, на возникновение массовой школы, на рост грамотности населения и т.д., что было востребовано бурным развитием производительных сил, транспортной инфраструктуры, нуждами социального управления и военного дела и т.д. Параллельно шел процесс становления частной собственности, частной и публичной жизни, их отсоединения друг от друга. Форсировался ход политогенеза, а затем и нациогенеза. Происходили глубочайшие мировоззренческие сдвиги, складывались политико-правовые идеологии (либерализм, консерватизм, социализм, а затем – неолиберализм, неоконсерватизм, социал-демократизм, в некоторых странах возникали исторические тупики общественного развития – идеология и практика тоталитаризма).

Близкие и отдаленные последствия модернизации были как позитивными, так и негативными.

В обобщенном виде негативные последствия хорошо описываются при помощи понятия «моральное отчуждение». Моральное отчуждение – историческая ситуация, при которой нормы и ценности рациональной морали выступают как извне навязываемые поведенческие предписания и оценки; являясь продуктом собственной деятельности людей, они предстают перед каждым как ограничители «естественных» влечений. Неизбежная для любого социума взаимосвязь между интересами целого и интересами саморазвития личности предстает как деспотия социальной жизни над частной: чтобы быть «моральным», надлежало так или иначе жертвовать своими реальными потребностями и интересами. Личность может сохранить свои силы только уклоняясь, увиливая от выполнения предписаний, которым придается благочестивый ранг «общественных». На этом фоне процветает практика казенного морализирования и ригоризма. Возникают расколы в нравственной жизни общества: рассогласование прав и обязанностей, несовпадение внешнего значения поступков с их внутренним, интимным смыслом. Складывается раздвоение морали на «мораль» аскетизма и долга, с одной стороны, и «мораль» гедонизма и счастья – с другой. Стимулируется порочная практика морального двойничества (биморализм). Нравственные отношения деперсонализируются, овеществляются, что порождает «моральный» фетишизм.

Феномен отчуждения абсолютизируется социально-романтической критикой новой цивилизации (утопический социализм, воззрения таких мыслителей, как Ш. Фурье, Ф. Ницше, К. Леонтьев, В. Розанов, в значительной мере народническая и марксистская критика капитализма, все виды аристократической критики буржуазности от Н. Бердяева, Х. Ортеги-и-Гассета до неомарксизма и т.п.), представленной в наше время в антиглобалистских настроениях части массового сознания. Такого рода критика справедливо фиксирует негативные следствия динамики цивилизационного развития. Непреодоленная бедность в богатых обществах, рост преступности, терроризм, взрывы национализма и расизма, известная эгоизация как следствие консьюмеризма, формирование опасной для судьбы цивилизации «охломассы», экологические и технологические катастрофы, макроэкономическая неустойчивость, бюрократизация, экспертократия в социальном управле-

нии, ожесточение конфессиональных и этнических конфликтов, известная варваризация культуры на фоне интенсификации культурных обменов и т.д.

Однако этой сумме негативных тенденций в обществе, и особенно в нравственной жизни, противостоят тенденции преимущественно позитивного типа, минимизирующие отчуждение и способствующие социальной терапии: технологический бум, рост продолжительности жизни, медицинские и образовательные успехи, демократические и гуманистические тенденции в жизни людей и т.п. Урбанистическая цивилизация сформировала такой тип личности, которая оказалась способной, опираясь на новые интеллектуальные и психологические ресурсы, воспринимать радикально изменившуюся нормативно-ценностную систему как свою собственную, воспроизводить, использовать ее в поступках, риторике, образе и стиле жизни, полагать ее в качестве неременной предпосылки, условия человеческой *свободы*.

1.4. Моральный феномен: сверхнормативный слой

Сверхнормативный или мировоззренческий слой морального феномена имеет отношение ко всем без исключения сторонам, аспектам, срезам человеческой жизнедеятельности, клеткам социальной ткани. Этот слой не носит специализированного характера и такая всеохватность оказывается возможной ввиду всепроницаемости морали по любым вертикалям и горизонталям структуры современного социума. Сверхнормативный или мировоззренческий слой морального феномена – своеобразный «социальный клей», невидимая духовная сила сплочения, которую с XVIII века стали именовать «ковенантом», общественным договором.

Целесообразно выделить две базовые функции мировоззренческого слоя морального феномена. Во-первых, он выполняет ответственную задачу *обоснования* и *оправдания* всей совокупности наличных моральных ценностей, предписаний и оценок, соответствующих должностований и ответственностей. Практика применения норм и оценок нуждается в определении приоритетов, способов взаимосцепления, что особенно явно обнаруживается в ориентации морального выбора, в оснащении его неординарной мотивацией в сложных конфликтных ситуациях. Без *обоснования* моральных ценностей, норм и оценок не может обеспечиваться достижение последовательности и стратегической цельности поведения субъекта и мораль легко превращается из сферы реализации человеческой свободы в совокупность догматических установок и закостеневших, ригидных, лишенных творческих импульсов правил. Не предоставляя субъекту возможности прояснить его положение в системе подвижных социальных связей, мораль в самом существенном своем назначении неминуемо оказывается несостоятельной.

Первая функция мировоззренческого слоя морального феномена – ее можно назвать «*дирижерской*» – тесно связана со второй, *прогностической* функцией. Создание новых поведенческих норм и ценностей оказывается чем-то вроде «предупредительного сигнала», оповещающего о том, что какая-то часть регулятивов утрачивает былую историческую оправданность, качество социальной целесообразности. Возникающие новые представления, нормы и ценности выступают таким образом как ориентации «*дальнего прицела*». С изменений в данных представлениях берут начало радикальные преобразования всей нормативно-ценностной системы, в том числе и становления *прикладных* подсистем.

Без мировоззренческих представлений один только нормативный блок морального феномена еще не образует целостной моральной системы. Отсюда вовсе не следует, будто данные представления определяют содержание моральных принципов, норм и оценок реально действующей моральной системы. Содержание самих мировоззренческих представлений во многом задается нормативным слоем: определенному историческому типу моральных норм и оценок соответствует адекватный по духу и направленности тип мировоззренческих представлений. Однако мировоззренческие представления не просто копируют содержание принципов, норм и оценок, но образуют относительно самостоятельный ярус морального феномена, в котором можно выделить «гнездо» родственных понятий, с помощью которых проблемы нравственного образа жизни предстают в качестве мыслительного материала для рефлексировующего сознания. Три ключевых понятия данного «гнезда» – смысл жизни, идеал и счастье.

Представления о *смысле жизни* свидетельствуют о ценности того способа деятельности, той ее общей направленности, которые предписываются существующими нормами, оценочными правилами и суждениями. Они как бы высвечивают «сверхзадачу» деятельности, указывая на «ценность ценностей», обосновывая, почему человеку надлежит придерживаться в качестве точек отсчета в нравственных исканиях именно этих, а не иных поведенческих правил и оценок. К представлению о смысле жизни примыкают понятия *призвания и назначения жизни*.

Представления о нравственном *идеале* создают обобщенный образ наиболее полного воплощения положительных нравственных качеств человека, создают эталоны и программы нравственного совершенствования. Одновременно идеал является требованием, обращенным не только внутрь личности, но и вовне – к состоянию общественных нравов, делая их предметом критической оценки.

Что касается представлений о *счастье*, то они служат одной из форм самооценки всей жизнедеятельности человека или значительных ее отрезков. Счастье – высшая удовлетворенность жизнью, реакция на степень достижения основных замыслов, чаяний или же на их предвосхищение. Оно более всего связано с мироощущением, эмоциями приятного и неприятного, а еще больше – с удовольствием и страданием, удовлетворением и неудовлетворением, прежде всего – высшим удовлетворением и высшим неудовлетворением. В связи с этим нередко возникает вопрос: правомерно ли вообще относить понятие счастья к области морального феномена? Отвечая на него положительно, следует исходить из того, что высшая удовлетворенность жизнью непременно включает и специфически нравственную удовлетворенность. Понятно, эта последняя не носит абсолютного характера, так как содержит и элементы известной неудовлетворенности, критической оценки результатов собственной деятельности, достигнутого уровня самосовершенствования. Невозможно выработать идеальный сценарий счастья. Тем более, что счастье содержит и случайные элементы, не зависящие от доброй или злой воли индивида.

Вся указанная группа понятий, генеральных норм с различных сторон решает мировоззренческую задачу сцепления, обоснования и оправдания моральных норм и оценок, обеспечивает ориентацию нравственных исканий, причем каждое из этих понятий «загружено» решением своей стороны общей задачи, и только все они вместе способны справиться со своим предназначением.

1.5. Моральный феномен: самоценность миссии и «служебность» функций

Характеристику указанной в заголовке особенности морального феномена начнем с тезиса о необходимости преодоления часто применяемого рассечения морали на «*подлинную*», сущностную, онтологическую, «высокую» – и «*неподлинную*», зыбкую, функциональную, «низкую». Такое противопоставление присуще романтическому воззрению на нравственную жизнь, а метод конституирования «подлинной» морали воспроизводит веками отшлифованную манеру моральной догматики. Эта манера вменяет в обязанность теоретику прежде всего уяснить тайну сущности человека, а затем, руководствуясь обретенной на этом тернистом пути Истиной, раскрыть сущность «подлинной» морали. С разреженных высот абстрактных истин производится придирчивый «смотр» земной практики индивидуальной жизни и межличностных отношений грешного человечества. «Хорошая» практика решительно отсекается от «дурной», сознание моральное – от сознания утилитарного, пруденциального (при этом первое всегда и везде предписывает альтруистическое, бескорыстное поведение, верность тому интересу, который рассматривается как «родовой», «общественный», «коллективный»).

Подобная «операция по расчленению» открывает довольно мрачную истину: несовпадение «подлинной» морали с моралью практикуемой; на деле человек был то последовательным эгоистом, то безудержным альтруистом, то устремлялся навстречу наслаждениям, то шел к целям, ввергающим его в пучину бедствий и мучений, иногда с готовностью принимая их, а чаще горько проклиная судьбу. Человек был то сластолюбом, то мучеником. То рвался к богатству, власти, почету, услугам, то ревностно исполнял

свой долг. Он был и палачом, и жертвой, творцом и безынициативным исполнителем чужой воли, героем и жалким соглашателем.

Исторические формы морали уводили человека от «совершенного» образца моральности, который столь удачно сложился в голове романтического теоретика-идеолога. И это предопределяло вынесение философом морали безжалостного вердикта: история не соответствует сущности человека и «подлинной» морали. Необходим, по мнению теоретика, трансисторический бросок или же признание истории всего лишь «предысторией», после которой «подлинная» мораль наконец-то станет практической и люди «возьмутся за ум», примутся жить по моральному кодексу. Исполнение велений такого кодекса доставит человека в безопасную гавань социального благополучия, путь в которую обозначен навигационными огнями «подлинной» морали.

Что же касается морали «неподлинной», то она, с точки зрения такого теоретика, в конечном счете оказывалась жалкой тенью, подобием морали, респектабельным выражением аморализма. Зло, пороки, несчастья объяснялись «превратными толкованиями» сущности «истинной» морали, которой приходилось до поры до времени ютиться где-то на задворках истории, воплощаясь в поступках «святых», страстотерпцев, людей не от мира сего. Так было и будет вплоть до того момента, пока «истинную» мораль не выведут на историческую авансцену философские откровения теоретика «светлого будущего».

Метод моральной догматики, заметим, отражает некоторые реальные моменты функционирования морали. Действительно, существуют известные различия между моралью благоразумия, повседневности, непосредственной социальной полезности (наличной социальности) – и моралью подвига, подвижничества, раскованности, творчества. Истории нравственности присущи противоречия между идеалом и реальными нравами, идеальной этикой и этосом, между универсальным эталоном моральности и должным в рамках конкретного бытия социума и т.д. Неизбежное противоречие между моралью прокламируемой и моралью практикуемой способно в ряде случаев превращаться в пропасть, создавая ситуации морального кризиса и торжества массового лицемерия.

Но в целом метод догматики проявляет полное бессилие в установлении связи между целями жизнедеятельности людей и ее моральной регуляцией. Методологическая амуниция романтизма оказывается слабо приспособленной к ситуации морального отчуждения, когда мотивы поведения людей черпаются одновременно из «грязной», «торгашеской» практики и из сферы «абсолютно самостоятельных идей», когда рушится согласованность моральных обязательств человека и гражданина, когда несовместимыми оказываются целесообразность и моральность поведения, когда рост аморализма в определенном смысле становится чуть ли не предпосылкой нравственного развития общества в целом (что называется *исторической ролью зла*). В такой ситуации гораздо легче с сектантским упоением вообще отрицать нравственное развитие, нежели признавать его «коварную» относительность и тягостную противоречивость, совместимость с некоторыми кризисными процессами, даже с утратами и тупиковыми отклонениями в духовном развитии человечества, с инволюцией нравов, с патосом.

С проблемой противопоставления «истинной», «подлинной» морали и морали «неподлинной», «псевдоморали» и т.п. тесно связана другая, не менее сложная проблема: как при объяснении, интерпретации морального феномена избежать прегрешений односторонности, которые мы называем *гиперморальностью* и *гиперсоциальностью*?

Из изложенного выше ясно, что мораль обладает *дуалистической* природой: как регулятор, обслуживающий социальные системы ради их стабильности, устойчивости, ради социальной адаптации людей (а потому к нему можно относиться утилитарно, контекстуально, детерминистски, апостериорно), и вместе с тем как регулятор индетерминистского свойства, априорная, предзаданная система ценностей, мотивационный механизм, превосходящий функциональность, ориентирующий на критику любых форм социальности, заведенного в социуме порядка. Интерпретация дуалистичности морали представляет собой труднейшую задачу методологического плана: нарушение интерпретационного баланса всегда содержит возможность крена то в сторону гиперморальности, то в сторону гиперсоциальности.

Начнем рассмотрение проблемы разбалансировки в интерпретациях морального феномена с тенденции *гиперсоциальности*, которая сводит мораль, добро и зло лишь к санкционированности поведения различными формами общественного авторитета. Такой

подход блокирует всякое должное, не сводимое к непосредственной социальной эффективности, пользе, к запросам наличной социальности. В предельном случае *должное сводится к существу*, а моральность утопает в пруденциальности, целесообразности.

При таком истолковании морального феномена – с сильным креном в сторону гетерономности и апробативизма – исчезающе малыми становятся различия между собственно моральными и неморальными или околморальными способами регуляции и ориентации поведения (политико-правовые, организационно-административные, общекультурные способы). Оказывается крайне затруднительным постоянно удерживать в уме родовое определение морали – с точки зрения ее отличия от всех иных способов регуляции, иных форм общественной дисциплины, социального контроля над поведением. Гиперсоциологическая интерпретация морали редуцирует многообразие ее функций только к одной – функции *социального контроля* над поведением. Терминальные, конечные ценности оказываются неразложимым остатком бытийного состава морали, резидиумом, который хотя и образует лейтмотивы поведения, соучаствует в их формировании, но оказывается скорее иррациональным фактором.

И действительно, позиция гиперсоциальности диктует скептическое воздержание от суждений тогда, когда ей предстоит объяснить историческое развитие морали, проинтерпретировать смены «больших» нормативно-ценностных систем, сложности, запутанности, противоречивости выражения в них актуальных запросов постоянно обновляющейся социальной практики. Проблема духовных исканий и поиска оснований для самоопределения нравственного образа жизни упрощается до столкновения желаний выполнить предписания («добро») или же под тем или иным предлогом уклониться от его исполнения («зло»). Запрещается даже ставить «подрывной» вопрос о том, являются ли действительно социально необходимыми те предписания, которые с помощью социального контроля и социализации личности превращаются в индивидуально-желаемое, переходят из нормативного комплекса в мотивирующий. В качестве «метафизических» отклоняются сомнения относительно того, не воплощает ли дух предписаний интересы «солидаризма», основанного на подмене общественного долга своекорыстными групповыми интересами конкретных социальных общностей и организаций, что порождает, как известно, в высшей степени «удобную» моральность: идеалом становятся конформность, верноподданничество любого профиля. В такой «удобной моральности» утрачивается *предназначение, миссия* морали – «очеловечивать» социум и одновременно «социализировать» человека. При этом теряются различия между аморальностью и действиями, направленными на гуманизацию социальных отношений, искажается соотношение между нигилизмом и моральными инновациями. Гиперсоциальный подход к интерпретации морального феномена лежит в основе апологии «морали» потребительства и технократически-бюрократических подходов к нравственной жизни.

В свою очередь *гиперморализм* резко противопоставляет морали социально контролируемой социально неконтролируемую мораль воли, любви, беспечности относительно близких и, тем более, отдаленных последствий собственных поступков, мораль самораскрытия, спонтанности и чуть ли не пророчества. Отсутствие в поступке связанных с «подлинной» моралью признаков позволяет такому подходу категорически оценить поступки как неморальные или даже аморальные акты: моральными признаются только совершенно бескорыстные мотивы, аскетические устремления, независимо от того, что в реальной нравственной жизни обнаруживается смешанная мотивация, возможен «безадресный альтруизм», присущий спонтанному порядку рыночного общества. В версии гиперморализма от субъекта активности требуется установить, чуть ли не из самого себя, представления о добре и зле, долге, верности призванию, различным обязательствам, которые никак не могут быть объективированы, выверены логическими средствами.

Дистанцированная – при таком подходе – от социальных забот и заземленных интересов мораль обретает облик абсолюта, «гиперморалисты» не приемлют идею нравственного прогресса, катастрофически сужают сферу моральности, исключая из нее по разным основаниям труд, политику, предпринимательство, культурную деятельность и т.д. Они склонны абсолютизировать противоположность должного и сущего, морали и нравов, «производства» моральных представлений и их «потребления», преувеличивать различия между гетерогенными видами общественной дисциплины, способами регуляции и ориентации массового поведения.

Позиционирование в духе гиперморализма обрекает на противопоставление дисциплины и свободы, контролируемости и добровольности, ответственности и энтузиазма, этики убеждений и этики долга, как они тракуются М. Вебером в известном докладе «Политика как призвание и профессия». С этой точки зрения отвергается проблематика *конкретизации* моральных установок, *приложения* морального феномена к сравнительно обособленным сферам и видам человеческой деятельности, отклоняется даже сама возможность существования – наряду с абсолютами – моральных релятивов, действенных не «везде и всегда», а только «здесь и сейчас», отрицается возможность возникновения конвенциональной морали, ценности которой опираются на принципы общественного договора, а нормы складываются не только стихийно, но и по соглашению. Тем самым фактически отрицается возможность самого существования *прикладной этики*.

Гиперморализм преувеличивает роль импульсивности и непосредственности в нравственной жизни человека, противопоставляя нравственную интуицию дискурсивному этическому мышлению, взвешивающей стратегии морального решения. Такая позиция абсолютизирует психологическую сторону морального творчества в ущерб его социально-результативной стороне, ведет к чрезмерному негативизму в восприятии социальной реальности в духе культурофобии, технофобии и социофобии.

Шанс благополучно пройти между Сциллой гиперсоциальности и Харибдой гиперморальности предполагает как удержание в уме родовых признаков морали (универсальность механизма, вселенская адресация, безынституциональность, особая значимость «чистоты» мотивации и т.п.), так и максимально возможный учет исторического подхода к самим этим признакам. При этом субъекту, стремящемуся реализовать такой шанс, недостаточно просто зафиксировать качественное своеобразие исторических типов нравственности вообще и «малых систем», нормативно-ценностных подсистем, так как каждый тип и каждая подсистема оказываются вместе с тем и определенным этапом в общем филогенезе морали, ее практик и языка. Нравственное развитие человечества нельзя изображать в виде механического, монотонного восхождения от одной ступени к другой, так как каждая такая ступень, несмотря на известную цикличность, обладает высоким уровнем своеобразия не только по отношению к предшествующей (однолинейность), но и с точки зрения взаимодействия со всем процессом исторического развития морального феномена в целом. Каждая ступень, каждая фаза оказываются продуктом саморазвития морального феномена, достижения им зрелости и в этом смысле восхождения его – в терминах гегелевской философии истории – «к самому себе». При более скромной лексике стоит говорить не о проявлениях телеологизма, а о движении от менее развитых структур морали, лишь начавших воплощать родовые признаки, к более развитым структурам; от сравнительно элементарных нравственных порядков, начал – к сложным, многоярусным нормативно-ценностным системам с разветвленным составом взаимодействующих подсистем.

Филогенез морали можно резюмировать в становлении сущностных свойств ее зрелости. Мы предлагаем описывать их по трем группам показателей, которые:

- характеризуют формирование универсальных моральных предписаний;
- связаны с процессом формирования способности каждого субъекта трансформировать нравственный закон в самообязующее содержание мотивов и намерений;
- с разных сторон выявляют возникновение и закрепление у такого субъекта способности к суверенному выбору и сотворческому исполнению предписаний.

Мы понимаем, что не следует категорично настаивать именно на таком «наборе» или «пакете» показателей зрелости морали – вполне возможны его расширение, последующая детализация или уплотнение, агрегация, а также иное лингвистическое изложение и переформулирование. Важно только исключить односторонние взгляды на природу морального феномена, преувеличивающие отдельные его стороны, грани, свойства то в духе гиперморальности, то в духе гиперсоциальности, принимая одни из них в качестве сертификатов «подлинности», а другие – как индикаторы неаутентичности.

Отметим также, что пока в общественном сознании не просматривается становления методологии, пригодной для анализа суперсложных систем, одной из которых без сомнения

является мораль, и приходится признавать известное равенство множества описаний и интерпретаций морального феномена, рассматривая их с точки зрения «языковых игр». Эти интерпретации обременены не столько релятивизмом или скептицизмом, как это может показаться в первом приближении, сколько постмодернистскими установками, когда утверждается не просто равенство любых теоретических описаний и объяснений морального феномена, но предлагается отказаться от стремления как-то их сравнивать, иерархизировать по принципу близости к некоей общеобязательной истине, от намерения использовать одну теоретическую модель в качестве оценочного шаблона остальных моделей. Как полагают некоторые исследователи, путь к обновлению парадигмы морали – это поиск средств мобилизации надэтических теоретических ресурсов (новая теория эволюции, концепция рождения порядка из хаоса, теории инструментальной и коммуникативной рациональности и т.п.).

Вполне вероятно предположение, согласно которому путь к пониманию двойственной природы морального феномена прокладывает идея неисчерпаемости феноменологического знания. Возможно, движение в глубь логики двойственной природы морального феномена (мораль – социальный и надсоциальный «продукт», мораль инструментальна и самоценна, мораль служит чему-то и не имеет функциональных предназначений, транспарентна и непрозрачна и т.п.) позволит открыть в первичных смыслах базовых понятий моральной аналитики более глубокие смыслы, неведомые творцам данного понятия – Аристотелю, Цицерону и многим другим его истолкователям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. С.375. Уместно лишний раз напомнить, что рожденный еще Цицероном термин «мораль» (калька с греческого «этос» – «нравы»), отмежевавшийся от довольно распространенных правовых, религиозных и эстетических значений, в его современном смысле был закреплен в европейских языках сравнительно недавно: в XVII – XVIII столетиях. Как, впрочем, и сформировалось в развитии само явление, им обозначаемое. См., напр.: Макинтайр А. После добродетели. Исследование теории морали. Екатеринбург: Академ. проект. Деловая книга, 2000. С.56-57; Апресян Р.Г. Мораль // Этика. Энциклопедический словарь. С.275-282. В советский период истории отечественной этической мысли выкристаллизовались две методологические парадигмы интерпретации природы морали, которые мы называем историко-генетической и историко-системной. Эти парадигмы представлены, соответственно, в трудах О.Г. Дробницкого и А.И. Титаренко – и в публикациях исследователей, работающих в рамках школ этих авторов.

В постсоветскую эпоху новые исследовательские парадигмы природы морали пока еще не успели сложиться. Хотя уже имеются солидные заделы, действуют многообещающие авторские коллективы в центре (под руководством А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна) и на периферии. См., напр.: Этика. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001; монографии и журнал «Ведомости», издаваемые НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, труды других вузовских центров.

² См.: Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 119-120. См. также: Качанов Ю.Л. Социальная реальность – социальное отношение – габитус – позиция // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997.

³ См.: Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс, 1987; Анчел Е. Этос и история. М.: Мысль, 1988. См. также: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография / Под ред. Г.С. Батыгина, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.

⁴ Мы отдаем себе отчет в крайней расплывчатости употребляемого здесь прилагательного. Замена слова «народная» на слово «фольклорная» или «массовая» может быть и позволила бы снизить неопределенность данного понятия, но она грозит смысловыми подменами. В самом деле, это означало бы мобилизацию выражений «элитарная», «ненародная», «антинародная» и т.п., что породило бы и терминологический произвол.

⁵ См.: Уваров П.Ю. Франция XVI века. М.: Наука, 2004.

⁶ См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С.228.

⁷ Мы не затрагиваем здесь проблему предшествования нормы и ценности (предшествования не временного, а детерминирующего порядка), которая живо интересовала теоретическую этику конца XIX – начала XX века (деонтологическая и аксиологическая школы).

⁸ Нередко моральные нормы отождествляют с заповедями Ветхого и Нового заветов. На наш взгляд, при этом совершается нечто вроде логико-лингвистической ошибки. Оба Завета лишь отчасти имеют форму моральной нормы, так как скорее являются императивностью преднормативного (и постнормативного) уровня, содержат ряд свойств обычая и, особенно, поведенческих правил народной нравственности. Требования Заветов отличаются от этих правил степенью универсализма, а друг от друга – композиционно.

⁹ Об этом специально – в последующих главах нашей монографии.

¹⁰ О природе универсализма морали см.: Апресян Р.Г. Всеобщность и универсальность // Этика. Энциклопедический словарь. С.78-80.

¹¹ Если нравственные отношения традиционного социума базировались, так сказать, на «естественной морали», то в «открытом обществе» складывается рациональная мораль. О ее природе речь пойдет в главе 5.

Моральный выбор

2.1. Предпосылки, которые нас выбирают

Начнем с повторения тезиса, открывающего главу 1 (согласно которому стремление понять природу зрелой морали – условие адекватного понимания природы прикладной этики), чтобы добавить его продолжение: стремление понять природу зрелой морали в свою очередь предполагает адекватное понимание ее *универсальной структуры*, «первоклеточки» – морального выбора.

В природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики¹. Прежде всего потому, что прикладная этика в не меньшей мере, чем этика общая, универсальная, и т.д., *предполагает* свободу выбора субъекта, возможность выбирать, способность выбирать и субъекта, которому можно *доверить выбор*. Выбор мировоззренческого масштаба и выбор поступка. Доверить *риск* морального выбора и ответственность за его последствия. Поэтому, обращаясь к характеристике феномена морального выбора, мы имеем в виду не просто «еще одну» – в дополнение к характеристике морального феномена, – но столь же *сущностную* предпосылку, так как ситуация выбора – универсальная структура *приложения*.

Приложения как предпочтения принявшим саму моральность субъектом в пользу одной из систем ценностей в масштабе общества. Приложения как процесса конкретизации морали: через изобретение обществом «малых систем», конкретизированной («прикладной») нормы и т.д. Приложения как нормоприменения в конкретной ситуации (и не только в ситуациях, характерных для обычных «малых систем», но и в ситуациях своеобразной «малой системы» – частной жизни, жизненного пути, межличностных отношений и т.п.). Приложения как процедуры морального решения. В том числе в ситуациях нравственного конфликта. Приложения как способа применения этического знания в моральной практике через проектную ориентацию знания, через «технологический» – моделирующий, экспертирующий, проектирующий и т.п. потенциал этико-прикладных исследований и разработок, через фронестическую способность субъекта. И в любом случае: приложения как акта *морального творчества*.

Задача этой главы – описать феномен морального выбора. Способ решения задачи – характеристика *общего* и *особенного* между актом свободного выбора как клеточки целеустремленной человеческой деятельности – и «моральным измерением» этого акта человеческой свободы. Трудность решения задачи – в самой процедуре «морального измерения» ситуации выбора. Сверхзадача – показать эту процедуру как предпосылку *конкретизации* морального феномена и, тем самым, «прикладной потенциал» феномена морального выбора.

Наша концепция представлена здесь в процессе развертывания определенного *алгоритма идентификации* морального выбора. Основные этапы алгоритма: эскизная характеристика ситуации *перепутья* – конкретизация универсальной метафоры как способ идентификации морального выбора в его соотношении с ситуацией выбора как структуры целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности и структурирование основных ситуаций морального выбора (выбор в пользу моральности, решение следовать моральным требованиям; выбор одной из систем ценностей; выбор в рамках принятой моральной системы, моральное решение в конкретной ситуации); – конкретизация природы морального выбора через характеристику особенностей нравственно-конфликтных ситуаций; – попытка наметить основные этапы социо-культурной динамики ситуаций морального выбора.

2.2. Ситуация морального выбора: эскиз

ЗНАКОМАЯ чуть ли не каждому из нас с детства картина Васнецова «Витязь». «Направо пойдешь – ..., налево пойдешь – ..., прямо – ...», – читает герой на придорожном камне. Уже поэтому может показаться, что *выбор* – слово, не нуждающееся в комментариях: в нем – узнаваемость сказочного сюжета о перекрестке дорог и добром молодце, который выбирает один из возможных вариантов поступка и принимает решение

для себя и для всех нас, приобщающихся через народную мудрость к опыту человечества.

Выбирает для всех нас? Не забудем: в реальной практике совсем не редки ситуации, в которых субъект *не видит* перекрестка, *не узнает* перепутья.

«Не видит», «не узнает», «проходит мимо» из-за возрастной неразвитости нравственного чувства? С этим проще: вряд ли случайно в современной российской школе появляется экспериментальный 17-часовой курс «Мой выбор» для учащихся 8-х классов с пакетом разработанных под эгидой учебно-методического центра образовательной программы «Мой выбор» пособий для учителей и школьников. В основе содержания курса, акцентирующего его *прикладной* характер («ориентация на освоение учащимися новых социальных ролей, подчинение содержания общей идеи социализации личности»), – алгоритм: «Я свободный человек» – «У меня как у свободного человека есть право выбора» – «Я имею право знать все имеющиеся варианты выбора» – «Я могу сделать верный выбор, опираясь на детальное знание каждого варианта» – «Я самостоятельно сделаю свой выбор» – «Я несу личную ответственность за свой выбор». Панорама «приложения»: «Я среди людей», «Моя семья», «Мой выбор – моя малая родина», «Мое здоровье», «Я и политика», «Я и СМИ», «Я и закон». Формат эскиза заставляет нас ограничиться здесь риторическим вопросом «все ли может школа?».

А если «не видит», «не узнает», «проходит мимо» потому, что *не хочет* видеть и намеренно «закрывает глаза», «крепко зажмуривается» из-за неразвитости или атрофии нравственного чувства, приобретающей масштаб социальной болезни (отдельная тема – субъект *избегает* выбора, уклоняется от него по целому ряду причин психологического свойства.) Так «не обремененные» проблемой морального выбора чиновники и политики выдвигают инициативы, противоречащие Конституции: ради надежды на карьеру много чего можно оставить без внимания. Или педагоги, привыкшие отстаивать право своего выбора – чему и как учить детей – и не рискующие предоставить этот выбор самим ученикам? Или «широкие массы»? Так, комментируя телефильм «В круге первом», лейтмотив которого выражается одним словом «выбор»: «Герои Солженицына и Панфилова заняты им как главным в жизни. И некоторые из них на наших глазах делают выбор, вовсе, казалось бы, непереносимый», М.Чудакова отмечает появление *поветрия*, которое «охлестнуло не менее чем полстраны». «Нет, это точно не умозрение – поскольку укладывается ровно в три, пожалуй, фразы: “Ничего этого не было, никого зазря не убивали, а написать что хочешь можно!”, “Сталин – великий человек! Благодаря ему мы войну выиграли!”, “Хватит ковырять советское время – это наша история!”. И вот история России в очередной раз играет с Александром Исаевичем такую штуку, что снова его сочинение становится проверкой России, прямо сказать, на вшивость. И это еще после вышеприведенных ходячих реплик не очень грубо сказано».

Тем не менее, даже конкретные сюжеты, свидетельствующие о распространенности ситуаций, в которых субъект *не видит* перекрестка, намеренно «закрывает глаза», или из-за неразвитости нравственного чувства, не опровергают эвристичности древнейшей модели выбора, в которой «схвачена» очевидная суть человеческой свободы: возможность поступать так или иначе и необходимость самоопределения, принятия решения и совершения поступка. При этом в динамичных условиях современности акт выбора обретает новые предметы, его совершают новые субъекты, выбор несет и новые смыслы, приобретает особую значимость, предъявляет высокие требования к нравственной позиции субъекта, ее ценностной направленности, активности и действенности.

ПРОСТОЕ сравнение сюжетов и моделей в разделе о моральном выборе из массового отечественного учебника по этике двадцатилетней давности с сюжетами наших дней дает наглядную иллюстрацию как тезису об узнаваемости сказочного сюжета, так и тезису о динамике ситуаций выбора. (Кстати, сама постановка темы «Моральный выбор» звучала в те годы по-новому, даже дерзко. Ведь система социализма, который во многом был неотрадиционализмом, нормировала все, что возможно².)

Время состарило многие из сюжетов о моральном выборе из того времени. И ситуацию из сферы публичной жизни: выступить на партийном собрании против секретаря, рискуя собственным благополучием, или промолчать, а то и поддержать его в надежде на ускоренное продвижение по службе? И ситуацию из сферы частной жизни: бесконечно склеивать не сложившиеся супружеские отношения ради блага детей и принятых в

обществе моральных требований – или решиться на создание новой семьи, непременно заслужив нравственное осуждение и руководящих инстанций, и окружающих? И еще одну из представленных в том учебнике ситуаций из публичной жизни: внутривнутрипартийную дискуссию по поводу Брестского мира, борьбу позиции «Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует» Л. Троцкого с позицией В.И. Ленина «пусть знает всякий: кто против немедленного мира, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть». И производственный конфликт, переживаемый героями пьесы Александра Гельмана: брать бригаде премию или не брать? И растерянность новоиспеченного инженера, попавшего после распределения на завод, возмущившегося хозяйственным беспорядком, поднявшего свой голос – и... не нашедшего поддержки в трудовом коллективе: может быть конформизм мудрее активного вмешательства?

Однако некоторые из ситуаций учебника прошлых лет вполне актуальны и для новых обстоятельств. Изменение обстоятельств – отмена парткомов – не отменило выбора в сфере частной жизни: уйти из фактически распавшейся семьи ради нового счастья или попытаться сохранить ее ради счастья детей? И в сфере публичной: поддаться соблазну нечестного заработка или предпочесть честную скромность дохода? А разве устарела ситуация «жизнь на время», сформулированная литературным персонажем: «во что время вложишь, то и получишь: вложишь время в друзей – не будешь одинок, в карьеру – преуспеешь, в здоровье – долго проживешь... А если все это трудно совмещается – что предпочесть?». Не устарели сегодня и жизненные уроки, которые мы извлекаем из представленных в учебнике двадцатилетней давности классических альтернатив морального выбора, известных из истории философии, произведений искусства, передающихся по житейским каналам преемственности нравственного опыта человечества: выбор Понтия Пилата – принять определенное решение или, делегировав его другим, «умыть руки»; альтернатива Сократа – спасать жизнь или достоинство; «быть или не быть» Гамлета и др.

Но время приносит (правда, иногда и снова «уносит») и новые ситуации: альтернативные выборы (если у избирателя сохраняется возможность реального сравнения и предпочтения; если он не «бежит от свободы») и не стремится избавиться от самой альтернативности выборов, искренне благодаря тех, кто освободит его от бремени самостоятельного выбора). Или выбор самой театральной публикой МХАТа двух версий пьесы М. Павича «Вечность и еще один день»: мужской и женской. Зритель, пришедший в театр, сам выбирает, что именно он будет смотреть, голосуя жетонами за ту или иную версию («О варианте, когда “мужских” и “женских” жетонов окажется поровну, в театре пока стараются не думать», – замечает газетный обозреватель). Или проблему для российских школьников и студентов в учебе за рубежом: надо самому выбирать себе классы, набирать предметы для изучения – даже при участии тьютора это не ситуация, к которой приучает отечественная школа: «в первом классе поставили на рельсы, по ним и катишься, ни повернуть. Ни ускориться, ни остановиться там, где нравится».

ДРУГИЕ сюжеты? Не составляет особого труда выстраивание целого ряда ситуаций. * Остаться в телекомпании, вынужденно, в том числе из-за политического давления, сменившей свое руководство (и тем самым смириться с навязанным решением), – или уйти с высоко поднятой головой? * Выбор для родителей: предпочесть школу традиционного типа, которая нередко навязывает ученику ту или иную стратегию развития в искренней уверенности, что только по определенному этой школой сценарию и должна развиваться личность, – или «школу самоопределения», которая дает возможность выбора стратегии образования и ученику, и учителю? * Ситуация выбора для всей отечественной системы образования: сохранение прежней ценностной «системы интеллектуальной дрессуры» – или вариативное развивающее образование, в результате которого человек становится «мастером выбора в непредвиденных ситуациях»? Здесь и выбор для общества: какую из нормативно-ценностных систем оно предпочтет – «культуру пользы» или «культуру достоинства»?

Свободнее, но и ответственнее, стал индивидуальный выбор. * «Служение в профессии» – или «жизнь за счет профессии»? * Принцип безудержной и завистливой конкуренции с другим – или соревнование «с самим собой вчерашним»? * Сориентировать себя на традиционную, стандартную, биографию – или предпочесть решение строить биографию рефлексивную, нестандартную? * А острейшие ситуации, породившие бум био-

этики? И это ситуации выбора не только для индивида и профессионального сообщества, но и общества в целом.

Заметим, что субъект ситуации выбора в советскую эпоху – это прежде всего индивид. И не случайно: общество, казалось, сделало *социалистический выбор* навечно. И профессиональные группы – вместе с ним. Только со времен перестройки встала проблема выбора в масштабе всего общества. Общество стало новым субъектом выбора: «Витязь по имени Россия», размышляющий о том, какое направление изберет общественно-государство. И вот уже два десятка лет подряд для журналов и газет – и для исследовательских публикаций – характерны заголовки типа «Куда идти России?». О чем они? О *жизненном пути для целой страны* (ведь можно проектировать не только индивидуальную биографию, но и, не обязательно намеренно, биографию своей страны), о выборе, субъектом которого является общество. Цивилизационный выбор: «западный», «восточный», «особый» путь? Действительно, трансформационные процессы нашего общества сегодня более, чем в другие времена, формируют ситуацию дороги со все чаще и все неожиданнее открывающимися развилками, требующими понимания и самоопределения. Опознает ли общество очередное перепутье, оценит ли адекватно его значимость и, тем самым, не упустит ли шанс повлиять на обстоятельства таким образом, чтобы «поставить парус» и «поймать ветер»?

Как видим, все сюжеты объединяет инвариант, которым является ситуация выбора, возможности и необходимости выбора. Выбора как универсальной структуры свободной человеческой деятельности, «клеточки» целеустремленной активности личности в мире Духа и мире Действия. И практически во всех (?) сюжетах – выбора как универсальной структуры *нравственной жизни*. *Морального* выбора.

2.3. Ситуация морального выбора: идентификация

Мы не случайно начали предшествующий параграф с традиционного для наших работ обращения к ситуации сказочного витязя, оказавшегося на перекрестке трех дорог: *перепутье* – универсальная метафора. И именно потому требующая конкретизации. Конкретизации как способа идентификации морального выбора.

2.3.1. «Перепутье»: контексты, значения, подходы

ТОЛЬКО кажется, что выбор – *извечное* свойство морального феномена. Да, древнейший сюжет о перепутье свидетельствует о том, что акт выбора стар почти так же, как и моральный феномен. Но именно *почти*, ибо, как мы уже показали в первой главе, на ранних ступенях становления морального феномена сам факт стремления человека к выбору воспринимался как покушение на незыблемость канонов. Не случайно по-гречески «выбор» – это *хейрос*, от которого произошло более позднее понятие «ересь».

В то же время, как мы уже отметили выше, в динамичных условиях современности расширяется возможность выбора, свобода выбора проявляется в новых сферах человеческой деятельности. И этот признак отличает современное общество не просто по критерию «советское – постсоветское», и не только по цивилизационным характеристикам. Если бы можно было ограничиться лишь этими двумя критериями, мы, в лучшем случае, просто добавили бы здесь к приведенным в эскизе темы сюжетам *новых* ситуаций выбора еще одну ситуацию – из жизни профессионала в сфере характерного для времен информационного общества вида деятельности. Специалист по программному обеспечению (ПО) рефлексировал ситуацию выбора, в которую он был вовлечен в связи с новыми правилами игры в его профессиональном – *хакерском* сообществе. «С распадом моего общества вести прежний образ жизни стало невозможно. Я столкнулся с проблемой морального выбора. Самое простое решение – присоединиться к миру собственнического ПО, подписывая соглашения о неразглашении и обещая отказаться в помощи своим коллегам-хакерам. Скорее всего, я бы создавал программы, которые распространялись бы в соответствии с соглашениями о неразглашении, вынуждая других людей предательски поступать по отношению к своим коллегам. Так я смог бы зарабатывать деньги и, возможно, писать программы в свое удовольствие. Но я знал, что в конце карьеры, оглянувшись на пройденный путь и поняв, что многие годы я строил стены, разделявшие людей, я бы осознал, что потратил свою жизнь на то, чтобы этот мир стал хуже, чем был. ... Был еще один выход – прямой, но неприятный. Оставить программирование. В этом случае я

не смог бы употребить свои знания и опыт во зло, но тогда они пошли бы прахом. Никто не смог бы обвинить меня в том, что я служу разделению общества и способствую ограничению прав пользователей, но это бы происходило все равно, пусть и без моего участия». А завершает автор свои размышления так: «Позже я услышал слова, приписываемые Хиллеу: “Если я не живу для себя, то кто будет жить для меня? Если я живу только для себя, кто я такой? Если не теперь, то когда?”». Как видим, и в информационном обществе никуда не делось вечное перепутье морального выбора.

Или обратились бы к еще одному сравнению ситуаций наших дней с советским временем. В одном из интервью журналист А. Венедиктов, сравнивая свое поколение и поколение постсоветское, сказал: «У нас не было выбора, наша жизнь катилась по колее. ...Ты не выбираешь, а за тебя выбирают другие, или есть колея и жизнь идет и идет. Окончил институт, пошел преподавать в школу, и так – 20 лет. А у них возникла тяжелая ситуация, поскольку возможностей больше, выбор больше. ...Они поставлены в ситуацию каждодневного выбора: с кем жить – с родителями или отдельно, здесь или в другой стране. Поди отними у них этот выбор». Кстати, уместно сбалансировать эту оптимистическую оценку скептическим наблюдением публициста за реалиями отечественной ситуации: «на первых порах постсоветская реальность заставляла или, по крайней мере, давала шанс делать сотни, тысячи мелких “выборов”, – писал колумнист “Известий” С. Новопрудский. – Теперь количество этих самых “выборов” резко уменьшается».

Но нам важен еще один критерий оценки современной ситуации: выбор становится *атрибутивным* признаком существования человека и общества, *способом их существования*. (И потому, как будет показано в главе 6, способом существования прикладной этики.) Именно этот критерий важен и для понимания ситуации первого персонажа – профессионала времен информационного общества, и для ситуации, подчеркивающей сравнительную особенность жизни постсоветского поколения. Для этого критерия характерна метафора А. Венедиктова: «Собственно, эта ситуация их формирует. ...Они в этом, как человек-амфибия в воде, они там живут. А нам для этого надо надевать ласты, маску, баллоны с кислородом».

КОНКРЕТИЗАЦИЯ универсальной метафоры «перепутья» предполагает сравнительную характеристику признаков ситуаций *внеморального, параморального и собственно морального выбора*. Надеюсь, что читатель еще не забыл эскиз темы, которым открылась эта глава – панораму разноплановых ситуаций морального выбора, – продолжим эскиз, теперь уже разделяя *контексты*, в которых употребляются слова «выбор» и «моральный выбор».

* Начнем с поиска, в котором велик элемент случайности – в Сети, – и посмотрим, в каких контекстах и значениях употребляется слово «выбор». В течение двадцати минут поиск в системе Google при запросе на слово «выбор» показал следующие сюжеты: Кадровое агентство «Выбор» оказывает услуги по подбору персонала; Заявление комитета «2008: Свободный выбор»; Сергей Лукьяненко. Выбор; Газета «Ваш выбор – вся Самара»; ПРОФОРИЕНТАЦИЯ, помощь в выборе профессии на основе индивидуального гороскопа; Мой Выбор! Мелодии телефонов, реалтоны, рингтоны, полифония, java игры, мобильные; Выбор хостинга; Выбор ноутбука по заданным параметрам; Мир полезных советов и занимательной информации обо всем и для каждого: если есть сомнения в выборе чего-либо, независимо от того, мужчина Вы или женщина, домохозяйка или автомобилист, мы подскажем Вам правильное решение. Мы не учим Вас жить, а делимся таким необходимым опытом бесплатно! И как выбрать или какой лучше купить товар с нашими полезными советами больше не будет для Вас проблемой! Каталог ссылок сайта «Твоя свобода» с разделами «Бизнес и экономика», «Наука и образование», «Дом и семья», «Общество и политика», «Интернет», «Работа и карьера», «Транспорт», «Медицина и здоровье», «СМИ и новости»...

* Продолжим поиск с большим элементом случайности – в Сети – и посмотрим, в каких контекстах и значениях здесь употребляются слова «моральный выбор». В течение двадцати минут поиск в системе Google показал множество сюжетов. Фрагмент репортажа: «Главный куратор Форума Георгий Никич объявил тему XI Московского международного форума художественных инициатив 2006 года – “ВЫБОР”. ...Главное – это моральный аспект, ведь масштаб выбора может быть самый разный: от предпочтений в еде или марке машины до определения философских, религиозных или политических убеждений;

от личного выбора до выбора корпорации, сообщества, народа, континента». Фрагмент статьи об этике паллиативной помощи: «Выбор моральных решений часто очень труден и важен, следовало бы продумать пути обеспечения мудрости и благоразумия решений». Фрагмент «Этического кодекса Управления тюрем и исправительных учреждений» Израила: «Тюремный смотритель понимает свою личную ответственность за моральный выбор между добром и злом». Фрагмент «Декларации-2000». Заявление инициативной группы «Нет»: «Голосование "против всех" – это не только моральный выбор, но и реальная возможность прекратить игру в демократию, заставить и народ, и власть задуматься о строительстве новых отношений, основанных на подчинённости государства гражданскому обществу». И фрагмент полемики Д. Якушева, обозревателя Лефт.ру, с Б. Кагарлицким, автором статьи в «Новой газете» о бойкоте выборов: «Почему они не пошли на выборы? ...Они – это 2-3% сказочно обогатившихся в 90-е годы и их интеллектуальная, идеологическая и прочая обслуга. Естественно, по старой хорошей традиции свою злобу и подлость идеологи бойкота завернули в моральный выбор и даже нравственный подвиг». Фрагмент газетной статьи: «Люди, проживающие за рубежом, должны сами определиться со своей родиной, самоидентифицироваться, т.е. сделать моральный выбор». Фрагмент из работы Ф. Фукуямы, у которого неизбежные в ближайшем будущем достижения науки вызывают серьезные опасения: «Это прогресс весьма и весьма сомнительного свойства, поскольку он бросает вызов как равенству среди людей, так и необходимости для них делать моральный выбор». Фрагмент из Информационно-аналитического бюллетеня «Открытое общество»: «Поиск национально-государственной идеологии – это не только политический, но и моральный выбор. Гораздо проще говорить народу то, что он хочет слышать. Идти за ним легче, чем вести его за собой». Фрагмент заявления по поводу Постановления мэра Москвы Ю. Лужкова о выдворении за пределы России иностранцев с несовершеннолетними детьми, занимающихся в столице бродяжничеством и попрошайничеством: «Правозащитники не считают попрошайничество преступлением. "Если люди не подают в метро детям, считая их какой-то мафией – это их моральный выбор, но высылать детей – это преступление, – сообщил Ихлов, – когда дети попрошайничают – это болезнь общества"».

СТРЕМЯСЬ усложнить анализ, наряду с расставленными выше акцентами на *динамику* ситуаций морального выбора и на контексты, в которых употребляются слова «выбор» и «моральный выбор», попытаемся идентифицировать эти универсальные структуры целеустремленной человеческой деятельности в целом – нравственной деятельности в том числе и особенно, – обращая внимание на *подходы*, применяемые экспертами (кибернетиками, социологами, психологами, юристами, этиками...), исследующими ситуацию выбора под свойственным их специализации углом зрения. С этой целью перейдем к поиску с меньшим элементом случайности – к анализу материалов, систематически подбираемых нами в процессе исследования проблемы выбора.

Рассуждение специалиста по *праксиологии* – науке «о хорошей работе»: «Нам только что встретилось понятие “выбор”. Понятие, несомненно, праксиологическое. В чем же его суть? Что значит выражение “кто-то выбрал то-то и то-то”? Пожалуй, это означает, что кто-то: 1) предположил (а в отдельном случае посчитал, правильно или неправильно), что можно сделать то и можно сделать что-то иное; 2) сравнил первое и второе; 3) умышленно сделал так, чтобы было одно из двух, и умышленно сделал так, чтобы не было другого (в одном случае сделал это успешно, в другом – пошел за тем, что считал лучшим; а могут возникать, и обычно возникают, оба этих частных случая вместе). Ясно, что сравниваемых вероятностей может быть много» (Т. Котарбинский). Здесь выбор предстает как четкая рациональная процедура по строгим критериям целесообразности (мы еще вернемся к этому подходу в главе 6).

Весьма близок к праксиологическому подход специалиста по *теории принятия решений*. Обращаясь к читателям популярного журнала, автор показывает, что повседневное занятие, массовое занятие людей за всей своей очевидностью – именно вследствие такой очевидности и будничности – содержит в себе проблему выбора и принятия решения. «Делом, о котором мы поведем разговор, ежедневно занимаются миллионы людей самых разных специальностей, независимо от возраста, пола и общественного положения. Дело массовое? Стало быть, простое, нехитрое? Да нет... Удастся оно далеко не каждому. Речь идет о принятии решений, о том, что мы имеем в виду, говоря: “Семь

раз отмерь, один – отрежь”. Начинать ли сев завтра или послезавтра? По какой дороге везти груз? Оперировать ли больного? Какой принять режим обработки металла? Агроному и шоферу, врачу и инженеру – всем постоянно приходится избирать из многих возможных наилучший образ действий, то есть решать. Ну а для тех, у кого название должности начинается с “нач.” или “зав.”, решения – основной вид “продукции”. Умение отрезать после серии отмеров – это “хлеб” руководителя любого ранга, будь то директор завода-гиганта или капитан школьной футбольной команды. “Спрос” на мудрые решения возникает буквально на каждом шагу, большом или малом, и не только на производстве. Выходить ли за этого человека замуж? Бежать ли из театра домой, если кажется, что забыл выключить утюг? Лететь ли в отпуск самолетом? Все эти вопросы требуют ответа. Правда, существует довольно обширная категория людей, которые умудряются никогда и ничего не решать. Но ведь отсутствие решения – это... тоже решение, решение бездействовать» (В. Абчук).

Вчитаемся в анкету, разработанную *социальным психологом*, и попытаемся увидеть смысл вопросов, далеких, казалось бы, от обсуждаемой нами проблемы. «1. Что вам дается труднее всего в процессе ожидания решения, которое зависит не от вас? 2. Кто из героев литературы приключенческой и литературы большой лучше всего, на ваш взгляд, принимал решения? 3. Вам предстоит путешествие в малоисследованные области Южной Америки. Кого бы вы взяли себе в спутники: д’Артаньяна, Болконского, Пьера Безухова, Сильвера или Жюльена Сореля? 4. Что бы вы стали делать на необитаемом острове, если бы оказались там с Плюшкиным, Собакевичем, Хлестаковым? С кем бы из них предпочли остаться? 5. Если бы вам довелось проходить испытания в сурдокамере, кого бы вы взяли себе в компанию? Назовите литературный образ, разделять одиночество с которым для вас предпочтительнее. Может быть, вы захотите проходить испытания в одиночестве?» (Г. Башкирова). Вчитавшись внимательно, обнаруживаем, что автор за всеми вопросами видит ситуацию выбора отношения человека к человеку, будь то «выбор оценки того или иного человека; выбор контакта; выбор степени откровенности в общении с другими людьми; выбор места в определенной группе людей, в обществе; выбор-предпочтение, как лучше себя вести: быть всегда на виду или в тени».

Наберемся терпения и воздержимся от комментариев к «тотальной» интерпретации человеческой деятельности как перманентного акта решения. Здесь нам важнее продолжить обзор возможных подходов к ситуации выбора и их потенциала для идентификации выбора *морального*.

Психолог рассматривает ситуацию выбора как борьбу мотивов в сознании человека. «Главная проблематичность и устремленность внутренне сложной жизни состоит в том, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать психологический “орган” овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные отношения в целостность индивидуальной жизни. Этот “орган” не что иное, как ценностное сознание, ибо *ценность – единственная мера сопоставления мотивов*. Выбор теряет свою трагическую напряженность, потому что вся жизненная энергия и весь жизненный смысл фиксируются в ценности, и в ее свете становится хорошо видна подлинная направленность того или другого намерения, легко определима его “цена”, и властью ценности относительно легко может быть отказано неподходящему намерению» (Ф.Е.Василюк).

Социолог размышляет о профессиональном самоопределении молодого человека и смысле, который имеет в жизни этого человека выбор профессии. «Первый выбор – начало пути. К делу своей жизни человек идет до конца дней своих, все полнее самоосуществляясь, все глубже осознавая себя в этом мире. “Экономический человек” просто трудоустраивается, то есть готов на любую работу, лишь бы добыть кусок хлеба. “Человек социальный” – выбирает профессию. “Человек духовный” – ищет смысл жизни. Такие этапы, такие слои угадываются за проблемой выбора. Просто человек – один в трех лицах. И каждый шаг его тройной. И ответственность тройная» (В. Шубкин). Заметим, что социолог не просто предлагает свою классификацию этапов, типов выбора. С этим сюжетом мы все больше приближаемся к нашей задаче идентификации ситуации выбора в *моральном измерении*.

Демограф, характеризуя панораму проблем выбора, выделяет этические аспекты выбора в сфере семейной жизни. «Как сделать выбор? Проблема эта тем сложнее, чем

сильнее этическая окраска принимаемого решения. Выбор профессии – пример почти технической задачи, ее “этическая составляющая” сравнительно невелика. Но вот, скажем, решения, принимаемые в сфере семейной жизни, могут приобретать очень сильное этическое звучание. Брак по любви или расчету? Рождение ребенка со всеми вытекающими отсюда обязанностями или отказ от детей во имя сохранения свободы, пусть и самым лучшим образом используемой, предположим, для духовного, творческого роста? Развод и вступление в новый, желанный брак или сохранение старой семьи во имя детей, во имя прошлых, хотя и угасших чувств?» (А. Вишневский). Отвлекаясь от внутренней полемичности этого сюжета с предыдущим в оценке нравственной значимости выбора профессии (у первого – это «выбор социальный», у второго – «пример почти технической задачи»), зафиксируем внимание на таких выражениях автора, как «*этическая окраска*», «*этическая составляющая*», «*этическое звучание*».

Нам уже пора прервать обзор контекстов, значений и подходов к проблеме выбора. Разумеется, «запас» сюжетов-подходов далеко не исчерпан. В «резерве» – этически проблематизируемые парадоксы выбора в сфере потребления. И исторические исследования развилки на пути России. И т.д. Но пришло время анализа: вряд ли кто поверит, что подборка сюжетов для обзора случайна. *Случайность* эту, если она таковой покажется, мы сами организовали.

Мы ВПОЛНЕ осознаем, что при первом впечатлении приведенные выше сюжеты и рассуждения не могут не породить ощущение разнородности, разноплановости ситуаций выбора, многообразия критериев, позиций, подходов. Да и наши краткие реплики к каждому сюжету настраивали скорее на то, чтобы обнаружить *различие* в ситуациях выбора. Действительно, вспомним метафоры поэта: «вопросы-громады» и «вопросы-карлики», «вопросы-океаны» и «вопросы-капли». Как навести в этом многообразии определенный порядок, как-то классифицировать ситуации?

Прежде всего, обнаружив в этом многообразии *схожесть*, повторяемость. В чем же она? С одной стороны, во всех случаях мы видим ситуацию выбора как инвариантную структуру человеческой деятельности, деятельности *целеустремленной и целесообразной*. Речь идет о достаточно очевидной идее: акт свободного выбора – ситуация содержит несколько возможностей и разрешается предпочтением субъекта в пользу одного из вариантов – как универсальная структура целеустремленного поведения субъекта является существенной чертой человеческой деятельности как таковой. Вероятно, не зря говорят, что жизнедеятельность каждого человека можно представить как перманентный и тотальный выбор, начинающийся с ситуации младенческого возраста, когда, по утверждению специалистов-психологов, 5-месячный ребенок проявляет избирательную потребность в общении.

При этом понятие «выбор» организует целое «гнездо» связанных с ним категорий: целеустремленная деятельность; возможность выбора; искания и обретения; свобода и ответственность; неопределенность и риск; намерение и результат; цель и средства; принятие решения и его исполнение; рациональность и гуманность и т.д. Универсальность выбора как структуры целеустремленного поведения субъекта проявляется в том, что понятием «выбор» пользуются разные направления человеческого знания: кибернетика и теория игр, математика и экономика, политология и социология, психология и маркетинг, педагогика и, разумеется (?), этика.

Предпринятый нами обзор выстроенных в ряд ситуаций призван показать, что и для ситуаций *морального выбора* общая структура ситуации выбора в целеустремленной деятельности субъекта *несомненно атрибутивна*. И тем самым подчеркнуть: внимание к этой универсальной структуре – важнейшее условие идентификации морального выбора.

С другой стороны, схожесть и даже повторяемость сюжетов из нашего эскиза заключается в том, что, хотя того авторы приведенных суждений или нет, осознано это ими или не осознано, но практически во всех описаниях ситуациях выбора содержится, явно или скрыто, *нравственный аспект*. Выбор профессии, спутника жизни, жизненной позиции, конкретного решения... Выбор политического решения. Выбор стратегии развития общества. Выбор миссии профессиональной корпорации... За каждым из этих актов, этапов, моментов человеческой деятельности стоит и *моральная* проблема, открывающая их смысл, нравственную значимость, нравственную конфликтность. Практически во всех случаях мы видели рассуждения – прямо или косвенно – о вечном перепутье, о неизбеж-

ности акта самоопределения, необходимости решиться на выбор, о всегда новой в изменчивых условиях сложности столкновения альтернативных вариантов.

Разумеется, идентификация ситуаций морального выбора не может быть сведена к выявлению их *схожести* с ситуациями выбора как универсальной структуры целеустремленной человеческой деятельности. Один из аргументов в пользу такого ограничения заключается в том, что в ситуации морального выбора по-особому стоит проблема *целесообразности* решения. Характерна в этом плане известная проблематизация ситуации выбора в сфере медицины: трудность выбора врачом определенной медицинской технологии при ограниченности возможностей, их недоступности для всех. Отдать ли приоритет в использовании *ограниченных* медицинских средств людям пожилого возраста или тем, кто способен «приносить пользу обществу»?

Русский язык богат. И потому один из шагов идентификации особенности *морального* выбора – сравнение двух смыслов употребления слова *перепутье*. В одном случае речь идет буквально о перекрестке дорог, предполагающем принятие решения о направлении дальнейшего движения. Для характеристики решения на такого рода перепутье значимы наличие нескольких альтернативных маршрутов, необходимость их сравнения по определенным критериям, принятие решения о предпочтении одному из них, исполнение решения – с соблюдением «правил дорожного движения». В другом случае – сказочное перепутье, предполагающее практически такой же алгоритм выбора, как и в первом случае, но с символическим содержанием последствий предпочтения каждой из трех дорог, смысловой нагруженностью любого решения, необходимостью соотнесения каждого из вариантов с ценностными ориентирами.

2.3.2. Алгоритм идентификации

ПРОЦЕДУРА конкретизации универсальной метафоры *перепутья* предполагает попытку *упорядочивания, систематизации* кажущегося хаоса всего набора ситуаций и альтернатив, «хаоса», с помощью которого мы пытались дать эскизное представление о феномене морального выбора.

Помня о том, что идентификация ситуаций морального выбора не может быть сведена к выявлению их *схожести* с ситуациями выбора как универсальной структуры целеустремленной человеческой деятельности, и тем самым об объективном пределе эффективности идентификации морального выбора с помощью анализа *общего* между ситуацией морального выбора и ситуацией выбора как универсальной структурой целеустремленной человеческой деятельности, попытаемся алгоритмизировать процедуру систематизации.

Беспредельная разнородность, разноплановость ситуаций? Но стоит лишь отказаться от тезиса, что *выбор* – «слово, не нуждающееся в комментариях», и принять тезис о том, что это весьма строгое понятие, сразу появится возможность идентифицировать ситуации выбора по ряду систематизирующих критериев: предмет выбора, субъект выбора, масштаб и значимость ситуации, степень творчества/стереотипности решения.

* Шаг 1 алгоритма идентификации ситуации выбора предполагает характеристику *предмета* выбора. Как видно уже из открывающего главу эскиза, предметное поле выбора может структурировано в соответствии с множеством видов человеческой деятельности и ситуативного содержания каждого из этих видов. Область профессиональной деятельности, гражданская позиция, образ жизни, потребительское поведение, образовательная стратегия... Выбор из кандидатов в депутаты. Выбор отношения к носителям разных культурно-нравственных систем, идеологических концепций. «Служение в профессии» или «жизнь за счет профессии»? Выбор решения в профессиональной ситуации. С кем пойти в разведку? Кого взять с собой в путешествие?... Типологизация предмета выбора может быть иной: одну из них мы видели в упомянутой выше панораме «приложения» программы школьного курса «Мой выбор»: «Я среди людей», «Моя семья», «Мой выбор – моя малая родина», «Мое здоровье», «Я и политика», «Я и СМИ», «Я и закон». Еще вариант находим в интервью с одним из участников проведенного нами экспертного опроса среди журналистов, С. Бунтманом: «Между чем и чем человек выбирает в ситуации морального выбора? Что является предметом выбора? Выбор преобладающего фактора. Выбор выхода из сложной ситуации – при этом очень важно ее определить именно как сложную. Осознание самого наличия морального выбора, ибо неосознание того, что

этот выбор именно моральный, – очень серьезное заблуждение. Иногда выбор наименьшего зла. Выбор некоего ориентира, т.е. во имя чего мы делаем то-то или то-то: не ради ли своей прихоти, своего сиюминутного желания – таким бывает моральный выбор, который мы делаем в состоянии аффекта».

* Шаг 2: *Субъект* выбора. Индивид: родители и менеджеры, полководцы и политики, учителя и журналисты, программисты и врачи...Люди разных социальных ролей и в разных сферах жизни, производственной и непроизводственной, частной и публичной. Каждый из них вовлекается в ситуацию выбора, должен принять решение, совершить то или иное действие, а часто – подвергнуть его суду своей совести.

Сначала обратимся к сюжету об индивиде. Профессия вовлекла его после закрытия газеты в ситуацию выбора. «Я работал в газете “Сегодня”, газета закрылась по независящим от меня и, как говорится, независящим от редакции обстоятельствам. А рядом с нами работали журналисты “Итогов”. ...Весь прежний коллектив “Итогов” как один ушел на улицу, а меня очень активно вербуют работать в этом журнале, причем вербуют не какие-нибудь подозрительные кагэбэшники, а мои бывшие коллеги, которые работали в газете “Сегодня”, с которыми у меня очень неплохие личные отношения и которые сейчас перешли в “Итоги”. Вот вам классическая ситуация морального выбора. Казалось бы, что здесь такого – взял и пошел? Но ...что значит “просто взял и пошел”? Пошел на место, которое до тебя занимали твои идейные единомышленники? Пошел вопреки общественному мнению? Ведь те, кто раньше работали у Гусинского в тех же самых “Итогах” и “Сегодня”, называют тех, кто перешел из газеты “Сегодня” в новые “Итоги”, штрейкбрехерами, предателями, коллаборационистами и прочее. Вот потому и выбор: наплевать на общественное мнение, пойти против него, – или не плевать, но тогда рисковать потерять какие-то деньги» (Л. Радзиховский).

Субъектом выбора может быть общность, организация или ассоциация, формирующие нормы взаимоотношения своих членов. Например, редакция СМИ или весь этот профессиональный «цех», стремящиеся к созданию этического кодекса как инструмента саморегулирования и потому рефлексивные альтернативные миссии профессии. Или этическая комиссия в медицинском учреждении.

Субъектом свободного выбора может быть и социальный институт. В эскизе ситуаций морального выбора мы говорили, например, о ситуации выбора для отечественной системы образования: какую из нормативно-ценностных систем оно предпочтет – «культуру полезности» или «культуру достоинства»?

Субъектом выбора может быть и общество в целом, решающее вопрос о перспективах своего развития. В том же эскизе мы говорили о выборе, субъектом которого является российское общество, о цивилизационном выборе: «западный», «восточный», «особый» путь?

* Шаг 3. Очевидно, что в процессах избирательной активности субъекта важно выделять акты выбора, отличающиеся принципиально разным *масштабом, значимостью*: выбор может быть стратегическим, «смысложизненным» – и ситуативным, касающимся конкретных решений, действий, поступков. Причем между выбором в ситуациях разной значимости существует и обратная связь: выбор моральной ориентации, вероятно, важнее, чем профессиональное самоопределение, но ошибка в предпочтении какой-либо специальности может повлиять на отношение человека к моральным ценностям – к труду, семейному долгу и т.д.; нелюбимая профессия, например, прямо скажется на трудовой деятельности человека, ее качестве, творчестве.

Может быть, значимость – особое основание для типологизации? Давний сюжет на тему значимости выбора – из практики психологических исследований. Как рассказывал психолог Я. Коломинский, в процессе социометрического исследования каждому из группы испытуемых предложили выбрать себе человека, с которым он хотел бы вместе работать в одной бригаде, либо пригласить к себе на день рождения, либо поселиться вместе и т.д. Исследователи обнаружили различную степень влияния ситуации на выбор, совершенный членами группы. «Одно дело – выбрать партнера для игры в домино, и совсем другое – ответить на уже упомянутый нами вопрос: “Кого бы ты взял с собой в разведку?”». Квалифицируя критерии выбора, подобные первому, как слабые, а подобные второму, предполагающие выбор для очень важной деятельности, как сильные, специали-

сты-психологи тем самым дают нам аргумент для анализа моральных ситуаций с точки зрения *значимости* выбора.

Скорее всего, в наши дни более актуальны иные сюжеты. Один из них: публицист рассуждает о выборе, который совершило *поколение нового среднего класса* – менеджеров – после дефолта августа 1998 года, выборе между жизнью в стране и эмиграцией. «Образованная, активная и сознательная часть общества не признала свое бессилие перед явно непреодолимыми трудностями, свое бесспорное поражение, не смирилась, не поставила на своей стране крест и не ушла “до лучших времен” на предсказуемые и привлекательные поля деятельности в фешенебельных и обладающих надежным будущим странах. Там хорошо, но оказалось, что только на родине можно влиять на страну, в которой живешь, – какой бы пугающей она ни была, каким бы малым ни было это влияние. Выбирая между всеми благами цивилизации и сохранением социальной значимости, активная часть общества решительно выбрала последнее» (М. Делягин).

* Шаг 4. Весьма существенное основание систематизации – степень *творчества* или *стереотипности* в акте выбора. Весьма часто субъекту приходится осуществлять выбор в повторяющихся обстоятельствах, в ситуациях, которые хорошо известны ему по личному опыту, доступны для решения на уровне рассудка, а то и просто для действия по привычке. Иное дело – необходимость творчества в процессе поиска новых, нестандартных решений, нарушающих сложившийся шаблон поведения, требующих от субъекта мобилизации всего его опыта, проявления высокой культуры. В таких ситуациях выбор не может быть сведен лишь к перебору неких известных альтернатив или к поиску готовых ответов на все возможные ситуации выбора (которые были бы размещены в конце некоего школьного задачника по этике). Свободный субъект, принимая решение в нестандартных ситуациях выбора, рискует; современное общество характеризуют как «общество риска» и на этом основании.

Один из сюжетов, показывающих особенность нестандартной ситуации выбора, мы находим в проведенном М. Эпштейном анализе ситуации из жизненного пути А. Солженицына. «Вряд ли в истории последних десятилетий, по крайней мере в России, найдется общественно более значимый пример мужества, чем жизнь Александра Солженицына. Но если бы это мужество работало всегда без отказа, стало бы автоматической, нерассуждающей отвагой, Солженицын вряд ли дожился до того времени, когда, подкрепленное литературными свершениями, оно получило всемирный отзыв», – говорит М. Эпштейн. И напоминает, что «в первой главе “Архипелага Гулага”, “Арест”, приводится эпизод, когда автора, боевого офицера, арестовывают в 1945 г. на линии фронта и везут на Лубянку. У него не находится мужества сопротивляться, по крайней мере крикнуть, предупредить сограждан». По мнению М. Эпштейна, «оценить молчание Солженицына 1945 года можно только услышав его крик 1973 года, крик, называвшийся “Архипелаг Гулаг”. Если бы смутно почудившееся ему в 1945 году: он крикнет правду двумстам миллионам, так и осталось благонамеренной фантазией, заглушающей голос совести, – один суд. Если же, как мы знаем, “чудо” стало явью, то не-кричание, позволившее Солженицыну сохранить жизнь и укрепить голос на дальнейший крик, есть необходимый и морально оправданный выбор. ...Так закричать, как мог закричать Солженицын на эскалаторе, в принципе мог бы всякий, хватило бы дыхания в легких. Общество испытывало потребность в таком крике, но чтобы такой крик мог прозвучать на 200 миллионов, даже шире, на весь земной шар, – для этого нужен был именно Солженицын, и не такой, каким он был в 1945 г., а каким он стал в 1960-е – 70-е гг., уже пройдя через 11 лет Гулага и годы литературного труда. ...Чтобы этот крик мог вызвать действенный отклик, а не страх и оцепенение окружающих, нужна была другая эпоха, другая историческая сцена»³.

Итак, мы выделили ряд оснований, по которым можно наметить типологию ситуаций морального выбора с точки зрения универсальности акта выбора в целеустремленной деятельности человека.

2.3.3. Фундаментальные признаки

Процедура конкретизации универсальной метафоры *перепутья* как способа идентификации ситуации морального выбора предполагает особое внимание к *фундаментальным признакам* ситуации собственно морального выбора.

«СОБСТВЕННО морального»? Позволим себе долю ригоризма: практически во всех ситуациях выбора, эскиз-панорама которых представлена выше, содержится, явно или скрыто, *нравственный аспект*. Моральный выбор представляет собой сторону, грань любого вида целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Но моральный выбор в этом случае – не просто «еще один» самостоятельный вид, а «срез» всех остальных аспектов человеческой деятельности, их ценностный смысл. Не располагая собственной «территорией», моральный выбор, подобно проникающей радиации, проявляет себя во всех разнокачественных – частной, межличностной, политической, хозяйственной, профессиональной, культурной, семейно-бытовой и т.п. – сферах.

Моральный выбор – понятие, предполагающее выявление *смысла* деятельности, ее *ценностной направленности*, сориентированности в мире добра и зла. Моральный выбор – словосочетание, характеризующее смыслообретения (и смыслоутраты) субъекта в процессе нравственных исканий, самоопределения в мире ценностей и идеалов; выход на исходную точку для оценки и самооценки; формирование нравственной позиции; становление линии поведения и выбор конкретного поступка.

Моральный выбор – акт свободы субъекта (человека, общности, общества в целом), его самоопределения в отношении той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей или варианта конкретного поступка. Прежде всего, если ситуация не альтернативна, если нет объективной возможности выбора, то нет и свободы выбора. Как мы помним, ситуация выбора образуется в том случае, когда объективные обстоятельства предлагают несколько вариантов поведения и субъект должен предпочесть один из них вопреки всем другим. Если нет возможности сравнить и выбрать один из вариантов, сознательно определить позицию и воплотить ее в действии, субъект лишен *свободы выбора*. Но, во-первых, важна *действительная* альтернативность, идентификация которой предполагает различение отмеченных выше формальных и реальных возможностей выбора. Например, нынешним российским телезрителям, как отмечает социолог Б. Дубин, нравится возможность не столько выбирать канал или программу – их различия невелики, – сколько *перебираться* их. Во-вторых, речь идет о *нравственно* значимых альтернативах, требующих от субъекта *морального* самоопределения.

Альтернативы ситуации морального выбора фокусируют в себе сложность и противоречивость нравственной жизни субъекта. Сколько альтернатив в моральном выборе? Две – между добром и злом? Множество – между разными версиями добра, идеала, справедливости? Определенный количественный ряд в рамках шкалы от максимального добра до «наименьшего зла»? Бесконечный диапазон – в зависимости от сферы человеческой деятельности, специфики социальных обстоятельств, особенностей духовного мира личности и т.д.? Альтернативы конкретного поступка? Но разве менее важны альтернативы, встающие перед человеком, осмысливающим ситуацию выбора не просто для того, чтобы попытаться найти решение конкретного конфликта, но и определить для себя *стратегию поведения*, соотнести свои поступки с мировоззренческими ориентирами?

Современная мораль продуцирует напряженный выбор мировоззренческих ориентиров. Нравственно значимые альтернативы этого плана? Выбор между уже сформированными нормами рационального поведения, ориентированного на личные интересы, – и косными правилами обычая. Выбор между нормами сословно-общинного солидаризма – и нормами рациональной морали рыночного, «открытого» общества. Выбор между ценностной ориентацией на прирожденный статус – и ориентацией на обретаемый достижительный статус, на успех в деятельности и социальное перемещение. Выбор между самостоятельным поиском долженствования – и патерналистски определяемым долженствованием. Выбор между поведением «экономического человека» с готовностью к жесткой конкуренции, минимизацией социальной подстраховки – и поведением «социализированного человека» с его готовностью к мягким формам конкуренции, с ориентацией на позитивные санкции общества. Выбор между ориентацией на конвенциональные, контрактные нормы поведения – и ориентацией на нормы органических, исторически сложившихся, общностей. Выбор между групповой, корпоративной моральной ответственностью – и персональной моральной ответственностью за свое поведение, свои поступки не только «перед кем-то», но и «за что-то».

Выше мы уже рассуждали о совсем не редких случаях, когда субъект *не видит* перекрестка, *не узнает* перепутья. Важность «(не)узнавания» нравственного значения аль-

тернатив выбора наглядно проявляется, если воспользоваться методом «от противного». В качестве такого метода мы считаем возможным интерпретировать следующий текст. *Ситуация*: учебная стратегическая игра по мотивам рассказа «Срочный фрахт» Б. Лавренева. Обсуждаемое «оптимальное решение»: «сжечь в паровой топке застрявшего там мальчугана и следовать указанию акционера о скорейшей (в связи с благоприятной конъюнктурой) доставке груза по назначению невзирая ни на что». Критерий предпочтения для половины студентов: «оптимизируют решение ценой жизни ребенка, легко де-факто вступая в преступный сговор с целью его убийства ради корыстных интересов. У одних это карьера, собственные дети, боязнь компромата, у других – просто нажива или "умывание рук", у третьих – аффект, беспомощное морализаторство и "невнимание к мелочам"». *Вывод* автора: «На первый взгляд трудно уловить связь между террористом в Беслане и студентом ведущего университета, будущим управленцем корпоративного или государственного сектора». Но «за кулисами всякой стратегии рано или поздно обнаруживается моральный выбор стратега. Не прагматичная "цена вопроса", не легковесные этюды логической акробатики и риторической казуистики в обосновании "непростых" решений, а настоящие "моменты истины", вопросы ребром – "или-или", когда на весах честь или бесчестье, слава или позор, свобода или рабство, а в конечном счете – жизнь или смерть»⁴.

Завершим характеристику первого из фундаментальных признаков морального выбора нашим давним сюжетом на тему «Свобода выбора – "бремя" или "счастье"?».

Бремя ответственности? Разумеется. Достаточно вспомнить один из смыслов глагола «решить»: *порешить*. В русском языке *порешить* – значит уничтожить, убить и т.п. И в английском языке схожая тенденция. «Корень слова "решить" (decide) означает "убить", как в словах "homicide" (убийство) или "suicide" (самоубийство)»⁵. В этом смысле действительно каждое «да» связано со своим «нет». Решение в пользу одного из вариантов чаще всего означает изменение реальности, уничтожение иных возможностей развития ситуации. В этом мучительность выбора, его *бремя*.

Счастье свободы? Вполне возможно. Во всяком случае, как ощущение естественности выбора. Обратимся к одному из наших интервью на тему морального выбора журналиста (здесь нам важно подчеркнуть не профессию автора, а надпрофессиональный, личностный масштаб подхода). «Традиционно говорят, что человеческая жизнь – это своеобразное бремя выбора, – отмечает эксперт. – Но возможно и счастье выбора, ощущение легкости принятого решения, его естественности. Это чувство может оказаться и заблуждением, но ощущение счастья выбора возможно». В качестве примера он рассматривает опыт своей радиостанции. «Легкость нашей – "Эхо Москвы" – линии в обстоятельствах, связанных с компанией "Медиа-Мост", для меня лично и для ряда таких моих друзей, как Алексей Венедиктов, Андрей Черкизов, это легкость выбора. Мы могли сколько угодно ругаться, бурчать по углам или между собой по поводу Евгения Киселева, поспешных действий Гусинского, его несдержанности, некоторых авантюрных, скажем, проектов (хотя мы понимали, для чего он делает это, что он хочет этим сказать, и это всегда было достаточно славно). Мы могли ругаться сколько угодно, критиковать сколько угодно, но настал момент, когда эти люди попали не в то положение, чтобы можно было, как это многие коллеги по "цеху" сейчас делают, говорить: "Да, конечно, ведь он совершил такую-то ошибку и такую-то ошибку, как можно было, спуская очки на нос, говорить то-то и то-то, не имея при этом очень верных документов на такого-то человека?". Для нас же здесь очень легкий выбор» (С. Бунтман).

ПРОДОЛЖАЯ помнить о том, что идентификация ситуаций морального выбора не может быть сведена к выявлению их схожести с ситуациями выбора как универсальной структуры целеустремленной человеческой деятельности, перейдем к характеристике такого фундаментального признака морального выбора, как его *непреложность*, *неотвратимость*, как неизбежность для субъекта совершить акт самоопределения.

Необходимость выбора – неотъемлемое свойство нравственно зрелого субъекта, характеризующее его как свободное существо. *Право* и *долг* субъекта – обнаруживать возможные альтернативы и принимать решения, совершая те или иные поступки. И все же стоит конкретизировать тезис о неотвратимости морального выбора. С этой целью уместно, во-первых, взвесить «за» и «против» известной формулы «уклонение от выбора – тоже выбор». Позиция «за» в этом случае обычно подкрепляется ссылкой на категорию

чески негативную в моральном плане оценку решения Понтия Пилата, «умывшего руки», и усиливается с помощью метафоры Б. Брехта: «люди, “умывающие руки”, умывают их в крови». И действительно, есть серьезные основания рассматривать уклонение от выбора как своеобразный *выбор*. Один из примеров – из сферы политического выбора – мы привели выше, представляя полемику вокруг строки в избирательном бюллетене «против всех».

Позиция «против» формулы «уклонение от выбора – тоже выбор» подкрепляется, с одной стороны, уже рассмотренной нами выше смысловой расшифровкой слова *решить* в значении *порешить*, но с *понимающей* интонацией рассуждения. «Выбирая, человек должен решить, что же из существующих потенциальных возможностей он сделает реальностью, причем муки выбора связаны именно с осознанием неизбежной потери, особенно если приходится выбирать между двумя и более равными по значимости ценностями», – пишет психолог-консультант о субъективной трудности ситуации морального выбора для клиента, «интуитивно опасаящегося необратимых изменений, которые могут произойти в его жизни вследствие реализации одной выбранной возможности в ущерб остальным»⁶.

С другой стороны, эта позиция может быть подкреплена аргументом из комментария к представленному выше описанию проявления «отсроченного мужества». «Перед нами, – пишет М. Эпштейн, – вырастает такая странная, двусмысленная категория, как отсроченное мужество. Может ли момент мужества быть перенесен на потом? В этом кроется большой моральный риск. Во-первых: а хватит ли у тебя мужества сделать позже то, чего не можешь сделать сейчас? Во-вторых: а сохранятся ли те обстоятельства, которые требуют мужества, – или оно девальвируется по мере благоустройства и демократизации общества? То мужество, которое в трудный час стоило миллион, в легкий час окажется ценой в копейку. Как говорит Аристотель, “мужество проявляется не во всякое вообще время, а в то, когда страхи и опасности ближе всего”. Отсроченное мужество – как отсроченный долг. По нему накапливаются проценты. Оправданием немужества в прошлом может быть только еще большее мужество в будущем, общественно более весомое мужество»⁷. Справедливо акцентируя риск «отсроченного мужества» (риск, отмеченный еще С. Кьеркегором: «Чем больше упущено времени, тем труднее становится выбор, так как душа все более и более сродняется с одной из частей дилеммы и отрешиться от этой последней становится для нее все труднее и труднее, а между тем это необходимо, если выбор должен иметь хоть мало-мальски решающее значение»⁸), автор нашел, как мы видели выше, убедительный аргумент, снимающий в отношении совершенного А. Солженицыным выбора существенный риск отсроченного выбора.

Продолжая попытку конкретизации признака неотвратимости морального выбора, стоит, во-вторых, взвесить «за» и «против» известного тезиса, согласно которому бывают ситуации, применительно к которым можно говорить о свободе морального выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка. В жизни человека неизбежны такие положения, когда опыт выбора на всех прошлых жизненных «перекрестках» диктует ему лишь одно решение по лютеровскому принципу «Не могу иначе», не допускающему перебора всех формально возможных вариантов поступка. Учет *нравственной* допустимости возможных альтернатив обуславливает решение не меньше, чем осознание объективно недопустимых возможностей выбора в определенных социальных обстоятельствах. Вспомним еще раз выбор Сократа: он был продиктован именно нравственной позицией, а не только обстоятельствами. Они-то как раз искушали Сократа бегством и таким образом спасением жизни, а запрещало побег, диктовало решение отдать предпочтение чувству чести – сознание нравственной невозможности поступить иначе.

Иначе говоря, положение о диапазоне возможностей как одном из элементов ситуации выбора нуждается еще и в различении формальных и реальных возможностей выбора, т.е. имеющих или не имеющих для субъекта моральную ценность и, соответственно, требующих или не требующих от него *морального* выбора. С этой точки зрения можно оценить как те ситуации, в которых можно говорить о свободе выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка, так и те ситуации, в которых и наличие нескольких возможностей исключает для человека моральный выбор. По отношению к ситуации первого рода речь может идти о так называемом «прошлом выборе»:

«учителя не поздравляют, когда он учит, что дважды два – четыре. Его, быть может, поздравляют с выбором прекрасной профессии» (А. Камю. «Чума»).

С ПРИЗНАКОМ неотвратимости тесно связана такая фундаментальная черта морального выбора, как его *суверенность*, определяемая автономией субъекта выбора.

Мало сказать, что возможность поступить так или иначе, сравнить и предпочесть варианты поведения, способность сознательно определить свою позицию обуславливают свободу морального выбора субъекта (и его ответственность за него). Речь должна идти и о зависимости решения от самого субъекта, от его мотивов, целей и ценностей, а не от чужой воли или стечения обстоятельств, ему не подвластных (в последнем случае субъект выступает скорее как объект). Свобода морального выбора предполагает, что такой выбор совершается по внутреннему убеждению, а не по указанию инстанций и отдельных лиц, включая и моральные авторитеты; он несовместим со стремлением избежать ответственности, с попытками переложить ее на официальные решения, на чей-то авторитет, на принуждение обстоятельств или на обычай – выбор в этих случаях перестает быть свободным.

Для идентификации морального выбора по критерию автономности продуктивной может стать предлагаемая в исследовательской литературе гипотеза о делении действий человека на три категории событий: поступки, происшествия, свершения. Здесь две первые категории различаются в зависимости от того, является ли в них человек субъектом или объектом, а третья – характеристика события в человеческой жизни, совершающегося и не по воле человека, и не по воле обстоятельств, а в соответствии с той закономерностью, с какой произвольные действия человека – поступки – ведут к определенным, не подвластным ему, происшествиям⁹.

Значимость такого признака морального выбора, как его суверенность можно показать методом «от противного» – через описание советским диссидентом Валерием Абрамкиным феномена «внетрагедийной ситуации». «Трагедийная ситуация – это ситуация выбора. Если, скажем, Лай предсказатель говорит, что его сын Эдип убьет его и женится на своей матери, то Лай все-таки может решить: умертвить сына или нет? Это все-таки выбор. Рок остается? Ну и пусть! Тем более я свободен в выборе. Рок не от меня, зато поступок – мой! Но взгляните на жизненное пространство в "Колымских рассказах" Шаламова или в "Архипелаге ГУЛАГ". Понимаете, тамошние ситуации отторгаются от трагедийной ткани из-за "несовместимости" с ней. Попробуйте-ка здесь развернуть любую трагедию или евангельские сюжеты – они не вращаются, будут тут же оторгнуты. Это уж какой-то другой мир. И у меня-то ломка была как раз на этом. ...По делу "Поисков" арестовали несколько человек (в 1979-1982 годах). В 1983 году я уже мог рассматривать все судебные следственные сюжеты отстраненно. И мне казалось, что мы не делали выбора, – каждому из нас навязали определенную роль. Один должен был покаяться – и он не то, чтобы покаяться по сути, но по форме вышло покаяние. Другой должен был твердо держаться на суде, но потом, в заключении, не слишком фрондировать – чтобы освободиться после первого срока. А мне отвели роль быть борцом до конца. По первому делу я и не мог пойти на компромисс – скажем, частично признать вину. Я участвовал в выпуске журнала, у меня была ответственность перед читателями, перед авторами, еще перед кем-то. Но обвинения по второму процессу касались лично меня: "агитация и пропаганда в зоне". Чистая "липа" от начала до конца! Признаю я, скажем, что был агентом ЦРУ – это мое дело. Оно больше никого как будто не касается. Ну, признаю я, что действительно этих эзков "агитировал". Ну, агитировал – и агитировал, бес с вами, раз вам так хочется – признаю!.. Но когда я попытался занять такую компромиссную позицию, – она для них оказалась неприемлемой. И они сразу меня постарались отшвырнуть в роль "борца"»¹⁰.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ признак идентификации морального выбора – два уровня, два яруса *перелутья*. Идентифицируя моральный выбор как фундаментальный акт автономии субъекта (человека, общности, общества в целом), его самоопределения, мы уже сказали, что речь идет о выборе в отношении (а) той или иной системы и/или подсистемы норм и ценностей, определенной системы общих моральных ориентаций, прежде всего целей большого ранга, придающих смысл нравственной деятельности субъекта, определяющих его линию поведения, стратегию, «замысел жизни», жизненный проект); (б) варианта конкретного решения, поступка (в постановке нравственной цели, принятии решения об адекватных цели средствах и в практическом исполнении морального решения,

воплощении его в реальном действии, а в конечном счете – в соответствующем намерению результате).

В каких отношениях находятся два яруса *перепутья*? Один из возможных ответов заключается в указании на односторонность имеющего места в популярных работах нравоучительного жанра, подхода, характерного сведением акта морального выбора к предпочтению либо того или иного варианта поступка, либо той или иной нормативно-ценностной системы. Достаточно ли для критики такой односторонности утверждения, что свобода морального выбора предполагает как выбор субъектом исторически изменчивой системы морали в ее вертикальном и горизонтальном измерении (выбор касается и самого понимания природы добра и зла, а не только желания выбирать между добром и злом, следуя предписанию или уклоняясь от него), так и выбор единичного поступка, его смысла, адекватности используемых средств, соответствия намерений и результатов?

Представляется конструктивным конкретизировать это утверждение идеей *линии поведения*, определенным образом организующей поступки субъекта. Если бы деятельность субъекта представляла собой не более чем ряд разрозненных актов, ему хватило бы ограниченной способности ставить разрозненные цели, подбирать эффективные средства их достижения и оценивать успешность результатов каждого такого акта деятельности в отдельности. Но человеческая деятельность не дробится на изолированные акты, а представляет собой чрезвычайно сложную систему поступков, образующую более или менее последовательную цепь – линию поведения. Отсюда значимость умения выдвигать не только близкие, но и далекие цели, подчинять одни цели другим, подвергать систематическому анализу как непосредственные результаты, так и отдаленные последствия деятельности, сопрягать свои поступки с деятельностью других людей, вписывать их в деятельность больших групп, общностей.

В свою очередь, здесь уместна еще одна конкретизация: в рамках деятельности одного субъекта его *линия поведения* не есть простая сумма решений и поступков, их произвольный набор. Она вытекает из них и в то же время является фактором, воздействующим на выбор поступков. Но и сам поступок так или иначе верифицирует всю линию поведения, содействует ее принятию или отклонению. Более того, когда в экстремальных, пограничных ситуациях производится выбор особо важного поступка, решающего шага в биографии субъекта, оба уровня выбора настолько сближаются, что, в сущности, можно говорить об их наложении, совпадении. Поступок тогда оказывается узловым мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность в ценностном плане, фактором закрепления или, напротив, смены направленности деятельности, ее характера.

Необходимость идентификации морального выбора с акцентированием значения каждого из двух ярусов может быть аргументирована критикой распространенной точки зрения, согласно которой *проблема* морального выбора заключается не в (не)принятии и (не)усвоении требований морали, а в их применении, особенно – в конфликтной ситуации, в ситуации выбора одного из сталкивающихся между собой моральных правил. Проблема выбора в ситуации нравственного конфликта действительно и сложна, и актуальна. Оставляя ее анализ для следующего параграфа, целесообразно уже здесь усомниться в оправданности занижения роли мировоззренческого выбора как выбора в пользу морали. Занижения, которое мы находим в рассуждениях автора сетевой статьи. «Воровать или не воровать? Что за вопрос! Само слово означает – “брать то, чего брать нельзя”. Но: украсть или не украсть, если нет иного способа избавить кого-то от голода? Что ж, если ситуация и вправду такова, – а смысл ситуации можно выяснять бесконечно и лишь тогда, когда сам в ней находишься, – пожалуй, когда-то придется и украсть, решай сам; не помочь – не то же ли, что губить?.. Однозначного решения нет» (А. Круглов). Уместно ли упрощать ситуацию *перепутья*, как это фактически делает автор? Стоит ли забывать о значимости того самого выбора, который сделал персонаж стихотворения Маяковского «Что такое хорошо...?»: «И решила Кроха...». (Не)однозначное решение – самостоятельная проблема. Но она не отменяет мировоззренческого масштаба морального выбора. А сам этот масштаб – наряду с масштабом ситуативным – один из критериев идентификации морального выбора.

В то же время, разумеется, сам решительный выбор стихотворного Крохи не снимает проблемы нравственного конфликта, о которой – в следующем параграфе.

2.4. Нравственно-конфликтная ситуация выбора

Весьма наглядный путь доказательства тезиса о том, что предпосылки формирования и развития прикладной этики следует искать в феномене морального выбора – обращение к особому типу ситуаций выбора – *нравственным конфликтам*.

РАЗМЫШЛЯЕТ один из участников проведенного нами экспертного опроса по проблемам морального выбора. *«Слова “ситуация морального выбора” вызывают у меня не ассоциации, не образы, не сюжеты, как наивно формулируют перечень эмоций в своем “вопроснике” авторы проекта, а, так сказать, конечный продукт – стресс. Глубоко убежден, что каждый журналист, попадая в ситуацию морального выбора, прекрасно понимает, что соответствует понятиям чести, совести, этики, а что нет. Все ситуации морального выбора, по сути, типовые, стандартные, предусматривающие только два варианта ответа: “да” и “нет”. Они связаны с типовыми, старыми как мир, парными моделями поступков или, если хотите, действий в стандартных ситуациях. Например, “соврать – не соврать”, “сказать – промолчать”, “поддаться давлению власти, начальства, денежных мешков и пр. – не поддаться” и т.д. И хотя, не стану спорить, бывают и уникальные ситуации, но по большому счету они все равно сводятся к уже обозначенным мною стандартным парам моделей выбора».*

Подчеркнем распространенность такого подхода к проблеме морального выбора. Подхода, с которым мы считаем необходимым полемизировать, ибо за его рамками оказывается проблема *нравственного конфликта*. Нравственного конфликта как своеобразной ситуации морального выбора, отличающейся столкновением нравственных ценностей и норм. Ситуации, для которой вполне модельным может стать кульминационный эпизод «Северной повести» Константина Паустовского. ...При обходе караульных постов командиром полка, в составе которого нес службу на Аландских островах близ Швеции прапорщик Бестужев, были задержаны раненый декабрист и матрос мятежного корабля, пытавшиеся скрыться от преследования за границу. Полковник Киселев, жестокий и наглый, издевательски обходится с изнуренным до беспамятства арестованным офицером и оскорбляет проявившую к нему сочувствие невесту Бестужева, Анну. Вступившись за них, Бестужев вызывает Киселева на дуэль. Но дуэль может помешать организовать побег арестованных и самого прапорщика с невестой. «Он сжал голову ладонями и задумался: как быть с дуэлью? Ежели он будет завтра убит на дуэли, то побег не состоится, арестованного офицера и матроса отправят с первой оказией в Петербург и там повесят. Этого нельзя было допускать. Ежели он откажется от дуэли, то его сочтут трусом. Киселев предаст его военному суду за тяжкое оскорбление полкового командира, побег будет сорван, позор ляжет на его голову и отравит последние дни. Оставалось одно – оттянуть дуэль до совершения побега, остаться в Мариегамне и стреляться. Это означало крушение всех его тайных мыслей о бегстве с Анной и жизни, полной радости и скитаний». В этом сюжете нетрудно обнаружить основные элементы ситуации морального выбора: личность поставлена перед необходимостью принятия решения о предпочтении одного из вариантов поступка, есть объективная возможность выбора, предъявлен «вызов» к способности субъекта проявить нравственную активность, принять решение и исполнить его. Но это не простая ситуация выбора, а именно нравственный конфликт, заключающийся во взаимоисключении столкнувшихся ценностей и предполагающий обязательное принесение в жертву одной из них.

Свое определение понятия «нравственный конфликт» мы предложили много лет назад, и оно, судя по литературе, стало практически «народным». Особенность нравственно-конфликтной ситуации выбора заключается в том, что моральное сознание субъекта, которому предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление каждой из выбранных альтернатив решения, поступка, предпочтенных во имя какой-либо нравственной цели, ценности, нормы, одновременно приведет к нарушению другой ценности или нормы, тоже представляющей для субъекта определенную моральную ценность. В ситуации нравственного конфликта от субъекта требуется совершить выбор между сталкивающимися моральными ценностями в пользу одной из них и, тем самым, в ущерб другой и только через разрешение данного противоречия реализовать свои нравственные цели. Сложность решения заключается в такой ситуации не столько в том, что субъект

не ориентирован на ценности, не знает нравственных норм или не желает их выполнять, сколько в необходимости найти рациональные критерии разрешения их столкновения.

ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА тезиса о том, что нравственно-конфликтная ситуация выбора является проблемой, своеобразным «вызовом» и «запросом» к теории и практике нравственной жизни, *предпосылкой прикладной этики в обеих ее ипостасях*, обратимся к ряду конкретизаций общей модели ситуации нравственного конфликта.

Первую из таких конкретизаций представим с помощью сюжета из опыта самоопределения отечественного университета Н, решившего спроектировать свою миссию. В исходный вариант Декларации о миссии университет Н включил раздел «Дилемма самоопределения». «Степень (не)соответствия идеалу научно-образовательной корпорации определяется мерой (не)успешности решения *дилеммы самоопределения* современного отечественного университета. Ее альтернативы: научно-образовательная деятельность университета – «сфера услуг» или *высокая* профессия? В этой связи университет: «хозяйствующий субъект», оказывающий «*образовательные услуги*», и тем самым вольно-неволью упускающий миссию ценностно-ориентирующего института гражданского общества, – или научно-образовательная корпорация людей, *высокая профессия* которых предполагает миссию служения делу *духовного производства человека* (а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация)? Должна ли высокая профессия в такой альтернативной ситуации отступить от своих ценностей во имя прагматической стратегии развития университета? Или университет должен корректировать свою стратегию во имя ценностей научно-образовательной профессии?».

Прямо не прибегая к понятию нравственного конфликта, авторы Декларации фактически зафиксировали противоречивую ситуацию выбора, предполагающую для своего разрешения жертву одной ценностью во имя достижения другой. Кажется, что в этой дилемме сталкиваются лишь внеморальный – прагматический – ориентир самоопределения университета и ориентир собственно моральный? Однако, за стратегией «образовательные услуги» стоит вполне ясная ценностная ориентация. Она проявляется в истолковании ценностного статуса образования через функцию «обслуживания потребностей экономики», «подготовки кадров», выпуска «специалистов для народного хозяйства» и т.п., через доминирование тенденции, предполагающей приоритет «образования через профессию» над «профессией через образование», через сведение профессионализма выпускника к «функциональной», «технологической», «операциональной» трактовке, под которой подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Тем самым современная образовательная деятельность становится все более дуалистичной по своей природе. И этот дуализм создает особое моральное напряжение, связанное с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью. И это вполне определенное ценностное предпочтение, выбор определенной системы ценностей – *моральный* выбор¹²... А ситуация самоопределения университета в отношении двух альтернативных стратегий – нравственно-конфликтная.

Как можно увидеть из этого сюжета, ситуация нравственного конфликта является серьезным испытанием способности субъекта к свободному выбору уже потому, что, как и вообще в ситуации выбора, здесь важна способность *понять* именно нравственную конфликтность ситуации выбора, *увидеть не всегда очевидное* этическое содержание альтернатив. Так, в приведенном выше сюжете о самоопределении некоторые участники обсуждения проекта Декларации о миссии университета «прошли мимо» определенного – *ценностно* «нагруженного» – содержания такой альтернативы, как трактовка образования в качестве «сферы услуг».

ВТОРАЯ из конкретизаций общей модели ситуации нравственного конфликта, призванная доказать тезис о том, что нравственно-конфликтная ситуация выбора является *предпосылкой прикладной этики в обеих ее ипостасях*: ситуация нравственного конфликта является серьезным испытанием способности субъекта к свободному выбору еще и потому, что ему предстоит признать *ценностную значимость каждой из альтернатив*. Снова обратимся к ситуации из практики наших исследований. Идет практикум для тюменских журналистов из цикла «Журналист в ситуации выбора». Моделируется заседание условной этической комиссии регионального «цеха». Первый пункт программы пред-

полагает групповую рефлексию моральных уроков, которые дала «цеху» весьма болезненная в том году «психодрама» с НТВ и, в частности, взвешивание аргументов полемики Б. Немцова и Е. Альбац во время экстренного выпуска «Итогов» в связи с предстоящей сменой собственника компании и ее руководства. (Семинар проходил уже после ухода части журналистов НТВ на ТВ-6.) Предмет полемики – ситуация выбора для журналистов НТВ: в связи с новыми обстоятельствами уйти из компании или остаться? Одна точка зрения: несмотря на смену владельца и менеджмента компании, журналистам уходить с НТВ не стоит, нужно остаться и работать на зрителя – это основная задача компании. Прямо противоположное мнение: остаться в компании при новых обстоятельствах – значит соучаствовать в подлости. Какой из этих вариантов переутья, явно конфликтных, можно оценить как достойный? Достойный в ситуации, которая сплела в клубок политический, экономический и моральный выбор журналиста?

Мнения участников модельной этической комиссии существенно разошлись. Диапазон оценок широк. Одно типичное суждение – поддержка первой точки зрения – предполагало разумным исходить из презумпции нравственности новых менеджеров компании. *«Надо было остаться и работать, а о каждом случае вмешательства, снятия с эфира определенной программы извещать общественность через родственные газеты и эфир».* Другое суждение ближе ко второй точке зрения: *«Киселев сделал верно, он предвидел, что хозяин будет диктовать ему свои условия, и в этой ситуации сохранить лицо невозможно. Я сама пережила смену руководства. Ни редактор, ни журналисты не смогли отстоять политику своей редакции, потому что решения принимал хозяин».* Третий тип суждений: *«если оставаться на НТВ, полагает Евгения Альбац, это подлость, то не можем ли мы употребить слово “подлость”, когда говорим о журналистах НТВ, которые пришли на ТВ-6, и там заварилась очень некрасивая история? По отношению к своим коллегам они поступили хорошо? А по отношению к зрителю – это подлость или тоже некорректность?».* Четвертый тип: *«я понимаю тех, кто ушел, и понимаю тех, кто остался. Как они могли все остаться? Как мы можем требовать от творческого коллектива, чтобы все встали и ушли? А в чем тогда состоит свобода их выбора?».* Наконец: *«здесь комиссии по морали и этике разбирать нечего. Вся ситуация вокруг НТВ в основе своей аморальна и подла с любой стороны».* Завершая семинар, его ведущий – один из авторов этой книги – отметил существенный момент: часть экспертов модельной этической комиссии не только увидела в ситуации «уйти или остаться» моральную проблему, но посчитала морально значимым каждый из вариантов решения коллег по «цеху». Другой вопрос: можно ли найти критерии сравнения морально значимых решений и предпочтения одного из них.

ТРЕТЬЯ конкретизация как раз связана с риторическим вопросом ведущего, адресованным участникам практикума. Ситуация нравственного конфликта является серьезным испытанием способности субъекта к свободному выбору и потому, что для выбора решения ему предстоит *сравнить и взвесить* значимость каждой из ценностно-нагруженных альтернатив.

К нравственным конфликтам обычно относят три типа столкновения императивов: (а) в рамках одной системы моральных ценностей и (б) между различными моральными системами (размещенными по исторической долготе или пространственной широте), (в) между нормативно-ценностными системами и их собственными подсистемами (противоречие между моральными универсалиями, так называемыми абсолютами, – и локальной императивностью; между универсалиями – и профессиональными нормами морального характера, не говоря уже о столкновениях между моральными нормами с различным ценностным достоинством; а также нормами, лишь отчасти являющимися моральными по содержанию: типичными здесь являются столкновения между личностным – и надличностным долгом, долгом перед какой-то микрообщностью – и макрообщностью, организацией – и полуинституализированной системой).

И каковы же критерии принятия решения в ситуации сравнения и взвешивания конфликтующих ценностей?

Свобода морального выбора в нравственно-конфликтных ситуациях всех типов в определенной степени регулируется иерархией ценностей, системой предпочтений. Вполне жизненной моделью такой системы может служить научно-художественное исследование нравственных конфликтов писателем-фантастом А. Азимовым в цикле рас-

сказов «Я робот». В сознание азимовских роботов заложены «Три закона робототехники»: 1) робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться командам, которые дает ему человек, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону; 3) робот должен позаботиться о своей безопасности, но в той мере, в какой это не противоречит первому и второму законам.

...Робот Спида получил задание принести селен из озера. Но в этом веществе таилась опасность для робота. Подчиняясь приказу человека (второй закон), Спида идет к озеру. Но третий закон (забота о собственной безопасности) заставляет его нарушить второй закон и вернуться назад, поскольку в его программе третий закон был задан особенно строго. Возникла типичная конфликтная ситуация: один закон гонит робота вперед, другой – назад, и робот начинает кружить (рассказ называется «Хоровод») вокруг озера, оставаясь на той линии, где существовало спасительное равновесие между требованиями двух законов. Только тогда, когда робота поставили в ситуацию, требующую спасти человека, находившегося в опасности (т.е. выполнять первый закон), он перестал кружиться. Преимущества иерархии норм, казалось бы, очевидны. Но очевидны лишь для *внеисторического* подхода к морали – для робота нет проблемы выбора самой нормативно-ценностной системы, для него «три закона» – данность, а не предмет рефлексии и самоопределения.

Лишь в самом общем виде можно сказать, что моральный выбор в нравственно-конфликтных ситуациях базируется на построении многоярусной иерархии ценностей, системы предпочтений с четким осознанием сложного соотношения абсолютного и относительного в ходе применения (*приложения*) нравственной нормы и, тем более, принципа. Дело в том, что идея иерархии ценностей связана со спецификой каждой из трех основных нормативно-ценностных систем в истории морального феномена. Речь идет об устойчивости ценностной вертикали в застойных и малоподвижных социумах; неустойчивости, подвижности этой вертикали в индустриальном социуме, и, наконец, о состоянии, близком к развалу ценностной вертикали в обществе постиндустриальном – постсовременный мир не склонен к строгой иерархии ценностей, полон неопределенностей; связи между целями, средствами, результатами и отдаленными последствиями поступков многозначны и отнюдь небесспорны, утрачивает свою былую действенность институт моральных авторитетов и т.д.

Но даже при стремлении учесть социокультурную динамику морального феномена в целом вопрос о возможности сравнения и, тем более, иерархизации моральных систем – с одной стороны, субординации внутрисистемных нравственных ценностей и норм и, соответственно, выявления среди них более значимых как критерия выбора в нравственном конфликте – с другой, остается открытым. Например, абсолютна ли логика выбора, согласно которой общественный долг рассматривается как более высокий по сравнению с частным? При любом ответе можно ли забыть о нравственной цене такого решения, о тезисе, согласно которому «чистая совесть – изобретение дьявола»?

Если бы основания для сравнения и предпочтения ценностей и норм *в реальной социокультурной динамике* человеческой морали были бы очевидными... Но и отказ от идеи иерархизации оставляет лишь один выход – «одиночество в решении». Так ли уж очевидно его преимущество? Для людей, разделяющих ценности коммунистической морали, этот вопрос был *как бы* снят уверенностью в том, что их моральная система – высшая (например, в сравнении с моралью буржуазной), а в рамках этой системы есть высшая цель (служение коммунизму); соответственно, совесть человека, вовлеченного в ситуацию нравственного конфликта, не одинока в своих решениях, так как может сориентироваться на ясную иерархию ценностей и норм. Но для людей, не разделяющих эти ценности и ориентирующихся на индивидуализацию решений в конфликтной ситуации, характерна иная логика. Характерный сюжет – в колонке обозревателя «Известий» (пятилетней давности) Е. Альбац. В седьмом классе – письменная работа по повести Гоголя «Тарас Бульба». Вопрос: «Ваше отношение к поступку Андрия?». Ответ одной из учениц, дочери обозревателя: «Я его не обвиняю, это его выбор и не нам судить. Он решил бросить все ради любви. И сделал. Я его не осуждаю». Учительница не удовлетворена ответом: «Он прав?» – пишет она красной ручкой, выделяя слово «прав». Реплика журналиста к *вопросу* учительницы: «В то время, когда я училась в школе, за слова “не нам судить”

мне обязательно вклеили бы “двойку”, и красной ручкой был бы выведен не вопрос – констатация: что-нибудь из серии, что личное не может быть выше общественного». Комментарий журналиста-мамы к позиции ученицы-дочери: «больше всего меня порадовали в ответе дочери слова “это его выбор”. Наши дети уже понимают, что у человека всегда есть право на выбор – право на любовь и право на жертвенность во имя высокой идеи, и никакого однозначного ответа на вопрос “прав?” – нет и быть не может. ...Главное изменение, случившееся в стране за последние десять лет, связано не только и даже не столько с появлением частной собственности – с индивидуализацией сознания. Люди, сформировавшиеся в годы перестройки и после нее, – а следовательно, и их дети – слава Богу, перестали ощущать себя частью некой “общности”, повязанной общим правом на нищету и несправедливость, государство для них не более чем контекст, внутри которого каждый пишет свою отдельную историю, свою жизнь. И любая попытка превратить этот контекст в очередную железобетонную конструкцию обречена».

И для Альберта Швейцера была характерна позиция «одиночества решений». По его мнению, «в этических конфликтах человек может встретить только субъективные решения». Однако Швейцер отмечал последствия такого одиночества: человек не может сослаться на какие-либо авторитеты или критерии и на этом основании надеяться сохранить «чистую совесть». «Мы будем жить в согласии с истиной, если глубже прочувствуем конфликты. Чистая совесть есть изобретение дьявола», – писал Швейцер. За этим суждением можно увидеть вполне определенный подход к вопросу о возможности и основаниях сравнения нормативно-ценностных систем, возможности и необходимости иерархии ценностей и норм.

С ним перекликается подход, согласно которому любой моральный выбор в ситуации конфликта *равноценен*. Примером последнего является ответ Ж.П. Сартра на вопрос его ученика: уйти ли ему на войну с фашистами и оставить дома мать, для которой он единственная опора и надежда, или остаться с матерью и тем самым нарушить гражданский долг? Сартр ответил, что оба решения этой конфликтной ситуации в нравственном отношении равноценны. А с точки зрения подхода, признающего иерархию нравственных ценностей, отказ уйти в Сопротивление, оказать ему посильную поддержку – это действие в пользу фашизма, а потому недопустимо как выбор в пользу зла. Реальная сложность конфликтной ситуации – трудность расставания с матерью – преодолевается в этом подходе предпочтением долга перед отечеством как более высокой нравственной ценности. При этом сторонники иерархии моральных ценностей ссылаются на исторический опыт именно такого разрешения нравственных конфликтов, в том числе на опыт, освещенный в художественной литературе. Правда, предложенная Сартру ситуация представлена в опыте литературы не с сыновней, а с материнской стороны: «сохранить свое дитя по праву и обязанности материнской жалости или отпустить туда, где его ждут страдания и смерть?». Литературные факты, приводимые литературоведом В. Днепровым: «Мать» Горького, Мать в «Гроздьях гнева» Стейнбека, Мать в одноименной пьесе Чапека, Мать в брехтовской пьесе «Винтовки Тересы Каррар». Решение везде одно и то же: «мать добровольно принимает муки и гибель сына, борющегося за дело народа».

Скажем осторожно: большинство нравственных конфликтов не имеют однозначного решения, предполагая всякий раз акт творчества, с которым связана личная ответственность за ближайший результат и за отдаленные последствия, когда меняется объем и природа такой ответственности. Действительно, никто и ничто не освободит человека от персонального решения. В то же время его одиночество в ситуации выбора не абсолютно. Тем более, если оно не вынужденное, а свободно избранное. Так или иначе, он может опереться на моральный опыт человечества, кристаллизованный в той или иной нормативно-ценностной системе. Разумеется, при этом его решение всегда будет полно риска, ибо это уникальное, творческое решение. Именно в этом смысле можно принять небуквалистскую интерпретацию поговорки о чистой совести как изобретении дьявола.

ВАЖНО подчеркнуть, что обнаженность и острота проблем свободы выбора в ситуации конфликта ценностей и норм иногда порождают представление о том, что *любая ситуация выбора* конфликтна уже потому, что требует предпочесть один вариант решения другому. Хотя всякая ситуация выбора требует предпочтения, вряд ли все такие ситуации надлежит считать конфликтными, то есть предполагающими *взаимоисключающее столкновение нравственных ценностей с вынужденным принесением в жертву одной*

из них. При этом важно отличать реальные конфликтные ситуации от мнимых конфликтных ситуаций, возникающих из-за неспособности личности понять механизм *приложения* нравственных норм, хотя бы на интуитивном уровне, из-за неумения творчески соотнести норму с особенностями ситуации и т.п.

В ЛЮБОМ случае ситуации нравственного конфликта не просто «заостряют» проблемы морального выбора. За этой служебно-методической ролью таких ситуаций стоит роль более весомая – повышение ответственности субъекта за моральность выбора. Ответственности, предполагающей интеграцию двух максим – «этики убеждения» и «этики ответственности»: субъект отвечает как за выбор ценностных ориентиров, истинность содержания своих нравственных убеждений, их чистоту, так и за результаты и последствия своих решений.

Ответственность за выбор симметрична свободе выбора. Чем свободнее становится выбор, тем более возрастает ответственность за него. Чем свободнее ситуация выбора – при возрастающем многообразии форм уклонизма, дезангажмента, – тем более адекватных ответов требует она. При этом речь идет не о простой адаптивной реакции на вызов ситуации, не только и не столько о буквальном «ответе на...», тем более – не о вынужденной обстоятельствами или другими субъектами *реакции*, но о поведении *неадаптивном*, добровольном возложении на себя ответственности, заслуги или вины, как за само свободно принятое решение, так и за его результаты.

2.5. Социокультурная динамика ситуаций морального выбора

ПОНЯТЬ природу морального выбора – значит увидеть социокультурную динамику свободы выбора.

Как уже было сказано выше, на ранних ступенях развития человеческого общества факт стремления человека к выбору мог восприниматься прежде всего как покушение на незыблемость канонов. В качестве примера мы рассматривали (не)возможность проектирования человеком своей биографии, ибо свобода выбора наиболее полно характеризует переход от стандартизированных биографических проектов к рефлексированному, максимально индивидуализированному биографическому проектированию.

Известно, что в традиционном обществе, отличающемся слабой выраженностью социального динамизма и способности к мобилизации внутренних ресурсов развития, авторитаризмом архаического типа, характерным для этого общества регулированием до-морального типа, т.н. «естественной моралью», выбор предельно ограничен. Здесь личность принимает свою судьбу как неизбежность случайности факта своего рождения, не нуждающегося в обдумывании; границы жизненной активности личности четко прочерчены и она хорошо знает, кто она есть, что должна делать, каков ее земной путь. Понятно, что узник событий и обстоятельств не имеет проекта своего «Я».

По мере становления и развития гражданского общества простой социум заменяется сложным, происходит качественное изменение границ выбора и поля возможностей выбора. Человеческая практика выходит из того состояния, когда она, подавленная однообразием жизненных процессов, их изначальной заданностью, почти не стимулировала стратегический выбор. Идентифицируются поиски обществом альтернатив самому себе, либерализуются социальные узы, возникают новые источники долженствования и ответственности, способы их поиска, выявляются новые центры санкционирующей активности, образуются новые поведенческие ориентации.

В процессе развития гражданского общества идут перемены от порядков «массового общества» с принятыми в нем стандартизированными биографиями – к свободному выбору социальной идентификации (с рисками, следующими вслед за таким выбором), к индивидуализации рефлексивных жизненных проектов, к переосмыслению понятия социального неравенства в социализации личности в духе плюрализации жизненных стратегий и стилей поведения, что особенно присуще глобализирующемуся обществу. В таком обществе свобода выбора оказывается не только ядром все расширяющегося пакета прав человека, но и культурной доминантой личности. Эта доминанта возникает и утверждается благодаря в корне изменившемуся отношению личности как к обществу, так и к самой себе, к своим жизненным ресурсам и поведенческим стратегиям.

Особенность ситуации выбора в глобализированной, информационной цивилизации (постмодерн) – это выбор между: этическим универсализмом – и локализмом; завершенными ответами на вопрос «кто я?» – и бесконечным вопрошанием с признанием незавершенности любого ответа; ценностью стандартизированной биографии – и ценностью полной риска биографии рефлексивной; надежной и прозрачной устойчивостью ценностного мира эпохи Модерна – и ставшим непрозрачным, динамичным ценностным миром с расшатанным нормативным порядком, без строгой иерархии ценностей и норм; долженствованием и идентификационной привязанностью по отношению к территориальному сообществу типа «нация-государство» – и долженствованием по отношению к солидарности низового уровня, к «малым» территориальным сообществам; ценностью исключительного существования только пострациональной морали – и ценностью сосуществования этой морали с исторически предшествующими моральными системами; ценностями «социальной оседлости» – и ценностями «социального туризма» с непривязанностью к месту; идеологизированными идеалами совершенства человека и общества – и пестрыми культурными идеалами разного уровня обобщенности; алармистскими катастрофическими интерпретациями морального кризиса – и реалистическим диагнозом, ориентированным на поиск перспективных выходов из кризиса; ценностями общекультурной макроидентичности – и ценностями микроэтнической и субкультурной идентичности; запредельной морализаторской критикой нравов социума – и умеренной критикой этих нравов, вплоть до ориентации на установление партнерских отношений с наличными нравами; поведением, ориентированным на ценности общественной, публичной жизни, систематические гражданские инициативы, – и поведением, ориентированным на ценности частной жизни с широким доступом к информационным ресурсам общественной жизни, но без личного участия в общинном строительстве; ценностями самоуправляемых общин – и ценностями сверхлокальных общин типа виртуального коммунитаризма в киберпространстве «Седьмого континента»; установкой на доминирование во всех аспектах жизни социума – и приверженностью к диалогическому общению, к бытию в диалоге.

Как видим, моральный выбор – феномен зрелой («рационализированной», «постестественной») морали, которая сама, в свою очередь, может быть гипотетически представлена в пофазном развитии, начиная с эпохи Возрождения (Макиавелли репрезентирует соответствующие перемены в наиболее последовательном виде). Следующая фаза – долгая эпоха классицизма. Затем – рационализм эпохи Просвещения (Лейбниц, Кант, Гегель), эпоха романтического индивидуализма (рождение идентичности личности современного типа, форсирование нациогенеза, становление формального равенства, гражданства, формирование гипериндивидуализма и нигилизма и т.д.). Завершается этот процесс моральным кризисом цивилизации, становлением эпохи Постмодерна.

Завершая главу, попытаемся подвести краткий итог обсуждения тезиса о том, что характеристика феномена морального выбора открывает *предпосылки* прикладной этики в обеих ее ипостасях, те предпосылки, которые мы заявили в преамбуле к этой главе.

Анализ природы морального выбора прямо вывел нас на *запрос* к прикладной этике прежде всего потому, что выбор – это уже *акт приложения* по меньшей мере в трех направлениях. Ситуация морального выбора – предпосылка *акта креации* прикладной этики (морали): во-первых, потому, что предполагает выбор в пользу моральности и акт самоопределения субъекта к той или иной системе нравственных ценностей; во-вторых, потому, что предполагает *акт приложения* как *конкретизации* универсальной (общественной, общечеловеческой) моральной системы *применительно к «малым системам»* (в число которых мы посчитали возможным включить и этику частной жизни и межличностных отношений); в-третьих, потому, что выбор является *актом конкретизации морали в поступке*; в-четвертых, потому, что в ситуации выбора содержится запрос на «фронезис», «этическое умение» в сфере принятия моральных решений, запрос, который по мере развития и практики, и теории морали становится существенным моментом этико-прикладного знания (вторая ипостась прикладной этики).

Попытавшись интерпретировать феномен морального выбора как *предпосылку* прикладной этики, мы тем самым встали перед более сложной задачей – характеристикой морального выбора как *способа существования* прикладной этики, а прикладной эти-

ки – как науки и искусства морального выбора. Попытка постановки и решения этой задачи – предмет главы 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В разделе «Основания», в главе 6, мы снова обратимся к проблематике морального выбора, пытаясь идентифицировать его как *modus vivendi* прикладной этики.

² Так, решившись – это было поступком – на включение в учебный план для системы политического просвещения молодежи 1968 года темы «Моральная свобода и нравственная ответственность», разработанной одним из авторов этой монографии, ответственные редакторы этого документа не решились оставить одну из ее частей, посвященную проблеме соотношения цели и средств. См.: Беседы о нравственности. М.: Молодая гвардия. 1968.

³ Эпштейн М. Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило // www.emory.edu/INTELNET/mt_stereoethics.html.

⁴ Агеев А. Отражение варварства // Экономические стратегии, № 5-6. 2004. С.7.

⁵ См.: Ялом И. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. М.: Класс, 1997. С.17.

⁶ Майленова Ф.Г. Разделенная ответственность в работе психолога-консультанта // Человек. 2002. № 2. С. 98.

⁷ Эпштейн М. Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило.

⁸ Кьеркегор С. Или-или. М.: «Арктогея», 1993. С.208.

⁹ Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9.

¹⁰ Абрамкин В. Странные ощущения // Век XX и мир. 1992. №3.

¹¹ См., напр.: Бакштановский В.И. Моральная свобода и ответственность // Беседы о нравственности. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 73.

¹² Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

Часть вторая ПРИРОДА

Глава 3

Прикладная этика: что? – к чему? – каким образом? – зачем?

СФОРМУЛИРОВАТЬ название главы так, чтобы представить в нем наше понимание прикладной этики, оказалось делом весьма сложным. Трудный выбор – предпочтение одного из возможных вариантов идентификационных характеристик прикладной этики, в каждом из которых есть свои «плюсы» и «минусы». Например, соблазнительно назвать главу так: «Прикладная этика как “практическая философия” современности». Но древняя метафора, акцентирующая практическую направленность этики, более адекватна *своему* времени и менее – эпохе посттрадиционной, «рациональной» морали *современности* и современному знанию об обществе и морали, а потому не фиксирует разницу между *практичностью* и собственно *приложением*, природа которого предполагает весьма строгие ответы на алгоритмизированное вопрошание «*что? – к чему? – каким образом? – зачем?*».

Отождествление понятий «прикладная этика» и «практическая этика» порождает *рискованные* суждения об *извечности* прикладной этики. Рискованные своими демобилизующими последствиями, ограничивающими современное этико-прикладное знание потенциалом *практичности моральной философии* и, тем самым, освобождающими его от ответственности за развитие *своегособственного* потенциала, содержащегося в теоретизировании о конкретизации морали в нормативно-ценностных подсистемах, в проектной ориентации знания, в «технологическом» – моделирующем, экспертирующем, проектирующем и т.п. потенциале этико-прикладных исследований и разработок. Так, например, в статье «Прикладная этика» англо-американской этической энциклопедии говорится, что «прикладная этика привлекала внимание, по крайней мере преходящее, величайших мыслителей», и в качестве одного из примеров приводится «отстаивание Сократом (470-399 д.н.э.) своего отказа бежать от незаслуженной казни»¹. Сходное суждение о существовании прикладной этики с достаточно древних времен находим у автора статьи «От “прикладной этики” к практической» Д. Кэллахана: «Даже Платон испытывал “прикладную” озабоченность по поводу социальных последствий преподавательской деятельности софистов»².

Возможно, применительно к классикам истории этической мысли речь должна идти скорее о *практической* этике, появившейся по меньшей мере на два тысячелетия раньше, чем сформировалась мораль как таковая, а не об этике *прикладной*, появление которой, с нашей точки зрения, представленной в главе 1, синхронизировано с формированием зрелой («рационализированной», «постестественной» и т.п.) морали и нормативно-ценностных подсистем? Положительно отвечая на этот вопрос всей своей концепцией, представим некоторые ее аргументы в связи с обзором интерпретаций понятия «прикладная этика» в современных этических исследованиях, обращенных к проблеме связи этики и практики.

3.1. Поиск идентичности: обзор интерпретаций

НАЧНЕМ обзор с анализа содержания понятия «*практическая этика*», потому что, во-первых, оно исторически возникло намного раньше, чем «прикладная этика», и, во-вторых, в целом ряде современных работ трактуется фактически в качестве *синонима* понятия «прикладная этика».

Одна из версий трактовки понятия «практическая этика» заключается в характеристике ее как предмета деятельности *морального философа*, который ориентирован на практическое применение достижений *моральной философии*. Так, например, в «Практической этике» П. Зингер³ замечает: «Проблемы, обсуждаемые в данной книге, относятся к тем, по поводу которых позиции спорящих определяются этическими разногласиями, а не

расхождением в трактовке фактов. Поэтому потенциальный вклад философов в обсуждение данных проблем весьма значителен». Как видим, автор не случайно называет свою книгу именно «Практическая этика», а не «Прикладная этика», так как говорит о практическом применении *философии морали*.

Сходная характеристика практической этики представлена в работе Г. Мегле «Этика в индустриальном обществе»⁴. «Практическая этика, – пишет автор, – это рациональное рассмотрение релевантных практике моральных вопросов». Речь идет о тех вопросах, которые «рано или поздно ставят в процессе решения отдельные люди (например, ученые, потребители, политики, врачи, водители, родители...) или группы людей (правительства, суды, университеты, фирмы, церкви, партии, профсоюзы, парламенты)». При этом для автора «понятие “решение” – это именно рациональное решение», которое «требует анализа всех возможных вариантов». Несомненно, автор имеет в виду, что практическая этика – это теоретизирование в сфере морали: он видит в практической этике «полезную, недогматическую, научную дисциплину», предполагающую *экспертное* знание, а не знание, которым обладает любой человек. Актуализируя свою позицию полемикой с эмотивистской тенденцией в этике, автор дополняет: «С улучшением знания в этой сфере будет все больше примеров работы разума, связанной с практикой: как иначе должны те стандарты, об общественном невнимании к которым столь горюют, укореняться в сознании, а тем более в общественном дискурсе, если просто где-то не начать их практиковать?».

В особый ряд отнесем характеристику «практической этики» через *противопоставление* ее «прикладной этике», сразу отметив, что последняя при этом представлена, на наш взгляд, весьма односторонне. Так, например, пытаюсь объяснить, почему, «учитывая историю моральной философии», опыт ее классиков, «занятие так называемой прикладной этикой часто подвергается сомнению в качестве подлинно философского занятия», Дж. Кэллахан одной из причин называет «ошибочное понимание, порожденное самим названием “прикладная этика”». Оно, по мнению автора, «наводит на мысль, что занятие такой этикой предполагает простое приложение общих нормативных теорий к различным вопросам, вызывающим текущий общественный интерес». Характеризуя *этот* образ прикладной этики, автор продолжает: «в соответствии с этой моделью “прикладная этика” задается вопросом, например, что могла бы сказать теория Канта или Милля о моральности добровольных абортов или что сказала бы теория Аристотеля о моральности использования определенных медикаментов». Прикладной этике автор противопоставляет практическую этику как «этическое исследование, которое напрямую направлено на решение конкретных, проблематичных с моральной точки зрения ситуаций и безотлагательных моральных вопросов, возникающих в нашем мире»⁵.

Как видим, автор считает возможным – и даже необходимым – обойтись без понятия «прикладная этика», полагая, что приведенное им толкование этого понятия единственно возможное, и, видимо, не допуская, что критикуемое им толкование вполне адекватно описывается именно термином «практическая этика» («практическая философия»). При этом можно поспорить с автором, который сводит сферу практической этики к специализированным видам человеческой деятельности, забывая (?) в своих доказательствах значимости преподавания практической этики о важности приложения этического знания и к проблемам частной жизни, индивидуального жизненного пути, и к межличностным отношениям – прикладная этика в нашем понимании ориентирована на решение ситуаций морального выбора и в этих сферах.

Сходный вариант идентификации практической этики через противопоставление ее этике прикладной – позиция Р. Вернера. Автор полагает, что «практический этический подход» – в отличие от прикладного, который «применяет общие этические теории (например, Аристотеля, Канта, Милля и т.д.) к различным вопросам современной общественной значимости (например, войны, аборта, эвтаназии)», – это «этическое исследование, которое в качестве своей непосредственной задачи видит разрешение конкретных спорных с моральной точки зрения ситуаций и безотлагательных моральных вопросов в современном мире». И уточняет, что практический этический подход «заимствует открытия из этической теории, но задача этого подхода не сводится просто к разработке приложения этих теорий; поднимает важные для этической теории теоретические и методологические вопросы, но не является философской технологией, где теории высокого

уровня переносят на практику»⁶. Наши комментарии к точке зрения автора – те же, что и в отношении предшествующей позиции.

Еще один вариант характеристики практической этики через ее противопоставление этике прикладной предполагает акцентирование роли «практического разума». Л. Гроак пишет: «Я хочу обсудить пути подхода к практическим моральным проблемам и показать, что призыв обращаться к этической теории и "прикладной" этике, характерный для попыток философов решать практические проблемы, неверен, и его следует заменить таким подходом, когда роль этической теории в изучении морали сводится к минимуму». По мнению автора, «движение к прикладной этике, характерное для современных этических дискуссий, вполне оправданно, хотя оно простирается недостаточно далеко, а сам термин "прикладная" этика спорен, *если при этом предполагается приоритет этической теории, считающей, что конкретные моральные вопросы должны решаться путем "приложения" некоторых, прежде полученных теоретических выводов*» (выделено нами. – В.Б., Ю.С.). В противоположность этому подходу автор предполагает, что «этическое исследование должно концентрироваться на исследовании фактических обстоятельств, в которых возникают специфические моральные вопросы, и обращаться к моральной теории следует только при необходимости решения каких-то специфических вопросов, – т.е. в ситуации, которая возникает гораздо реже, чем философы обычно полагают». Соответственно практическая этика рассматривается «как выражение практического, а не теоретического разума», и «эмпирические вопросы должны играть преобладающую роль в рассмотрении и решении практических моральных проблем», то есть «не философский взгляд, а понимание обстоятельств, в которых возникает проблема, служит ключом к пониманию практических моральных вопросов. Попытка понять эти обстоятельства, а не моральную теорию, дает ключ к пониманию многих практических моральных вопросов»⁷. Не трудно увидеть, что и в этом случае образ прикладной этики столь же односторонне сводится к философскому взгляду на моральную практику, трактуется как прямое «приложение» имеющихся в арсенале этики теорий. Правда, автор делает важную оговорку о спорности термина «прикладная этика»: «если при этом предполагается...», допуская, видимо, иные интерпретации.

В то же время в специальной литературе предложена и такая версия, согласно которой практическая этика фактически совпадает с этикой прикладной. Так, Р.Г. Апресян называет практической этикой совокупность профессиональных и отраслевых (непрофессиональных и некорпоративных) систем моральных норм: «Выстраивание в один ряд *нормативно-этических систем, связанных с различными видами практической деятельности*» (выделено нами. – В.Б., Ю.С.), побуждает объединить их понятием «практическая этика» и рассматривать последнюю как совокупность разнообразных систем моральных норм – с различной степенью систематизированности, рационализированности, композиции (соотношения принципов и правил) и институциональной поддержки»⁸. «Кухню» «разработки конкретной практической этики», «схему формирования» последней, автор представляет следующим образом: «а) в экспертном анализе выделяются значимые в этическом плане аспекты конкретной профессионально-отраслевой деятельности; б) по их поводу высказываются рекомендации в соотношении с определенными моральными принципами; в) формулируются принципы и формируется кодекс для данной области»⁹. На наш взгляд, в такой интерпретации «практической этики» скорее «схвачено» то общее, что есть у нее с этикой прикладной, но без их видовых отличий.

ХАРАКТЕРНО, что даже обратившись к работам, в которых предпринимается попытка идентифицировать именно *прикладную этику*, мы обнаруживаем употребление (вольнo или невольнo) понятия «прикладная этика» в качестве, во многом совпадающем со смыслом понятия «практическая этика». Мы пришли к такому выводу на том основании, что особенности собственно *прикладной* этики выделены недостаточно. Прежде всего это относится к характеристике самого акта *приложения* (как? каким образом?).

Обратимся, например, к цитированной выше содержательной статье «Прикладная этика» в англо-американской «Энциклопедии этики»¹⁰. На наш взгляд, характеризуя прикладную этику, авторы фактически расшифровывают тысячелетнюю метафору «этика – практическая философия». Об этом говорит, во-первых, уже цитированная историческая ссылка на отстаивание Сократом своего отказа бежать от незаслуженной казни. Во-вторых, утверждение авторов, что прикладная этика, с их точки зрения, – применение

этического подхода, «принципов, ценностей, идеалов» к практике для ее оценки «по этическим основаниям». Фактически прикладная этика идентифицируется через «практическую ориентированность» – именно этим она «должна противопоставляться другим философским подходам в области этики, а именно – *метаэтике* (анализ этических концепций и этических размышлений), нормативной этике (исследование *норм*, используемых при вынесении этических суждений) и этической теории (всестороннее исследование этических проблем, концептов, принципов, обоснований и суждений, их взаимосвязи и оправдания)».

В то же время акт *приложения* сводится авторами, на наш взгляд, к *ситуационному анализу*. Это видно, во-первых, в характеристике гетерогенности прикладной этики, «ее проблем, методов и результатов». Авторы выделяют в ее составе (а) исследование случаев, в которых философы «применяют теорию к конкретным ситуациям; так, нападки Бенета на “анархические заблуждения” во французской Декларации 1789 г. являются ярким примером “исследования случая” (case-study) в его позитивистском утилитаризме»; (б) «традиционную казуистику – применение этической рефлексии к рассмотрению практических ситуаций»; (в) профессиональную этику, «осмысление этических аспектов вопросов и проблем, которые возникают в рамках определенных занятий». Во-вторых, в описании *методов* прикладной этики, которые фактически сведены к ситуационным методам обоснования принятия моральных решений. При этом в *простейших* ситуациях метод «состоит в том, чтобы давать советы или выносить суждения, основанные на применении принятых норм к проблемным ситуациям: если лгать неправильно, а человек близок к тому, чтобы соврать, то этот человек близок к неправильному поступку». Сами авторы говорят, что «это превращает прикладную этику в некое упражнение по дедуктивному мышлению с двумя предпосылками: одна выражает единственное релевантное этическое рассмотрение (правило, принцип, идею и т.п.), а другая характеризует имеющуюся ситуацию в такой манере, которая позволяет применить к ней этический подход». В *сложнейших ситуациях* предполагается анализ принимаемого морального решения. Одна из идеализованных ситуаций такого рода (рассматриваемых авторами) – соломоново решение.

Сходная позиция в идентификации прикладной этики представлена в статье «Прикладная этика» Международной энциклопедии этики. Для нашего утверждения достаточно прочитать начало статьи: «Тип этики: *Теория этики*. Дата: С античных времен. Определение: В самом широком смысле прикладная этика включает применение этических и моральных концепций к частным ситуациям»¹¹. Правда, после этого, весьма категорического, текста следует признание: «Согласия по поводу смысла термина “прикладная этика” достичь так и не удалось».

ЕЩЕ ОДНА тенденция в идентификации прикладной этики – ее характеристика через науковедческую оппозицию двух уровней знания: «фундаментальное – прикладное». Потенциально – это плодотворный подход для характеристики прикладной этики. Но одним из условий его эффективности является преодоление тенденции идентификации фундаментального знания как синонима теоретического знания, а прикладной этики – как синонима этики практической. Более того, эффективность оппозиции «фундаментальное – прикладное» обусловлена необходимостью описать сам акт *приложения*, в том числе специфику теоретизирования в сфере прикладного знания и технологию разработки и внедрения результатов этико-прикладных исследований. Но чтобы выполнить эти условия, исследователь, стремящийся идентифицировать прикладную этику, отрефлексировать акт *приложения*, должен предварительно поставить перед собой такую задачу. Ставят ли эту задачу исследователи, работы которых мы анализируем в этом обзоре?

Стремясь отрефлексировать смысл термина «приложение», что, кстати, предпринимают далеко не все авторы работ о прикладной этике, Л.В. Коновалова¹² считает уместным разделить два варианта употребления понятия «прикладная этика»: в широком и узком значении. В первом случае автор предлагает «понимать прикладную этику в буквальном смысле этого термина»: как «приложение этических и моральных понятий и суждений к конкретным сложным, часто очень драматическим, и в любом случае – противоречивым ситуациям». При этом автор подчеркивает, что «процесс приложения — не простой и спокойный процесс “конкретизации” общих положений в эмпирической стихии». Более того, «это даже не просто “казуистика” (от слова *casus* – случай), т.е. рассмотрение

бесконечных случаев и ситуаций такого приложения, о котором когда-то в своей книге «Принципы этики» Мур писал как о характерной черте вообще всякой теории морали», или «казуистика типа юридической, судебной, где речь идет об искусстве произвольного, в зависимости от интересов субъекта, истолкования общих положений закона применительно к конкретным ситуациям». Нет, с точки зрения Л.В. Коноваловой, «это процесс, весь драматизм которого связан с действительной, житейски реальной неразрешимостью многих моральных ситуаций, когда *одинаково* правильными являются диаметрально противоположные точки зрения и способы поведения. Это процесс, порождающий *моральные дилеммы*, а потому очень часто заводящий в тупик, выход из которого требует напряжения поистине всех сил человека, и чреватый уже не просто драмой, но часто и трагедией». И далее существенное замечание: «именно в этом процессе не просто проверяются, но часто и закладываются, рождаются правила и требования к поведению. Именно в этом процессе выплавляются затем своды тех правил, заповедей, запретов, те кодексы, которые в последующем очень часто переходят в законы и нормы поведения».

В этом подходе, на наш взгляд, справедливо обращается внимание на то, что недостаточно трактовать акт приложения как элементарный процесс «конкретизации» общих положений в эмпирической стихии или сводить его к казуистике. Вполне убедителен и тезис об обращенности прикладной этики к моральным дилеммам. Мы разделяем и суждение автора о том, что в процессе приложения к моральным дилеммам этические правила не только *испытываются, проверяются* и, добавим, применяются, но и *рождаются*.

В то же время необходимо отметить, что автор скорее обращает внимание на *драматичность* приложения этики трудным ситуациям, чем на характеристику собственно «технологии» приложения, на процедуры, которые мы в своей концепции идентифицируем как акты *морального творчества*. Поэтому трактовка Л.В. Коноваловой значения приложения «в широком смысле» фактически совпадает с описанными выше характеристиками *практической* этики. Более того, дальнейший анализ работы Л.В. Коноваловой дает основание утверждать, что и относительно второго случая – «узкого смысла» значения термина «прикладная этика» – *технология приложения* этического знания к практике, собственно механизмы и процедуры, которые выше мы назвали актами *морального творчества*, не представлены. Возможно, это объясняется стремлением противопоставить процедуру приложения в естественно-научном и этическом знании? Вполне понятное и правомерное, это стремление, с нашей точки зрения, увело автора от необходимости *конструктивно и технологически наглядно* описать свое понимание приложения этики к практике.

В подходе Л.В. Коноваловой плодотворно представление о несводимости прикладной этики к простому применению «неизменного этического знания» к «новому эмпирическому опыту» (или к пониманию прикладной этики «как совокупности вспомогательных методов, применяемых при решении практических задач»¹³). Автор справедливо утверждает, что такой смысл, собственно, и содержится в понятии «аппликация», «прикладывание»: «одна ткань накладывается на другую, получается нечто новое, но каждая составная часть остается той же самой, не меняясь». Весьма точно и замечание о том, что «именно такое понимание свойственно “прикладникам” в узком смысле этого слова, т.е. тем авторам весьма многочисленных, идущих нескончаемым потоком работ по прикладной этике, которые пишутся представителями тех конкретных видов деятельности и тех конкретных наук, *к которым* этика прилагается (прежде всего это относится к работам по биоэтике и по другим отраслям прикладной этики тоже)». Отмечая, что «такого рода “аппликации” тоже, конечно, имеют право на существование», автор считает, что «не они составляют суть прикладной этики», подтверждая этот вывод указанием на то обстоятельство, что «недаром в названии прикладной этики в самое последнее время используется не термин “аппликация” – механическое наложение одного на другое, но совершенно другое понятие – слияние, сращивание, соединение (apply)».

Но далее – спорное суждение: «В случае с прикладной математикой или лингвистикой речь идет скорее именно об “аппликации”, потому, наверное, что и та и другая наука сугубо формальны, не имеют той специфики, какую, по определению, имеет этика». Действительно, этика – особая наука. Но спорность не в этом утверждении. Зачем выделять в этическом знании прикладную этику, если в реальном итоге противопоставления

этики естественно-научному знанию, знанию, с необходимостью предполагающему *технологизацию* как условие практического приложения, предлагается позиция, весьма слабо оправдывающая роль прилагательного «прикладная» применительно к этике? «Прикладная этика – это особый вид этики не потому, что она накладывается на новый проблемный материал, а потому, что она дает *новое* понимание проблем морали, представляет собой новый вид этики, новый подход к проблемам самой этики. Она предъявила новые требования к развитию этики, по-новому формулирует ее предмет, ставит перед этикой новые задачи. Она представляет собой новый вид этики потому, что *дает новое понимание этики*», – пишет Л.В. Коновалова. Да, все именно так, но как же именно связана *прикладная* этика с практикой? Что происходит с этическим знанием на пути к практике? Как оно трансформируется? Каковы каналы его практичности? Мы уже не говорим о еще одном важнейшем вопросе, имеющем прямое отношение к феномену *приложения*: а что происходит с самой моралью? как именно она конкретизируется в виде нормативно-ценностных подсистем (прикладных моралей)? Вполне верное утверждение автора о необходимости связи прикладной этики с этикой в целом, о сохранении *этического* статуса прикладной этики не отменяет этих вопросов. И действительно, даже если представлять прикладную этику как характеристику *всей современной этики* в целом, как *постклассический вид этики*, «который она приобрела в последние десятилетия двадцатого века», – и в таком случае надо оправдать уход от «старой» версии этики как практической философии. Конечно, можно учесть, что автор и не ставила своей целью отвечать на эти вопросы, предупреждая: «наша цель будет состоять отнюдь не в том, чтобы непосредственно осуществлять “приложение” этики или показывать, как работает теоретическая этика на решении каких-то конкретных задач, ...мы не будем выступать как “прикладники”. Мы будем оставаться этиками». Но, уклоняясь от такого рода задач, можно ли адекватно представить прикладную этику?

ОСНОВАТЕЛЬНО аргументирована версия идентификации прикладной этики по таким критериям, как характер проблем, являющихся ее предметом, и особое соотношение этики и морали, предложенная А.А. Гусейновым. В Энциклопедическом словаре «Этика», в статье «Размышления о прикладной этике», написанной для журнала «Ведомости» (НИИ прикладной этики)¹⁴, А.А. Гусейнов говорит об основании характеристики предмета прикладной этики следующим образом: «Прикладная этика – область знания и поведения, предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный, междисциплинарный и открытый характер. Показательные примеры таких проблем – смертная казнь, эвтаназия, трансплантация органов, клонирование, продажа оружия и др. Они являются пограничными, т.к. касаются фундаментальных моральных принципов, ценности самой жизни; междисциплинарными, т.к. являются предметом осмысления ряда дисциплин; и открытыми, т.к. имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой способно быть предметом моральной аргументации».

Конкретизируя специфику этико-прикладных проблем, автор выделяет целый ряд признаков. Во-первых, эти проблемы «возникают в публичных сферах жизни, предполагающих и требующих кодифицированного (юридического, административного, профессионального) регулирования и контроля, в зонах институционального поведения, где поступки по определению имеют осознанный и общественно-вменяемый характер». Во-вторых, это проблемы, для решения которых «недостаточно одной доброй воли, нравственной решимости; к этому требуется еще профессиональная строгость суждений. Здесь моральная обоснованность выбора теснейшим образом сопряжена с адекватным знанием предмета выбора». В-третьих, по вопросу нравственной квалификации этих проблем «среди специалистов и в общественном мнении господствуют противоположные по существу, но соразмерные по удельному весу и общественному статусу позиции». В-четвертых, этико-прикладные проблемы «не могут быть решены в рамках казуистического метода, хотя и имеют казусный характер; они являются открытыми не потому, что не найдено логически безупречного обоснования, а потому, что не имеют его, они всегда единичны и требуют каждый раз частных, одноразовых решений». В-пятых, способ решения такого рода проблем «является публичным, процессуально оформленным, чаще всего он осуществляется через особые этические комитеты, в которых представлена вся совокупность относящихся к делу интересов и компетенций. В случае этико-прикладных проблем как бы выносятся наружу тот, выявленный еще Аристотелем, внутриличностный меха-

низм рационального взвешивания и борьбы мотивов, который предшествует принятию нравственно вменяемого решения. Правда, одновременно с этим размывается (деперсонализируется) ответственность за решение и оно отчасти теряет нравственное качество».

Насколько обязательно называть такого рода проблемы именно *этико-прикладными*? Можно ли применить к такому подходу алгоритм «что? – к чему? – каким образом? – зачем?»? И что в таком случае следует из суждения автора? Этическая теория прилагается к моральной практике? Однако автор, отмечая, что в понятии «прикладная этика» «термин “этика” имеет смысл, приближающийся к моральной теории», все же специально подчеркивает, что это понятие «в первую очередь употребляется для обозначения определенного фрагмента самой моральной реальности».

Здесь надо вспомнить известную точку зрения автора на отношения этики и морали, в том числе и представление о том, что сама мораль способна выполнять некоторые функции этики (об этом ранее писали и О.Г. Дробницкий, и А.И. Титаренко). В рамках этой точки зрения вполне логичен тезис автора (перекликающийся с представленным выше тезисом Л. Гроак о первичности моральных проблем относительно проблематизации прикладной этики), согласно которому прикладная этика представляет собой «первичный моральный опыт – сознательный, осознанный, даже теоретически насыщенный», который потом «становится предметом философских и иных специализированных обобщений». Мы готовы, уклоняясь здесь от уточнений (об активной, в том числе проективной, роли этического знания в постановке морально-значимых проблем), разделить этот тезис автора. В рамках нашей концепции есть сходное представление: прикладная этика в одной из ее ипостасей – как нормативно-ценностная система – создает предмет для этико-прикладного знания как второй ипостаси прикладной этики.

Однако полагаем уместным оспорить суждение А.А. Гусейнова о том, что «когда В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов говорят об этико-прикладном *знании* в его соотносительности с фундаментальным *знанием*, то надо полагать, что они имеют в виду разные уровни самого морального сознания. В частности, под фундаментальным знанием в этом случае подразумеваются не философские концепты, а основоположения (принципы) самой морали – то, что составляет общую посылку в силлогизме поступка. Речь, следовательно, идет о соотношении, связи конкретных моральных решений с общими моральными принципами. Прикладная этика представляет собой особый тип или, если рассуждать в историческом разрезе, особую стадию такой связи». Действительно, о прикладной этике в значении нормативно-ценностной подсистемы общественной морали можно говорить и как о связи конкретных моральных решений с общими моральными принципами. Действительно, высший уровень морального сознания, его мировоззренческий ярус, весьма близок к теоретизированию. Но это не отменяет роли теоретизирующего этического знания, в рамках которого и уместно различать фундаментальный и прикладной уровни, имея в виду, что последний представляет собой специфический, в том числе проектно-ориентированный, вид теоретизирования, «подготавливающий» приложение теории к моральной практике.

В соответствии с таким представлением о теоретизировании этико-прикладного уровня, мы полагаем спорным и суждение автора, согласно которому прикладные этики «не являются частями, разделами этики как науки о морали, они в большей мере принадлежат соответствующим специальным областям знания: биомедицинская этика – биологии и медицине, этика науки – науковедению и т.д.». Вполне можно говорить о том, что прикладная этика возникает «на стыке этики и др. конкретных форм научно-практической деятельности», но одно дело – *источник* проблематизации прикладной этики, акцентирование реактивности этико-прикладного знания в отношении практических проблем, другое дело – (не)допущение необходимости теоретизирующего этико-прикладного знания. Не оговаривая роль последнего, можно вольно-невольно оставить за рамками рефлексии одну из двух ипостасей прикладной этики.

Для понимания позиции А.А. Гусейнова по идентификации прикладной этики существенна корректировка, внесенная им в ответ на реплику Р.Г. Апресяна, который по поводу идеи А.А. Гусейнова, что прикладная этика – современная форма развития этики, «этика открытых проблем», заметил на форуме сайта Центра прикладной и профессиональной этики: «Мы можем построить и свою “прикладную этику”. Но что нам делать с уже имеющейся – *Encyclopedia of Applied Ethics* в 4-х томах?». В ответе А.А. Гусейнова на

том же сайте можно выделить две части. И обе они существенны как для уточнения позиции самого А.А. Гусейнова, так и для дальнейших дискуссий о прикладной этике.

В первой части ответа говорится, что все многообразие моральных опытов – «этика бизнеса, педагогическая этика, медиаэтика, политическая этика и т.д. и т.п.», – которое охватывается 4-томной «Encyclopedia of Applied Ethics», надо выделить, институционализировать в качестве самостоятельной исследовательской области и обозначить её как прикладную этику. Но в скобках автор подчеркивает: «не уверен, что термин “прикладная этика” удачен и что именно это есть “прикладная этика”, поскольку в этом случае конкретные этики сразу рассматриваются как части, ответвления этики, а не как части, ответвления той предметной области, которой они принадлежат; и остается непонятным, что качественно нового возникает в наши дни, последние десятилетия, по сравнению с Прозлыми эпохами, где также были “прикладные” этики в виде “клятв Гиппократов”, “домостроев” и т.д.». И добавляет: «Подчеркиваю: здесь речь идет об обозначении, а не понятии».

Во второй части своего ответа А.А. Гусейнов еще раз представляет свою позицию. И, на наш взгляд, вносит существенное уточнение. Но не в характеристику предметности «этики открытых проблем», хотя эта характеристика, как нам показалось, обрела здесь предельную ясность. «Во всем том огромном массиве практических и интеллектуальных опытов, которые принято именовать прикладной этикой, есть такая предметность, которая являет собой качественно новую форму нравственной жизни, о которой классическая этика типа Аристотеля, Канта или, например, утилитаризма не знала и которая не укладывается в принятые теоретические объяснительные схемы. ...В чем специфика (не сравнимая ни с чем в прошлом новизна) моральной жизни в форме открытых проблем? В том, что здесь нет правил, нет решения на уровне норм. Этого нет не потому, что не найдены такие правила, люди (ученые и общество) не пришли к согласию. А потому, что их в данном случае вообще не может быть. Речь идет о таких человеческих ситуациях, когда любое из двух или более взаимоисключающих решений оказывается нравственно равноценным и решение делегируется на индивидуальный уровень. ...Эту новую нравственную реальность надо выделить в особую предметность науки, понять её своеобразие (неужели не очевидно, что ситуация эвтанази или вопросы о том, какими нормами руководствуются в рекламном бизнесе, показывать или нет голых девиц по телевидению, как врачу общаться с больным и т.п. – совершенно разные вещи и их нельзя сваливать в одну кучу). Эта новая реальность открытых проблем может быть интерпретирована таким образом, что мораль, а вслед за ней (лучше сказать – вместе с ней) этика вступают в новую стадию (формацию, этап). ...В случае этой новой реальности речь идет не об ответвлении от этики, не о её приложении, не о расширении и обогащении тематики, а о том, что она сама (в своей сути) приобретает новый вид».

Существенным же оказалось уточнение автора, связанное с размышлением над вопросом «как назвать этот новый вид (“прикид”) этики, её новую стадию?». «Я думал, что термин “прикладная этика” является удачным. Вообще-то говоря, термин может быть и другой – например, “этика поступка”. Это в каком-то смысле даже лучше передает то, о чем я говорю (или хочу сказать). Была этика добродетелей (Аристотель). Была этика правил (Кант). Стала (становится) этика поступка. Спиноза, кажется, говорил, что слова выдумывает толпа, а истолковывают их философы. Вопрос о том, что и как называть, следует связать с содержанием. Я, как мне кажется, даю понятие, и вопрос заключается в том, чтобы его обозначить. А в нашей литературе словосочетание “прикладная этика” применяется как обозначение, но не выявлен его понятийный смысл. Вывод: надо дальше разбираться, исследовать, что происходит с моралью и с этикой».

Казалось бы, автором некоторые проблемы с идентификацией прикладной этики этим разъяснением сняты. Да, в том смысле, что он готов снять идентификацию прикладной этики как «этики открытых моральных проблем», назвав эту проблематику *этикой поступка*. Но и вряд ли «сняты», так как акцентируемая автором проблематика вполне может быть предметом именно прикладной этики, во всяком случае в той ее парадигме, которую мы развиваем.

ПЕРЕКЛИКАЮЩИЙСЯ с рассмотренным, но обладающий спецификой вариант идентификации прикладной этики предлагает Р.Г. Апресян. В статье, написанной для

журнала «Ведомости» (НИИ прикладной этики), автор характеризует прикладную этику как «раздел, направление, а лучше сказать – аспект исследований морали, наряду с философской, нормативной и дескриптивной этикой (статус, смысл и состав прескриптивной этики еще подлежит прояснению). Предметом прикладной этики является императивное и ценностное содержание профессионально и/или предметно определенных практик; ее задачей является этическая рационализация, т.е. осмысление, критика или обоснование тех или иных стратегий, тактик и методов профессионально и/или предметно определенных практик». Уточняя свою позицию, Р.Г. Апресян пишет далее: «Возвращаясь к определению прикладной этики, можно теперь уточнить ее предмет: это анализ моральной практики – императивного и ценностного содержания конкретных видов деятельности, точнее, тех отношений, в которые вольно или невольно вступает человек в процессе осуществления различных конкретных видов деятельности, а также ее социокультурные условия, ее этос, нормативный состав и те социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается его действенность»¹⁵.

В подходе Р.Г. Апресяна мы видим плодотворную попытку двухаспектной идентификации прикладной этики: и как вида этического знания, и как сферы моральной практики, но с характерным для большинства авторов работ о прикладной этике доминированием внимания скорее к специфике ситуации в нормативной сфере, чем в сфере этико-прикладных исследований и разработок. В то же время подход автора выделяется вниманием к роли прикладных исследований, опирающемся на его собственный опыт разработки ряда прикладных этик (предпринимательской, парламентской, этики науки и техники, этики ненасилия и т.д.), что, на наш взгляд, весьма существенно для рефлексии о природе прикладной этики. Полемически заметим, что Р.Г. Апресяну еще предстоит «развести» прикладную этику и практическую этику: как мы уже отметили, при обзоре интерпретаций понятия «практическая этика», характеристика автором практической этики слабо дифференцирована от характеристики этики прикладной.

НЕСКОЛЬКО комментариев, предваряющих развернутое изложение нашей концепции прикладной этики в следующих параграфах. Комментариев, в которых мы стремимся, в духе современного *методологического подхода*, не столько *опровергать* взгляды коллег, сколько *локализовать* их, сознавая при этом, что и у предлагаемой нами концепции есть свой «интервал эффективности».

Что привлекает в рассмотренных выше интерпретациях прикладной этики, версиях ее идентичности и что представляется предметом дискуссий, в которые мы стремимся внести свою точку зрения?

1. Большинство авторов говорит о «рождении» прикладной (практической) этики в XX веке, поставившем моральные вопросы, «которые никогда раньше перед человечеством не вставали». С последней констатацией спорить нелепо: «новые вопросы», причем многие из них действительно «пограничные», являются *подлинно* новыми. Прежде всего вопросы, исследуемые биоэтикой, экологической этикой, этикой науки и технологий и т.д. Однако корректнее было бы говорить не о *рождении* прикладной этики в связи с этими вопросами, но о взрывном характере обращения исследователей и широкой общественности к этико-прикладной тематике. Так было бы более корректно уже потому, что этико-прикладная проблематика не исчерпывается указанными выше вопросами, но включает проблемы, возникшие намного раньше.

2. Тенденция рассматривать термины «практическая этика» и «прикладная этика» в качестве синонимов методологически не безобидна.

3. В самом начале нашего проекта «Прикладная этика», в 70-80-х годах, мы выдвинули тезис о *встречном движении* этики и морали. И конечно, исходили из укрепляющейся в те годы в этической литературе идеи особой взаимосвязи этики и морали, в том числе о потенциале рефлексии морального сознания. Мы полагали, что прикладная этика (этико-прикладное знание и нормативно-ценностные подсистемы) – одна из точек такого *встречного движения*. И демонстрировали этот подход развитием методологии этических деловых игр и опытом экспертных опросов, ориентированных на самопознание организаций и профессиональных ассоциаций, оргпроектом «целевых бригад» исследователей и практиков, создающих профессиональные кодексы, программы нравственно-воспитательной деятельности с обязательным сочетанием мировоззренческого и нормативного «ярусов» морали, и т.п.

Поэтому нам во многом близко суждение, согласно которому «в рамках прикладной этики теоретический анализ, общественный дискурс и непосредственное принятие морально ответственного решения сливаются воедино, становясь содержанием реальной, соответствующим образом организованной общественной практики»¹⁶. Сложнее с принятием его продолжения: «это особая форма теоретизирования; теоретизирование, непосредственно включенное в жизненный процесс, своего рода теоретизирование в терминах жизни. И это – особая форма принятия ответственных решений, самой человеческой практики, когда последняя поднимается до теоретически осмысленного уровня». Дело в том, что за рамками этой красивой формулы остается вопрос о прикладной этике как специфическом теоретизировании, которое предполагает профессиональную исследовательскую деятельность этиков, проведение прикладных исследований и разработок, ориентированных и подготовленных к прямой и обратной связи с практикой. Иначе говоря, в этой формуле за рамками исследовательской рефлексии остается существенный признак одной из сторон «встречного движения» – проектирование и производство этико-прикладного знания, особое – *этическое* – творчество, не отменяемое *моральным* творчеством.

4. Фактически продолжая предшествующий комментарий, отметим, что некоторые авторы своим характеристикам предмета прикладной этики предпосылают уточнения в связи с многозначностью смысла термина «этика», с его употреблением как в значении теоретизирующего философского знания о морали, так и рефлексивной деятельности самого морального сознания, а то и как синонима термина «мораль». Однако наряду с необходимостью в каждом конкретном случае определять смысл употребления того и другого термина, и одновременно с поиском лингвистических конвенций, необходимо обратить особое внимание к характеристике акта *приложения*. Иначе мы еще долго будем сталкиваться с иллюзией о прикладной этике как формальной аппликации некоей универсальной теории и универсальной морали – к «неуниверсальной», конкретной практике. С нашей точки зрения, в поле рефлексии исследователей природы прикладной этики целесообразно ввести по меньшей мере две ее ипостаси: (а) этико-прикладное знание как *система*, элементами которой, наряду с этико-философскими средствами познания нормативно-ценностных подсистем, являются различные направления *прикладных исследований и разработок*, связанные со знанием, в большинстве случаев не выводимым непосредственно из морально-философского теоретизирования, а потому предполагающим его специальное *производство*; (б) прикладная этика как нормативно-ценностная подсистема («прикладная мораль») – продукт *конкретизации* морали.

5. Краткий обзор интерпретаций идентичности прикладной этики позволяет не только зафиксировать многообразие ответов на вопрос о природе прикладной этики, но и провести анализ выдвинутых в литературе подходов с помощью алгоритма «что? – к чему? – каким образом? – зачем?». Разумеется, большинство авторов не предполагали использование такого рода алгоритма в своих работах и тем более применительно к анализу их собственных работ. Тем не менее некоторые ответы на вопросы нашего алгоритма можно «вычитать» из их текстов. Более того, даже если многие авторы не «отмечаются» по каждому из шагов этого алгоритма (и потому «отвечают» не на каждый из его вопросов), в результате обзора открывается возможность предпринять попытку типологизации основных позиций.

Свой опыт типологизации представлений о прикладной этике – *безотносительно к данному алгоритму* – предлагает А.А. Гусейнов: «*приложение этической теории к практике; *новейший вариант профессиональной этики; *совокупность особого рода практических моральных вопросов современности; *новая стадия развития этики, характеризующаяся тем, что теория морали прямо смыкается с нравственной практикой общества» (сам автор типологии предпочитает последнюю версию¹⁷). С нашей точки зрения, все четыре подхода, представленные в этой типологии, не исключают друг друга, а «схватывают» разные *аспекты* единого феномена прикладной этики. Но без специального различения этики *практической* и этики *прикладной*.

Что касается нашей версии типологизации проявленных в специальной литературе интерпретаций идентичности прикладной этики, то заложенный в типологию *алгоритм* «что? – к чему? – каким образом? – зачем?» позволяет представить эти версии следующим образом: * прикладная этика и практическая этика (древнейшая метафора: «этика =

практическая философия») – одно и то же; *прикладная этика – это современная разновидность существующей с древних времен практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы; *прикладная этика – современная практическая этика, но, в отличие от профессиональной этики, это форма регуляции деятельности не изнутри, а извне; *прикладная этика – практическая этика, предметным полем которой являются конкретные виды человеческой деятельности; *прикладная этика – применение общеэтических концепций к частным ситуациям; *прикладная этика – это нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие общественную мораль (и своеобразная подсистема – этика частной жизни и межличностных отношений), с одной стороны, теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения (этическое ноу-хау) – с другой.

Ответ на вопросы алгоритма «что? – к чему? – каким образом? – зачем?» в последнем случае предполагает, во-первых, тезис о развитии системы этического знания («что?») применительно к особенностям теоретизирования о нормативно-ценностных подсистемах («к чему?») за счет проектирования и производства этико-прикладного знания, методологический арсенал которого оснащен как этико-философскими и этико-социологическими средствами познания нормативно-ценностных подсистем общества (теория конкретизации морали), так и проектно-ориентированным знанием и фронестическими технологиями приложения, этическим ноу-хау: рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п. («каким образом?»), ориентированным и приуроченным для исследования и преобразующего воздействия на нормативно-ценностные подсистемы («зачем?»). Во-вторых, тезис о конкретизации («каким образом?») общественной морали («что?») как процессе формирования нормативно-ценностных подсистем, регулирующих и ориентирующих сегментированные сферы общества («к чему?»). Вопрос «зачем?» уместен, если речь идет о целенаправленном, намеренном воздействии на нормативно-ценностные подсистемы.

Наше предпочтение последней интерпретации обосновано в следующих параграфах.

3.2. Прикладная этика как нормативно-ценностная подсистема: идея конкретизации морали

В СООТВЕТСТВИИ с предложенным выше подходом к ситуации многозначности термина «этика», в том числе и с употреблением его в качестве синонима термина «мораль», специально уточним, что в данном параграфе мы обращаемся к характеристике одной из двух ипостасей прикладной этики – нормативно-ценностных подсистем общественной морали. В основе этой характеристики – идея *конкретизации* морали. В формате алгоритма вопрошания, вынесенного в название главы, речь здесь пойдет об акте *приложения* как конкретизации («каким образом?») общественной морали («что?») применительно к определенным сферам и видам человеческой деятельности («к чему?»), проявляющейся в формировании нормативно-ценностных подсистем. При этом необходимы два существенных дополнения.

Во-первых, речь идет прежде всего о сферах деятельности, появившихся в историческом процессе *сегментации общества* и, на первый взгляд, не нуждающихся в морали¹⁸. Не нуждающихся? Именно «на первый взгляд», так как в стадии зрелости мораль оказалась способной – при определенных условиях – пойти на собственную сегментацию. Совершив вынужденное «отступление» из неведомых ей прежде автономных функциональных подсистем, мораль переходит к продуктивной «работе» в подсистемах общества, работе, которую предварило ее *приложение* к установкам, правилам, оценкам, обеспечивающим эффективность жизнедеятельности социальных подсистем. При этом не стоит концентрировать внимание исключительно на изменениях в артикулировании норм или же в конфигурациях ценностей – это, если угодно, слабая версия приложения. Существует и сильная версия, толкующая о принципиальных превращениях, сумма которых позволяет именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат *рациональной моралью*. Освоение моралью сегментированного социума посредством *предваряющей*

конкретизации *обогастило* мораль и она была востребована многообразными сферами человеческой деятельности.

Во-вторых, последний вопрос алгоритма вопрошания на тему идентификации прикладной этики – «зачем?» – уместен, если речь идет о целенаправленном, в том числе и социально-управленческом, воздействии на процесс приложения-конкретизации общественной морали. В этом случае возникает одно из оснований предпочтения в пользу того или другого из обозначающих понятий – *мораль* или же *этика*: (а) подчеркивание известной стихийности регулирующего момента человеческой деятельности; (б) акцентирование вовлечения в данный процесс социальных институтов, заинтересованных организаций и групп, применения специальных технологий и т.п. В последнем случае традиционные способы целенаправленного воздействия на нравственную жизнь (систематическая критика наличных нравов общества с позиций нравственного идеала, содействие духовным исканиям человека при самостоятельном решении им предельных вопросов человеческого бытия, помощь в обнаружении достойной позиции, верного морального выбора в сложных конфликтных ситуациях и т.п.) дополняются вовлечением *социально-управленческого, социально-технологического, социально-проектного подходов*, предполагающих влияние на нормативно-ценностные подсистемы теоретизирующего и проектно-технологизированного этико-прикладного знания.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ – не просто неизбежная *детализация* норм и оценок, обусловленная спецификой той или иной сферы человеческой деятельности. Мы исходим из того, что в процессе *конкретизации* общественной нравственности ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного «кода», типов нравственной ответственности. При этом результаты развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией, в очень незначительной степени предполагающей *моральное* творчество.

Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации означает, во-первых, известное преобразование, переакцентировку, в ряде случаев – переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств. Во-вторых, появление новых акцентов в способах «сцепления», когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и т.д.) требованиями и максимами, с всевластным обычаем. В-третьих, конкретизация – это изменение места соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. В-четвертых, развитие морали через ее конкретизацию предусматривает возможность возникновения *новых* установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде, кроме определенной сферы деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности в данных сферах и профессиях.

Сама по себе конкретизация морали не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем, технике, а прежде всего результат длительной и во многом ненамеренной культурной эволюции общества. В то же время как естественный продукт такой эволюции конкретизация морали является объектом внимания социальных институтов, пристального исследовательского и проектного интереса, и потому во многом зависит от деятельности ученых и осуществления программ деятельности различных институций.

ПРОЦЕССЫ *конкретизации* общественной нравственности в известной мере знакомы этике еще с той поры, когда начались исследования различных отраслей и суботраслей *профессиональной морали и этосов* (труда и хозяйствования, военного и административного дела, воспитания и др.). Об этом свидетельствовали университетские библиотечные каталоги начала – середины XVI столетия. Естественно, в них указывались прежде всего труды по медицинской этике, опирающиеся на письменные и устные свидетельства еще со времен античности. Вслед за медицинской этикой складывается этика банковского дела и торговли, а также адвокатская этика и этика отношений в области науки и образования. Исторические исследования в этих областях довольно четко документируют исходные фазы данных процессов.

Процесс конкретизации общественной нравственности развивается в опыте деловой, политической, административной и т.п. деятельности в ходе усложнения социального управления, роста общественного, сословного и иного разделения труда, накопления регулятивно-ориентационного опыта внутригрупповых и межгрупповых отношений, формирования новых солидарностей, что было проанализировано и выразительно описано в трудах классиков политэкономии и социологии (А. Смита, Д. Рикардо, О. Конта, особенно Э. Дюркгейма и др.).

Из какого же духовного материала «лепятся» нормативно-ценностные подсистемы, например, профессиональная мораль? Чаще всего авторы профилированных работ и учебных пособий, описывающих природу профессиональных этик (моралей), довольно упрощенно представляют дело таким образом, будто с незапамятных времен существовала некая, уже сложившаяся, «общественная мораль». Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, отщепилась или же сепарировалась часть, которой предстояло лечь в основу нормативно-ценностных подсистем, практикуемых в различных профессиональных и внепрофессиональных средах. Им предназначалось стать как бы «прикомандированными» для «обслуживания» указанных сфер человеческой деятельности, пройдя для исполнения этой роли соответствующую модификацию. Так ли это?

Вряд ли. На самом деле в таком подходе дает о себе знать инертное, неотрефлексированное должным образом понимание «общества». «Общество» в этом случае неминуемо обрекается на восприятие его в качестве всего лишь некой надприродной данности, а не как сложнейшего итогового продукта длительной исторической эволюции. И его существование в такой неотрефлексированной версии вовсе не случайно не смогло обрести сколько-нибудь адекватного отражения в европейских (и не только европейских) языках, в соответствующих речевых практиках. Проще говоря, понятие «общество» отсутствовало в их лексиконе. Видимо, создатели текстов не испытывали сколько-нибудь актуальной потребности в нем. Или они пользовались каким-то шифром? На деле то, что мы используем термин «общество», привычно опрокидывая его в Прошлое, является модернизационной аберрацией. Фактически этим термином обозначаются конгломераты или россыпи всевозможных общностей, которым еще только предстоит развиваться до уровня «общества».

Приблизительно такая же картина наблюдается с понятием «мораль». На заре Нового времени еще не существовало морали как таковой, как мы ее сейчас воспринимаем и понимаем. Более того, в ходу еще не было и самого слова «мораль»: оно имело иной смысл, почти неразличимый от нравов, обычаев и народной нравственности. «Мы так привыкли к классифицирующим моральным утверждениям, аргументам и действиям, что забываем при этом, каким относительно новым было это понятие в культуре Просвещения, – пишет А. Макинтайр. ...В латинском языке, как и в греческом, нет слова, которое можно было бы правильно перевести нашим словом “мораль”; конечно, такое слово будет, если мы сделаем обратный перевод этого слова на латынь. И оно означает “в отношении характера”, где характер человека есть ничто иное, как множество его предрасположений к тому, а не к иному поведению, то есть к тому, чтобы вести определенный образ жизни... Наиболее близкое к “морали” по значению слово – это, вероятно, просто слово “практический”... Только в XVI и XVII веках термин явно приобретает свое сегодняшнее значение»¹⁹.

До определенной поры, пока из разрозненных, разнородных и многоликих общностей со своими локальными поведенческими правилами не началось становление общества и общественной морали *per se*, с их известным универсализмом, не существовало актуальной потребности в этих обозначающих понятиях. И это утверждение отнюдь не является данью социолингвистическому пуризму – без осмысления всей совокупности социальных процессов и последующего их понятийного оформления невозможно понять происхождение и природу Современности и выйти к рациональной интерпретации прикладной этики. Нормативно-ценностные подсистемы – *ровесники морали в ее развитом виде*, и общество, и мораль – феномены Современности: превращение «предобщества» в «общество» и «предморали» в мораль представляет собой длительный исторический процесс, практически совпадающий со становлением гражданского общества, процессом модернизации и началом постмодернизации.

Но разве для регуляции человеческой деятельности не достаточно было инструментария, который предоставляла уже складывающаяся мораль? Уместно вспомнить, что в этической литературе и в речевых практиках до сих пор имеет кредит доверия подход, согласно которому вовсе не существует какой-то особой прикладной, в том числе и профессиональной, морали, прилагательное «прикладная» (или профессиональная), «прибавленное» к основным понятиям этики (долг, совесть, достоинство, честь, ответственность и т.д.), не добавляет никакой новой информации о морали. Поэтому прикладные этики – всего лишь фантом рефлексирующего сознания, при этом – не безобидный. Аргументация сторонников этого подхода: стоит лишь доверчиво согласиться с идеей существования «какой-то» прикладной этики (морали), параллельной этики (морали) или тем более этики, дублирующей общеизвестную мораль, как незамедлительно начнут расшатываться барьеры, до сего времени препятствующие распространению настроений и установок релятивизма со всеми вытекающими из этого факта удручающими последствиями для нравственной жизни общества. Такими, как хаотизация мира ценностей, неразборчивость в выборе средств достижения целей, моральное двойничество (биморализм) и т.п. Это неотвратимо подорвет моральный порядок в социуме, дезорганизует его нормативную логику. Более того: внесет весомый вклад в то состояние морального кризиса, который разъедает всю систему общественных отношений индустриально-урбанистической цивилизации и в конечном счете приводит ее к саморазрушению, к деградации различных форм пороков и насилия.

В то же время в отечественной этической литературе распространяется позиция, согласно которой процесс конкретизации норм и ценностей общественной морали применительно к определенному виду человеческой деятельности заключается лишь в «дополнительской» и «исключительской» функции нормативно-ценностных подсистем. Пример первого случая: в работе, обосновывающей необходимость этики бизнеса, говорится о *дополнительных* моральных требованиях по отношению к универсальной морали²⁰. Причина формирования принципов профессиональной морали объясняется следующим образом: «В дополнение к тому, к чему стремятся все люди, человек, действуя в рабочей среде, берет на себя бремя дополнительной этической ответственности»²¹. Во втором случае речь идет об обнаружении таких ситуаций поведения профессионалов, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, а задачей этической теории объявляется *оправдание* подобных отступлений, предельная минимизация их до единичных случаев.

Какова аргументация «исключительского» подхода? Применительно к наиболее распространенному виду нормативно-ценностных подсистем – профессиональным этикам – говорится, что в них особое внимание уделяется «тем видимым отступлениям от общих моральных норм, которые диктуются своеобразием профессии». Причем речь идет о таких отступлениях, «которые претендуют на моральный статус. Их можно охарактеризовать как исключения из правил, подтверждающие правило. Предполагается, что речь идет о таких исключительных ситуациях, когда лучшим способом следования норме является отступление от нее». При этом «существует два типа открытых проблем. Первый – охватывает ситуации, допускающие нравственно аргументированные отступления от добра. Второй – касается ситуаций, нравственно санкционирующих использование зла»²².

Конечно, идея «исключения из правила», согласно которой мораль в экстраординарных случаях допускает совершение неморальных, а то и просто аморальных поступков, возникла не случайно. Скажем, в политике подчас разрешается, допускается, а в ряде случаев даже предписывается скрытность, лукавство, уклонение от выполнения обещаний, подобно тому, как используется «ложь во спасение» во врачебной или воспитательной практике. Без скрытности, обманных движений, маскирующей пышной риторики, ловкого маневрирования и т.п. нет политического соперничества, да и бизнеса. Отчего же такого рода «прегрешения» против морали считаются допустимыми и чуть ли не обязательными? Ответ напрашивается сам собой: будь все иначе, существенным образом снизилась бы эффективность специализированной деятельности, могли возникнуть ригоризм, моральный максимализм, и вскоре эта деятельность сделалась бы невозможной. То есть, соображения целесообразности берут верх над соображениями нравственными. Из этой же логики идея о том, что задача этики не только санкционировать такие отступ-

ления, но и минимизировать их до единичных случаев, до исключений из правил, квалифицируя не как благо, а как «вынужденное зло».

Но это легче сказать, нежели сделать. Как, спрашивается, с одной стороны, установить пределы для исключений, а с другой – ослабить наступление безжалостного морального максимализма? Существует вполне реальная угроза перенасытить исключениями деятельность в специфических сегментах общественной жизни. Ответом на эту угрозу могут быть ригористические контратаки, всплески настойчивого морализирования, что вместе сделает невозможной самую моральность, загонит ее в «гетто» личностных отношений – семейных, дружеских, приятельских, соседских и т.п. И возможно ли выработать правило, которое позволит нам надежно отделить приемлемые исключения от недопустимых? В то же время, поставив под сомнение непреложность требований, как приостановить релятивизацию нравственной жизни?²³

Как мы уже неоднократно писали, оказавшись в западне трудноразрешимых задач, логика ценностей сделала очень важный «шаг в сторону» от подхода, который мы называем «исключительский». Она задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, «неосторожно угловидшей» в непригодные для нее сферы человеческой деятельности – политику, бизнес и т.д., а в формировании здесь *особого типа, сферы, состояния* морали? Или, лучше сказать, дело в *(до)развитии* морали? И тогда нас должны беспокоить не столько проблемы соотношения морали и политики, морали и экономики, морали и профессии и т.п., сколько проблема *преобразования* морали (в тех случаях, когда она *прилагается* к политике, экономике, праву, воспитанию, науке и пр.). Не в этом ли процессе возникают нормативно-ценностные подсистемы?

Поиск ответов на эти вопросы шел с различных сторон. Наиболее очевидной казалась идея признания неизбежности существования особых нормативно-ценностных подсистем в модернизирующемся мире (например, в традиционном социуме профессионализм еще не стал явлением массовым, во всяком случае, по сравнению с современным миром). Однако, рассуждая в подобном ключе, необходимо отдавать себе отчет в новых трудностях: с *моралью* ли мы в данном случае имеем дело, когда говорим, например, о профессиональной этике? Возможно, это вовсе и не мораль!? Но тогда что же? Какая-то, допустим, «альтернативная мораль», «контрэтика» или, что еще более вероятно, сумма неких организационно-технических правил поведения в названных отраслях и сферах? Обсуждая эти вопросы, уместно обратиться к суждениям социолога Н. Лумана, показавшего, что в ситуации *сегментации* социума, в дифференцирующихся сферах и видах человеческой деятельности оказалось трудно оперировать такими терминами, как «добро» и «зло». Обнаружилось, что устранение термина «мораль» из функциональных подсистем (экономика, политика, рекреация, право и т.п.) как бы одобрялось самой моралью, тогда как усердное и бесплодное морализирование ею же осуждалось. По выражению Лумана, возникли затруднения с двузначным кодированием «хорошо/плохо» в ситуации становления названных подсистем. Такие затруднения он назвал «парадоксами морального кода»²⁴.

Мораль не является духовно-практическим монолитом, а включает исторически и функционально качественно разнородные слои. Когда в Новое время начался процесс дезинтеграции до этого будто бы высеченного из одной глыбы социума (при одновременном преодолении феодальной раздробленности в политическом отношении), расщепление уютного цельнокроеного мира (лучше сказать «дома») на отдельные функциональные подсистемы («миры»), открылся факт их выхода из-под *привычно* понимаемого морального контроля, их самоорганизации, пришла пора *автономий* в практической и интеллектуальной жизни людей. «Отслоились» в самостоятельные области не только политика, экономика, религия, право и т.п. Автономизировалась и сама мораль. Она стала отделяться от пестрых обычаев, обычного права, от обрядов и кристаллизовалась в качестве специфического и универсального средства регуляции и ориентации поведения. Только тогда она стала моралью как таковой, достигшей стадии исторической зрелости²⁵.

ИТАК, КОНКРЕТИЗАЦИЯ морали в нормативно-ценностных подсистемах предполагает не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общей этики, а *(до)развитие* морали. *Акт приложения*-конкретизации выступает как *акт креации* прикладной этики (морали). Так, например, в процессе конкретизации возникает важная и

сложная проблема перевода *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*, которое оперирует не абстрактными – в сущности, вне социального времени и пространства – представлениями о долге и ответственности, а такими представлениями, которые сообразованы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и потому отчасти утрачивающими свой изначальный универсализм. Если принцип универсализма фиксирует схожесть уровней и свойств процессов модернизации и демократизации общественных отношений, то релятивный подход насыщается ценностями, возникшими и практикуемыми в разных культурных зонах. При этом мир идеально-должного, с его морально безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его утилитарно-прагматической (смешанной по истокам и по итогам) мотивацией, рождая тем самым множество конфликтов с обычно неясными, подчас спорными схемами их разрешения.

Разумеется, характеристика *акта приложения как конкретизации морали* с неизбежностью приводит к вопросу об *аутентичности* норм прикладной этики (морали) сущности морали. Как мы уже говорили, нередко кажется, будто эти нормы являются всего лишь организационно-техническими правилами, не более того. Разумеется, при подобном нормативном редукционизме трудно адекватно истолковать нормы прикладной этики (морали) как собственно моральные регулятивы.

Один из аргументов против такого рода сомнений заключается в применении к нормативно-ценностным подсистемам идеи *реально-должного*. Другой аргумент – в идее этико-правовых комплексов, характерных для прикладных этик (моралей) *синтезах двоякого рода* – «сцеплениях» институциональных и безынституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п. с множеством иных регулятивов – правовых, политических, экономических и т.п. Рельефнее всего подобное сцепление обнаруживается во взаимодействии права и морали, характер которого далеко выходит за пределы одной только взаимодополнительности. Этико-правовые комплексы находят зримое выражение в поведенческих *кодексах* сообществ профессионального типа. Еще один аргумент – акцентирование в нормативно-ценностных подсистемах места и роли «сверхнормативного», мировоззренческого, экзистенциального уровня, задача которого заключается в обосновании и оправдании именно определенного состава норм и их иерархии. Так, например, представления мировоззренческого яруса морального сознания «проясняют» постоянно меняющееся положение профессионала в системе более или менее подвижных общественных связей в индустриальном и, особенно, в постиндустриальном социумах. И действительно, прикладная, например, профессиональная, этика не может интерпретироваться в качестве моральной подсистемы, если она сводится только к *функциям* повышения эффективности специализированной деятельности, оставляя в стороне свою социальную *миссию*. Профессионал не просто следует поведенческим *нормам*, но и реализует на практике свое *призвание*. Правда, в век «массовизации» профессиональной деятельности призвание перестает быть безусловной доминантой этического сознания профессионала, уступая место прозаическому функционализму. Если известному изречению «много званых, но мало избранных» придать секулярный смысл, то оно хорошо описывает эту ситуацию.

ЗАВЕРШАЯ анализ признаков прикладной этики как нормативно-ценностной подсистемы, напомним о процессе расщепления социума в ходе его модернизации. В нем прежде каждая «монада», за исключением маргинализованных элементов социальной структуры, занимала определенную и неоспариваемую нишу. Сословия же по закреплению обычаям статусу (и даже языку – *сословие*) оказались, в соответствии с иерархическим «табелем о рангах», сцепленными взаимными обязательствами. В эпохально изменившихся исторических условиях, с их чередой «тихих» революций в образе жизнедеятельности, индивиды, группы и сословия стали отмежевываться друг от друга, разрушая свою былую «сцепку». Их уже объединяют не закоснелые традиции и социальная инерция, а рыночные отношения и узы гражданства. Тем самым оказалась иной схема «социальной геометрии» эпохи Высокого (или позднего) Модерна. И тогда в развитии нормативно-ценностных подсистем неизбежно начинают происходить смещения в дискурсе: от отраслевого подхода, профессионального по преимуществу (который уже явно испытывает первые признаки истощения), – к подходу «сегментному». Можно сказать, что «на периферию» отодвигаются традиционные сегменты социума типа «производственных»,

«культурных», сфер услуг, а на передний план выдвигаются, например, выходящие за профессиональные рамки медицины проблемы биоэтики. Кроме того: территориальные сегменты с этикой «низового» соседства, а также межгруппового и даже межгосударственного добрососедства; сегменты публичных гражданских отношений с их этикой уважения других лиц («будь лицом!»), со сложным соподчинением прав человека и прав гражданина, с этикой новых солидарностей, этикой мира и войны, этикой потребительского поведения (в его аскетической и гедонической версиях); виртуальный сегмент с его этикой дробления рациональности на техническую и коммуникативную (Ю. Хабермас), этикой неконтагиозного сетевого общения, анонимата и т.д.

Мультикультурность продуцирует новые возможности развития прикладной этики в столь радикально меняющихся измерениях социума, его гранд-нарративах. Таков один из возможных, на наш взгляд, прогнозов дальнейшего развития прикладной этики как *составной части моральной онтологии*.

3.3. Прикладная этика как теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание и продуцирование фронестических технологий

3.3.1. Методологические предпосылки идентификации этического знания как прикладного

В этом параграфе нам предстоит исследовать методологические предпосылки идентификации *акта приложения* в этическом знании, обращаясь к потенциалу (а) традиционного этического знания, (б) современных науковедческих представлений, методологии естественно-научного и технического знания, (в) концепций социально-технологического знания и методологии проектирования. Основная трудность – определение *«интервала эффективности»* тех методологических предпосылок, которые нам удастся извлечь в процессе поиска. При этом речь идет о равном внимании к каждому из двух слов: не упустить *эффективности* и не «прозевать» те *границы*, за пределами которых она оборачивается своей противоположностью.

3.3.1.1. ОТКРОЕМ поиск предпосылок идентификации этического знания как *прикладного* процедурой определения *интервала эффективности* характеристики «этика – практическая философия». Общеизвестно, что этику уже в античные времена стали именовать «практической философией». Возникнув в античной науке в условиях слитности философии и этики, «практическая философия» решала задачу философского знания быть практическим нравоучением, основанием нравственных исканий, поведенческих программ, наставницей в выборе образа жизни, линии поведения и конкретных поступков.

Закрепленное в процессе конституирования этики в относительно самостоятельную отрасль знания, «размещенную» Аристотелем между умозрительными науками и творческими, значение термина «практическая философия» в неявном, свернутом виде уже содержало и некоторые предпосылки для формирования в будущем прикладного этического знания. Так, Аристотель, на наш взгляд, дал возможность увидеть в «практичности» этики феномен «фронезиса» («этического умения»), который по мере развития и морали, и этического знания станет существенным моментом этико-прикладного знания. Кроме того, можно предположить, что в аристотелевском различении знаний на «мудрые» и «полезные» угадано, если посмотреть с современной науковедческой позиции, не только различие между фундаментальным и прикладным знанием вообще, но и подобное структурирование самой этической теории.

Однако различие фундаментального и прикладного знания в этике и фронестические признаки этико-прикладного знания – все это лишь *потенциал* «практической философии», развитие и реализация которого вовсе не гарантируется. Историческая судьба метафорической характеристики «практическая философия» оказалась неоднозначной. И до сего дня не стихают дискуссии о том, как следует понимать эту метафору, о самой возможности и даже допустимости для этики играть такого рода роль, не говоря уже о конкретных формах и способах исполнения этой роли. В одном ряду – при всей разности оснований – находятся представления об этике как «поведенческом венце» философской системы, как наставнице морали, как философствовании «практического разума» и приложении к жизни «теоретического разума», как этике здравого смысла, антисхоластиче-

ской концепции морали, знании конкретно-теоретического уровня, и т.д. Следует, наконец, учесть, что выражение «практическая философия» может и не иметь прямого отношения к этике. Разумеется, историческая конкретизация составляющих этого ряда обнаружит прямую или косвенную зависимость того или другого представления от социальных обстоятельств и от научной ситуации, характера философского направления, конкретных решений вопросов о специфике философского знания, о природе морали, о том, что такое практика и т.д. И, что не менее важно, зависимость от социокультурной динамики морали.

Современна ли древняя метафора «этика – практическая философия» в эпоху *прикладной этики*: *распространяется ли она на сформировавшиеся намного позднее ее возникновения нормативно-ценностные подсистемы? *совместимо ли с этой метафорой современное представление об иницируемом социальными институтами целенаправленном воздействии этического знания на моральную практику? *допускает ли эта метафорическая характеристика привнесение в этику (привычно определяемую в качестве философского знания) языка и смыслов ряда характеристик современного *наукосодействия, социально-управленческого и социально-гуманитарного знания* – таких, как давние характеристики – типа «фундаментальная и прикладная наука», «НИОКР», «интеграция науки и практики», система «заказ-разработка-внедрение»; более современные – «социальная технология», «социальное проектирование» и т.п.; новейшие – «цикл *теоретизирования и проектирования*», «проектно-ориентированное знание» и т.д.? Иначе говоря, не утратила ли эта метафора свою эвристичность? Точнее: в какой мере – в каком интервале – ее эффективность эвристична и в наши дни?

Вряд ли эти вопросы риторичны даже для тех, у кого ответы – положительные или отрицательные – уже заранее готовы, так как трактовка этико-прикладного знания (как теории конкретизации морали и проектирования фронестических технологий, рассматривающая это знание как систему традиционных для этики и инновационных методов познания нормативно-ценностных подсистем и целенаправленного влияния на их развитие) связана с весьма рискованной методолого-психологической ситуацией. Речь идет, во-первых, о трудности уклонения от различных крайностей: «методологического нигилизма» – и «методологического фундаментализма»; гипертрофии роли методологических изысканий – и «методологического кустарничества», своеобразного «кустарного промысла» в методологии. Во-вторых, о вероятном психологическом барьере против опасности сциентистских притязаний этико-прикладного знания на роль «пастыря» морали и, на этом основании, возможности отторжения всякой попытки идентификации прикладной этики по современным науковедческим критериям. В-третьих, и это очень важно, риск обновления методологии «практической философии» за счет этико-прикладных исследований и разработок связан с возможностью утраты идентичности морали в целенаправленных процедурах *приложения*: (а) приложения как конкретизации морали и (б) приложения как теории конкретизации морали и проектирования технологий практичности прикладной этики.

Впрочем, не меньший риск связан и с уклонением от применения современного методологического потенциала в прикладной этике, мотивированным указанными выше рисками. Осознание этих рисков побудило нас уже на ранней стадии развития концепции поставить вопрос об «этосе приложения». Среди «техусловий» – целенаправленная профилактика подмены прикладной этикой своего предмета, обеспечиваемая, с одной стороны, ориентацией этико-прикладного знания на развитие мировоззренческого яруса нормативно-ценностных подсистем, с другой – критикой самоуверенности обыденного сознания в отношении к возможностям прикладной этики (например, скептицизма педагогов в отношении этики воспитания).

Иначе говоря, определение *интервала эффективности* характеристики «этика – практическая философия» необходимо, во-первых, для того, чтобы рефлексия о традиционных и инновационных границах притязаний (или воздержаний) этики не обернулась размыванием предмета ее исследований до «*этики без берегов*» и, в свою очередь, не спровоцировала науковедческий ригоризм, когда трактовка этики как знания сугубо философского по своей природе приводит к делегированию все возрастающего числа «заказов», посылаемых практикой этике, *иным* научным дисциплинам, под каким-то специальным углом изучающим мораль, или вообще специальным наукам. Во-вторых, для того,

чтобы, осознав необходимость отказа этики от своеобразного изоляционизма, не избрать стратегию настолько «гибкого» реагирования, что этика окажется вообще изъятой из сферы философского знания. В-третьих, для того, чтобы, избегая соблазнов радикализма любого вида, ответить на современные «вызовы» этическому знанию трезвым анализом его тенденций и, доведя принцип историзма в исследовании морали до адекватного ему метода анализа ситуации в самой этике, испытать возможность расширения панорамы этических поисков проектированием современной этики как системы знаний о морали – такая организация помогает прикладной этике формироваться в качестве *прикладной*, оставаясь при этом *этикой*.

В этом смысле этико-прикладное знание может быть охарактеризовано как своеобразный полигон, на котором «экспериментально» испытывается верность направлений развития этики, апробируются современные средства этического познания и его связи с практикой нравственной жизни. Проблематика этико-прикладного знания мобилизует самотождественность этической теории, кристаллизирует рефлексию о ее современной *миссии*.

ТРУДНОСТИ задачи определения *интервала эффективности* формулы «этика – практическая философия» порождаются особыми отношениями этического знания со своим предметом, которые мы применительно к этико-прикладному знанию называем отношениями «*встречного движения*». Особыми – по двум основаниям. Во-первых, с точки зрения «восхождения морали к этике». Во-вторых, с точки зрения технологий приложения этического знания.

При характеристике *первого основания* обычно подчеркивается, что во взаимодействии со своим предметом этика не просто исследует мораль, но и является ее своеобразным продолжением, *доразвитием*. Известная систематизация аргументов, высказанных в отечественной этической литературе, показывает, что мораль регулирует и ориентирует деятельность человека не простым повелением, но повелением, содержащим обоснование, «оправдание». Без последнего нельзя обеспечить предписание и оценку истолкованием с точки зрения их «духа», а не «буквы», вне такого истолкования резко суживаются возможности субъекта управлять своим поведением, устанавливать лейтмотивы моральной приверженности. Иначе говоря, мораль способна выполнять и некоторые функции этики. Как мы уже отмечали, характеризуя данное обстоятельство, О.Г. Дробницкий подчеркивал, что «моральное сознание имеет свои собственные представления о том, что оно есть»²⁶. При характеристике *второго основания* чаще всего речь идет о том, что наиболее очевидная форма практичности этической теории обуславливается большой мерой совпадения ее нормативного содержания со своим предметом. Этика – и наука о морали, и, отчасти, достояние самой морали. Поэтому и наиболее распространенное представление о потенциале этики как «практической философии» традиционно связывается с нормативной структурой этического знания.

Между тем важно не потерять ту грань, за которой этика и мораль, составляющие в целом *единую систему*, все же различны. И если в одних исследовательских целях целесообразно акцентировать отсутствие «неодолимой преграды между нормативной этикой и моральной жизнью», а в других целях – что «этика как наука не может подменить свой предмет», то для понимания природы *приложения* этического знания важно выделить позицию *активности* этики во «встречном движении» теории и практики. Активность этики в данном случае и есть ее *приложение*, в том числе через современные *технологии практичности*, а не только в традиционном формате связи нормативной этики и практики. Кстати, необходимость акцента на восхождение *от морали к этике* очевидна и для исследователей прикладной этики – без диалога с рефлексирующим моральным сознанием невозможна ни одна из технологий практичности этико-прикладного знания. Но не за счет ослабления роли этики в процессе «встречного движения». Представляется, что в такого рода «слабости» заложено существенное ограничение к интервалу эффективности формулы-метафоры «этика – практическая философия», а это, в свою очередь, серьезное препятствие в проектировании этико-прикладного знания.

Наша гипотеза: выражение «этика – практическая философия» является адекватной метафорой для знания о морали, которая, во-первых, еще не развилась до ее современного состояния и, во-вторых, для знания, которое в своей практичности еще не развилось до миссии и функции прикладного, в том числе проектно-ориентированного, технологизированного и т.п. Поэтому для современного этического знания интервал эффек-

тивности метафоры намного меньше. Конкретнее: интервал эффективности метафоры «этика – практическая философия» *шире* в вопросе о «восхождении морали к этике» и, например, в анализе конкретных ситуаций, предполагающих аппликацию нормы к обстоятельствам, и *уже* в вопросе о практичности этического знания в *современной* ипостаси практичности – собственно *приложении*.

Узкий интервал эффективности модели практичности «этика – практическая философия» побуждает обратиться к методологическому потенциалу внеэтического знания, исследующего и разрабатывающего различные *модели приложения*.

3.3.1.2. ОДНА ИЗ СУЩЕСТВЕННЫХ методологических предпосылок поиска идентичности этико-прикладного знания – характеристика *акта приложения* через соотнесение его с такими универсальными характеристиками, как *фундаментальная наука – прикладная наука* (фундаментальное исследование – прикладное исследование)²⁷, которые, в свою очередь, выводят на проблемы проектно-ориентированного знания, социальной инженерии, социальных технологий и т.п. Однако при таком соотнесении возникают две трудности.

Одна – очевидная, связана с проблемой (не)правомерности применения науковедческих, естественно-научных, социально-инженерных и т.п. подходов к этическому знанию, до сих пор именуящему себя «практической философией». В связи с этим сразу отметим, что такого рода подходы, не отменяя проблемы сохранения этико-прикладного знания в системе *этического* знания, стимулируют преодоление ригоризма в отождествлении прикладной этики с этикой как практической философией, создают предпосылки для адекватной идентификации *акта приложения* в этике. Вторая, неочевидная трудность, связана с дискуссионностью критериев для различения и связи самих характеристик *фундаментальная наука – прикладная наука*.

В работах науковедческого профиля распространены, во-первых, утверждения о (не)обязательности различения фундаментальных и прикладных наук, в том числе о том, что это различие неэффективно, а то и бессмысленно; во-вторых, разные интерпретации характеристики «фундаментальная» и многообразие интерпретаций характеристики «прикладная»; в-третьих, неоднозначность представлений об их соотношении, в том числе идея ситуационной относительности этих характеристик применительно к науке.

Среди аргументов в пользу *целесообразности* различения фундаментальных и прикладных наук – различие «науки для открытий» и «науки для использования», в рамках которой первую называют «чистой», а вторую – «прикладной». Иная аргументация: «(а) фундаментальная наука ориентирована на объективное знание о мире, а прикладная наука – на предписание для производства; (б) для первой характерен поиск истины, для второй – технологическая эффективность знания; (в) перспективы исследований фундаментальной науки определяются познанием еще не известных характеристик мира, а прикладной науки – расширением и совершенствованием технологических возможностей общества»²⁸.

Аргументы в пользу *нецелесообразности* различения фундаментальной и прикладной наук группируются по разным основаниям. Первое: размежевание фундаментальной и прикладной наук не оправданно потому, что это важно лишь для легитимации определенных институций – академий и университетов. Второе основание заключается в кратком тезисе «наука едина». Третье: уязвимость термина «прикладная наука», заключающаяся в том, что трактовка прикладной науки как применения «чистой» науки, не позволяет определить специфику технических наук. Опыт исследований природы технического знания привел ряд авторов (В.Г. Горохов, М. Малкей, В.М. Розин и др.) к выводу о необходимости усомниться в широко распространенном мнении, согласно которому современная техника в целом производна от фундаментальных научных исследований; критически отнестись к *линейной модели*, рассматривающей технику в качестве простого приложения науки или даже как прикладную науку, ибо в ходе становления технических наук движением теории «управляли» как раз интересующие инженера объекты.

В то же время можно найти и аргументы в пользу выделения прикладного знания. Речь идет о двух социокультурных процессах, которые «генерировали феномен прикладного знания. Это процесс появления профессий, но не тех классических (свободных) профессий, а массовых профессий. И второй, переплетающийся с ним, процесс технологизации. ...Появление прикладного знания связано с тем, что мы создаем это знание в

виде технологий. Эти технологии нужны будут для того, чтобы профессионалы могли удовлетворять некоторые потребности, возникающие в неких практиках»²⁹.

Обратившись к представлениям о *взаимотношениях* фундаментальной и прикладной наук, можно обнаружить определенную классификацию подходов. Первый: автономное развитие фундаментальных и прикладных исследований. Второй: прикладная и фундаментальная науки «связаны как нити двойной спирали ДНК», при этом доминирует фундаментальная наука: «Прикладная наука сегодня – это фундаментальная наука вчерашнего дня». Третий: прикладное знание не выводится из фундаментального, а является его заказчиком. Четвертая позиция: нельзя делить исследования на чисто фундаментальные и чисто прикладные, но надо решить вопрос об их соотношении.

ДЛЯ ЦЕЛЕЙ нашего исследования важны не столько трактовки природы фундаментального знания (исследования) – рассматривается ли оно как основа прикладного и/или как самоценное и самодостаточное, – сколько способы существования прикладного знания *вне* линейной модели «фундаментальная наука – прикладная наука». Поэтому сосредоточим внимание на методологической позиции, позволяющей уйти от упрощенного представления о прикладном знании как *непосредственно производном* из фундаментального.

Эвристичен подход, согласно которому «что именно мы считаем фундаментальным, а что – прикладным, зависит от принимаемых нами методологических установок и (коли уж речь идет о самоценности) ценностных ориентаций»³⁰. Правда, здесь заложен риск гипертрофированной релятивизации, стирающей грань между «практичностью» и «прикладностью». Достаточно обратить в этой связи внимание на высказывания отечественных методологов на Втором методологическом конгрессе. С.В. Попов: «тема “знание” без анализа проблемы “зачем оно нам нужно” выглядит очень странно»³¹. В.Л. Глазычев считает, что кроме прикладного знания *никакого другого знания нет*³². А.П. Буряк: «Прикладное знание не противопоставлено теоретическому или фундаментальному, а понимается просто как *со смыслом и умело взятое и удачно далее употребленное*»³³.

Представляется, что определенная профилактика такого рода релятивизации достигается при характеристике соотношения фундаментальной и прикладной науки через выделение в научном знании функций *исследования* и *проектирования*. При этом предполагается формирование проектирования как функции науки: исследование научных проблем имеет своей непосредственной целью обеспечить проектировочную деятельность. В этом случае «прикладные науки выражают подход проектировщика к своим объектам и являются прежде всего инструментом проектировочной деятельности»³⁴, а исследователь становится «генератором программ», ориентирующим свою деятельность на такой конечный результат, который дает способы эффективного удовлетворения потребностей общества³⁵.

Определенный смысл обретает трактовка *акта приложения* в современных концепциях *проектно-ориентированного знания*. Особенность такого типа знания наглядна при сравнении двух ситуаций. В первой – «мы берем существующее, изготовленное для чего-то другого “знание” и пытаемся его применить не по функции, а после этого приделаем устройство, которое нам позволяет использовать полученную конструкцию как “приклад” или “протез”». Во второй ситуации вместо «изготовления протезов» «значима задача изготовления сразу того, что должно использоваться»³⁶.

ПРАКТИЧЕСКИ-ЦЕЛЕВАЯ устремленность проектно-ориентированного знания дает возможность связать его с характеристиками знания о *социальном проектировании*; с *социально-технологическим, социально-инженерным* знанием, подчиняющимися исследованию логике *социальных изменений*³⁷; с задачами проектирования социальных институтов, организаций, социальных технологий; конструированием целевого и инструментального блока управленческих программ, изобретением реализационных структур для социокультурных инноваций и т.п. Помня о сверхзадаче нашего поиска в этом параграфе – идентификации акта *приложения* знаний, обратим внимание на то, что в распространенном понимании социально-инженерное и т.п. знание как бы «достаивает» социологическую теорию посредством преобразования ее выводов в модели, проекты и конструкции социальных институтов, ценностей, норм, алгоритмов деятельности, отношений, поведения и т.п.; «переводит» язык науки на язык принятия и исполнения решений, определяющих деятельность по целенаправленному изменению социальных объектов³⁸. Ориен-

тация этико-прикладного знания не только на *познание*, но и на *преобразование* нормативно-ценностных подсистем побуждает «примерить» к прикладной этике признаки социально-инженерного знания. Несомненно, однако, что такого рода интерпретация социальной инженерии предельно сужает *интервал эффективности* «примерки».

Поэтому важно иметь в виду, что есть и другая интерпретация социально-инженерного знания. В ее основе – представление о современном социально-инженерном действии как «сложном итерационном процессе», который создает ряд условий и предпосылок – интеллектуальных, средовых, социальных, культурных, организационных, ресурсных и т.д. – «для контролируемой, продуманной модернизации и эволюционного развития». Для нашей «примерки» в этом подходе важно то, что социально-инженерное действие понимается не просто как «система программных мероприятий, реализация которых должна дать запланированный результат», и не только как «совместная разработка с заинтересованными субъектами гибкой культурной политики, социально-педагогический эффект и усилия, а также запуск (инициация) различных социокультурных процессов, последствия которых можно предусмотреть только частично». Подчеркнем, что с точки зрения такого подхода «необходимо не только знание социальных дисциплин и рефлексия деятельности проектирования, но и ценностное, а также смысловое задание самого явления, на разработку и изменение которого направлено социальное действие». И еще один признак этого подхода: «При формировании современных стратегий социально-инженерного действия происходит своеобразное распределение самого проектирования: обсуждаются исходные ценности проектирования, природа проектной действительности; анализируются, очерчиваются области употребления будущих проектов; моделируются "портреты" потенциальных пользователей; и все это предполагает самоопределение социального проектировщика»³⁹. С нашей точки зрения, такая интерпретация социально-инженерного знания значительно расширяет *интервал эффективности* «примерки».

СУЩЕСТВЕННЫЙ аргумент для осознания «пределов эффективности» рассмотренных выше подходов в идентификации акта приложения этики – прежде всего подходов проектных, социально-инженерных – дает *идея фронезиса*, позволяющая применительно к прикладной этике: (а) разработать концепцию фронезиса как гносеологического и социокультурного идеала прикладной этики, профилактирующего ее технократическую интерпретацию⁴⁰, и (б) интерпретировать рассуждение о технологиях приложения этического знания как об *этических технологиях, этическом ноу-хау*.

Не является ли фронестика какой-то особой, аксиолого-праксиологической, *магией*? Приведем несколько аргументов для профилактики такого скепсиса.

Наша интерпретация фронестики, учитывая версии Аристотеля, Гадамера, других исследователей, (а) не сводит фронезис к «практическому разуму» и (б) противопоставляя фронезис как *эпистеме*, так и *технэ*, видит в нем и теоретизирующее знание, но обретающее признаки знания *герменевтического* и *личностного*. Поскольку фронезис – не просто личностное знание, а знание-умение в сфере морали, постольку фронестическое знание-умение, столь сильно ориентированное на индивидуальность приложения, складывается в «мягкую» теорию. В целом фронестика в прикладной этике – это и *мягкое теоретизирование* (этика воспитания, например), и мудрость индивидуального морального выбора, и этическая технология связи первого со вторым.

Конкретизируя эту интерпретацию, напомним, что понятие «фронезис» используется в различных методологических подходах и, соответственно, трактуется и употребляется далеко не однозначно. Тем не менее в основании трактовок – версия Аристотеля, который в «Никомаховой этике» обозначает этим термином практическое знание, противопоставляемое как теоретическому знанию («эпистеме»), так и знанию-умению ремесленника («технэ»). Фронезис как сплав знаний и умений, по Аристотелю, отличается от «бесполезного» знания (эпистемы) как предельно общего знания тем, что является знанием прагматическим (праксисом) об особенном, частном. Это знание нельзя дедуктивно или как-то иначе извлечь из системы научных принципов, из универсалий любого уровня. Это знание не может быть заранее известным и проявляется лишь в приложении к индивидуальному случаю.

Термин «фронезис» был актуализирован на исходе европейского Средневековья в ситуации роста релятивизма, пошатнувшегося авторитета церковной «конечной» истины

(ситуация так называемого «кризиса Пиррона»). В наше время данный термин был мобилизован постструктурализмом против модернистских усилий прийти на основе экспертного знания к торжеству унификации и рационализма. М. Хайдеггер, А. Шютц, Х.-Г. Гадамер вернули понятие «фронезис» в логико-семантическую теорию познания на равных основаниях с научным, институционализированным знанием. Так возникли основания для «понимающей социологии», «понимающей юриспруденции» и т.п. И «понимающей этики». Потенциал герменевтического подхода – в различении элементарной *аппликации* знания как технической процедуры и *интерпретации* как творческой конкретизации. Называя герменевтическую философию продолжением традиций «практической философии», Гадамер разделяет технические («технэ») и гуманитарные («фронезис») версии аппликации, или, по выражению одного из исследователей (Rich.J. Bernstein), «technical knowhow» и «ethical know-how». Рассуждая о «техническом ноу-хау», Г.-Г. Гадамер пишет, что ремесленник, «обладая планом и правилами выполнения своей задачи, ... может быть вынужден приспособляться к конкретным обстоятельствам и условиям, то есть отказываться от буквального выполнения своего первоначального плана. Однако такой отказ ни в коей мере не означает, что тем самым совершенствуется его знание о том, к чему он стремится. Он делает скорее лишь некоторые уступки при выполнении, и поэтому речь здесь идет действительно о применении его знания и о мучительном несовершенстве, с которым это связано». Характеризуя «фронезис», «этическое ноу-хау», Гадамер подчеркивает, что, в отличие от ремесленника, «положение того, кто “применяет” право, совсем иное. В конкретной ситуации он тоже вынужден смягчить строгость закона. Однако если он так поступает, то это происходит не потому, что лучше не получается, но потому, что в противном случае он поступил бы несправедливо. Ослабляя действие закона, он, следовательно, не делает никаких отступлений от него – напротив, он находит некое лучшее право»⁴¹.

Такая позиция эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, вполне успешна модель этики как практической философии, но и в проектировании технологий прикладной этики, этического ноу-хау, таких, как этическое моделирование, экспертиза, проектирование и т.п. Так, например, фронтестична технология этической экспертизы и консультирования – как деятельность, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, «понимающая» природа фронезиса не допускает упрощенного толкования отношений «консультант – клиент», предполагая не просто передачу «готового» в теории результата для «внедрения», но совместный (эксперта и ЛПР, ГПР) поиск решения проблем.

В ДОПОЛНЕНИЕ к комментариям, представленным в самом ходе нашего рассуждения, завершим анализ методологических предпосылок идентификации этического знания как *прикладного* тремя выводами.

1. В этико-прикладном знании есть элементы, которые вполне эффективно можно характеризовать через оппозицию «фундаментальное знание – прикладное знание». Речь идет прежде всего о теории конкретизации морали, где философская этика и социология морали связаны весьма определенно. При этом важно видеть и влияние прикладной этики на фундаментальную. Кроме того, эта оппозиция эффективна и для того, чтобы различить практическую этику и этику прикладную, выделяя интервал эффективности метафоры «этика – практическая философия». А также для того, чтобы избежать применительно к прикладной этике релятивистского эффекта, риск которого содержится в абсолютизации методологии проектно-ориентированного знания.

2. В то же время этике важно преодолеть соблазн заимствования примитивной версии соотношения фундаментального и прикладного знания, которую справедливо критикуют многие исследователи, причем не только *методологи*. Речь идет об ограниченности идеи, согласно которой «прикладная наука сегодня – это фундаментальная наука вчерашнего дня» и потому *приложение* рассматривается лишь как применение «чистой» науки. С точки зрения идентификации этико-прикладного знания осознание такой ограниченности означает, что прикладная этика не сводится к элементарной аппликации фундаментального этического знания – это скорее характерно для версий практической этики. Относительная самостоятельность прикладной структуры этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто *использует* какую-либо информацию фун-

даментальных этических исследований, но создает специфическую информацию, практически новое знание, преобразованное для нужд практики. Этико-прикладное знание – это и *изобретение нового знания*.

3. Рассматривая технологичность этического знания как один из ключевых факторов его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, экспертные заключения, кодексы, методики и т.п. продукцию прикладных исследований и разработок как «опредмеченную силу» прикладной этики, необходимо помнить, что речь идет о *фронестических* технологиях (как на этапе их создания, так и в процессе их применения), об *этическом ноу-хау*.

«Этос приложения», своего рода «техусловия» приложения методологических предпосылок из внеэтических сфер знания к идентификации прикладной этики, предполагает существенные ограничения к применению методологического арсенала знания социально-инженерного типа. Среди первых из них – рефлексия далеко не риторического вопроса о проектировании деятельности субъектов: «Может ли один субъект задать другому смысл, цель и план его деятельности?» (В.Н. Сагатовский). Но даже общий положительный ответ на этот вопрос требует поиска способов, которыми «проект деятельности может быть дан субъекту».

В связи с этим важно формирование особого стиля проектной деятельности в сфере прикладной этики: условие его эффективности – опора на моральное творчество субъекта.

3.3.2. Структуры этико-прикладного знания

Определяя этико-прикладное знание как теорию конкретизации морали, проектно-ориентированное знание и фронестические технологии (этическое ноу-хау), мы рассмотрели *методологические предпосылки* такого рода идентификации, прояснив необходимые основания для предлагаемого определения. Теперь пришло время раскрыть смысл этой идентификации через характеристику каждой из трех структур этико-прикладного знания, опираясь на наш опыт развития концепции прикладной этики.

3.3.2.1. Основная идея становящейся, еще только выходящей из формата *гипотезы*, теории конкретизации морали представлена в параграфе 2. Кроме того, в арсенале теории конкретизации морали наш опыт позволяет выделить: (а) этосный подход, (б) этико-социологический анализ, (в) идею специфического теоретизирования о нормативно-ценностных подсистемах, (г) концепцию общепрофессиональной этики.

В ОСНОВЕ *этосного подхода* – различение морали как чистого бытия должного и этоса, который пребывает между *идеально-должным* и нравами, репрезентируя лишь *реально-должное*. В *этосном подходе* проявляется конкретизация *второго порядка*. Если какая-то нормативно-ценностная система как один из видов *прикладной этики* (морали) оказывается продуктом конкретизации норм и ценностей, запретов и дозволений общественной морали в приложении к определенному, насыщенному своеобразием виду деятельности, то этос может с некоторым основанием интерпретироваться как «конкретизация конкретизации».

Потенциал этосного подхода мы испытали, в частности, на примере наших исследований становления нормативно-ценностной системы бизнеса (этики предпринимательства) в современной отечественной ситуации. Например, были выделены основные черты ситуации становления этоса российского предпринимательства: *историческая задержка* в становлении нормативно-ценностной системы современного российского предпринимательства и напряженная, можно сказать *пограничная, ситуация выбора между патосом и этосом*⁴².

В АРСЕНАЛЕ теории конкретизации морали – *этико-социологический анализ*. Он является основой исследования социокультурной динамики морали, в рамках которого открывается непосредственная связь процесса сегментации морали на *малые системы* с трансформацией традиционной (естественной) морали в рационализированную мораль индустриальной и постиндустриальной цивилизации.

Один из эффектов этико-социологического анализа в нашем опыте – формирование и развитие представленной во втором параграфе гипотезы о том, что, достигнув в ходе социокультурной динамики стадии зрелости, мораль оказалась способной пойти на собственную сегментацию. Как мы стремились показать, только кажется, что сегментация

– вынужденное «отступление» морали. На самом деле *приложение* морали через конкретизацию оказалось продуктивным: обогащенная – за счет конкретизации – мораль становится востребованной многообразными сферами человеческой деятельности.

СУЩЕСТВЕННЫЙ элемент арсенала теории конкретизации морали – понимание *специфики теоретизирования* о нормативно-ценностных подсистемах. В нашем опыте этот подход был разработан и применен на примере этики воспитания⁴³. Мы пришли к выводу, что в сфере воспитания должно развиваться знание с особым типом теоретизирования – «слабая версия» теории. Здесь (а) ценностные компоненты теории пребывают не на периферии знания и, тем более, не на подступах к нему, а в его центре; (б) переплетаются процессы производства знания и его потребления; (в) знание характеризуется обращенностью к единичному объекту-субъекту и является не абстрактно-всеобщим, а конкретно-общим; (г) теория обладает свойством демонстрируемости и «рецептурности», что позволяет выйти за пределы противопоставления «наука-искусство» и, вместе с тем, за границы обыденного знания.

Специфичность теоретизирования в сфере воспитания – это не только особое соотношение содержания теории и ее формы, но и особое взаимодействие «тела» теории с «опытом», со стихийно формирующейся и со специально организованной воспитательной практикой, с экспериментальными материалами. Для такой теории вовсе не обязательно принимать покаяние за наличие в ней элементов экстенсивного развития, за прегрешения «ползучего эмпиризма», требуемого от нее теми, кто вдохновляются идеалами *безличностного* знания. Принципиально своеобразное соотношение теории и опыта преобразует и тип преемственности в развертывании воспитательного знания. Поиск аналогов специфике теоретизирования в сфере этики воспитания приводит к медицинскому знанию, историческому познанию, шире – «гуманистике» в целом. Можно сказать, что теория этики воспитания *фронестична*.

КОНЦЕПЦИЯ *общепрофессиональной этики* дает этико-прикладному знанию методологию исследования и проектирования профессиональных этик⁴⁴. В основе концепции – предложенный нами алгоритм, ряд последовательных шагов исследовательской рефлексии в сфере той или иной профессиональной этики. В рамках *первого* шага: характеристика предназначения, *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики; идентификация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества; анализ соотношения этики (морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

Второй шаг: анализ «морального измерения» природы профессии как основание для структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются: различие между профессией и *внепрофессиональными* видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии. *Третий* и *четвертый* шаги: апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и рефлексия ценностей и норм этики профессионального успеха. *Пятый*: идентификация «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы «служение в профессии и/или жизнь за счет профессии?» и т.д. *Шестой* шаг алгоритма: обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы и духа профессионально-этических кодексов. *Финальный* шаг: характеристика технологий практичности профессионально-этического знания.

Разумеется, мы не претендуем на непременную инвариантность предлагаемого алгоритма – последовательность его шагов описана нами на основе авторского опыта.

3.3.2.2. *Проектно-ориентированное знание* как структурный элемент прикладной этики представлено в нашем опыте на примере таких проектов, как «Этика успеха»⁴⁵, «Этика гражданского общества»⁴⁶ и «Этос среднего класса»⁴⁷. Представим здесь последний проект, полагая, что в нем проявлены существенные признаки проектно-ориентированного знания, описанные выше: практически-целевая устремленность исследования, подчинение его логике социальных изменений, уклонение от «изготовления протезов» и приоритет «задаче изготовления сразу того, что должно использоваться»; роль

исследователя как «генератора программ», ориентирующего свою деятельность на такой конечный результат, который дает способы эффективного удовлетворения потребностей общества.

В основе генерированной нами программы – идея этоса среднего класса как системообразующего признака намеренного, целенаправленного процесса «классообразования». Фиксируя метафорическую трактовку слова «класс» в словосочетании «средний класс», мы полагаем, что социально-структурные описания должны отступить на второй план: становление российского среднего класса осуществляется на основе изменений его *культурных, нравственных* характеристик. Более того, эти характеристики не просто «сопровождают» объективные изменения, «подытоживают» их, но выполняют определяющую функцию, *мотивируя и ориентируя* данный процесс. «Базис» и «надстройка» меняют здесь привычную конфигурацию. Именно в этом смысле «*В начале было Слово...*».

В проекте применен этосный подход: ценности среднего класса исследовались и проектировались в диапазоне «нормативная модель – отечественные реалии». Актуальность проекта мотивировалась прежде всего неотложной необходимостью поиска выхода из кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. На наш взгляд, идея культивирования этоса среднего класса выступает одним из ориентиров новой самоидентификации как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять «куда идет Россия?» с попыткой выстраивания своего личного биографического проекта в противоречивой ситуации транзита.

Проект исходил из необходимости в ситуации духовно-нравственного кризиса *рационального* подхода к новой «переоценке ценностей» и предполагал активизацию поиска и культивирования таких ценностей и норм, которые, с одной стороны, способны противостоять доминировавшей в период радикально-либеральной стратегии реформ *агрессивно-циничной парадигме* идеи успеха, с другой – не утратить потенциал *этически полноценной* идеи успеха, не дать заменить ее, поддаваясь маятниковой инерции, некоей «этикой бедности», а то и «этикой новых бедных». Идеалы и ценности *ответственной этики успеха* призваны вдохновить и либерально ориентированный слой населения, и *средне-средний, и низший слои среднего класса*. В то же время эти идеалы и ценности, вдохновляя слои среднего класса энтузиазмом, должны противостоять заметной тенденции уклонения от ориентации на ценности рыночной экономики и демократические ценности.

3.3.2.3. Роль *фронестических технологий* в структуре этико-прикладного знания трудно переоценить. Вопрос о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать индивидуальному или групповому субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени» и на этом «умыть руки», передав ответственность за выбор всецело самой личности, здесь очевидно риторический. Разумеется, этико-прикладное знание не может и не должно подменить собою нравственные искания личности или сообщества, их собственные попытки различить добро и зло во всем многообразии их проявления в конкретных видах деятельности, чтобы принимать достойные решения и жить в ладу с совестью. В то же время, если такое знание не хочет «умыть руки» в ситуации «вызова» со стороны реальной нравственной жизни, то кроме соответствующего стремления ему необходима еще и определенная *готовность*, которая и предполагает развитие ноу-хау.

В нашем опыте разработаны и внедрены в практику технологии: *этического проектирования* (например, корпоративной институции профессионально-этической экспертизы или этического комитета профессиональной ситуации); *этического конструирования* (например, конвенции профессионального сообщества журналистов); *этической экспертизы* (например, проекта этнонациональной политики в регионе); *этического консультирования* (например, рефлексии ценностных ориентиров технологий гражданской активности – таких, как общественная экспертиза, переговорная площадка, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п.); *этического моделирования* (например, этическая деловая игра «Партия в ситуации выбора»); технологии учебного (этический практикум) и исследовательского (самопозна-

ние образовательной корпорации) «кейс-стади»⁴⁸. Этим технологиям специально посвящена глава 4.

Что касается фронестического характера этих технологий, то особенность приложения проектно-ориентированного этического знания заключается в том, что этик-теоретик не только покидает «башню из слоновой кости» и работает в сфере моральной практики, и даже не только в том, что он разрабатывает и применяет технологии приложения, но и в том, что *акт приложения* происходит в непосредственном *сотрудничестве* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и представителей той или иной сферы деятельности, профессии (что, собственно говоря, является одной из таких технологий). И тезис о сотрудничестве – отнюдь не педагогическая хитрость. Попытка инициировать творческое сотрудничество исследователей нормативно-ценностных систем и реальных субъектов нравственной жизни опирается на методологию, обеспечивающую их диалог и уже потому не допускающую *ни* своеобразного патернализма науки, *ни* иждивенчества практики морали. Эта методология предполагает намеренное инициирование *моральной рефлексии самого субъекта нормативно-ценностной подсистемы, например, профессионального сообщества и конкретных профессионалов*. В отличие от «чисто» социологического или «чисто» морализаторского подходов, которые менее всего нуждаются в партнерских отношениях с «предметом» исследования, методы *экспертно-консультативного* опроса экспертов и *игрового моделирования* помогают профессиональному сообществу узнать себя в системе «зеркал» (а если и не узнать, то не отбросить «зеркало» на манер того, как это сделала капризная сказочная красавица-царица) и потому принять активное участие в «технологически обеспеченном» моральном творчестве. Одна из ключевых фронестических технологий в этом подходе – моделирование ситуаций морального выбора, стимулирующее этическую рефлексию лиц и групп, принимающих решение (ЛПР и ГПР). Способ включения их в *ситуацию морального выбора* – этико-прикладные *деловые игры*.

Очевидно, что представленная в главе концепция прикладной этики требует испытания процессом исследования нормативно-ценностных систем, созданием конкретных проектов и разработкой фронестических технологий. Определенный опыт такого рода испытания мы уже можем предъявить в виде цикла своих монографий, посвященных нормативно-ценностным системам политики, воспитания, бизнеса, образования, журналистики, гражданского общества, среднего класса, этике успеха, общепрофессиональной этике, целостной картине прикладной этики, в которых, по мере возможности, представлены все структуры разрабатываемой нами концепции этико-прикладного знания. Тем не менее мы вполне рационально понимаем, что и к развитию прикладной этики (в обеих ее ипостасях) необходимо отнести известную метафору о «никогда не завершающемся процессе».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ENCYCLOPEDIA OF ETHICS. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.I. A-G. Applied ethics. P.81.

² Кэллахан Д. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики // ethicscenter.ru/ed/school1/materials/f1.html.

³ Singer P. Practical ethics. Cambridge University Press, 1993. P.3.

⁴ Мегле Г. Этика в индустриальном обществе. liber.rsu.ru/Conf/Istfil/meggle.htm.

⁵ Кэллахан Д. Указ. соч.

⁶ Вернер Р. Прикладная этика // ethicscenter.ru/ed/school1/materials/w3.html.

⁷ Гроак Л. Практический разум и полемика вокруг порнографии // Мораль и рациональность. М.: РАН, 1995. С. 183.

⁸ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С. 165.

⁹ Там же.

¹⁰ ENCYCLOPEDIA OF ETHICS. Second Edition. Eds. L.C. Becker, C.B. Becker. New York and London: Routledge. V.I. A-G. Applied ethics. P.80.

- ¹¹ INTERNATIONAL ENCYCLOPEDIA OF ETHICS. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD. P.49.
- ¹² Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып.1: Биоэтика и экоэтика. М., 1998.
- ¹³ Представляется недоразумением приписывание этой версии В.И. Бакштановскому и Ю.В. Согомонову.
- ¹⁴ Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // *Общепрофессиональная этика. Ведомости*. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004.
- ¹⁵ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику. С.165.
- ¹⁶ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. *Этика: Учебник*. М.: Гардарики, 1988. С. 393.
- ¹⁷ См.: Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике. С.153.
- ¹⁸ Как мы уже отмечали выше, предмет прикладной этики прежде всего – общественная, публичная мораль. Этика частной жизни и межличностных отношений (т.н. «этика любви и дружбы») может рассматриваться и как предмет «практической философии», как проблематика практичности, но может служить и в роли своеобразной «малой системы», предмета приложения. Кстати, среди «трех источников», «трех составных частей» нашей концепции прикладной этики эта проблематика была первоначальной; затем настало время двух других «источников» – профессиональной этики и социально-управленческого подхода к сфере нравственно-воспитательной деятельности.
- ¹⁹ Макинтайр А. После добродетели. Исследование теории морали. С.56-57.
- ²⁰ Петрунин Ю.Ю., Борисов Б.К. *Этика бизнеса*. М.: Дело, 2000. С.40.
- ²¹ Указ. соч. С.50.
- ²² Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. *Этика*. М., 1998. С. 393-395.
- ²³ Оппонируя «исключительскому» подходу, необходимо подчеркнуть, что в целом он, конечно, имеет свои резоны, собственную аргументацию, которую мы представили и проанализировали в своих публикациях. См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. *Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования*. 2005. № 8.
- ²⁴ См.: Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // *Вопросы социологии*. 1992. Т.1. №1. С.72.
- ²⁵ Если размежевание политики с религией, политики с моралью было зафиксировано еще Н. Макиавелли (факт их гетерохронности), то достижение моралью стадии зрелости, ее автономизации было отражено значительно позднее – в доктрине И. Канта, который первым смог приступить к исследованию морали как таковой (до того теоретическая этика лишь усиливала какую-либо одну из ориентаций практического морального сознания, обосновывала ее, оснащала аргументацией, мивоззренчески прославляла ее).
- ²⁶ Дробницкий О.Г. *Понятие морали*. М.: Наука, 1974. С. 214.
- ²⁷ Попытка обстоятельно проанализировать предпосылки идентификации этико-прикладного знания, содержащиеся в современной науке, была предпринята нами в монографии «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью» (Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986. С. 249-276). Развитие нашей концепции за годы, прошедшие после издания этой монографии, не отменило, на наш взгляд, многие аргументы и выводы из этой попытки.
- ²⁸ См. статью Б.И. Пружинина в сб.: «Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в России». М., 2003. С.433.
- ²⁹ Малиновский П.В. Прикладное знание – модернистский проект? // *Материалы Второго методологического конгресса (18-19 марта 1995 г.) на сайте ММК (Международного методологического кружка)*.
- ³⁰ Рац М.В. К вопросу о фундаментальном и прикладном в науке и образовании // *Вопросы философии*. 1996. № 9. С. 48.
- ³¹ Попов С.В. Проблема гуманитарного знания // *Материалы Второго методологического конгресса*.
- ³² Глазычев В.Л. Прикладное знание в социальном действии // *Материалы Второго методологического конгресса (18-19 марта 1995 г.)* www.glazychev.ru/courses/1995_doclad_prikladnoe_znanie_v_socialnom_deystvii.htm.

- ³³ Буряк А.П. Прикладное знание, индивидуальный выбор, профессиональное образование // <http://www.circle.ru/archive/s1995/0/3/0/text>.
- ³⁴ Чешев В.В. Критерии различения фундаментальных и прикладных наук // Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР. Новосибирск, 1978. С. 218.
- ³⁵ См.: Сагатовский В.Н. Природа системной деятельности // Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978. С. 69.
- ³⁶ Попов С.В. Проблема гуманитарного знания // Материалы Второго методологического конгресса.
- ³⁷ См., напр.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации // М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- ³⁸ См., напр.: Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2.
- ³⁹ Розин В.М. Эволюция и возможности социальной инженерии // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. С. 8-9.
- ⁴⁰ Наше первое приближение к концепции фронезиса как гносеологического и социокультурного идеала прикладной этики представлено в статьях: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Фронезис // Самотлорский практикум. Сборник материалов экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштановского. Москва-Тюмень, 1987. См. также: Бакштановский В.И., Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В. Фронезис-2 // Самотлорский практикум-2. Сборник материалов экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштановского. Москва-Тюмень, 1988.
- ⁴¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С.402, С.592.
- ⁴² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Дух предпринимательства в современной России (Статья вторая) // Этика дела – II. Ведомости. Вып. 8 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1997.
- ⁴³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.
- ⁴⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
- ⁴⁵ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: Введение в гуманитарную экспертизу // Этика успеха. Вып.10. Тюмень-Москва, 1997.
- ⁴⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2003; Они же: Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004.
- ⁴⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография.
- ⁴⁸ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002.

Know-how прикладной этики: фронестические технологии

САМА природа этико-прикладного знания предполагает *намеренное* развитие соответствующих технологий – технологий исследования прикладных этик (моралей), во-первых, технологий проектирующего воздействия результатов этих исследований на практику «малых систем» – во-вторых. Именно поэтому мы говорили в предшествующей главе об очевидной *риторичности* вопроса о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. Уточним: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-прикладное знание не только может, но и должно – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – не позволить себе «умыть руки». Может и должно создавать многообразные технологии приложения.

Для идентификации такого рода технологий мы уже давно конкретизировали и последовательно используем в своих работах известную метафору «этика – практическая философия» в виде метафоры «Лаборатория в Храме свободы». Метафоры, характеризующей know-how прикладной этики. Метафоры весьма рискованной: мы сами видим некоторые возможные аргументы «против». Во-первых, это сомнения эстетического плана, вкусовые привязанности читателя. Во-вторых, «занятость» символики: трудный вопрос героя XIX века Базарова («Природа: Храм или Мастерская?») вводится в современный контекст. Действительно, с помощью базаровской позиции сегодня еще можно решиться на экологическую дискуссию, но как после «Покаяния» Абуладзе соотносить Лабораторию и Храм применительно к жизни общества?! И, наконец, в-третьих – аргументы, связанные с имиджем гуманитарного знания, который и сегодня в большинстве своих парадигм требует приоритета отношения к миру как к Храму над отношением к миру как к Мастерской. Поэтому у входа в Лабораторию моральный выбор совершает и сам исследователь в сфере прикладной этики: он не может забыть о «канате, натянутом как нерв», по которому надо пройти все «четыре четверти пути».

Аргументы «за»? Те же, что приведены в предшествующей главе в связи с анализом природы социально-инженерного знания, проектно-ориентированного характера этико-прикладного знания и характеристикой фронестики. Плюс аргументы, следующие из описания самих технологий, которому посвящена данная глава. Кстати, если впервые метафору «Лаборатория в Храме Свободы» мы применили к характеристике методологии и методики *гуманитарной экспертизы и консультирования* – таково было первоначальное собирательное название технологий прикладной этики¹, то здесь мы расширяем сферу применения метафоры на все исследуемые и практикуемые нами технологии прикладной этики.

Однако такое расширение требует своего уточнения. Названные в предшествующей главе технологии этико-прикладного знания (речь шла только о тех, которые нами уже разработаны и внедрены) идентифицированы как *этические*. Насколько очевидна такая идентификация? Обеспечивается ли она только *прилагательным*? Не только: мы бы не стали распространять на технологии прикладной этики позицию разработчиков «гражданских технологий», согласно которой «основная масса реализуемых сегодня "гражданских технологий" в своем инструментальном содержании не являются особым, имеющим свою качественную определенность, классом технологий», так как большинство из них «заимствованы и имеют аналоги в политической, административной, юридической и бизнес-практике с той лишь разницей, что субъектом, "собственником", оператором этих технологий является гражданский актор (общественная некоммерческая организация, гражданская инициативная группа, гражданский активист), а целью их использования является продвижение, осуществление или защита общественных интересов»². На наш взгляд, в прикладной этике этически акцентирована и сама технология.

Один из важных аргументов в пользу идентификации технологий прикладной этики как *этических* мы уже связали в главе 3 с их *фронестичностью*, отражающей особую связь этико-прикладного знания со своим предметом. Фронезис как особое этическое

знание-умение, «умение уметь» в ситуации морального выбора, существует в диалоге прикладной этики с субъектом морального выбора; фронезис ценен прежде всего методом передачи знания-умения от субъекта к субъекту. И это, собственно говоря, тоже наука этико-прикладного знания. Профилируя как потенциальный патернализм этой науки, так и нередкое иждивенчество морального субъекта, эта технология предполагает инициирование моральной рефлексии самого субъекта – индивида, группы, профессионального сообщества, общества в целом – обеспеченное наука.

Еще один аргумент в пользу тезиса о том, что в прикладной этике этически акцентирована и сама технология, связан с *оправданием-обоснованием* «технологического подхода» через развитие в нем потенциала *испытания выбором*, который проявляется в каждой из технологий прикладной этики. А особенно – игровом моделировании, являющимся, как мы покажем ниже, элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и т.д. Другие аргументы – в связи с характеристикой отдельных технологий прикладной этики.

УКАЖЕМ на некоторые «техусловия» к задачам этой главы. Во-первых, каждая из технологий представлена здесь по-разному: в литературе нет общепринятого формата и наработанного языка описания «работы» таких технологий. Во-вторых, анализ опыта внедрения вообще остается за рамками главы (его можно найти в нашем цикле монографий по различным направлениям прикладной этики). В-третьих, в этой главе представлены не все технологии прикладной этики: за рамками главы остались наши разработки технологий управленческого воздействия на нравственно-воспитательную деятельность³, консультирования⁴, кейс-стади – исследовательских⁵ и учебных⁶, синтетическая технология «этический практикум»⁷. В-четвертых, важно иметь в виду, что технологии прикладной этики *взаимодополнительны*: например, игровое моделирование может быть включено в экспертизу, а экспертиза может быть элементом проектирования.

4.1. Этическое моделирование (этико-прикладные деловые игры)

Эффективное know-how прикладной этики, эвристичная фронестическая технология – *этико-прикладные* (шире – гуманитарные, гуманитарно ориентированные и т.п.) *деловые игры* (Э-ПИ).

ИГРОВАЯ методология, игровое моделирование, широко известное в виде метода деловых игр, традиционно применяется (независимо от того, опираются ли его сторонники на специальное изучение результатов познания философии и методологии игры или нет) как средство имитации процесса принятия решений в искусственно организованных ситуациях выбора управленческого, политического, экономического, экологического, педагогического и пр. планов.

Атрибутивная черта феномена *игры* – способность воспроизводить все виды человеческой деятельности благодаря *двуплановости*, интегрируя при этом: (а) самоценность процесса игры, самовыражения личности, – и результативность игровой деятельности; (б) «условность» – и «серьезность»; (в) импровизацию – и организованное поведение, и т.д.

Деловая игра характеризуется «проживанием» реальных ситуаций выбора в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной – заложенной в сценарии игры – роли, исполнением роли как способом представления себя «со стороны», действиями по системе игровых правил, соревновательными стимулами и т.п.

Вариабельность условий, решений, оценок, поступков, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения особо важны для деловой игры как таковой. Технология Э-ПИ отличается особым вниманием к деятельности участников игр как субъектов *морального выбора*. Конфликтная природа самой игровой деятельности, закодированность в правилах игрового поведения принципов и норм культуры разрешения конфликта, конкуренции и сотрудничества, успеха и поражения сопрягаются с конфликтностью нравственных норм и правил ее разрешения в ситуации выбора. Столкновение традиции и инновации (особенно, когда новое приходит в облике зла, когда должное достигается насущными и потому не адекватными средствами), конфликт ценностей, при-

надлежащих разным нормативно-ценностным системам, экзистенциальный риск морального выбора – значимые предметы Э-ПИ как игрового моделирования.

Определяя координаты для технологии Э-ПИ, мы ориентируемся на трактовку *игры как деятельности*. В ряду видов человеческой деятельности *игра* может быть здесь представлена прежде всего с точки зрения ее интенсивного воздействия – прямого и косвенного – на формирование ситуации свободы выбора. Эта ведущая черта игровой деятельности базируется, кроме собственного вариативного потенциала игры, т.е. особых отношений игрового феномена с «возможностями», на способности игры воспроизводить все другие виды человеческой деятельности и достигаемой в процессе реализации этой способности культуры «умения уметь». Все эти моменты в свернутом виде «заложены» в потенциал Э-ПИ.

Особое место занимает способность игры драматизировать диалог конфликтующих структур (позиций, норм, смыслов, правил и т.п.), задавать соперничеству-сотрудничеству участников игры ситуацию экстремальной борьбы с задачей (и, конечно, с условными носителями тех или иных способов ее решения). Но важна и способность игры ставить ее участников в такие обстоятельства, когда декларируемые цели проясняются с помощью предъявляемых для реализации этих целей средств (например, социальных технологий).

В то же время для технологии Э-ПИ важно то обстоятельство, что проблема «условного» – «серьезного» в ее метафизическом «измерении» не сводится (независимо от того, хорошо это или плохо) к проблеме преодоления правил. В таких играх «серьезный» элемент – не просто то или иное «дело» (моделируются ли, например, политический конфликт, этническая ситуация или проблемы деятельности НКО). Само это «дело» становится серьезным – в гуманитарном плане – лишь в том случае, если игра содержит экзистенциальный контекст, т.е. не сводится, например, лишь к функции «допинга» или к развлекательно-динамизирующему фактору, а создает контекст человеческой свободы как экзистенциальный фундамент, *смысл* дела. Тем самым выполняя свою экспериментальную роль (в подготовке к реальному освоению ситуации, решению проблемы), технология Э-ПИ помогает осваивающему конкретный вид человеческой деятельности субъекту освоить и *смысл* этой деятельности.

Тема моральной позиционности (конфликтности) в Э-ПИ представляется стержневой. Без мотивации свободного выбора, самоопределения к той или иной позиции участники игры не примут предлагаемого им статуса, статуса морального эксперта, игра потеряет для них смысл игры как таковой. Разумеется, моральная позиционность не противопоставляется здесь традиционно отработываемым на разного рода деловых играх предметно-профессиональной позиционности, организационно-ведомственной конфликтологии и т.п. Более того, поскольку редки «чистые» Э-ПИ, постольку и этические конфликты, ситуации морального выбора в целом присутствуют на гуманитарно ориентированных деловых играх скорее в ткани других позиционных интересов или их конфликтов. Отличие же состоит в том, что Э-ПИ моделируют конфликт не только профессиональных ролей, но моральных субъектов.

Особо подчеркнем: Э-ПИ как технология несет в себе известное «противоядие» против потенциально возможных негативных сторон метода деловых игр как такового. Часто ли разработчики различного вида деловых игр ставят перед собой этические проблемы, возникающие в процессе применения этих игр? Разумеется, некоторые из них озабочены психологическими аспектами игры («распредмечивание», «мотивация», «выход из игры» и т.д.), считая обязательным участником авторской команды игры психолога. Но не выносятся ли за скобки внутренняя проблема игрового феномена, остающаяся и в рамках деловой игры: «лицемерность поведения», «бисерность статуса», «манипуляционный соблазн» и т.п.? Учитывается ли содержащийся в игре момент несвободы?

(Само)уверенность практиков, самостоятельно разрабатывающих игры, важно подстраховать не только специальными монографиями и методическими разработками конкретных видов игрового движения, но и активизацией рефлексии о *смысле* игры, который не может (и не должен) быть сведен к «примерке», «тренингу» и прочим утилитарным предназначениям. Игровая методология несет в себе ген технократичности-манипуляторства в отношении к мотивам участия в игре, апологетического отношения к

ценности моделируемых проектов, программ, решений и т.п. Технология Э-ПИ содержит потенциал ценностного контроля и профилактики возможной диверсификации метода деловых игр в различных сферах управления, политической деятельности, жизни гражданского общества, образования и т.д. Иначе широкий фронт деловых игр может обернуться трансформацией «игры для пользы дела» в «бюрократические игры». Этическая «составляющая» способна обеспечить выявление скрытых целей таких «бюрократических игр», постановку и реализацию действительно гуманных целей экспертизы, обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих средств, критику прагматической «технологии управления».

Любая деловая игра – обоюдоострое оружие. Эта констатация относится и к самой технологии Э-ПИ. Сверхзадача этической «составляющей» – развитие культуры морального выбора при решении любой проблемы, гуманитарная экспертиза любого из моделируемых социально-технологических элементов и т.п. Этическая «составляющая» в таком случае стремится испытать любую инновацию периода модернизации общества на достойность выбора в мире идеалов и ценностей гражданского общества, целей и средств; стимулирует попытку уже в модельных обстоятельствах проявить скрытые ценности и антиценности, определить готовность субъекта к выбору, передать ему прецеденты достойных решений, стимулировать самостоятельный поиск, поддержать в поражении.

ОПИРАЯСЬ на наши исследования в сфере философии игрового феномена⁸, методологии и методики конструирования Э-ПИ, на опыт в применении результатов этих исследований в процессе создания и проведения Э-ПИ⁹, представим некоторые собственно технологические моменты таких игр. Но прежде – три замечания. Во-первых, в описании собственно технологических элементов Э-ПИ мы опираемся здесь на опыт одной из гражданских экспертиз в режиме игры, отражающих ситуацию перелома – от времен Перестройки к постсоветским временам истории России. Отражая другие времена, эта игра, на наш взгляд, не утратила своей методологической и методической значимости. Во-вторых, уместно напомнить общее место в целом ряде книг по деловым играм: их авторы подчеркивают, что язык репортажа с *деловых* игр весьма условен, ибо применительно к ним, в отличие от спортивных игр (например, шахмат), нет общепринятого языка описания. В-третьих, обратим внимание на трудность выделения *инвариантного* описания Э-ПИ: они могут значительно отличаться друг от друга. Один из выходов – «собрать» более или менее общий *технологический (методический) каркас* Э-ПИ из фрагментов характеристик ряда разработанных и внедренных нами игр¹⁰.

ПЕРЕХОДЯ к краткому описанию технологии конструирования и проведения Э-ПИ, в качестве примера рассмотрим экспертно-консультативную игру (экспертный практикум) «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора», проведенную в эпоху Перестройки, в рамках общепартийной предсъездовской дискуссии в период кризиса КПСС. Зафиксируем основные блоки сценария игры: *программа, алгоритм, образ результата, правила игры, проблемная ситуация и моменты реализации* сценария.

Начнем с программы. Обычно этот документ, рассылаемый будущим участникам о начала игры, выступает как краткое описание замысла игры, ее алгоритма и ожидаемых от нее результатов. Обратим внимание на возможность намеренной или спонтанной импровизации алгоритма уже в ходе игры.

В предложенной участникам игры программе обосновывалась актуальность темы экспертизы-консультации и мотивировался ее метод. Акценты: «*вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к перестройке как ситуации выбора обусловили конструирование ... механизма общественной экспертизы альтернативных вариантов выбора*», сосредоточенность «*на нормах и ценностях этики политической деятельности*», на задаче активирования «*моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений*». Программа характеризовала экспертизу как «*метод ответственного поиска, способ освоения будущего для тех, кто осознал необходимость своей гражданской ответственности, кто стремился максимально увеличить шансы на выживание общества*».

Специально проблематизировалась *целесообразность именно игрового метода экспертизы*: «*До “игр” ли нам сегодня, в такое напряженное, грозное время? Не уход ли это от реальности в выдуманный мир, в “игру в бисер”? “Игра в демократию”?! Паллиатив действительной политической активности? Выдуманные ценности и нормы*

вместо жесткой этики политической борьбы? Нет! Это способ дополнения и усиления традиционных форм поиска эффективных решений проблемной ситуации как в партии, так и в обществе». Программа обращала внимание участников игры на то, что в сценарий, который предстояло им разыграть, заложена имитация вероятного поведения «различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная дискутируемая модель партии». Речь шла об экспертизе «экспериментально испытываемого взаимодействия (с точки зрения самой его возможности и реальных путей) всех позиций, которые вовлечены во время экспертного практикума в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а соответственно о моделировании “плюсов” и “минусов”, характеризующих нововведения, и, наконец, о содействии и сопротивлении им различных сил в партии и обществе».

Обстоятельно трактовалась роль условности игровой деятельности: ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны снять целый ряд проблем «реального эксперимента и защитить участников экспертизы от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой “исследователь” и “объект” – в одном лице, это – эксперимент на самих себе». Из программы следовало, что условность ситуации, в которую вовлекались участники экспертного практикума, должна была позволить совершить невозможное в реальной жизни: «прожить» все возможные варианты выбора, испытать *каждый из прогнозов*. Чтобы успеть за временем – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями, – его предстояло «свернуть», ускорить, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

В программе специально определялись *игровые обстоятельства, «правила игры»*. «Условная ситуация, в которой нам предстоит прожить два дня, – собрание партийного клуба “Консенсус”, созданного на территории партийного округа в период подготовки к выборам делегатов будущего съезда партии. Участники экспертного практикума – члены и гости клуба (в зависимости от того, принимают они или не принимают нормы-правила кодекса клуба). Какие правила? Это, во-первых, сознательное разделение членов клуба на секции, ассоциации, фракции и т.п. по приверженности к одной из моделей развития партии. Во-вторых, метод консенсуса в принятии решений (нет проигравших и победителей, результаты вырастают из компромиссов между позициями секций)».

Важный момент программы заключался в том, что научно-практический коллектив организаторов рассматривал участников экспертного практикума как «*коллективный субъект экспертизы и консультирования вариантов демократической и гуманистической технологии разрешения ситуации выбора*», которому предстояло *проверить* рабочую гипотезу: «модели обновления партии могут быть интегрированы в единую платформу для выбора делегатов на съезд – если сторонники всех вариантов социалистического выбора попытаются создать механизм сотрудничества, соглашений, компромиссов как единственный способ обеспечения гражданского мира, выживания общества». Перед участниками экспертного практикума ставились конструктивные задачи диагностики альтернативных моделей, определения узловых моментов интегративной модели, конструирования переходной технологии обновления партии.

И снова программа акцентирует ценностные ориентиры этой игры: «Экспертиза концентрируется на действиях секций клуба, объединившихся вокруг каждой из испытываемых моделей, на поведении лиц и групп, борющихся не друг с другом, а за общую цель – победу *над проблемой*. Экспертиза здесь обращена к самому трудному акту в жизни каждого человека – к его *выбору, самоопределению*, к тем качествам человека, для консультирования которых у многих из нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуациях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Следующий фрагмент программы этой экспертизы показывает, как для участников игры обеспечивалась свобода выбора: «Сейчас вы войдете в зал, разделенный на секторы. Членам клуба – в зависимости от выбранной ими модели – выделены отдельные ряды. Зарезервированы и места для возможных новых моделей. Игра содержит *элементы ролевого поведения*, что предполагает выбор не обязательно согласно личным убежде-

ниям эксперта, но и возможность, так сказать, “влезть в шкуру” оппонентов. Для тех, кто еще не определился в отношении к той или иной модели или не принял нормы кодекса клуба, также выделены секторы зала». И авторы программы обращались к участникам с особой просьбой: «Задержитесь на мгновение перед входом. Прочитайте еще раз модельные варианты платформ. Простите за известную категоричность вопросов, но, пожалуйста, взвесьте перед выбором одной из моделей свои предпочтения: несут ли в себе предлагаемые модели шанс на разрешение проблемы? Содержит ли ситуация подлинный выбор? допустима ли для конфликтующих моделей ориентация на победу? можно ли рассматривать выживание общества как высшую ценность консенсуса сторонников каждой модели? Вам предстоит серьезная работа, у Вас есть возможность повлиять на ход и результаты партийной дискуссии, на формирование важных политических решений, уровень демократичности и гуманистичности процесса их подготовки и их результатов».

Далее программа предлагала для экспертизы ряд моделей, созданных по результатам анализа СМИ. *Модель 1.* Партия переживает тяжелые времена, но не кризис. Она остается в целом здоровым институтом, хотя и требующим перестройки. Ни о какой особой «ситуации выбора», ни о каких принципиально новых «вариантах», «моделях» речь не идет. Партия должна по-прежнему оставаться руководящей и направляющей силой общества, ядром политической системы. ...В партии недопустимы платформы, различного рода группы, а тем более фракции. Как никогда важна чистота рядов КПСС. *Модель 2.* Партия переживает кризис из-за отхода от ленинских принципов внутривнутрипартийной жизни и руководства обществом. В силу глубины кризиса выбора у партии нет: условием ее выживания и, соответственно, выживания общества является переход партии исключительно на политические методы работы, регулируемые законом. Общество уже сегодня настойчиво ищет альтернативу партии для своего выживания, и КПСС должна активно взаимодействовать с различными социальными движениями и инициативами, завоевывающая лидерство в политическом диалоге своим нравственным и интеллектуальным авторитетом, способностью предлагать обществу глубокие, интегративные по характеру концепции политического, экономического, социального, духовного развития. ...Необходима отмена или радикальная переработка статьи 6 Конституции СССР. *Модель 3.* Общество уже не откажется от возможности выбирать свой путь. Сегодня КПСС практически не сможет просто «запретить», остановить поворот общественного сознания к многопартийности как средству выживания не только социалистической модели развития советского общества, но и просто выживания. Однако немедленный переход к многопартийности чреват появлением на политической арене несоциалистических партий, в том числе – открыто экстремистских. В этих условиях целесообразно легализовать реально существующие политические ориентации членов партии (традиционно-коммунистическая, социал-демократическая и т.п.) и, объявив о самороспуске КПСС, образовать на ее основе три-четыре партии заведомо левой ориентации. Участие ряда таких партий в политической жизни страны будет выполнять роль гаранта устойчивого развития советского общества по социалистическому пути. *Модель 4.* Ситуация выбора в жизни партии, как и в жизни общества, принципиально изменилась. Кризис партии – и всего общества – требует коренного пересмотра как ее идейного багажа, так и принципов организации, изменения ее места в обществе. ...Партия должна отказаться от роли монополиста в жизни государства и общества, признать необходимость и санкционировать переход советской политической системы к многопартийности. Это предполагает, что лидерство КПСС доказывается овладением ситуацией выбора на деле, предусматривает соревнование за право определять перспективы общества между партиями, отражающими социально-экономические, политические и духовные реалии страны 90-х годов. Самой КПСС, чтобы не утратить политического влияния в массах, необходимо трансформироваться в партию парламентского типа (не только с платформами, но и с фракциями).

ПРОДОЛЖАЯ описание технологии игрового моделирования, рассмотрим процесс *реализации программы*. Зафиксируем только главные итоги двухдневного поиска¹¹.

Напомним, что участники экспертизы должны были в процессе решения игровых ситуаций или подтвердить свою верность модели, выбранной ими на первом этапе, или сменить позицию, или прийти к согласованию моделей на основе компромисса. При этом командам была предоставлена возможность испытать два пути движения к взаимопони-

манию: привычный метод убеждения оппонентов в предпочтительности своей позиции в режиме митинга и непривычный метод «круглого стола».

Первое действие алгоритма (после вводного для всех участников «самоопределения к моделям» и разбивки по соответствующим секциям «партийного клуба») представляло собой коллективную работу каждой секции клуба по совершенствованию избранной модели, развертыванию ее в декларацию и подготовку к защите перед оппонентами из других секций. Действие второе заключалось в предъявлении деклараций для дискуссии в разных режимах: пресс-конференции, митинга, партийного пленума, сессии советов. В процессе обсуждения каждой модели экспертами выступали реальные народные депутаты и правоведаы.

Затем для выдвинутых от каждой команды участников «круглого стола» была проведена консультация по технологии выработки консенсуса. После согласования позиций делегатов «круглого стола» со своими секциями весь «клуб» разделился на две части. Первая – организовала митинг, чтобы именно в такой форме определить (не)возможность консенсуса, вторая – собственно «круглый стол». Обращая здесь внимание на этот этап экспертизы версий развития партийной этики, отметим, что еще до начала «круглого стола» в декларациях секций звучала резкая критика в адрес оппонентов. Авторы репортажа об этой игре в «Московских новостях», дав своему материалу характерный заголовок «Соблазн и страх компромисса. Что возобладало у партийных работников в ходе деловой игры?», отметили, что «консерваторы» высказывались о «радикалах» и «обновленцах» так: «Их модели не устраивают нас с точки зрения отсутствия коммунистических установок... Идти с ними на компромисс невозможно». Однако от самой попытки сблизить позиции не отказался ни один из участников «круглого стола». Используя специальную методику, опираясь на предварительные консультации ученых, на ходу обучаясь искусству диалога, вырабатывая правила политического этикета, участники «круглого стола» испытали, на наш взгляд, все возможности компромисса.

Второй день игры начался было с предусмотренного сценарием задания по технологизации моделей каждой секции в виде предложений к уставу партии и ее платформе (для испытания возможности выработать интегральную платформу клуба). Однако часть сторонников первой модели – не без согласия своих делегатов за вчерашним «круглым столом» – импровизировала объявление о введении «чрезвычайного положения» как более эффективного средства партийной «дискуссии» (даже имитированный митинг, который показал свою абсолютную бесплодность при попытке выработать согласованные позиции, не давал оснований для такого поворота событий). Разумеется, другие секции выдвинули предложение о принятии против сторонников ЧП строгих правовых санкций. Тем не менее эта *игровая импровизация* не сломала общего алгоритма экспертизы, и лидеры каждой команды вынесли на обсуждение «клуба» свои разработки (ясно, что сам факт коллективного поиска не менее важен, чем его конкретные результаты: подлинная наука коллективного проектирования была к тому времени освоена очень слабо).

Заключительный этап игрового моделирования был посвящен отработке технологии выборов делегатов съезда. Результаты выборов содержали, на наш взгляд, определенную прогностическую информацию. Больше число голосов членов клуба набрал делегат от «умеренных», следующим по числу голосов был делегат от вновь созданной во время практикума секции «круглого стола», за ним – «обновленец», «радикал», «консерватор» (условные названия секций даны авторами репортажа с игры в «Московских новостях»).

Выше мы предположили, что, отражая *другие времена*, эта игра не утратила своей методологической и методической значимости. Здесь же предположим, что кажущаяся навсегда ушедшей в прошлое проблематика этой Э-ПИ имеет реальную перспективу.

4.2. Этическая экспертиза

СРЕДИ технологий этико-прикладного знания природа *экспертизы* как технологии кажется наиболее очевидной. Однако попытка хотя бы эскизного описания феномена экспертизы, безотносительно к специфике экспертизы *этической*, показывает невозможность ограничиться элементарным, «словарным», уровнем определения понятия, на котором фиксируется, например, что эксперт – это сведущий в своем деле человек, спе-

циалист в какой-либо области, а экспертиза – исследование вопроса, требующего специальных знаний. Отсюда необходимость проблематизации темы по нескольким аспектам.

Во-первых, нельзя уйти от выявления особенности именно *экспертной* деятельности и именно *экспертного* знания, которые вовсе не тождественны любой оценочной или аналитической деятельности и возникают (а) в определенной – *проблемной* – ситуации, предполагая (б) определенные знания и процедуры. Во-вторых, далеко еще не завершены попытки заключить конвенции по поводу общего и различного в характеристиках разного вида экспертиз – гражданской, государственной, ведомственной, межведомственной, государственно-гражданской и т.д. В-третьих, чтобы понять природу, например, государственно-гражданских экспертиз, необходимо рационально взвесить известную антиномию принятия решений С. Лема – является ли наша цивилизация *правлением экспертов* или же *правлением всех* – и отрефлексировать связанные с этим понятия экспертизы *меритократической* и *демократической*. В-четвертых, особая задача – характеристика этической экспертизы (гуманитарной экспертизы) как технологии¹².

НАЧИНАЯ с характеристики особенностей *экспертной* деятельности и *экспертного* знания, еще раз вспомним, что термин «экспертиза» не имеет общепризнанного определения (хотя уже формируется новая дисциплина «экспертология»¹³), весьма многозначен, нередко используется слишком общо, вплоть до размытости, приводящей к утрате смысла употребления этого термина. Известной неопределенностью словоупотребления отличается и дискурс, связанный, например, с экспертной деятельностью профессиональных сообществ как гражданских организаций: здесь и нередкая квалификация в качестве экспертизы любых обсуждений, в том числе общественных слушаний, «круглых столов», дебатов и т.п., и трактовка в качестве экспертизы любого анализа ситуации или оценки состояния, и неразличение «экспертизы» и «контроля».

Уместен ли хотя бы минимальный пуризм в отношении многозначного словоупотребления термина «экспертиза»? Ответ на этот вопрос зависит от мотива, которым актуализируется необходимость понимания особенности экспертного знания (и деятельности). Утвердительный ответ возникает, если один из мотивов актуализации экспертной работы сформулировать с помощью крылатой фразы Э. Фромма, характеризующей опираясь на диагноз не только прошлых, но и сегодняшних проблем, социальных, политических и нравственных «болезней»: «бегство от свободы». На фоне беспощадной оценки «нового» человека, у которого «исчезает самый вкус к свободе» (Н. Бердяев), который «не любит альтернатив», а его самого преследует «страх выбора», наше становящееся гражданское общество не может надолго уклониться от такого пути выхода из «пограничной ситуации», который многими авторами трактуется как перифраза спинозовско-гегелевско-энгельсовского определения свободы: «Свобода – еще не осознанная необходимость. Скоро ли эта необходимость будет осознана?».

Современные исследователи феномена экспертизы и практикующие эксперты (нередко то и другое качество совпадает в одном лице) вовлечены в давнюю и все еще далекую от завершения дискуссию о сущности экспертизы. Об этом свидетельствуют опубликованные материалы рефлексии профессиональных сообществ политологов¹⁴ и экономистов¹⁵, гражданских экспертов¹⁶, исследования философов и методологов¹⁷.

Наше, авторов этой книги, понимание природы экспертизы исходит из представления о том, что один из способов определиться с понятиями «эксперт» и «экспертиза» – характеристика ситуации, побуждающей инициировать экспертизу как *проблемную*. Запрос на экспертизу от лица, принимающего решение (ЛПР), или группы, принимающей решение (ГПР), или от субъекта, которому необходимо разобраться в ситуации, или же инициативная (от имени самих экспертов) экспертиза, в том числе и в *режиме «до возникновения»*, возникает прежде всего в *проблемной* для этих субъектов ситуации, не дающей возможности скопировать предшествующий опыт, воспользоваться имеющимся набором знаний и оценок, применить стандартное решение. Это – ситуация неопределенности, свидетельствующая о рискованности выбора, о противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; нередко – ситуация нравственного конфликта. Именно глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации выбора требуют особой компетентности и, соответственно, особых процедур выбора из альтернативных вариантов, в том числе – экспертизы.

Уточним: этическая экспертиза может быть не только *предваряющей* решение или действие, но и экспертизой «*постфактум*» – в этом случае ее результаты могут послужить «уроком» для решений и действий в последующих ситуациях. Именно так это происходило в деятельности профессионально-этической институции, к которой мы обратимся в четвертом параграфе данной главы.

Уточним: этическая экспертиза может быть по отношению к моральному субъекту как *внешней*, так и *внутренней*. Первый вариант более очевиден. Второй – менее, но в практике наших исследований и разработок ему уделяется особое внимание как процедуре *самопознания* – организации (например, университета), ассоциации (журналистской, например), незримого колледжа (сообщества городских профессионалов, например).

И все же в большинстве случаев происходит следующее: когда понимание нестандартной ситуации не «дается» накопленному опыту, а веер альтернатив трудно обозрим для привычной точки зрения, прежде чем бездумно рисковать или столь же бездумно уклоняться от решения и действия, необходимо посоветоваться с авторитетом (авторитетами), чьим мнением мы дорожим, опыту которого(ых) мы доверяем, суждения и оценки которого(ых) обладают достоверностью. Эксперт в этом случае выступает как человек, который, по словам Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Известно, что специалисты по системному анализу характеризуют качества эксперта путем его сравнения с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия решения требуется больше информации, чем эксперту (в этом смысле, например, опытному водителю трудно представить себя на месте новичка). Иначе говоря, для того чтобы отличать одну вещь от другой, нужно учиться этому. Ясно, что квалифицированный человек, эксперт, реагирует на меньшее количество информации, чем не квалифицированный, неспециалист.

В переходном обществе нельзя не заметить дефицит доверия к мнениям традиционных групп экспертов, диагнозы и прогнозы которых ранее казались надежными ориентирами в принятии решений. Доверием же часто наделяется неформальная (и в *этом* смысле «непрофессиональная»), своего рода антиэлитарная, массовая экспертиза, противопоставляемая «собственно экспертизе». При этом за конфликтом «дилетантизма» и «профессионализма» трудно не обнаружить нередкое противостояние ведомственных и общественных интересов, в том числе, соответственно, ведомственной «морали» и морали гражданского общества. На стороне «неформальных», общественных (гражданских) экспертиз – нравственный потенциал «дилетантского» подхода, не принимающего узкопрагматической ориентации «казенных» экспертиз.

Вообще-то квалификация ведомственных экспертиз как профессиональных, а неформальных, независимых, общественных как дилетантских – не точна; тем более, что ряд независимых, общественных (гражданских) экспертиз предпринимается с участием высококлассных профессионалов. Скорее их сходство и различие можно квалифицировать через меру сочетания в экспертных заключениях рациональных и аффективных выборов, меру, которая, можно предположить, смещена в обоих случаях в разные стороны¹⁸. При этом опыт независимых экспертиз показал способ согласования экспертиз, которые проводят специалисты ведомства, и «неформальных», общественных экспертиз, которые обычно организуются гражданами, вынужденными на себе испытать оцениваемые экспертами последствия проектов и действий: результаты профессиональной экспертизы выносятся на общественный консилиум, которому, как, например, в Японии, придается в отношении экологических экспертиз правовой статус.

ОДНАКО ситуация обращения к *профессиональному* эксперту в сфере *этической* экспертизы не так проста. Здесь альтернатива «профессионализм – дилетантизм» имеет свои ограничения, связанные с особыми отношениями этического знания и морали. Прежде всего, когда речь идет о гражданских (общественных) экспертизах. Не ставя здесь задачи участия в дискуссии об общем и различном в понятиях «общественная экспертиза» и «гражданская экспертиза»¹⁹, определим смысл характеристики «общественная»/«гражданская» экспертиза с помощью ряда признаков.

Во-первых, конечная цель такой экспертизы – защита общественного интереса. Другой вопрос: так ли просто этот интерес понять? Например, попытки журналистского сообщества понять содержание этого понятия как одного из ориентиров своего профессионального служения обнаружили значительные трудности²⁰. Во-вторых, новый, демо-

кратический, субъект общественной (гражданской) экспертизы. При этом антиномия «эксперт – дилетант», актуализировавшаяся во времена Перестройки, в ситуации превращения понятия «эксперт» в синоним ведомственного эгоизма специалистов, казенного академизма, «научного сикофантства» и т.п. не вечна. Ее смягчение возможно благодаря эффекту подключения профессионалов к процессам демократической экспертизы.

Сегодня, наряду с профессиональным экспертным сообществом (*меритократическая* составляющая общественной экспертизы), существенным экспертным потенциалом обладают широкие слои гражданского общества – *демократическая* составляющая экспертизы. Последняя не тождественна ни «подмене экспертизы демократией», о чем беспокоились участники известной дискуссии 2000-го года в «НГ», ни традиционным процедурам исследования общественного мнения. Во всяком случае, этот потенциал значим в ситуациях этической (гуманитарно ориентированной, гуманитарно акцентированной или просто гуманитарной) экспертизы, обращающей особое внимание на ценностные основания морального выбора субъекта общественного, группового, индивидуального масштабов, в том числе и гражданских организаций, социопрофессиональных групп и корпораций, социокультурных сообществ. А профессионализм экспертного сообщества проявляется здесь в умении активизировать и развивать рефлексию обыденного сознания, стимулируя моральное творчество. В такой ситуации происходит взаимодополнение и взаимообогащение «меритократической» и «демократической» экспертиз на основе диалога двух культур – научной и «аматерской», а антиномичность профессионализма – дилетантизма, ведомственности – неформальности, массовости – компетентности смягчается.

Особая характеристика: этические, шире – гуманитарные ориентиры общественной (гражданской) экспертизы, основания ее методологии и методики²¹. Этически, гуманитарно ориентированная экспертиза – знание, умение и деятельность, предполагающие приложение комплекса знаний о морали к различным аспектам ситуации выбора, к проблемам, встающим перед субъектом решения и поступка; знание, умение и деятельность, ориентированные на анализ и оценку степени свободы выбора и меры гуманистичности процесса подготовки, принятия и продвижения в практику значимых решений. Этическая, гуманитарно ориентированная экспертиза ставит различные критерии целесообразности человеческой деятельности (политические, экономические, организационные и т.п.) в соподчинение критерию нравственности. Последний выражает императив отношения к человеку как к высшей цели, обладающей статусом самооценности, задавая критерий высшей целесообразности его деятельности. Любые критерии целесообразности человеческой деятельности гуманитарная экспертиза соподчиняет критерию нравственному.

ОСНОВНЫЕ предметы этической экспертизы, в том числе общественной или государственно-гражданской, – фиксируемый процесс подготовки и принятия решений (напомним и об экспертизах «постфактум») в сфере деятельности лиц, групп, организаций, профессиональных ассоциаций и т.п.; выявление и «испытание» явных или скрытых ценностей, лежащих в основе специализированных экспертиз. В последнем случае этическая ориентированность призвана профилировать недостаточное внимание экспертами (как «меритократами», так и «демократами») «человеческого фактора» и даже «человеческого измерения» – оно может оказаться мелким, узким (как, например, узки подходы отдельных социогуманитарных, «человековедческих» и обществоведческих сфер знания). Помня о режиме экспертизы «до востребования», значительно расширяющей представление о ее «заказчике» за пределы прямого взаимодействия ЛПР (или ГПР) и экспертов, следует отметить, что особое место в предмете этической экспертизы занимают состояния морального сознания различных социальных, профессиональных, социокультурных слоев и групп, в том числе и состояния самого экспертного сообщества, влияющего на массовое сознание и властные решения. Важная задача этической экспертизы – вскрыть максимум реальных вариантов выбора, выявив для этого ценностные основания, определив цели и смыслы каждого из вариантов. Желательно указать на прецеденты решений в аналогичных (если таковые были) ситуациях.

Едва ли не самая трудная ситуация в проектировании технологии этической экспертизы – ответ на общий для разного рода общественных экспертиз вопрос о том, кого можно посчитать достойными роли «мудрецов», экспертные суждения которых помогут сориентироваться в «лабиринтах свободы», в сложных конфликтных ситуациях. И как при этом избежать реальной опасности появления «экспертократии», ибо есть смысл в из-

вестном суждении о том, что степень сложности вопросов, подвергаемых экспертизе, обратно пропорциональна числу людей, разбирающихся в этих вопросах. Одно из условий этической экспертизы – высокий профессионализм в понимании морали. Но, как мы уже отмечали выше, профессионализм эксперта здесь – не только уровень компетентности специалиста в сфере морали, но и его умение активизировать и развивать рефлексию повседневного (обыденного) сознания, стимулируя моральное творчество субъекта нравственного поиска. Субъекта, который «заказывает» экспертизу и ожидает консультативной помощи; или субъекта, который готов сотрудничать в экспертизе, инициированной специалистами по прикладной этике; или субъекта, которому результаты экспертизы адресованы в режиме документов Римского клуба – «до востребования».

ИНСТРУМЕНТАРИЙ этической экспертизы – это, прежде всего, игровое моделирование и *экспертные опросы*. Учитывая, что технология деловых игр представлена в предшествующем параграфе, сосредоточимся здесь на втором «инструменте» экспертизы. И как и в случае с Э-ПИ, укажем на трудность выделения *инвариантного* описания технологии экспертных опросов: в разных проектах такие опросы могут значительно отличаться друг от друга. Поэтому снова прибегнем к методу «собрания» более или менее общего *каркаса* технологии экспертного опроса из фрагментов описания наших проектов.

Начиная с *типологии* экспертных опросов, выделим, во-первых, опросы, имеющие самостоятельное значение (таковы, например, в нашем опыте, опросы «На пути к гражданскому обществу»²², «Рациональный регионализм»²³, «Городские профессионалы»), и, во-вторых, опросы, предшествующие деловым играм (так, например, деловой игре «Партия в ситуации выбора», представленной в параграфе 4.2., предшествовал опрос специалистов в различных отраслях науки, публицистов, партийных работников разного ранга²⁴) или практикумам (диалогическим семинарам, посвященным экспертизе материалов предшествующих экспертных опросов – например, проекты «Тюменская этическая медиаконвенция», «Профессионализм современного журналиста: *сервисное* ремесло на информационном рынке – или гражданственность *высокой* профессии?»²⁵).

Другое основание типологизации экспертных опросов – целевое. Один вид таких опросов посвящен *диагностике* ситуации: (а) в сфере теоретизирования, (б) в сфере нравственной жизни, а также (в) двух этих ситуаций вместе – одним из примеров является экспертный опрос «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования»²⁶. Во многом сходен с этим второй вид – *консультативные* опросы. Примеры – проекты «Ямальский конфликт»²⁷, «Арктическая политика»²⁸, «Апология успеха»²⁹, «“Двадцать лет спустя”: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе»³⁰. Третий вид: опросы, посвященные *самопознанию* корпорации-организации и/или корпорации-профессиональной ассоциации. Примеры такого рода опросов – проекты «Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов»³¹; «Становление духа университета: опыт самопознания». Еще один вид – опросы, предметом и задачей которых являются *рефлексивные биографии*. Примеры: проекты «Городские профессионалы»; рубрики «Жизнь в профессии»³² – в журнале «Ведомости» НИИ ПЭ, «Биографии побед и поражений» – в журнале «Этика успеха».

ПРОДОЛЖИМ собирать *общий каркас* экспертного опроса попыткой представить его *максимально эффективный алгоритм*. В нашем опыте этот алгоритм выглядит следующим образом: первый тур экспертного опроса – второй тур экспертного опроса – игровое моделирование или практикум на основе материалов двух туров опроса – заключительный экспертный опрос как «экспертиза экспертизы».

Необходимость двух туров поясним на примере *исследовательского* типа экспертного опроса, в котором существенную роль играет работа с экспертным этическим сообществом. Залог ожиданий организаторов такого рода опросов – в выходе за пределы задачи-минимум, когда первый тур опроса оказывается и заключительным (этот тур, действительно, может иметь самостоятельное значение, формируя диалогическое поле для экспертного сообщества в целом). Программа-максимум – в достижении известного науковедом эффекта развития «теоретической группы», в интенсификации пути от первой до более высоких стадий, от «нормы» до «дисциплины» через «сеть» и «сплоченную группу», в участии авторов первого тура опроса во втором туре. При этом авторы проекта не возлагают на себя роли «сверхэкспертов», обладающих правом «выборщиков». Ориен-

тируясь на «критерий первоначального списка», организаторы следующего опроса обращаются прежде всего к уже проявившим себя участникам предшествующих опросов. При этом эксперт должен работать в соответствии с определенной схемой: предъявить критерии, которыми он руководствуется, передать их на обсуждение другим экспертам и, в итоге, сформулировать основания своих оценок коллегам по проекту, заказчикам опроса и его потенциальным «потребителям». Эти требования относятся скорее ко второму и последующим турам экспертных опросов; целесообразны они и в качестве самоцели, когда научной экспертизе подвергаются результаты «демократической экспертизы».

Пример *максимально эффективного алгоритма*: экспертный опрос (тур первый) «Самотлорский практикум - 1» – многодневная деловая игра «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”»: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования» – экспертный опрос (тур второй) «Самотлорский практикум-2» – экспертный опрос «“Двадцать лет спустя”»: выберет ли Россия ценности гражданского общества?».

ЭКСПЕРТНАЯ СИСТЕМА – один из важнейших инструментов проектирования экспертного опроса. Ее назначение зависит от типа опроса. Так, например, проекты, *ориентированные на самопознание* профессиональных сообществ, стремятся предоставить им возможность (не)узнать себя в экспертной системе «зеркал», которые трудно отбросить на манер того, как это сделала капризная сказочная красавица-царица. Обратимся к проекту «Медиаэтнос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества»³³. Его цель – уловить и зафиксировать «дух» и «правила игры» регионального журналистского сообщества постсоветской эпохи и активизировать нравственную рефлексию «цеха», призванного стать пассионарной структурой становящегося гражданского общества России в переходный период. Конструируемая нами экспертная система состоит из четырех основных структур, в каждой из которых участвуют и тюменские, и московские эксперты. *Первая* из них, «внутренняя экспертиза», представлена журналистами печатных и электронных СМИ, *вторая* – «дистанцированная экспертиза» – деятелями фондов и институций, ориентированных на защиту прав СМИ, издателями, руководителями органов власти, пресс-секретарями и т.п. *Третья* структура моделирует позицию, фиксирующую противоречие между пониманием проблем журналистской этики с точки зрения ценностей гражданского общества – и с точки зрения корпоративных интересов журналистов. Противоречие, в результате которого главная задача СМИ – реализация прав граждан на информацию – подменяется реализацией прав властных и предпринимательских структур на пропаганду, агитацию, рекламу и т.п. Воплощением этой структуры выступает условный «Фонд защиты прав потребителей прессы», кредо которого зафиксировано в модельной «Декларации доверия журналистам». *Четвертая* структура, «экспертиза экспертизы», представлена исследователями медиаэтики. В соответствии с *алгоритмом* проекта первые две структуры экспертной системы работают на первом этапе, в процессе *экспертного опроса*, две другие – на втором этапе, в процессе *семинара-практикума*, предлагающего элементы игрового моделирования.

Особая забота проектировщиков экспертных систем – *подбор экспертов*. Представим эту процедуру характеристикой двух практикуемых нами оснований выбора участников опроса. Одно из оснований – *список ролей*. Обратимся к консультативному опросу экспертов «На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции»³⁴.

На рубеже 90-х годов перестроечные процессы стали захлебываться под воздействием собственных противоречий. Еще не начался распад политической системы страны, и о радикально-либеральных экспериментах лишь начали – и весьма робко – рассуждать. Становилось все яснее, что без перехода от централизованно управляемой экономики к «включению» рыночных механизмов стране дальше не продвинуться по пути реформирования. Смещения в экономической сфере и в соответствующем сегменте общественной нравственности легче обретают массовую поддержку и способствуют тем переменам, которые уже произошли в политическом этосе. Необходимо было ограничить возможность откатов на исходные позиции и рецессий в данном процессе (первые признаки «ностальгических запоев» обнаружались еще до 1991-го года). При этом следовало учитывать, во-первых, сочлененность экономических и политических сегментов общественной нравственности и, во-вторых, учитывать разновременность процессов разрушения, вытеснения ценностных представлений периода застоя и созидания новых нормативных

представлений. Этими общими соображениями мы руководствовались, когда проектировали консультативный опрос экспертов. Цель опроса – характеристика восприимчивости (невосприимчивости) духовно-нравственной ситуации в обществе к обновлению.

И на стадии разработки «анкеты для эксперта», и на этапе нарративного анализа мы исходили из гипотезы об *экспертно-ролевой репрезентации* внутри интересующего нас публичного дискурса. Учитывая строгую направленность опроса-консультации, мы условно исходили из приоритетности внутри социально-гуманитарного знания следующих экспертных специализаций (научных жанров): философия, социология, этика, психология, филология. Кроме этого, были представлены и другие гуманитарные специализации – политология, правоведение, футурология.

В свою очередь, приоритетные научные жанры конкретизировались посредством подбора экспертов с точки зрения их специфических *ролевых функций*. В частности, этическая экспертиза представлена такими ролями, как Моральный Философ, Историк Этики, Этик-Теоретик, Этик-Аксиолог, Моралист. Психологическая экспертиза задана ролями: Психолог, Психолог-Публицист, Социальный Психолог, Психолог-Педагог. Социологический ролевой репертуар: Социолог-Теоретик, Социолог-Эмпирик, Социальный Историк, Урбано-Социолог. Роли в философской экспертизе: Культуролог, Методолог, Социальный Философ, Философ Права. Филологическая экспертиза: Литературный Критик, Журналист. Иные роли: Правовед, Политолог, Публицист, Экономист. Разумеется, наша классификация не исключала «набегов» экспертов на соседние (и совсем «чужие») территории.

Еще одно основание подбора экспертов – мера их *профессионального успеха*. Проект «Городские профессионалы: путь к успеху»³⁵. Проблематизация опроса: как возможно рациональное понимание новой ситуации в развитии страны и региона? Кто определяет тенденции жизни города, ее темпы, имидж, рейтинг? Авторская гипотеза: проще всего «схитрить», сказав, что это и чиновники, и деловые люди, и городские обыватели, и студенты... А честнее сказать так: и динамику, и ориентиры развития Тюмени задают *городские профессионалы*, продвинутый слой среднего класса, имеющий своих представителей как в среде политиков и чиновников, так и в среде предпринимателей и менеджеров и, конечно, в среде тех, кого еще недавно привычно называли интеллигенцией. И судьба Тюмени наших дней и дней будущих – в руках людей, которых можно с уверенностью назвать *успешными* профессионалами. Людей, которые сами себя сделали. Сумели не просто *использовать* выпавшую им удачу, возможные шансы, но и *произвести* свои собственные шансы, спроектировать свою биографию. Благодаря высокому профессионализму, состоялись в своем собственном деле и, тем самым, создали островки успеха в биографии нашего города, «незримый колледж» успеха для всех, кто *мотивирован на достижения* и сознает роль *профессионализма* в достижении успеха.

Такого рода людей и отбирали для экспертного опроса авторы проекта: городских профессионалов, о которых благодаря их делам, особенно за последние несколько лет, можно говорить как о *состоявшихся людях, достигших делового и профессионального успеха*. Не просто представителей основных социально-профессиональных групп: медицинских работников, деятелей образования, науки и культуры, менеджмента в промышленности, предпринимательстве, городской и областной власти, журналистов и т.д., но и тех из них, кто поставил свое дело.

ПРОГРАММИРОВАНИЕ экспертного опроса. В рамках этой процедуры инструментального обеспечения экспертизы выделим, во-первых, *постановку задач* опроса. Обратившись к уже представленному выше опросу «На пути к гражданскому обществу», мы увидим три задачи, стоявшие перед авторами проекта *и, соответственно, перед экспертами*: диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку; прогноз возможностей и путей выхода из этого состояния; обсуждение идеи консенсуса, формирование системы необходимой рациональной аргументации для обеспечения диалога конфликтующих сторон по отношению к проблеме моральности рынка в целом. В соответствии с этими задачами программировались конкретные этапы работы, предложенные нами экспертам: а) экспертная оценка системы ценностных суждений «за» и «против» рынка; б) дополнение набора ценностных суждений как в группе «рынкофилий», так и в группе «рынкофобий»; в) выяснение мировоззренческих оснований той и другой системы ценностных суждений; г) классификация нравственных кон-

фликтов в современной ситуации; д) определение возможного поля консенсуса между рынокофобическими настроениями и аргументацией в защиту рынка. Работа над первыми тремя этапами осуществлялась с помощью предложенной экспертам таблицы, в которой моделировался набор типичных ценностных суждений против рынка и за него. Работа над этапом «г» осуществлялась с помощью предложенной для экспертизы типологии конфликтов. Реализация последней задачи опроса (этап «д») предполагала высокую степень самостоятельности экспертов в консультировании алгоритма консенсуса, предложенного нами в качестве механизма организации диалога сторон.

Еще один элемент программирования экспертизы – формулировка ее направлений, чаще всего представленная в виде *анкеты*. В нашей практике применялись как относительно простые анкеты, так и более сложные. Примером первого типа могут служить вопросы, задаваемые участникам проекта «Моральный выбор журналиста», точнее, темы, направления предложенных экспертам размышлений³⁶. 1. Какие сюжеты, образы, ассоциации возникают в вашем сознании в связи со словами «ситуация морального выбора»? 2. Какие типичные и уникальные ситуации морального выбора из вашей практики вам вспоминаются? 3. В какой степени можно говорить, что выбор профессии журналиста – это и моральный выбор? 4. Какая из известных со времен М.Вебера альтернатив – «служение в профессии» и «жизнь за счет профессии» – доминирует в нашей журналистике? 5. Можете ли вы принять суждение о том, что широко распространенные ссылки на необходимость для журналиста (наемного работника) исполнять волю владельца СМИ на деле являются скорее основанием для «сбрасывания» личной ответственности? 6. Возможен ли профессионализм без ориентации на успех? Что таится за уклонением от профессионального успеха? 7. Какие моральные уроки дала «психодрама» с НТВ? Как вы прокомментируете полемику Б.Немцова и Е.Альбац во время экстренного выпуска «Итогов»?

Для описания более сложного варианта программирования экспертного опроса обратимся к проекту «Освоение без отчуждения?»³⁷, рассматриваемому в качестве первого шага алгоритма проводимого в Ханты-Мансийске практикума, тема которого говорит сама за себя: «Этос и этнос: социально-этическая справедливость как объект политического решения». На экспертизу участников опроса были предложены стереотипные для массового сознания модели решения этнополитической проблемы, которые были выявлены в процессе предварительно проведенного *пилотажного* практикума. Эти модели были сформулированы в *программе опроса*.

«Уважаемый эксперт! Реальная практика интенсивного промышленного освоения Севера делает проблемным само этническое выживание коренных народов со свойственным им патриархально-традиционным общественным укладом и типом сознания. Политические решения, пытающиеся минимизировать негативные последствия в области национальной политики, обычно запаздывают, вызывают неудовлетворенность и тем самым способствуют эскалации социальной напряженности в национальных отношениях. Анализ мнений и предложений участников *пилотажного* научно-политического практикума позволил выявить три наиболее активно выдвигаемые идеализованные модели политического решения. Просим вас дать экспертную оценку полученных материалов. При этом предполагается, что гуманитарная экспертиза отдает приоритет ценностному изменению и лишь в самых общих чертах анализирует социально-технологические проекты.

Модель 1: НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО. Сторонники этой модели исходят из убеждения, что управлять национальными процессами мы еще не умеем (“еще не научились”), а скорее эти процессы и вовсе “неуправляемы”. Следовательно, для субъекта политического решения достойнее и гуманнее в такой ситуации не брать на себя ответственность, уклонившись от выбора. *Нравственно ли это решение? Оцените, пожалуйста, следующие контраргументы, выдвинутые группой участников пилотажного моделирования:* “Принять модель ‘Невмешательство’, опасаясь неведомых и непрогнозируемых последствий управленческих решений, значит обречь коренные народности Севера либо на самоуничтожение (слабая степень приспособляемости к новым условиям, нежелание и неумение переходить на новые технологии, низкий уровень жизни, грамотности, широкое распространение алкоголизма и т.п.), либо на уничтожение, поскольку рано или поздно их поглотит процесс промышленного освоения, обремененный отчуждением от человека как целей, так и средств”.

Модель 2: ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА. Поборники этой модели предлагают исключить некоторые территории, где традиционно проживали коренные народности, из процесса промышленного освоения. Эти земли закрепляются за коренными народностями в форме национального поселка, района, управление которыми предельно автономно. Предполагается, что именно таким путем удастся восстановить традиционный образ жизни и тем самым, как минимум, устранить социальный дисбаланс, предотвратить физическое исчезновение этноса, а возможно, и достичь этнического возрождения. *Насколько нравственным, справедливым может быть такое решение? Выскажите, пожалуйста, свое мнение по поводу следующих сомнений группы участников пилотажа:* “Модель ‘заповедная зона’ противоречит стремлению нашего общества к единому идеалу социальной справедливости. В то же время решение о создании подобных “зон” приведет к тому, что часть народов страны будет открыта историческому прогрессу, а другая – выключена из него, искусственно или добровольно загнанная в условия резервации. Сегодня мы создадим “заповедные зоны” для коренных народностей Севера, а завтра для других, более развитых, народов? Наконец, не приход ли мы к тому, что создание искусственных барьеров породит историческую “смерть” всем тем народностям, которые ныне не способны соревноваться с развитыми регионами страны?”.

Модель 3: КУЛЬТУРНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ. Субъект политического решения расценивает как аморальные и несправедливые и первую (“стыдно уклоняться”), и вторую (“по сути – это резервация, насильственно возвращающая этнос в “патриархальную первобытность”) модели. Сторонники модели-3 (при всем их многообразии – от “прогрессоров” до “миссионеров”) предлагают в качестве альтернативы контролируемое обществом ассимиляцию культур, своего рода “подтягивание” их до уровня современной цивилизации. При сохранении народной самобытности такое решение даст возможность “вписать” этносы Тюменского Севера в единый современный тип сознания, а через него – в новый тип общественного уклада. *Допустимо ли этически такое решение, нравственно ли навязывать свои ценности другим народам насильственно? Квалифицируйте, пожалуйста, альтернативное суждение группы пилотажного моделирования:* “Не говоря об утопичности стремления поднять уровень цивилизации коренных народностей до такой степени, когда они волеются в единый культурный массив страны, модель эта безнравственна априорно. Не обманываем ли мы сами себя, навязывая чуждые коренным народностям урбанистически-индустриальные ценности и жизненные идеалы, полагая, что у нас с ними общие смысложизненные представления, установки и приоритеты?! Традиционные образы жизни и мыслей настолько разительно отличаются от современных, что коренные народности не только не готовы, но, безусловно, и не хотят иной культуры, иной системы ценностей. Они не видят в ‘ином’ альтернативы: за них выбор уже осуществил обычай”.

Итак, для экспертизы предложены три модели и три порождаемые ими этические контрпозиции. Мы будем признательны вам и за предложение других моделей, учитывающих, с одной стороны, жизненную реальность, а с другой – гарантирующих, что цель не потеряет своего нравственного достоинства. А возможны ли такие модели вообще? Возможно ли “освоение без отчуждения”?».

АЛГОРИТМ анализа материалов экспертного опроса приведем здесь, обратившись к основаниям алгоритмизации материалов двух экспертных опросов. В уже представленном выше проекте «Медиаэтнос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества» аналитический обзор материалов опроса мы алгоритмизировали в соответствии с возможными сценариями развития моральной ситуации в медиасфере. Обзор под заголовком «Не плакать, не смеяться, а понимать» начинался своеобразным эпиграфом – набором суждений, которые представляли собой спектр оценок экспертами трех возможных сценариев: катастрофа? кризис? рождение нового? * «Мораль и наши реальные корпоративные отношения – понятия несовместимые». «Журналистика стала, как ни странно, честнее. Или циничнее – кто как хочет это понимать»; «Влияние рынка на журналистскую этику зависит от самого журналиста. За деньги можно продаваться, а можно их просто зарабатывать»; «Только тот, кто познал глубины падения, может познать свободный воздух горных высей»; «Из всех четырех ветвей власти наиболее честной – быть может, менее куп-

ленной – пока остается журналистика». Тем самым был задан и алгоритм анализа. В связи с ним мы сгруппировали экспертные суждения следующим образом.

Первый тип суждений – *«катастрофический»*. «Степень доверия к СМИ пока остается выше, чем степень доверия к правительству, другим общественным институтам, в том числе и церкви, но все же она упала катастрофически» (В. К.); «Стоит, наверное, согласиться с мнением, что современная моральная ситуация в журналистике не может не вызывать глухой тоски» (О. Б.). Второй тип суждений – *взвешенные оценки*. По мнению ряда экспертов, для пессимистических оценок сегодняшней ситуации в журналистике, согласно которым СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных «правил игры» и т.п., достаточно оснований. *«Многое мог бы сказать по этому поводу»*, – говорит В. Л. Однако автор считает, что в журналистике и сегодня остаются люди, которые продолжают ориентироваться на критерий порядочности: *«Люди и в наши дни остаются порядочными. Так же и журналисты»*. Своеобразная версия этой стратегии диагноза – суждение прагматическое: *«Журналистика стала, как ни странно, честнее. Или циничнее – кто как хочет это понимать»* (М. К.). Конкретизируя свою оценку, автор уточняет, что речь идет о циничности *«по отношению к самому себе, к окружающим, к ситуации»*. При этом подчеркивает, что *«в данном случае это слово не несет негативного оттенка. Может быть, более точно сказать, что профессиональная мораль стала трезвее, рациональнее?»*. Третий тип – *оптимистические* суждения: *«В отличие от суждений достаточно большого числа журналистов, – отмечает Ю. Б., – я не считаю, что журналистика утратила свою нравственность. Из всех четырех ветвей власти наиболее честной – может быть, менее купленной – пока остается журналистика»*.

Еще один способ аналитического обзора – *сравнительный анализ* суждений экспертов по каждому из тематических направлений опроса. В проекте «Городские профессионалы» каждому участнику опроса был предложен определенный набор направлений (тем) рефлексии (полностью или частично, при возможном изменении последовательности обсуждения тем). *Первое* направление предполагало рассказ участника проекта об этапах его жизненного пути и деловой карьеры. Часть этого рассказа составляла открывающую текст каждого автора краткую биографию, другая часть включала фрагмент текста, связанный с вопросами планирования биографии и Дела, с которым автор связал свою жизнь. *Второй* шаг интервью – размышления о том, есть ли у эксперта личная потребность в самоидентификации со средним классом, и если есть, то чем мотивирована эта потребность? Эксперты выражали свое отношение к распространенным суждениям о природе среднего класса, о роли материальных факторов в самоидентификации со средним классом, о ее мотивах, об образе «человека середины», о духе буржуазности и других базовых ценностях. *Следующий* шаг алгоритма интервью – прояснение образа профессионализма, разделяемого и отстаиваемого участником проекта. *Далее* эксперту предстояло размышление о возможности планирования биографии в рамках рассказа об основных этапах его жизненного пути и деловой карьеры. *Затем* шел этап анализа экспертом того Дела, с которым общественное мнение связывает его имя, Дела, в котором и проявился его успешный профессионализм. В рамках этого анализа или отдельно обсуждался вопрос о принципах и правилах этого Дела, о том, есть ли у эксперта своя «философия успеха», «наука успеха» и т.п. *Следующий* шаг алгоритма – рефлексия о том, какое место в жизни эксперта занимает успех, о модели успеха, его символах, о способах достижения успеха. Непосредственно с этим этапом интервью связан вопрос о том, как надо относиться к «неуспевшим» в этой жизни, к тем, кто не попал в средний класс или не удержался в нем, «выпал» из него и т.д. Разумеется, реальный процесс интервью предполагал известную свободу сторон и в темах беседы, и в их последовательности, и в жанре оформления текста.

В свою очередь, аналитическое послесловие к книге материалов экспертного опроса мы построили по *симметричному* в отношении программы экспертизы алгоритму, в рамках которого в самой рубрикации послесловия доминировала либо проблематизация экспертных текстов, либо их типологизация с констатацией ярких примеров. Рубрика 1: *«Самоидентификация со средним классом: мотивы выбора и решения»*. Проблематизация рубрики: можно ли считать, что тема проекта актуальна, если известное число его участников не принимают самоидентификацию со средним классом? Рациональная реак-

ция на этот факт предполагает внимание к тому, какую самоидентификацию все же принимает эта часть авторов. Рубрика 2: «*Образы среднего класса: попытка “примерки”*». Проблематизация рубрики: участники проекта «примерили» на себе различные версии образа человека среднего класса: «состоявшейся личности», «человека середины», «буржуа» и т.д. Чтобы увидеть богатство подходов, например, к теме «серединности», достаточно обратиться к ряду заголовков опубликованных текстов: «*Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности*»; «*Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного*»; «*“Средний” – не значит “троечник”. “Средний” – основательный “хорошист”*»; «*Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, его реальная ценность исключает чувство неполноценности*»; «*Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”*»; «*Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех*». Рубрика 3: «*Профессионализм: самодостаточная ценность?*». Проблематизация рубрики состояла из риторического вопроса и контрвопроса. Риторический вопрос: не следует ли из текстов интервью, что суждения участников проекта о природе ценности профессионализма и ее роли в этосе среднего класса нуждаются в комментариях меньше всего? Ведь статус этой ценности в этосе среднего класса представлен в предельно категорическом суждении: «*Спрашивать человека, идентифицирующего себя со средним классом, насколько важна для него такая ценность, как профессионализм, значит задавать ему риторический вопрос*». Вполне определены и суждения других авторов: «*самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая*»; «*может быть, лучше говорить не о среднем классе, а именно о прослойке профессионалов*». Содержательный вопрос: однако не приводит ли трактовка центральной роли профессионализма в системе ценностей среднего класса к трактовке этой ценности как самодостаточной? Например, в тех случаях, когда обсуждается вопрос о разнице между профессионализмом советских и постсоветских времен («*профессионал в любом режиме, в любой среде, даже в безвоздушной, остается профессионалом. Профессионализм – абсолютная категория*»).

Существенным моментом анализа материалов экспертных опросов мы считаем формулирование специальных *ограничений*. Так, в проекте «Городские профессионалы» в разделе «Аналитический обзор» мы выделили ряд «техусловий». Во-первых, наш проект является начальным этапом долговременной работы. Поэтому здесь мы предпринимает лишь оперативный, по «горячим следам», анализ, не предполагающий обстоятельного разбора текстов участников проекта (последнее – задача последующей работы). Во-вторых, в данном обзоре мы обращаемся лишь к суждениям участников проекта, оставляя для следующего этапа работы анализ биографических аспектов жизненного пути и деловой карьеры, представленных в их текстах. В-третьих, самый обстоятельный анализ не может отменить самооценности опубликованных в этой книге экспертных текстов. Позволим себе предположить, что после того, как сойдет поверхностная актуальность проблематики, эти тексты могут получить статус «свидетельства эпохи». Разумеется, этому предположению не повредит и известная доля скепсиса. Тем не менее публикация этих текстов – *публичный* итог проекта. В-четвертых, необходимо трезво понимать пределы эффективности собственно этического подхода, не отменяющего и не заменяющего экономического, политологического, социологического и др. подходов, способных в своей совокупности дать комплексный образ феномена среднего класса, но не являющихся задачей данного проекта. И, наконец, последнее ограничение: авторы заранее просят прощения у тех участников проекта, которые посчитают, что их тексты интерпретированы неадекватно. Разумеется, вина в таком случае полностью лежит на нас.

В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ виде один из вариантов алгоритма анализа материалов экспертного опроса мы покажем в главе 6.

4.3. Этическое проектирование

ОПРЕДЕЛЯЯ природу этико-прикладного знания в главе 3, мы говорили о том, что одной из его особенностей является статус *проектно-ориентированного* знания, предполагающего – в отличие от приложения уже *существующего* знания, имеющего свою соб-

ственную целевую функцию, т.е. «изготовленного для чего-то другого» и потому применяемого «не по функции», а «придельваемого» в качестве «приклада» или «протеза», – вместо «изготовления протезов» сразу «изготовление того, что должно использоваться».

При этом для проектно-ориентированного знания важна ориентация проектирования на *логику социальных изменений*, в том числе на проектирование социальных институтов, инфраструктур организаций, социальных технологий, конструирование целевого и инструментального блока управленческих программ, изобретение реализационных структур для социокультурных инноваций и т.п.

Проектирование как технология прикладной этики только кажется самым молодым феноменом этико-прикладных исследований и разработок. Во всяком случае, в нашем опыте эта технология изобреталась и применялась уже в 70-80-х годах ушедшего века. Речь идет о проектировании системы управления нравственно-воспитательной деятельностью в производственных и учебных коллективах³⁸. Наиболее наглядно разработка этой технологий проявилась в те годы в работе над профессионально-нравственными кодексами. При этом уже на старте отечественных этико-прикладных исследований и разработок особое внимание обращалось на специфику проектирования в сферах нравственной жизни и нравственного воспитания: проблематизировалась задача определения и соблюдения *интервала* эффективности проекторочного подхода к этим сферам.

Разумеется, и сама технология развивалась. Так, например, в последние годы в качестве особого предмета нами рассматривалось проектирование одного из элементов *инфраструктуры* профессиональной этики – этических комиссий (комитетов, жюри) профессиональных ассоциаций (а не только как элементы инфраструктуры в сфере *биоэтики*³⁹), – в разнообразных бизнес-сообществах, в сфере парламентаризма, журналистики и т.п. В свою очередь, уместно отметить и то обстоятельство, что институты саморегулирования не исчерпываются лишь этическими комиссиями – в СМИ, например, есть еще и этический аудит, и медиакритика и т.д. Как отметил К.-Ж. Бертран, в представлении некоторых людей системы обеспечения ответственности СМИ (С*О*О*С*) – это всего лишь общественные советы по делам прессы и омбудсмены, однако «на самом деле существует более 80 типов С*О*О*С, а в будущем придумают еще больше»⁴⁰.

Перспективное направление проектирования инфраструктуры прикладных этик – этика бизнеса. В опыте ряда западных корпораций развита практика создания офисов по корпоративной этике (или по этике и поведению в бизнесе и т.п.). Соответственно, действуют Комитеты по корпоративной этике при совете директоров; дирекции офиса, отделы и офицеры по бизнес-этике и т.п. На Первом Всемирном конгрессе по этике бизнеса в Токио (1996) был представлен ряд докладов, в которых рассматривались миссия офиса по корпоративной этике, структура офиса, его функции, роль офицера по бизнес-этике. Характерно одно из определений его роли: «ни полицейский, ни священник».

ТЕХНОЛОГИЮ этического проектирования мы представим посредством анализа одного из «случаев» создания элементов инфраструктуры саморегулирования профессиональных ассоциаций в наших проектах последних лет⁴¹. Речь идет о создании Тюменской этической медиа-конвенции (ТЭМК), всесторонне описанном в нашей монографии «Моральный выбор журналиста»⁴². Наша задача здесь – представить процесс претворения базовых принципов этического проектирования в: (1) направления предпроектной работы, (2) подходы к конструированию стартовой модели конвенции, (3) технологию ее обсуждения и доработки, (4) итоговую версию конвенции, (5) анализ уроков проекта.

Но прежде – об общих принципах этического проектирования.

* Начнем с принципа связи этой технологии с идеей *конкретизации* общественной морали. В нашем опыте этот принцип этического проектирования выращивался в процессе взвешивания «за» и «против» формата «Минимальный стандарт» как нормативной части кодекса профессиональной этики и конкретизировался «интервалом эффективности» инструментализации нормы: пока такая процедура оставляет субъекту возможность выбора и решения, пока выбором рекомендуемого «стандартом» конкретного решения, средства, действия прямо или косвенно задевается какая-либо нравственная ценность.

* Продолжим идеей проектирования *польдеров* – образования «территории» профессиональной этики как отвоєванной стихии, защищенной и возделанной⁴³. Эта идея была успешно применена в проекте «Тюменской этической медиаконвенции», цель которого – попытка воздействия на стихийный процесс саморегулирования журналистской

профессии через проектирование конвенции, рассматриваемой в качестве инструмента собирания атомизированного профессионального сообщества.

* В качестве базовой идеи этического проектирования мы рассматриваем создание проектируемой институции или элемента инфраструктуры прикладной этики при непосредственном соавторстве с коллективом организации или профессиональными сообществами. Например, в проектировании конвенции задачей участвующих в проекте исследователей было не поддаваться соблазну самим, вместо журналистов, написать искомый документ, а потом лишь предложить его на «одобрение журналистским массам».

* Поэтому столь значима идея проектирования технологического цикла «встречное движение», цикла связи этико-прикладного теоретизирования и моральной практики, не сводящегося к традиционной схеме «заказ – разработка – внедрение».

* Поэтому столь важное значение мы придаем разработке и проведению предваряющих собственно проектирование *проблемных* семинаров (в том числе в режиме *игрового моделирования*, посвященных освоению материалов зарубежного и отечественного опыта – например, в сфере саморегулирования СМИ⁴⁴) экспертно-консультативных опросов и этико-социологических бесед (например, апробирующих первые версии проектируемой конвенции), а также итоговых семинаров, посвященных «примерке» «продукции» проектирования.

* На всех этапах этического проектирования акцентируется его «сверхзадача»: не просто помочь субъекту – организации, ассоциации и т.п. – в стремлении, например, активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мотивы* такой активизации. Важно проблематизировать в сознании субъекта феномен фактического доминирования утилитарных мотивов саморегулирования – в случае с журналистами эти мотивы отражают опасения «цеха» в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова – и усилить мотив самокритики «цехом» моральной ситуации, в которую он сегодня вовлечен.

* Среди базовых идей проектирования – идея конкретизации последствий переходного характера ситуации в обществе, в самосознании субъекта. Например, в случае с конвенцией важно было отразить гипотезу о том, что выбор такого формата модели этического документа, как конвенция, отражает современное состояние ситуации, которое трудно регулировать традиционным сводом принципов и норм в форме кодекса. Переходное состояние требует большего внимания журналистов к мировоззренческим вопросам профессионально-нравственных исканий. Модель разрабатываемой проектом конвенции – не для «готового», зрелого сообщества, а скорее для протосообщества, атомизированного «цеха», для начала процесса нового собирания корпорации. Именно поэтому конвенция сочетает такой мировоззренческий раздел, как «Журналист в ситуации морального выбора», с разделом «Минимальный стандарт».

ХАРАКТЕРИСТИКА нормативно-ценностных документов организаций и профессиональных сообществ – кодексов, хартий, конвенций и т.д. – как предмета этического проектирования, в том числе этическая идентификация такого рода документов, дается в главе о профессиональной этике. В данном параграфе мы сосредоточимся на алгоритме и правилах их проектирования, извлекая общие элементы инструментария технологии этического проектирования из анализа *случая* – проектирования ТЭМК.

Не забудем, что в характеристике базовых идей этического проектирования мы выделили идею проектирования документа, адекватного реальному состоянию общества и профессионального сообщества. Отсюда установка на проектирование документа, адекватного для сознания и поведения *протосообщества*, атомизированного «цеха», для начала процесса нового собирания корпорации. Именно поэтому, во-первых, участникам проекта предстояло самим сформулировать основания, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*. Разумеется, каждый журналист уже на старте проекта слышал, понимал буквальный перевод слова. Но совсем другое – прийти к пониманию того обстоятельства, что формулируемые сообществом самообязательства могут стать эффективными только в той мере, в какой они станут итогом *договора, соглашения*. Поэтому *рабочей группе* проекта важно было и осознать, и технологизировать идею проектирования не стандартного кодекса, а именно *конвенции*.

ТЭМК – результат «встречного движения», многолетней совместной работы специалистов по прикладной этике и тюменских журналистов, включая пятилетний *монито-*

ринг ситуации и цикл опросов и семинаров и, разумеется, многолетних этико-прикладных исследований⁴⁵. Здесь и экспертный опрос «Ценности и правила игры регионального сообщества журналистов», и спроектированный по материалам этого опроса семинар-практикум, в центре которого были: (а) диагностика ситуации («Вектор изменений моральной ситуации в современной журналистике: “катастрофа”?, “кризис”?, “рождение нового”? – с девизом “Не плакать, не смеяться, а понимать”») и (б) модели миссии журналистики («“Зеркало”?, “Зеркальщик”? ...?»).

Чтобы представить один из видов *предпроектной работы*, на основе которой рабочая группа сформировала *первую версию* конвенции, обратимся к «Тетрадам гуманитарной экспертизы (3)», начав с их оглавления. Возможно, «говорящие» заголовки текстов участников экспертных опросов дадут некоторое представление о дискурсе *предпроектного этапа*. Л.В.: «Журналистскую профессию минимальным стандартом не исчерпать». Г.Г.: «Журналист ежедневно стоит перед моральным выбором. Такая у него работа». Е.Г.: «Каждый журналист считает себя достаточно моральным. Но часто то, что приемлемо для одного, не приемлемо для другого». В.Г.: «Прежде всего такую конвенцию между собой должны заключить издатели». В.З.: «Журналист не может профессионально состояться, если для него не значима такая ценность, как порядочность». В.А-К.: «Когда перед ними возникнет моральная дилемма, будет что положить на чашу весов». Е.К.: «В конвенции должны быть два уровня требований: то, что журналисты считают неприемлемым, и то, к чему они стремятся как к идеалу». В.К.: «Моральный закон нужен, чтобы мы помнили: работаем в одном “цехе”». А.О.: «Самое важное, чтобы конвенция закладывала основу для размышления о том, что – нравственно, а что – безнравственно». Ю.П.: «Из всех мотивов создания конвенции важнее защита от массы непрофессионалов в самих СМИ».

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ рабочей группой эскиз *стартового варианта* конвенции, сформированный по итогам предварительных семинаров и экспертных опросов, характерен *гипотетическим* стилем: «вероятно», «представляется целесообразным» и т.п. В начале текста коллегам по проекту предлагался возможный вариант структуры конвенции, в котором доминировали нетрадиционные для кодексов разделы: *Проблемная ситуация – Задачи – Мотивационный комплекс – Самоопределение к корпоративной миссии – Журналист как субъект морального выбора – Минимальный стандарт профессионально правильного поведения – Экспертно-консультативная комиссия – Комментарии*.

Затем шли предложения рабочей группы и ее аргументы по каждому из элементов этой структуры. Именно *предложения*, во-первых, и аргументы в *гипотетической* форме – во-вторых. Например, в разделе «Проблемная ситуация» рабочая группа проекта *предлагала* журналистам *подумать о целесообразности* зафиксировать тезис о том, что конвенция – попытка отразить *новую ситуацию*, определяющую место СМИ в обществе на стыке веков; понять реальную природу прессы, не вписывающуюся ни в дилемму «либо часть пропагандистской машины – либо рыночно-демократические СМИ», ни в дилемму «либо обслуживание власти – либо удовлетворение информационных запросов потребителей». Далее отмечалось, что в этом разделе, *вероятно, уместно обратить внимание* на то, что профессиональное сообщество воспринимает моральный кризис как ситуацию, побуждающую не к панике, а к трезвости и мужеству, и потому принимает серьезный вызов, который представляют собой тенденции цинизма, релятивизма и нигилизма. В разделе «Задачи» *предполагалось целесообразным* отметить осознание сообществом того факта, что у ряда журналистов идея любого профессионального кодекса вызывает вполне понятное настороженное отношение (а то и отторжение, ибо они воспринимают «моральные кодексы» как некие вериги для творческой свободы), и сформулировать тезис о том, что, *вероятно*, этой настороженности можно и необходимо противопоставить представление о саморегулировании «цеха», в том числе опирающееся на мировой опыт. Здесь же предлагалось объяснить, почему сообщество выбрало модель *конвенции*. Среди *возможных* аргументов в пользу формата этического соглашения сообщества: (а) выбор рубежа, который сообщество готово взять на себя и с которым может согласиться мораль общественная, и (б) попытка уйти как от романтического морализаторства, так и от вульгарного инструктажа. В начале раздела «Корпоративная миссия» рабочая группа посчитала, *опираясь на опыт предпроектного этапа*, уместным для текста проектируе-

мой конвенции заявление о том, что тюменское профессиональное сообщество полагает неэффективным предпочесть какую-либо одну из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Нетрадиционность и даже экспериментальность раздела «Журналист как субъект морального выбора» побудили рабочую группу предложить коллегам – участникам проекта – несколько тезисов, которые, возможно, станут фрагментами конвенции.

ПРОЦЕСС работы профессионального сообщества на следующих *этапах проектирования* конвенции можно представить на основе вступительных и заключительных слов ведущего на *итоговом* семинаре участников проекта к каждому «шагу» алгоритма семинара. Например, в своем вступительном слове к первому этапу семинара, посвященного преамбуле к конвенции – *«Проблемная ситуация в самоопределении “цеха”, мотивы создания конвенции и намерения ее создателей»*, – ведущий (один из авторов этой монографии) напомнил о предшествующей итоговому семинару работе над последним вариантом текста конвенции. Сначала гипотеза проекта была испытана в процессе экспертного и социологического опросов; затем проведено три семинара, по итогам которых сформирован первый вариант конвенции, опубликованный – вместе с материалами экспертного опроса – в «Тетрадах...»; этот вариант был предложен на экспертизу десяти тюменским журналистам и с учетом их замечаний и предложений подготовлен второй вариант конвенции, вновь переданный для критики нескольким тюменским и столичным рецензентам; сформированный после этого третий вариант был предварительно разослан участникам заключительного семинара. Каждый, кто читал первую версию – в послесловии к «Тетрадам...(3)» – и пытался сравнить ее с третьей, обнаружил известные *изменения*. Их комментарий будет представлен в преамбулах к каждому следующему этапу этого семинара.

Завершая работу первого этапа семинара, ведущий заметил, что обсуждение текста преамбулы конвенции дало аргументы для правильного понимания роли этого фрагмента: характеристика медиаситуации как ситуации духовно-нравственной неопределенности, как такого перепутья, когда на придорожном камне нет надписей-прогнозов и требуются не рыцари-читатели, а «писатели», не позволяет пренебречь ролью преамбулы конвенции и предопределяет роль раздела о моральном выборе.

Открывая второй этап работы семинара, посвященный разделу конвенции под названием *«Корпоративная миссия: поиск идентичности»*, ведущий проблематизировал тему с помощью образов «зеркало» – «зеркальщик» и привел типичные суждения рецензентов и участников экспертизы по поводу проекта текста данного раздела конвенции. Наиболее наглядные из них – в метафорических тезисах участников проекта: *«Услышав словосочетание “миссия журналистики”, многие коллеги начинают использовать ненормативную лексику или притворяться деревенскими дурачками: “какая такая миссия?”»*. *«Пресса – зеркало общества. Но не в том смысле, что этика прессы не может не быть выше этики общества»*. *«Журналист – не зеркало. Журналист – зеркальщик»*. *«Может быть, журналистика и зеркало жизни, но в это зеркало можно по-разному смотреть и разное видеть. И само зеркало (мы) может быть разным»*. *«Я отражаю жизнь методом кинокамеры, такой, какая она есть»*. *«Обыкновенным солнечным зайчиком ничего не сделаешь. СМИ, как выпуклое зеркало, собирают свет в пучок и направляют его в нужное место»*. Определиться в отношении этих дискуссионных подходов и предложил участникам семинара ведущий. Заключая работу над этим разделом конвенции, ведущий сказал, что реагируя на критику, легче всего подвергнуть его «хирургическому вмешательству», тогда все проблемы «снимутся». Но поскольку, во-первых, было предложено сделать название более точным (развести, например, «миссию» и «функцию»); во-вторых, снять пафос у слова «миссия» (хотя значительная часть зарубежных кодексов содержат такой раздел и не стесняются пафоса), а также учитывая, что в структуре конвенции каждый элемент – это кирпичик, без которого она развалится, раздел «Корпоративная миссия» требует скорее доработки, чем изъятия.

На следующем этапе семинара, после просмотра его участниками очередного телесюжета, ведущий в своем вступительном слове обратил внимание на то, что в экспертных опросах и на семинарах журналисты проблематизировали свое поведение в ситуациях выбора. *«Как опознать ситуацию морального выбора, отличить ее? На мой взгляд, просто: когда сталкиваются добро со злом, когда вы можете поступить либо*

нравственно, либо безнравственно» (Ю.П.). «Разделяю суждение, по которому самое трудное – не “прозевать” ситуацию выбора, не пройти мимо “не узнав” ее. Журналисту такое не позволительно: его решения часто чреватые ответственностью социального масштаба, журналистика – “орудие массового поражения”» (Г.Г.). Ведущий сказал, что, по мнению большинства участников проекта, раздел «Журналист в ситуации морального выбора» необходим. Но какую роль придать этой теме в конвенции? Завершив свое вступительное слово, ведущий предложил участникам семинара обсудить текст данного раздела конвенции, дать замечания и предложения для его совершенствования.

ПОСЛЕДНИЙ вопрос программы семинара *«подписывать или не подписывать?»* был проблематизирован еще во втором варианте текста конвенции. С одной стороны, *подписанный* этический документ только кажется более надежным обязательством и исключение процедуры подписания конвенции работает на моральный дух этого документа успешнее, чем формально зафиксированное одобрение. С другой стороны, журналистика как профессия – не только служение Добру, но и *служба*, т.е. сфера деловых, отчасти *формальных официальных* отношений (отчасти, ибо это *свободная профессия*). Не является ли в таком случае исключение процедуры подписания конвенции *романтическим порывом*? Оставляя окончательный выбор за самими тюменскими журналистами, в том числе и за членами СЖ Тюменской области, ведущий предложил семинару остановиться на возможности не альтернативного выбора: не выбирать между «подписывать» – «не подписывать» или «принята» – «не принята», а придать конвенции стиль документов Римского клуба, вырабатываемых и публикуемых «до востребования». Стиль, весьма актуальный для периода *собрания* сообщества. Этот вариант оказался для участников итогового семинара предпочтительным.

ОПРЕДЕЛЕННОЕ представление о потенциале технологии этического проектирования может дать анализ эффективности работы над конвенцией, обращенный к ее последней версии.

* Проектная деятельность привела журналистов к вполне успешному формулированию оснований, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*.

* Проектная деятельность привела журналистов к вполне успешному формулированию тезиса о том, что их конвенция может и должна сыграть для «цеха» *собирающую* роль: принятие или непринятие конвенции, особенно такого ее раздела, как «Минимальный стандарт», послужит основанием, с одной стороны, консолидации атомизированного сообщества, с другой – отлучения от сообщества тех, кто не хочет или не может принять элементарные правила профессионального поведения. Побуждающую роль конвенции в *собрании «цеха»* удачно сформулировал на итоговом семинаре А.С.: *«Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки»*. В свою очередь, селективную роль конвенции сформулировали Е.К., полагающая, что журналист, нарушающий правила конвенции, *«автоматически перестает быть членом данного сообщества и за него оно больше не поручается»*, и Ю.П., считающий, что журналисты, подписавшие конвенцию, должны сказать нарушителям ее правил: *«Вы нарушили кодекс и не можете называться журналистами; мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами»*.

* Участники проекта инициировали трактовку создаваемой ими конвенции как рационально сформулированных предложений от сообщества журналистов к *общественному договору*, увидели в конвенции возможность соглашения с властью, медиабизнесом и обществом по поводу принимаемых сторонами «правил игры» и «вытекающих» из такого взаимного принятия последствий. Как сказал Р.Г., *«фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей»*.

* Проектная деятельность стала для авторов конвенции способом пройти между двумя опасностями: Сциллой административного регулирования нравственной жизни «цеха», в том числе и в виде разного рода «Высших советов по этике», и Харибдой моральной анархии, в том числе в виде абсолютного отказа от любых форм влияния нравственного опыта общества на индивидуальные профессионально-нравственные решения. В этой связи показательно появление в тексте конвенции такой формулировки: *«На-*

ша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б) наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сузубо технологическим правилам ремесла».

* Очевидно «приращение» в диагнозе, произошедшее на финише проекта: сформулированное в процессе коллективной рефлексии утверждение о том, что речь идет не о катастрофе, но о трудном *рождении нового ценностного мира*, новой гражданской и профессиональной самоидентификации.

* Особо выделим такой эффект *этического* проектирования, как изобретение способа сочетания мировоззренческого и нормативного блоков конвенции.

Разумеется, значимо само по себе проектирование таких непривычных для профессиональных кодексов разделов. Благодаря разделу «Журналист как субъект морального выбора» участники проекта отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности представили как кредо конвенции. Раздел начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения, что кредо фокусирует «дух» профессиональной корпорации, делает конвенцию документом профессиональной этики. Содержательная же формулировка кредо подчеркивает доверие нравственной свободе журналиста, его самоопределению, стремление противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. Участники проекта ценят готовность журналиста отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров. На наш взгляд, примечательно появление в комментариях тезиса о необходимости противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства.

Благодаря разделу «Минимальный стандарт» участники проекта смогли *сформулировать* тезис комментариев о том, что конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. инструментализирует профессионально-этическую норму, отвечая на вопросы «что именно делать?», «как именно это делать?», и тем самым помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. При этом показателен фрагмент комментариев о том, что «цехом» осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики. Именно в процессе работы над этим разделом участникам проекта удалось прийти к выводу о том, что расписанные нормы «минимального стандарта» остаются в рамках профессионально-нравственных норм (в последний вариант конвенции был включен тезис, согласно которому нарушение азов ремесла не просто разрушает само ремесло, но подрывает *смысл* и *устой* профессии), но до тех пор, пока «стандарт» оставляет журналисту возможность выбора и решения: в противном случае норма «стандарта» оборачивается служебной инструкцией.

Однако участники проекта не просто восприняли и присвоили идею обязательного *сочетания* в конвенции разделов «Моральный выбор» и «Минимальный стандарт». Это принципиально важная технологическая находка журналистов: *баланс* разделов, характеризующих *смыслополагание*, и разделов, формулирующих *стандарты*. Как показывает практика создания кодексов профессиональной этики, пока такой баланс – исключительный случай. И не только в журналистике.

Участники проекта нашли свои аргументы в пользу такого баланса. В одном случае, это было предложение выстроить два раздела *«так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы»* (В.Г.). В другом случае, эти разделы были сравнены по уровню планки требований, которые они задают журналисту – участнику конвенции. В полемике с коллегами Г.Г. отметила, что в профессионально-этическом самообязательстве *«должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму»*, что *«уже сегодня»* надо зафиксировать в этом самообязательстве *«конечную цель, уровень развития, который должен быть достигнут завтра. Соответственно и “планку” надо поднимать выше»*.

В качестве заключения к главе – заявка на два направления нашей дальнейшей работы в сфере технологий этико-прикладного знания.

Первая из «заявок» – завершение долголетней работы над подготовкой к публикации обновленного в теоретическом и эмпирическом планах описания таких этических технологий, как система управленческого воздействия на нравственно-воспитательную деятельность, консультирование, кейс-стади, этический практикум.

Вторая заявка – на разработку кодекса этико-прикладных исследований и разработок. Практически в каждом из параграфов, посвященных конкретной технологии, мы акцентировали их этическую природу. И все же создание системно спроектированного кодекса представляется нам предельно актуальным, особенно в эпоху бума прикладной этики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т проблем освоения Севера. Тюмень, 1990.

² Аверкиев И.В., председатель Пермской гражданской палаты. Размещено на сайте ПГП 11.05.2005.

³ См.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Томск: Изд-во ТГУ, 1980; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во ТГУ, 1986; Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю. Прикладная этика. Необходимость, проблематика, воспитательные возможности. София: Наука и искусство, 1988 (На болг. яз.).

⁴ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II); Бакштановский В.И., Потапова Е.П. Согомонов Ю.В. Выбор будущего: к новой деонтологии воспитания. Томск: Изд-во ТГУ, 1991; Понимающая этика: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования // Гуманитарные проблемы освоения. Москва-Тюмень, 1990; Становление духа университета: опыт самопознания. Тюмень: НИИ ПЭ, Центр прикладной этики, 2001; «Будь лицом!»: Рабочие тетради Гражданского форума. Тюмень, 2004. В названии нашего журнала «Этика успеха» было указано, что это «Вестник исследователей, консультантов и ЛПР» (Вып. 1–11. Тюмень-Москва, 1994-1997), а в журнале «Ведомости» НИИ прикладной этики (Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Вып.1-29, 1995 – 2006) введена рубрика «Гуманитарное консультирование».

⁵ См., напр.: Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиа-этнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества. Тюмень, 2000; Становление духа университета: опыт самопознания и др.

⁶ См.: Практикум по этике. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1979; «Будь лицом!»: Рабочие тетради Гражданского форума.

⁷ См.: Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1981.

⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Москва-Тюмень: Центр прикладной этики, 1997. С. 325 – 372.

⁹ См.: Лаборатория в Храме Свободы (III). Аксиология и праксиология этических деловых игр.; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. Подчеркнем, что деловая игра – чаще всего продукт коллективного творчества. В основной состав авторских коллективов Э-ПИ в разное время входили В.И.Бакштановский, М.В.Богданова, Ю.В.Казаков, Ю.В.Согомонов, А.Ю. Согомонов, В.А.Чурилов и др.

¹⁰ Об опыте решения этой задачи см.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (III); Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен.

¹¹ Стенограмма игрового эксперимента составила около 300 страниц. Даже в часовой видеопленке («Мужество выбора». Видеоредакция АПН. Москва, 1990) удалось включить лишь десятую часть отснятого материала.

¹² К сожалению, за рамками перечисления задач, которые мы имеем возможность обсудить в этой работе, остался вопрос о миссии эксперта, о многообразии ролей экспер-

та в отношении процесса принятия решений (предоставляет справки, служит медиатором, прямо включается в процесс решений и т.п.) и такие близкие теме нашей монографии вопросы, как профессиональная этика эксперта, самосознание экспертного сообщества, (не)эффективность влияния экспертных рекомендаций на реальные процессы принятия решений, и т.п.

¹³ См.: Сидельников Ю.В. Экспертология – новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2.

¹⁴ Политики и эксперты // Pro et Contra. Весна. 2003; «Чем больно наше экспертное сообщество?» // Независимая газета. 2000. 17 мая.

¹⁵ Проблемы становления экспертного сообщества в России: экономисты. М., 2003.

¹⁶ Гражданский форум. Год спустя. М., 2003; Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

¹⁷ См., напр.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: УРСС, 2002.

¹⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990.

¹⁹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. С. 138-151.

²⁰ См.: Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001.

²¹ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования; Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор; Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. Новосибирск, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень, 2000; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен и др.

²² На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции (материалы экспертного опроса) / Под ред. В.И.Бакштановского. М.: Прометей, 1991.

²³ Тюмень в процессе формирования новой региональной политики. Материалы консультативного опроса экспертов / Соредакторы: В.И.Бакштановский, С.М.Киричук, В.А.Чурилов. Тюмень: Центр прикладной этики Тюменского научного центра СО РАН, 1994; Рациональный регионализм: Экспертные суждения и оценки. Материалы второго тура консультативного опроса экспертов «Тюмень в процессе формирования новой региональной политики» / Соредакторы: В.И. Бакштановский, С.М.Киричук, А.Ю.Согомонов, В.А.Чурилов. Тюмень: Центр прикладной этики, 1995.

²⁴ См.: Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора: Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Москва-Тюмень, 1990.

²⁵ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (6): Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность высокой профессии? / Отв. ред. В.И.Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2005.

²⁶ См.: Самотлорский практикум / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1988.

²⁷ Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: Тюменский научный центр СО АН СССР, 1991.

²⁸ См.: Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПСО СО АН СССР, 1990.

²⁹ Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса, А.Ю. Согомонова. Тюмень – Москва: Центр прикладной этики ТНЦ СО РАН, Гуманитарный и политологический центр «Стратегия», 1995.

³⁰ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

³¹ См.: Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов / Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К.Симонова, Ю.В.Согомонова. М.: НАЧА-ЛА-ПРЕСС, 1995.

³² См.: Ведомости. Вып. 1-29 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995-2006.

³³ Тетради гуманитарной экспертизы (1). Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества. Материалы экспертного опроса / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999.

³⁴ На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса.

³⁵ Городские профессионалы: путь к успеху. Опыт рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Изд-е администр. г.Тюмени и АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 2004.

³⁶ Тетради гуманитарной экспертизы (5). Медиаэтнос. Журналист в ситуации морального выбора / Отв. ред. В.И.Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2001.

³⁷ Освоение без отчуждения: Материалы экспертного опроса. Вып.1,2 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989.

³⁸ См.: Этика и управление. М., 1979; Актуальные проблемы нравственного развития личности / Под ред. В.И.Бакштановского. Томск: Изд-во ТГУ, 1975; Бакштановский В.И. Прикладная этика / Под ред. Ю.В.Согомонова. Тюмень, 1980; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью; Момов В., Бакштановский В., Согомонов Ю. Прикладная этика. Необходимость, проблематика, воспитательные возможности.

³⁹ См.: «Этические комитеты являются специфическим социальным органом биоэтики» (Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 598).

⁴⁰ Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. С. 37.

⁴¹ Другой случай: экспериментальное проектирование гражданской институции профессионального сообщества журналистов – экспертно-консультативного центра «Медиаэтика», – призванного продвинуть и испытать идею профессионально-этической экспертизы журналистской практики, мы описали в кн.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. С. 334-360.

⁴² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002.

⁴³ На одном из тюменских семинаров Ю. Казаков уточнил образ польдера: вообще прибрежные участки делятся на две территории, одни называются маршами, а другие – ваттами. Ватты – это ежедневно заливаемая часть, бесполезное дно. Марши, на которых и образуется польдер, – это достаточно узкая часть, которая заливается только время от времени.

⁴⁴ См.: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / Сост. Ю.В. Казаков / Предисл. В.И. Бакштановского, А.К. Симонова. М.: Галерея, 2002.

⁴⁵ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (2). Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов; попытка понимания. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999; Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтнос: Тюменская конвенция – предварительные результаты. Тюмень, 2000; Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества. Тюмень, 2000.

Часть третья ОСНОВАНИЯ

Рассмотрев предпосылки и природу прикладной этики, мы получили возможность перейти к характеристике ее *оснований*. И в каждой из следующих глав обсуждаются базовые для всего многообразия прикладных этик идеи, *инварианты* различных «малых систем». В главе 5 представлена этика гражданского общества как системообразующая идея прикладных этик, общий для «малых систем» *тип морали*, сформировавшийся на определенном этапе ее исторического развития, своеобразный интегратор «этик публичных арен», прикладных нормативно-ценностных систем. Особое внимание месту и роли этики гражданского общества соответствует нашей концепции прикладной этики: эта концепция возникла и развивается не как реакция на массовый бум, связанный с актуализированными проблемами биоэтики и другими «этиками открытых проблем», а как инновация в отношении традиционного образа этики как «практической философии», возникшая в связи с вызовами от объективного процесса модернизации самой морали. В главе 6 представлена проблема морального выбора как одного из оснований прикладной этики: инвариант ее миссии и базовая процедура приложения, *способ существования* прикладной этики. Способ существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*. В главе 7 представлена концепция *общепрофессиональной этики*, концентрирующая внимание на вопросах развития этико-прикладного знания в целом и исследования конкретных профессиональных этик. Прежде всего, речь идет о том, что эта концепция предлагает общую для многих «малых систем» *алгоритмизацию процесса конкретизации морали*.

Глава 5

«Будь лицом!»: этика гражданского общества

Для идентификации этики гражданского общества мы используем несколько метафор: *новая этика, этика публичных арен, общество свободной близости и свободного антагонизма, естественная «неестественная» мораль, «моральная революция»...* Что их объединяет? Возможность дать эффективную характеристику этике гражданского общества как типу морали, историческому этапу социокультурной динамики морального феномена, как этике, совершающей, своеобразную революцию – в отношении к «традиционной морали», точнее к феномену морали традиционного общества. И потому новой этике. Точнее: еще «вчера» новой этике, которая уже «сегодня» испытывает вызовы постиндустриального общества, эпохи наступающей глобализации.

Наиболее рискованной из метафор – «моральная революция» – не откажешь в выразительности, хотя она и проигрывает в точности, побуждая серьезные нарекания критиков. Мы решаемся прибегнуть к ней для того, чтобы обозначить экспрессию определенного событийного ракурса «Великой Трансформации» XVII–XX веков. И характеристика «моральная революция» в данном случае оказывается вполне адекватной: в означенном временном интервале возникла *новая* нормативно-ценностная система (напомним, что, строго говоря, *традиционная* нормативно-ценностная система, моральный феномен традиционного общества, так сказать «естественная мораль», была скорее слабо организованной совокупностью пестрых локальных нравов, региональных обычаев, поведенческих стандартов): современная мораль, «постестественная» мораль, «рациональная мораль» (еще раз: мы прибегаем к данному обозначающему прилагательному, отдавая себе отчет относительно вытекающих отсюда теоретических и лингвистических затруднений; вероятно, предпочтительнее было сказать «рационализированная» мораль, если бы это выражение не было столь тяжеловесным и неблагозвучным), этика *гражданского общества*.

Мы решаемся прибегнуть к этой рискованной метафоре и для постановки более конкретной задачи: показать *революционность* этики гражданского общества посредством анализа «случая» – российской модернизации, особенности которой создают ситуа-

цию *модельного эксперимента*, наглядно демонстрирующего конфликтность «прихода» «*нестественной*», «*рациональной*» морали, трудности становления в нашей стране базовых ценностей *общества свободной близости и свободного антагонизма*. Не случайно наш многолетний проект, посвященный этике гражданского общества, был инициирован в 1990-1991 годах¹. В его появлении, разумеется, «имели место» внутринаучные мотивы, академические интересы – «экспансия» в поисках «территорий», не освоенных разрабатываемой нами концепцией прикладной этики. Но решающий ангажирующий мотив пришел из реальной ситуации, из анализа обсуждаемых страной способов разрешения ее кризисного состояния, из вселенского перестроечно-постперестроечного хаоса. Лишь откликнувшись на актуальную проблематику, мы смогли далее пойти путем развития ряда направлений прикладной этики, конкретизирующих содержание этики гражданского общества: предпринимательской, политической этик, этики среднего класса, этики успеха, журналистской этики, этики воспитания и др. И уже на основании этих исследований получили возможность идентифицировать этику гражданского общества как инвариант «малых систем», прежде всего – *этик публичных арен*, как своеобразный интегратор прикладных нормативно-ценностных систем.

5.1. Естественность «нестественной» морали

Процесс становления индустриально-урбанистической цивилизации, которая в своих долгосрочных тенденциях и представляет макромир гражданского общества, сопровождается возникновением *особого типа* морали. Произошли принципиальные превращения, сумма которых позволяет нам именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат *рациональной моралью*. На каком основании?

1. В процессе «Великой Трансформации» началось освобождение личности от «естественных» связей. В невиданных прежде масштабах стала разворачиваться инициатива людей, ранее пресекаемая и сурово осуждаемая «патерналистской» нормативностью и идеологией. Пали всевозможные ограничения в производстве, торговле, познании, общении. И как раз автономизированная мораль была ударной силой, пробивающей брешь в обветшалой системе поведенческих норм и обычаев, соответствующих мировоззренческим образованиям традиционной цивилизации. Именно эта мораль содействовала избавлению от различных видов зависимости, принуждения, ярма жестких регламентов, дала человеку несравненно большую, чем было до того, возможность распоряжаться собой. Новая мораль содействовала расширению горизонта и усилению мощи мышления человека Нового времени, пластичности его характера, разносторонности его чувств, преодолению того состояния, когда он был подавлен однообразием жизненных процессов, их «изначальной» заданностью, готовила к выбору стратегии собственной жизнедеятельности.

Не удивительно, что ключевой ценностью «постестественной» морали стала *свобода* (во всех ее разновидностях) в ее сцеплении с моральным равенством и ответственностью в разительно меняющемся мире. При этом, становясь более свободной по историческому счету, личность за этот «рывок к свободе» расплачивалась и утратой былого внутреннего духовного равновесия, примитивной цельности, как не совсем деликатно именуют ее социологи. В результате во весь рост встала проблема мучительного разлада человека с самим собой, возникли такие тенденции, как *моральное отчуждение*.

2. На юру «открытого» всем ветрам гражданского общества (безмолвная, неотзывчивая бесконечность нового социального пространства страшила людей, видимо, ничуть не меньше, чем замена «уютного» божественного мироустройства на новые – ньютоновские – физические пространства) поведенческие правила, обычаи, заветы микромира сообществ и больших семей во многих отношениях оказываются неуместными. Не надо обладать каким-то особо натренированным социологическим чутьем или утонченным воображением, чтобы представить себе, сколь не релевантными выглядят в отношениях на рыночной площади, в политических конкурентных и конфликтных отношениях требования типа «возлюби ближнего» или «не пожелай другому того, чего не желаешь самому себе», или какое-либо иное выражение знаменитого «золотого правила нравственности». Это утверждение относится и к всевозможным кодексам великодушия и щедрости, с презрением отвергающим договорные, а не «органические» отношения и так называемую «моральную бухгалтерию» (или правило эквивалентности воздаяния).

В «открытом» гражданском обществе, как было замечено Ф. Хайеком, нет единых целей, подобно тому, как это имеет место в локальных мирах при ориентации на Дом, а не на Мир. Владея различной информацией, располагая разными способностями, возможностями, люди преследуют и различные цели. Но чтобы их усилия оказались хотя бы каким-то образом «склеенными», скоординированными и только потому эффективными, они вынуждены соблюдать *универсальные абстрактно сформулированные правила рыночного, политического, профессионального, организационного поведения, нормы не-традиционной, и в этом смысле «неестественной», рациональной морали*. При этом претенциозно думать, будто эти нормы буквально кем-то сконструированы, отлиты по выверенным заранее моделям и стандартам, упорядочены в соответствии с некими научными процедурами, являются результатом экспериментирования с ценностями. Выразимся парадоксально: «неестественная» мораль является *естественным* продуктом длительной, неуправляемой (и в этом смысле «неисповедимой») культурной эволюции. Именно такая мораль и отбирает все, что наилучшим образом приспособлено к этой эволюции, к ее непредсказуемым (в лучшем случае – предугаданным) зигзагам, неожиданным поворотам.

3. Характеристика «неестественная» применительно к морали вовсе не означает «искусственная». Все попытки видных деятелей Просвещения и раннего утилитаризма (как, впрочем, и ряда деятелей ультракоммунизма) выстроить по рациональным лекалам, средствами логики, руководствуясь при этом некими финальными представлениями о человеческой природе и истории, какую-то непротиворечивую, самоочевидную, всех и сразу убеждающую, «истинную» нормативно-ценностную систему, «объективную» и универсальную мораль – на базе естественных прав человека или утилитаристской теории полезности, теории «разумного эгоизма», «верного» понимания общественной пользы² – плачевно завершались прегрешениями упрощенчества, вульгарности в области собственно морали и примитивизацией самого рационализма (хорошо показанной в «Племяннике Рамо» Д. Дидро – блестящего памфлета по части самокритики Просвещения). Это был отнюдь не единственный случай, когда вымощенная добрыми намерениями дорога грозила прямоком привести в ад. И не удивительно: мораль – итог сложной социокультурной динамики, а не манипуляций с помощью логической дидактики.

В чем же особенность и жизненная сила рациональной морали? Во-первых, во всех своих обликах или подразделениях (политическая, предпринимательская, управленческая, профессиональная и др. этики) она является *публичной моралью* (но не так, как у Гегеля, у которого она противостоит договорной этике частной жизни). Во-вторых, следуя нормам рациональной морали, индивиды могут во все большей степени служить удовлетворению потребностей незнакомых им лично людей, в пределе – всех, расширяя тем самым границы человеческого сотрудничества, обеспечивая известное *единство* в гражданском обществе, реализуя присущее ему свойство *самоорганизации и самоуправленияности*.

4. В ситуации, когда, с одной стороны, каждый преследует свой личный (частный) интерес, но, с другой, – удовлетворяет при этом жизненные потребности (заметим попутно, что термин «потребность» появился в европейских языках только в Новое время), интересы совершенно неведомых ему лично людей, с которыми он – благодаря рыночному механизму и следованию абстрактным и универсальным поведенческим нормам – вступает в отношения сотрудничества (а также в отношения конкурентности); принципы и нормы взаимной выручки, взаимопомощи, солидарного и бескорыстного поведения – тем более товарищества и братства, столь понятные и необходимые в «малом» социуме, – кажутся, за небольшими исключениями, рискованными и даже излишними. То же происходит с моральной доктриной приоритета благополучия общности, общины, коллектива над благом отдельного индивида. Последнее оказывается в новых социальных пространствах не способом грабежа общественного достояния, как это нередко выглядит в радикально-люмпенских теориях, а, напротив, решающим рычагом общественного благополучия.

Когда-то А. Смит объяснял этот эффект таинственным действием «невидимой руки». Такое объяснение было вполне приемлемо для эпохи раннего капитализма, но оно мало что объясняет в эпоху «Больших Организаций» (корпораций и госорганов), когда, отнюдь не всегда преследуя своекорыстный интерес, человек служит общественному

благу лучше, нежели он намеренно стремился бы к этому: между мотивом и результатом слишком много промежуточных инстанций и не всегда ясно, что представляет собой «общественное благо» в данное время и в данном месте.

Меньше всего рыночная площадь (и аналогичные ей политические и административные поприща) напоминает территорию, окруженную высоченной стеной с током высокого напряжения. У входа на эту площадь нет строгих контролеров, которые то и дело с помощью некоего этического «счетчика Гейгера» проверяют на «моральность» всякого, сюда стремящегося, пропуская лишь тех, кто соответствует определенному стандарту порядочности. Тем не менее, на условия «входа» влияют репутация, корпоративные кодексы, а на «выходе» наиболее злостных нарушителей нравственного порядка поджидают различные негативные санкции – разорение, бойкот, в ряде случаев и долговая тюрьма. Так или иначе, рынок просто не может возникнуть и сколько-нибудь длительно и успешно существовать, наращивая свой потенциал, не будь у него мощной подпорки в виде правовых норм и ценностей рациональной морали (долженствование в духе Лютера – «стою здесь и не могу иначе», моральное равенство, «обязательства должны выполняться», франклинская честность, правила добросовестной конкуренции и т.п.).

При этом «рациональная мораль» – не «гуманистический намордник», надетый на своекорыстный разум, а живой способ преодоления оторванности такого разума от гуманности и справедливости. Это – самоконтролирующийся разум, уберігающий себя от сползания в голую рассудочность «моральной арифметики» в духе И. Бентама. Вместе с тем он является некоторым гарантом от произвола нравственных чувств. Ф. Хайек предусмотрительно поступил, поместив нормы и ценности рациональной морали на нейтральной полосе между разумом и инстинктом³. С его точки зрения, правила и нормы поведения на обширных пространствах открытого, гражданского общества, «образуя фактически новую мораль (и, будь моя воля, я именно к ним – и только к ним – применял бы термин “мораль”), ... сдерживают и подавляют “естественную мораль”, т.е. те инстинкты, которые сплывали малую группу и обеспечивали сотрудничество внутри неё, блокируя и затрудняя этим её расширение»⁴. Рациональная мораль, обращаясь не к инстинктам, а к *должному* в кантовском значении этого понятия, предполагает известную степень отрефлексированности поступков, хотя не обязательно в виде эксплицитно выраженного свода правил и норм.

Впрочем, их усвоение и проявление в поведении способны походить на настоящие инстинкты и транслироваться так, как это имеет место в традициях. Должно быть принято во внимание и то обстоятельство, что участники процесса распространения «расширенного порядка человеческого взаимодействия», сотрудничества не в состоянии сколько-нибудь полно понять его движущие силы, их истоки, близкие и тем более отдаленные результаты. Все это не подвластно их воображению, выходит за пределы их познавательных возможностей, способности соответствующим образом планировать свои индивидуальные или коллективные действия на рынке, в политической сфере, ставить их под собственный контроль. Поэтому вытесняемые врожденные инстинкты группового поведения становятся благоприобретенными привычками, культурными традициями поведения в границах общества и без исчерпывающего осознания их преимуществ – допустим, витального свойства: речь ведь идет не о намеренном процессе, а о спонтанной культурной эволюции с ее «символическими истинами», продуцирующими, но отнюдь не «изобретающими» новые регулятивные средства. Иное представление было бы иллюзией «конструирующего рационализма».

5. К вопросу об особенностях рациональной морали можно подойти с различных сторон. О соотношении традиционного и рационального умонастроений много писал Э. Геллнер. Рассуждая о природе, роли и возможностях разума, он подчеркивал, что классический рационализм не сумел превзойти культуру, хотя стремился к этому довольно настойчиво. Ведь культура – по Декарту – всего лишь род систематического навязывания общностью, толпой заблуждений, которые накапливаются исторически (философ развивает известные положения Ф. Бекона об идолах). Она локальна по определению, тогда как разум универсален. Культура дифференцирована, воплощена в пёстрых обычаях, во всевозможных традициях, суждениях тех, кого принимают за авторитетов, в повседневном опыте как комплексе убеждений и отношений, приобретаемых по ходу жизненного процесса (О. Уайльд ехидно замечал, что опыт – это имя, которым люди называют свои

ошибки). В традиции «идентичность даровалась и предписывалась»⁵. Но рационализм Новейшего времени создал и кодифицировал «особую, индивидуалистическую культуру, отличающуюся от своих предшественниц несравненно более мощным познавательным потенциалом и значимостью в сфере моральной легитимности»⁶. Конечно, принудительная дисциплинированность, поразительная и бесспорная в сфере производства, потребления, в исследованиях природы и т.д., в области морали не оправдана неоспоримым практическим результатом. Поэтому Э. Геллнер полагает, что бесполезно пытаться навязать человечеству универсальную рационализированную эгалитаристскую этику.

Последнее утверждение, на наш взгляд, очевидно. Впрочем, дело в том, что, по сути, возникла не еще одна конкретная культура, а её новый тип, новый тип обычая, новый характер легитимного принуждения. Все это покоилось в основе новой цивилизации, нового социального порядка, который гражданин системы рационального порядка *не выдумывает* (чем увлекался старый рационализм), а *находит*, ибо он продукт социальной эволюции со всеми ее возможностями и противоречиями. К тому же рационализм все больше определяет инфраструктуру культуры (о бережливой, расчетливой «культуре дня» и бездумно расточительной «культуре ночи» некогда писал Д. Белл) и без её санкционирующей и побудительной силы вряд ли стали бы возможными столь впечатляющие практические достижения новой цивилизации.

Между тем представляется, что и Ф. Хайек, и Э. Геллнер не доводят мысль о проникновении рационализма до вывода о возникновении *нового типа самой морали*, о чем шла речь выше. Так, Хайек упустил из виду процесс *конкретизации* морали, прошел мимо того, что фактически культурная эволюция не носит абсолютно спонтанного характера, а может «подправляться», корректироваться, дополняться и *намеренными* актами. Этот тезис может быть хорошо проиллюстрирован ссылками на ход образования профессиональной морали (этики). Её нормы создавались, сегментировались под более сильным воздействием заинтересованных институций и даже теоретической мысли в ходе экспертного консультирования, чем нормы общественной нравственности в целом. В них больший элемент рационального обоснования, императивности, поскольку у социопрофессиональных групп технологическая, организационная целесообразность и собственно моральные стороны деятельности настолько тесно связаны и взаимозависимы, что подчас создается обманчивое впечатление, будто они полностью тождественны, и тогда возникает видимость воплощения в них всего лишь профессионального такта, ритуала, обязательной деловой процедуры. К тому же, как мы отметили выше, возникают *морально-правовые регулятивные комплексы* с трудной различимостью их составных компонентов.

Попутно скажем, что понятие общественного благополучия (как, впрочем, и индивидуального, семейного) отнюдь не исчерпывается материальными аспектами, стандартами потребления и вообще меркантильными выкладками. Чисто эмпирически можно установить, что подход с позиций лишь экономического благоденствия способен релятивизировать стабильный моральный статус рынка и свободы (А. Сен). Рыночный и демократический механизмы предоставляют свободу выбора, которая обладает самоценностью. Продуктивны в этом плане суждения американского социолога Р. Ватнау. Не без основания он полагает, что рыночная система есть нечто большее, чем простое средство обмена товарами и услугами, способ регулирования цен между спросом и предложением, инструмент извлечения выгоды и инспирирования продуктивности. И не только потому, что экономическое поведение само по себе окружено нравственными предписаниями действовать честно, придерживаясь правил «рыночной игры» и т.п. Но одно только следование рациональной императивности предполагает также внутреннее *переживание* своего уникального участия в данной игре, «одушевление» ее, позволяющее тем самым регулярно «изобретать» достижительные шансы, «открывать» их, как сказал бы Ф. Хайек, свободно выбирая оптимальные варианты рыночного поведения.

Место рынка в широком смысле занято различными нравственными коннотациями. На рыночной площади люди не принуждаются, а имеют реальную возможность прямого участия в публичной жизни. Здесь они пытаются выполнить свои нравственные обязательства перед обществом, развить в себе чувство самоценности, самоуважения от сознания своей порядочности, ответственности и одновременно проявить лояльность к экономической системе в целом, тем самым содействуя ее легитимизации. Рыночное по-

ведение связано с высшей ценностью демократического общества – со свободой выбора («рыночное голосование»). Эти культурные конструкции со своим символизмом образуют особый тип морального кодекса, требуя, например, ориентировать рыночное поведение на защиту национального производителя, окружающей среды, прав потребителя и т.п., а сама потребительская активность уже не может более рассматриваться просто как частное дело, ибо – на фоне всевозрастающей социальной сложности бытия – от нее зависит состояние экономики, ее жизнеспособность⁷.

6. Как образуется рациональная мораль, этика гражданственности – в общем виде ответ нам уже известен: за счет *конкретизации*. А какова судьба, так сказать, *неконкретизированного остатка* морали? По сути дела, это вопрос о «моральных абсолютах». Очевидно, моральные ценности абсолютного ранга остаются навигационными огнями, непрекаемыми ориентирами-регулятивами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, коммун, приходов, в традиционных секторах жизнедеятельности гражданского общества. Однако вместе с этими секторами они оттесняются на периферию общественной жизни, в частные сферы человеческого существования. За их границами они тоже остаются «фаворитами» морали, но применяются более сдержанно, взвешенно, с меньшей обязательностью. Совсем другое дело – экстраординарные ситуации. При «форс-мажорах», вроде войн, террористических акций, аварий сложных технических систем, стихийных бедствий, указанные ограничения снимаются: альтруизм и солидарность членов микрообщностей смещаются от периферии к эпицентрам нравственной жизни и вновь являют всю мощь и духовную красоту своей категоричности.

Каково самочувствие человека, если он оказывается, образно говоря, как бы распятым между двумя различающимися коренным образом ценностными мирами: в каждом из них исповедуются и воплощаются неодинаковые требования к поведению? Кому внимать, к чему прилепиться? Нередко с позиций *рациональной морали* то, что оказывается за пределами ее требований и оценок, воспринимается как скучное назидательство или романтические поветрия, как заскорузлая патриархальщина, как «старый вздор». С другой стороны, нередко, с позиций *«естественной» морали*, то, что выдает себя за рациональную мораль, воспринимается ни капельки не похожим на мораль – сплошная инструментальщина, пруденциальность, «манимания», бездушная арифметика, «вздорная новинка». Взрослый человек не может до конца устранить из своей памяти заданный еще материнством образец отношений между людьми (заботливость без расчета на взаимность, непосредственность, естественность и т.п., что лежит, по выражению антрополога Маргарет Мид, в основе «райских образов» детей) и с позиций такого стандарта склонен негативно, или преимущественно негативно, воспринимать нормы поведения в системах формализованных отношений. Оказавшись в «открытом обществе», человек также предрасположен ностальгически воспринимать «теплые» отношения малых групп в качестве эталонов «подлинной» человечности и моральности. По словам экономиста и социолога Б. де Жувенеля, «среда, в которой первоначально жил человек, остается для него бесконечно привлекательной. Однако любая попытка привить ее черты обществу в целом утопична и ведет к тирании»⁸.

Отсюда огромное множество психологических смещений, фрустраций, утраты идентичности в результате относительно спокойного или даже воинствующего неприятия, которое вызывают модернизационные процессы. Кажется, что там, где и когда они стали углубляться, мораль оказалась в числе первых жертв, впад едва ли не в состояние коллапса – свобода обернулась вседозволенностью, коварно завершилась сплошным торжеством себялюбия. При этом неприязнь, побуждаемая «Великой Трансформацией», может быть инерциального свойства или консервативно-патриархальной реакцией, не-офобией, но очень часто может быть и весьма обоснованной. Тем более в ситуации рискованного резкого разрыва преемственности духовного развития страны, при сильной «скомканности» (по выражению культуролога Г. Померанца) процесса развертывания модернизации, когда распадается «связь времен». Причем разрыв происходит не один раз и это оказывается точкой сопротивления процессу усвоения норм и ценностей рациональной морали: человек ощущает себя подобно известному шукшинскому мигранту из деревни в город – проживая в двух культурах одновременно («одной ногой в лодке, другой – на берегу»), причем в обеих он интегрирован лишь отчасти.

Мудрость вводит запрет на отсечение ценностных миров друг от друга и на восприятие их как «низших» или «высших». Она предполагает понимание того обстоятельства, что, вступая на открытые площадки гражданского общества, впитывая ценности и поведенческие установки этого общества, его рациональной морали, человек не вправе, не должен утрачивать приверженность сокровенным ценностям, выработанными поколениями, пренебрегать и иррациональными глубинами человеческого сознания – не там ли затаились истоки добра и зла? Обе нормативно-ценностные системы обязаны, так сказать, «знать свое место» и отказаться от гегемонистских притязаний. Не очень-то просто осознать различия моральных систем. Но неизмеримо сложнее овладеть искусством переключения из одного такого ценностного мира в другой. Как ни старайся, но духовные издержки при этом неизбежны. Не в этом ли глубокий корень человеческих трагедий: мы говорим здесь не о судьбоносном трагизме, а о трагизме повседневности, когда пребывание сразу в двух мирах или в междумирии делает каждого «маргиналом», носителем «несчастливого сознания».

5.2. Рациональная мораль: «Будь лицом!»

Для того чтобы конкретизировать представление о сути рациональной морали, имеет смысл припомнить формулу Гегеля: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц»⁹. Причем не от случая к случаю, не в результате стечения обстоятельств, не под угрозой остракизма или иных негативных санкций общественного мнения, а систематически и добровольно.

Начиная расшифровывать этот императив, отметим, что он требует не известного *возлюби ближнего, как самого себя*, а совершать поступки и понимать поступки Других, пользоваться благом свободы не в ущерб их свободе, опираться на собственную иерархию ценностей и на ее основе производить моральный выбор, принимая личные решения и под личную ответственность. При этом «репертуар» выбора определяется не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, вынужденной, навязываемой фактом групповой принадлежности, включенностью в ту или иную *массу*, сколько широтой гражданского кругозора и собственной неповторимостью Лица. Иначе говоря, путем идентификации не только с социально «близкими», но и со всем человечеством (родовая, вселенская ориентация в качестве основы для морального сознания как такового), с множеством групп и ассоциаций (плюралистическая ориентация гражданского общества), в которые Лицо вступало по соглашению и добровольно. При этом в наше время – в ситуации «большого бизнеса» и «большого государства» – возникает проблема нравственной ответственности «надличностных субъектов».

Итак, рациональная мораль в своей целевой части выражает не столько дух беззаветной любви к ближнему (симпатия, великодушие, сострадание и т.п.), сколько уважение к Другим как к Лицам – оно притязательно и его отсутствие без серьезных причин вызывает обоснованный нравственный протест. Рациональная мораль требует не доброжелания, а должностования, ответственности и беспристрастности. Такая мораль носит консеквенциональный характер, ибо моральное значение поступков она определяет не только и не столько по их мотивам (они, конечно, принимаются во внимание), сколько по последствиям, положительно значимым для существования и развития гражданского общества и правового государства. В этом смысле этика гражданственности близка утилитаризму, который ориентирован на благо, пользу, будь то определенное психологическое состояние Лица (так называемый «утилитаризм опыта») или же удовлетворение его желаний (так называемый «утилитаризм предпочтения»). Критерием добра и зла с точки зрения такой этики служат результаты: «всякому воздается по делам его».

Но утилитаристская парадигма – *лишь момент* этики гражданского общества. Ведь результаты в известной мере зависят от случайных обстоятельств, не имеющих отношения к доброй или злой воле действующего Лица. Поэтому речь идет не просто о положительных результатах активности, но о таких, которые возникают благодаря исполнению норм рациональной морали. Благодаря верности им мотивы, вынесенные за скобки моральной оценки поступка или линии поведения, недолго пребывают в изгнании и возвращаются в дуалистическое поле оценки. К тому же люди вряд ли способны верно предвидеть все близкие и, тем более, отдаленные последствия своей активности. Кроме того, последствия чаще всего оказываются амбивалентными, принося благо в одном отноше-

нии и зло – в другом. Действующему Лицу доступно предвидеть лишь узкий горизонт последствий собственной активности, а не отдаленный шлейф последствий (нам не дано знать даже «чем слово наше отзовется»).

Но независимо от этих соображений Лицо обязано придерживаться того, что всецело ему подвластно – верности принципам и правилам поведения гражданина. Исполняя повеления, ориентирующие на жизненный и деловой успех, но, одновременно, следуя «правилам игры», Лицо как бы «обречено» приносить благо Другим, вовсе не обязательно испытывая при этом расположение к конкретному Другому, не всегда руководствуясь бескорыстными мотивами и даже напрямую не связывая свои поступки с гарантией достижения собственного интереса, а только уважая правила. Что, спрашивается, способно помешать нам именовать мотивы верности нормам рациональной морали, условно говоря, «бескорыстным стяжательством», а еще лучше – «безадресным альтруизмом»? С таким допущением, наверное, могли бы согласиться и те, кто не приемлют саму доктрину рациональной морали. К тому же во вне рыночной деятельности ничто не может воспрепятствовать Лицу благоволить не только к правилу, но и к вполне конкретному другому Лицу, совершая поступки, продиктованные вполне бескорыстными побуждениями.

Другой вопрос – степень согласования требований, ориентирующих на частный интерес, с императивами довольно суровой рациональной морали. В определенных личностных и исторических ситуациях подобное согласование протекает сравнительно гладко, почти бесконфликтно, тогда как в других вызывает глубокие расколы в сознании и патологии в поведении. Это случается тогда, когда, по давнему выражению Р. Мертона, происходит деинституализация средств достижения институализованных целей, когда выявляется лишь символическая приверженность внутренне отрицаемым ценностям и фактическое приближение к ценностям номинально отрицательным, что ведет к росту лицемерия, условной лжи¹⁰. Согласно Хайеку, «...нас заставляют приносить благо другим нормы морали, присущие рынку, но не вследствие нашего намерения добиться этого, а вынуждая нас действовать таким образом, что волей-неволей обеспечивается как раз этот эффект»¹¹.

Интенция рациональности данного типа морали появляется в феномене «внутри-мировой аскезы». Как известно, М. Вебер обратил внимание на его отличие от традиционной «внемировой аскезы». С помощью рационализации аскезы позволяет человеку справиться с иррациональностью мира, с его расколом на «дольний» и «горний» миры. Такая аскеза приводит человека к восприятию собственной активности как деятельности «ради Бога» (а вовсе не ради воздаяния за собственные труды), как призвания и профессии одновременно. В этом случае возможна только награда этико-психологического свойства. Здесь для человека его деятельность выявляет свои смыслы только в одном – бескорыстном и беззаветном служении Делу. При этом вопрос о том, что понимать под Делом, каким оно должно быть – вопрос веры гражданина, актора. Без веры нет призвания, умноженного на профессионализм. Однако при этом совершенно недостаточно манифестировать субъективную честность, ссылаться на возвышенность конечных намерений, на кристальную незамутненность мотивов, на ригористическую этику абсолютов. Последняя оперирует безусловными заповедями и наделяет достоинством лишь святого, праведника, призывая действовать без оглядки на последствия, согласно лишь духу и букве повелений. Вебер же приходит к выводу о том, что «всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть мотивировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности"»¹². Не в том смысле, будто этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности – тождественной беспринципности. Тем не менее, противоположность данных максим не устраняется. Действующий по максиме «этики убеждения» поступает как должно, а относительно результата он уповаает на историю или Бога, тогда как действующий по максиме «этики ответственности» осознает, что именно действующему субъекту и предстоит расплачиваться за последствия своего активизма. Такая этика является консеквенциональной и именно она служит опорой в рациональной морали. Ее последователь, вскормленный страстью служения Делу, полон установкой на существо Дела, а не на побочные соображения (корыстолюбие, тщеславие, властолюбие и т.п.); им повелевает сила, схожая с даймоном Сократа, идеей самоотдачи Делу. Это предполагает наличие соответствующего типа чело-

века (хомо ойкономус, хомо политикус, хомо фабер, хомо люденс, – который одновременно и хомо моралес), для которого и «спроектирована» довольно требовательная рациональная мораль.

ОПИСЫВАЯ в разных ракурсах феноменологию рациональной морали, мы незаметно входили в зону риска: стать апологетами индустриально-урбанистической цивилизации и гражданского общества, «заболев» своеобразной исторической слепотой в их восприятии, хотя им на пользу идут в первую очередь критика, а не восторженное восприятие. Одно из достоинств гражданского общества заключается в его предрасположенности к самокритике и самоиронии. Не ставя здесь задачи обсудить факторы, инициирующие критическое отношение к «Великой Трансформации», напомним о феномене морального отчуждения, уже представленном в предшествующих главах, подчеркнув все же, что в принципе и, тем более, в современной ситуации всеобщей неустойчивости, абсолютно освобожденный от отчуждения мир – лишь иное название Рая.

В то же время не забудем, что моральный кризис, расшатанность нравов означают не только хаос в мире ценностей, распад этого мира, коллапс морали, но и растянутый во времени многосторонний и трудный процесс обновления нормативно-ценностной системы данной цивилизации, накопления порожденных ею позитивных тенденций в нравственной жизни, с которыми связаны обнадеживающие перспективы.

Речь идет об информационной революции 70-80-х годов ушедшего века, о вытеснении индустриализма постиндустриализмом 90-х годов, перетряске всех социальных структур, формировании социально ориентированной экономики, создании условий для возрождения трудового этоса, развитии массового предпринимательства и ограничении всевластия монополий, ослаблении социальных конфликтов и росте «среднего класса», развитии личности производителя, изменении представлений об общественном богатстве.

Все это позволяет говорить о том, что эволюция морали вступила в новую фазу, начала обретать новую аутентичность, в связи с чем встал вопрос о возникновении, условно говоря, «пострациональной» морали¹³.

5.3. Этика неклассического гражданского общества: российский вариант смены нормативно-ценностных систем

Словосочетание «гражданское общество» по частоте употребления было в последние советские и первые постсоветские годы одним из самых заметных в нашей стране. Как в публицистике, так и в теоретических работах это понятие стало синонимом общественного идеала, ориентиром понимания и решения насущных проблем жизни трансформирующегося российского общества, объяснительной моделью в анализе и прогнозе ситуации перестроечной – постсоветской России.

В то же время политическое решение, принятое по критерию целесообразности («иначе не выжить!»), обогнало духовную решимость значительной части общества принять новый ценностный мир, морально санкционировать его. И в отечественной истории есть масса материала для обоснованного объяснения этого факта. Но достаточно вспомнить повседневную ситуацию переходного периода к рынку. Перед взором «простого смертного» она представала лишь в черном цвете: лекарство казалось (и во многом было) горше самой болезни. Повседневные реалии становления рыночной экономики оскорбляли нравственное чувство. Сильны были и представления о принципиальной несовместимости свободы – и социальной справедливости, идеи предпринимательства – и нравственных начал, успеха – и порядочности и т.д.

Инициировав упомянутый выше многолетний проект, посвященный этике гражданского общества, мы исходили из необходимости оспорить официальные декларации о решительном переходе страны к рыночной экономике: «выбор сделан!». Политическое решение было принято как безальтернативное: экономические и политические обстоятельства почти фатально предопределили вектор перехода: «деваться некуда!». Однако для успешной и основательной российской модернизации этого аргумента недостаточно – само общество должно признать данное решение достойным и потому желанным. Не смиряться с безальтернативным политическим решением, тяготясь им, не подчиниться

крутой воле, а самоопределиться, духовно освоить ситуацию, открыть для себя аргументы метафизической и моральной оправданности перехода в новые ценностные миры. Выбор в пользу гражданского общества и его этики по определению не может не быть свободным, причем не в отрицательной, а именно в положительной форме свободы. Поэтому, кстати, мы начали проект с экспертизы предельно актуальной нравственной оппозиции «рынкофилия» – «рынкофобия».

История за небольшими исключениями повсеместно стирает архаическую ментальность и соответствующие ей стереотипы поведения. Их следы, впрочем, остаются в подсознании, пребывая в подвалах исторической памяти. В так называемые смутные времена – времена слома сдерживающих психологических барьеров – возможны прорывы данной ментальности в сознание «человека толпы», «стадного человека». Это приводит к деструктивности поступков, утверждению поведения, лишённого рефлексии, а стало быть, и потребности в моральном выборе.

В истории России сильна линия традиционной, «естественной» морали (мы уже говорили, что эту стадию развития морального феномена в полной мере называть моралью не корректно) с ограниченным личным выбором, с авторитаризмом различного – в том числе и архаического – типа, со слабой выраженностью социального динамизма, со столь же ограниченной способностью к мобилизации внутренних ресурсов развития. По различным причинам у нас закрепился стагнирующий подтип этой морали. Как было показано в главах 1 и 2, в его рамках личность принимает свою судьбу как неизбежность случайности факта своего рождения, не нуждающегося в обдумывании его, когда границы жизненной активности личности четко прочерчены и она хорошо знает, кто она есть, что должна делать, каков ее земной путь. Это, понятно, ограничивало практику выбора: у узника событий и обстоятельств отсутствует проект своего «Я». При сбалансированности желаний и культурных образов диапазон выбора был предельно суженным.

Вместе с тем географическая близость России к зоне первичной модернизации и давление этой зоны, а также культурное, языковое и конфессиональное родство с европейской цивилизацией приводили к возникновению импульсов для саморазвития, которые становились, правда, «со скрипом», культурной ценностью, то есть включались в мотивирующий комплекс поведения полиэтнической страны. Такие установки усиливались под давлением внешней необходимости модернизационных перемен как части стратегии выживания. При этом перемен не столько всего общества, сколько главным образом государства. Этот крен хорошо просматривается в петровских и последующих реформах вплоть до второй половины XIX века.

Модернизационные процессы в нашей пограничной субцивилизации, «индустриализация сверху», вытесняли нормы и ценностные ориентации традиционной, крестьянской по преимуществу, морали, правила и поведенческие стереотипы общинной солидарности: история неумолимо, хотя и неспешно, делала свое дело. Однако стихия рыночных отношений, тяжкий аграрный кризис не столько *преобразовывали* традиционную мораль, сколько *разрушали* ее, оставляя после себя нормативное опустошение и психологические травмы. Приверженцам этой морали ситуация выбора не предлагалась *ad libitum*, а грубо навязывалась. Это приводило к резкой дифференциации жизненных миров населения страны, к осовремениванию жизненных стратегий и стилей поведения «верхов» и к упрямой приверженности «низов» к привычным стереотипам трудового и бытового поведения, к застарелым мировоззренческим представлениям, сопутствующим этим стереотипам.

Генетический код российской субцивилизации испытал сильнейшее потрясение, прошел через крутую ломку, которая на глубинном уровне народного сознания содействовала вынашиванию общих предпосылок для всех трех революций начала XX столетия. Трех революций – вместо одной *реформации*, столь необходимой для плавного, некатастрофического преобразования массовых нравов в направлении к целям, нормам и ценностям рациональной морали. Более того, нередко возникали условия для частичной реконструкции как будто бы навечно загнанных в подсознание архаических моделей поведения, что оставляло предельно узким мотивационное поле, на котором было возможно возникновение ситуаций морального выбора. К многочисленным предшествующим культурным расколам добавился новый, пожалуй, самый кардинальный раскол, когда моральный выбор не просто обрел присущие ему естественные свойства экзистенциаль-

ной напряженности и сложности, но и одновременно черты мучительной болезненности и изломанности, чреватые тяжелыми последствиями для нравственного здоровья граждан.

Революция, гражданская война, голод, эпидемии, эмиграция принесли еще большие духовно-нравственные потрясения. Последующая советская «консервативная модернизация» (термин А. Вишневского), с ее ставкой на ускоренное продолжение экстенсивного развития в духе первичной индустриализации общества «любой ценой», под знаменами фаталистического оптимизма и утопического проекта немедленного создания царства «светлого будущего», вместе взятые, привели к двум следующим результатам, исключительно важным для понимания специфики современной моральной ситуации в России.

Во-первых, к значительному вытеснению уже накопленных элементов рациональной морали Раннего Модерна (пусть эта рациональность во многом была еще только инструментальной) как итогу незавершенной урбанистической и образовательной революций. Во-вторых – к созданию *гибридного* ценностного комплекса на основе форсированного вытеснения ценностей и норм традиционной морали в ходе поверхностной рационализации всех социальных связей, институтов и отношений (при одновременной консервации поведенческих стереотипов авторитаризма и мессианства), то есть к ретрадиционализму, наиболее выразительно представленному в системе трудовых коллективов, колхозном строе и безмерно развитом государственном патернализме. Цементировало данный регулятивный комплекс оживление патриархальной ментальности (неоархаизм) с доминированием образов мифологического сознания, манихейства, коллективистских установок казарменного типа и, соответственно, с неразвитостью персонального морального выбора. Это дало веские основания для обозначения происходящей в СССР модернизации не только как консервативной, но и как *латомодернизации*, как «индустриальной колонизации» страны без создания институтов гражданского общества.

Известная приуроченность части населения к освоению модернистских ценностей во многом купировалась сакрализованным советским авторитаризмом и тем же мессианством. Последние брали на себя «бремя выбора», кто бы при этом ни провозглашался мессией – очередной автократ, правящая партия или класс-гегемон – при постоянно демонстрируемом народопоклонничестве (справедливо говорят, что у нас был «народный, популистский тоталитаризм»). Все вместе они преподносили высвобождаемый из-под идеологического пресса *моральный* выбор в качестве выбора *аморального*, и потому заслуживающего всяческих мер пресечения. Что оставалось делать в такой ситуации? Либо покорно следовать предписываемому выбору, но тогда он, собственно говоря, утрачивал свойство свободного выбора, становился псевдовыбором, не всегда осознаваемым актом реализации чужой воли; либо пытаться как-то «перехитрить» навязываемый выбор, избежать его, что редко когда удавалось. А если и удавалось, то за счет передислоцирования усилий по моральному выбору в сугубо профессиональную и, главным образом, в приватную плоскость, где, как выражаются демографы, интенсивно шел процесс интимизации межличностных отношений.

В послесталинскую эру пространство выбора все же стало расширяться – нормы и ценности традиционной морали смещались в маргинальные социальные среды, становились инерционно-существующими «пережитками» прошлого. Со временем, однако, стали более отчетливо выявляться отечественные корни морального кризиса как составной части системного кризиса всего социума. Они, в частности, связаны с отставанием процессов постиндустриального глобалистского развития (выявившийся предел экспансии индустриализма и экстенсивного урбанизма, утверждение экономики и методов управления эпохи застоя, резкое запаздывание по части вовлечения страны в информационную революцию, крушение советской государственности как во многом отжившей формы социально-политической жизни и т.п.).

В современной России, как, впрочем, практически во всех развитых странах, идут напряженные поиски новых – созвучных времени – форм деятельности и общения. Конечно, в той мере, в какой уже осуществился модернизационный транзит. Дело в том, что проявили себя саморазрушительные тенденции, берущие начало в зоне достижения пороговых значений индустриальной, техногенной цивилизации, когда рыночные механизмы выявили свою неспособность быть единственными или даже просто главными регуляторами всех общественных отношений, когда в полной мере проявились процессы про-

грессирующего ухудшения среды обитания и качества жизни, особенно ощутимые в стране с предпочтительно сырьевой ориентацией экономики и с довольно расшатанным социальным порядком. И то, и другое ограничивают возможности адекватного ответа на кризисные вызовы. В этом смысле можно, хотя и с большой осторожностью, говорить о зарождении в нравственной практике нашей страны первоэлементов нового миропорядка, о такой переоценке ценностей, которая свидетельствует *о первых шагах в направлении перехода к пострациональной морали*, к обновлению самих регулятивно-ориентационных механизмов.

Простой социум заменяется все более сложным, интенсифицируются поиски обществом альтернатив самому себе, либерализуются социальные узы, возникают новые источники долженствования и ответственности, способы их поиска, выявляются новые центры санкционирующей активности, образуются новые поведенческие ориентации, подчас весьма экзотические. При этом вектор перемен направлен от «большого» общества к обществу «малому» и касается повышения роли территориальных факторов в детерминации поведения. Перемены идут от порядков «массового общества» с принятыми в нем стандартизированными биографиями – к свободному выбору социальной идентификации с рисками, следующими вслед за ним, к индивидуализации рефлексивных жизненных проектов, к переосмыслению понятия социального неравенства в социализации личности в духе плюрализации жизненных стратегий и стилей поведения, что присуще глобализирующемуся обществу.

Однако при этом на передний план, к сожалению, пока выходят не столько конструктивные инновационные процессы, сколько процессы деструктивные, ведущие к ощущению иллюзорности всяких социально значимых целей деятельности и моделей успеха отдельных индивидов, едва ли не целых поколений; к утрате у многих людей макроидентичности; к аксиологическому вакууму, когда вместо обновления традиций идет их разрушение, что потворствует антиглобалистским настроениям. Во всяком случае – в тенденции. Иначе трудно представить себе ситуацию морального выбора в условиях многих народных бедствий и бесправия (официально, как минимум, треть населения России живет за чертой бедности).

Общемировой моральный кризис в России протекает с повышенной остротой и в крайне болезненных формах, со всеми проявлениями социальной дезорганизации. Короче, аномично и в социальном плане анемично: Россия остается страной крайностей, перекосов и переборов, со слабой выраженностью медиативных начал в культуре. В ней только начинает формироваться средний класс с его стабилизирующими и посредническими функциями в сфере социальных позиций. И происходит это в том числе и потому, что по многим причинам все еще сильны остатки традиционной (а точнее – ретрадиционной) морали. Так или иначе, но ее обычаи и ценности по сей день еще далеки от полного истощения и включения в процессы синтезирования или микширования разнокачественных духовных миров. Тем более, что есть немало оснований утверждать о незавершенности формирования норм и ценностей рациональной морали как нравственно-психологической основы индустриально-урбанистической цивилизации, ею порожденной и ею же всесторонне опекаемой.

Вся эта запутанная многослойная система коллизий духовной жизни и ее коллективно-бессознательных оснований образует хитросплетенную структурную ткань моральной ситуации современной России. И именно она служит ценностным каркасом морального выбора, который вершат наши сограждане в ситуации «нравственного междуцарствия», ибо еще не достигнуты новые рубежи в нравственном развитии страны, контуры будущего которой не обрели ясных очертаний. Будет ли Россия «сильным» и не военнопольцейским, а эффективным, компетентным, но скромным и современным государством, или же она останется просто «настером»? Будет ли в ней доминировать державная, византийско-православная идеология – или же неолиберальная, а также неоконсервативная идеологии? Какую конкретную форму примут отношения между «естественной» и рациональной моралью, между этикой убеждений и этикой ответственности?

Становление гражданского общества и его этики – это своеобразная «тихая революция», которая (пока, скорее, незаметно) совершается и в нашей стране. Хорошо бы достичь в этом деле быстрого и заметного успеха. За более чем 15 лет после выхода нашей первой публикации об этике гражданского общества оценки *шансов* на успешное

формирование гражданского общества в России менялись. В начале 90-х они казались реальными чуть ли не на 100%. Как скоро открылось, это были во многом утопические прогнозы, которые – по закону маятника – вскоре сменились свертрезвостью, а то и унынием. Сейчас – время, требующее для прогнозных сценариев рационального скепсиса, известной взвешенности и самоиронии.

5.4. «Общество свободной близости и свободного антагонизма»: базовые ценности гражданского общества

Базовые ценности гражданского общества, являющиеся *конкретизацией* этики гражданского общества, которую мы охарактеризовали как рациональную мораль, пришедшую на смену традиционной морали, ценности *этики публичных арен*, это, на наш взгляд, свобода выбора и ответственность, рационализм, индивидуализм, профессионализм, деловой и жизненный успех и т.д. Мы считаем эти ценности основными в своеобразном «либеральном пакете», не претендуя на представление этого «пакета» по критерию достаточности¹⁴.

Решение представить этику гражданского общества через ее базовые ценности предполагает преодоление как распространенного мифа о бездуховности гражданского общества, так и реальной трудности – несформированности общественного и общественного консенсуса относительно «набора» этих ценностей. Очевидно, что без решения последней задачи вряд ли можно рассчитывать на то, что гражданское общество и его ценности станут предметом свободного морального выбора общества.

Во-первых, и сегодня на пути к гражданскому обществу остаются барьеры, в том числе и этического плана. И сегодня как в массовом, так и, отчасти, в теоретическом сознании отсутствует достаточно четкий и вместе с тем желанный образ гражданского общества. До сих пор он еще не стал актом массового *морального выбора*. В общественном сознании все еще сильны фобическое неприятие и даже отторжение новых ценностных предпочтений. Таков итог семидесятилетнего эксперимента по формированию «нового человека», с одной стороны, противоречивой природы процесса становления ценностей гражданского общества – с другой, внутренних нравственных оппозиций этики гражданского общества – с третьей.

Преодоление «барьеров» предполагает вытеснение множества стереотипов и предубеждений, требует познания и культивирования новых ценностей и норм нравственной жизни, *новой этики* общества, характеризуемого метафорой «свободная близость и свободный антагонизм людей». Этики, стремящейся «снять» нравственные оппозиции, утверждающей свободу выбора в ее единстве с ответственностью, известную меру конвергенции индивидуализма и солидарности, согласование профессионализма, рациональности, успеха – и «игры по правилам» и т.д.

Задача идентификации базовых ценностей этики гражданского общества имеет в этой книге определенные ограничения: мы вынуждены ограничиться здесь характеристикой лишь некоторых из них: свобода выбора, рациональность, успех и профессионализм. При этом первая из них уже представлена в главе 2 и будет развернута в главе 6, вторая – рациональность – уже описана в данной главе.

5.4.1. Успех

УСПЕХ – одна из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества. Амбиция преуспеть атрибутивна для человека такого общества. И само современное общество с достаточным основанием характеризуют именно как достигательное, что было бы совершенно немыслимо без принятия в нем ценности успеха. Успех оказывается здесь целью и задачей жизни и обретает самостоятельное место в ряду других жизненных ценностей, то есть ценен и сам по себе, независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха. Успех становится тем, что может быть названо благом благ. «Человек успеха» ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие к уровню базовой ценности человеческого существования; цели, вполне способные встать в ряд с такими основными феноменами бытия человека, как труд, игра, любовь, смерть, господство. Че-

ловека гражданского общества вполне можно идентифицировать как «человека достигательного», «человека успеха», стремящегося стать «состоявшимся человеком», «успешным профессионалом» и т.п. И сам этот человек идентифицирует себя с такими ориентирами, как «жизненный успех», «деловой успех», «профессиональный успех». При всей сложности различения этих сфер успеха у них не случайно общее сущностное.

Успех как базовая ценность рациональной морали противостоит одновременно как модели выживания, т.е. отказу от ориентации именно на успех, так и модели агрессивного успеха, противопоставляющей успех – этике. Однако высокая самоочевидность места и роли ценности успеха в гражданском обществе все же не абсолютна. С одной стороны, мы видим процесс широкого освоения темы успеха (жизненного, делового, профессионального), развернутый современным гуманитарным знанием в теоретических и прикладных исследованиях¹⁵, посредством популярной литературы, учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере, в профессиональном совершенствовании. С другой стороны – контртенденция. Так, в манифесте «О панике», принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве одной из обнаруживающих свою «реакционную функцию» ценностей, выдвигаемых современными идеологиями на первый план, отмечена «навязчивая идея успеха и расчета». Резкой критике идея успеха подвергается и в дискуссиях о современном российском обществе.

В этих противоречивых тенденциях времени – один из мотивов культивирования не просто *идеи успеха*, но именно *этики успеха*. Без этического насыщения ориентации на достижения идея успеха может обернуться утопией или даже намеренной идеализацией «грязной практики», стихии аморализма, провоцированием торжества аморального поведения. Сама практика реализации идеи успеха – в том числе и наша отечественная – дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности. Без этической рефлексии трудно смягчить моральный риск ориентации на успех – повышенную опасность для вовлеченного в жизненную и деловую гонки индивида не устоять перед искушением нарушить те или иные моральные запреты, «правила игры» ради скорого достижения успеха (во всех его ипостасях) и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с законом; сложно ограничить практику следования циничному принципу «успеха достоин тот, кто его добился». Поэтому развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, обязательную моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к успеху.

В процессе такой идентификации важен и вопрос об этической безопасности идеи успеха, об ее самоограничениях. Вопрос, который ориентирует поиск ответов, во-первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых – на критику аморализма, которым слишком часто отягощено стремление к успеху. В-третьих – на определение пределов «внедренческой» активности идеи успеха в жизнь общества, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора ценностей.

Непременное условие культивирования ценности успеха в ситуации становящегося гражданского общества в России – вето на ценностную копиистику, эпигонство, прямое заимствование развивающихся в других культурах моделей, в том числе технологий успешной деятельности, внешних форм ее признания и одобрения. Но аргументирует такое вето вовсе не ксенофобическое презрение ко всему «чужому», не установка только на «свое, почвенное». В основе вето – понимание особенности современной моральной ситуации в стране, суть которой в мозаичном сосуществовании традиционной, рациональной и пострациональной нормативно-ценностных систем. Вне такого понимания ценность успеха не найдет достойного места в системе ценностей становящегося в России гражданского общества.

ХАРАКТЕРИСТИКА наиболее важных аспектов успеха как ценности предполагает прежде всего обостренное внимание к самой достигательной парадигме деятельности. Речь идет о различении, с одной стороны, удачи, везения, фортуны, а также патерналистски отмеренной доли благ при всеобщем распределении или, наконец, просто самого по себе хорошего труда и полезного его результата, с другой – собственно достижений

человека. Успех отражает намеренность достижительной мотивации; эффективность инициированных действий; индивидуальную ответственность как за успех, так и за неуспех, значимые и для субъекта деятельности, и для общности и общества в целом; оценку цели и средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и обществом.

В специальных исследованиях различаются стремление к достижению успеха – и стремление избежать неудачи. И то и другое характеризуется, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху или степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи – чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех, и наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность. Без учета такого различия трудно составить современное представление о феномене успеха в его отличии от иных феноменов – труда, хорошей работы, эффективной деятельности, значимого результата и т.п.

Особенность людей с сильной мотивацией достижения: они стараются найти или создать ситуации, в которых могли бы получить удовлетворение от достижений. То, что другим приходится совершать из желания заслужить благодарность, сделать деньги или освободить время от работы, превращается в деятельность, стандарты совершенства которой определяются и соблюдаются по доброй воле. Это люди, которые сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние стимулы, зависящие от ситуации, и усердно стараются достичь этих стандартов. Не требуется особого воображения для предположения о том, что, когда в обществе появляется значительный ряд людей с высокой потребностью в достижениях, все вокруг них неминуемо приходит в движение.

Мы уже отмечали, что в традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус, но ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов и при становлении индустриально-урбанистической цивилизации – в «большом» социуме, в макромире гражданского общества. Как известно, отличие современного общества от традиционного заключается и в том, что современный человек, в отличие от человека традиционного, ориентирован не на воспроизводство жизни, а на достижение целей, и в том, что современное общество воспроизводит «достижительный» тип поведения, отчасти характерный для некоторых сегментов элиты традиционного общества, в массовом порядке. Мотивация достижения – норма такого общества, ее нарушители этим обществом маргинализируются. Пример проявления такой мотивации можно найти в деятельности пассионариев среднего класса – успешных профессионалов. Для них мало руководствоваться трудовой этикой, они не позволяют себе быть простыми адаптантами, им не свойственна ориентация лишь на выживание, они ориентируются на успех, позволяющий подниматься по ступеням жизни.

СЛЕДУЮЩИЙ шаг в идентификации ценности успеха предполагает соотнесение успеха с критерием эффективности и результативности деятельности человека, с одной стороны, с удачей – с другой. Известно, что всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, воспитательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер и, стало быть, заведомо «обречена» ориентироваться на достижение какого-то положительного результата. Хотя положительный результат, само собой разумеется, достигается отнюдь не везде и не всегда, однако стремление к нему заложено в механизмы человеческой деятельности как бы изначально, присуще ей по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и человек в своей многогранной деятельности повернут лицом к результату, стремится к нему – иного ему просто не дано. (Мы абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности.)

Сказанное выше относительно «обреченности» устремлений к положительному результату не вызывает сомнений в силу своей тривиальности. Но вправе ли мы по факту автоматически трактовать любой результат в качестве именно успеха? Не очевидно ли, что «результат» и «успех» хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия? Во-первых, личность, ориентированная на достижения, заинтере-

сована не просто в долгой, напряженной, кропотливой и проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти оптимальные пути, получить те же результаты при меньших усилиях и т.п. (эта сторона человеческой деятельности исследуется праксиологией, в том числе этической праксиологией, о которой пойдет речь в главе 6). Во-вторых, *эффективность* не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – «делать». «Производить эффект» – значит быть активным, а не просто подвергаться аффектам. В-третьих, в качестве соответствующих ценности успеха оцениваются не только праксиологические аспекты деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и аксиологическая «составляющая» целей человека успеха.

В практике словоупотребления *успех* иногда не достаточно различается от *удачи*. Казалось бы, вполне приемлем смысл слова «успех», зафиксированный в Толковом словаре В. Даля: «УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник – успешный делатель, у кого работа спорится»? Но отражено ли здесь различие между успехом и удачей? Подразумевается ли, что успех – это то, чего человек достиг именно собственными усилиями, а не благодаря стечению обстоятельств? Равны ли успех и удача этически? Речь идет не просто о спорности словарных дефиниций: в современной отечественной ситуации запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества, прежде всего те, что называются «новыми русскими» – не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. «Госпожа Удача» – весьма распространенная метафора успеха и для части современной элиты. И не в дополнение к успеху, а вместо «Господина Успеха». Широкую распространенность «заражения» психологией и этикой жизненной рулетки и доказывать не стоит. Достаточно вспомнить триумф телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на «поле чудес», поймать «счастливый случай», не прозевать «час фортуны» и т.п. И этот паллиатив – «удача» вместо успеха, ожидание «дара судьбы», стремление «поймать шанс» вместо того, чтобы сотворить его собственными усилиями и достижениями, – продолжает культивироваться. Причем в контексте выраженных в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно проявляющейся вероятностью смены реформаторских ориентаций на «стабилизационные».

В то же время «модель удачи» не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Дело еще и в том, что ключевые в характеристике ценности успеха понятия «выиграть» и «проиграть» утрачивают в этой модели один из своих важнейших смыслов – экзистенциальный, согласно которому «неудачники», «проигрывающие» не избегают личной ответственности, а «рожденный выигрывать» – это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение. «Модель удачи» принимает и вид конкуренции такими «достижениями», которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая стратегия, вполне естественная для условий несвободы, прямо противостоит «модели успеха», воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободного выбора, самонахождение стратегии ответственности.

Соотношение успеха и удачи как одну из важных линий в характеристике ценности успеха можно рассматривать в нескольких аспектах. Возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достижительной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. В этом случае для разведения понятий «успех» и «удача» подходят характеристики «обретший» и «сподобившийся». В то же время удача вполне может быть и моментом успеха: удача «находит» человека, стремящегося к успеху. В свою очередь, неудача может трактоваться как плохое стечение обстоятельств, упущенный шанс. А может – как итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха.

СОСТОЯВШИЙСЯ человек (по Далю: «Состояться, исполниться, сбыться, свершиться») – такая характеристика является важной гранью образа человека успеха. В том числе – успешного профессионала, который, не соблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И в этой оценке не обязательны ни «счастливый случай», ни проворная погоня за славой.

Состояться – значит успеть состояться. Если вспомнить еще раз Толковый словарь В. Даля, то в нем можно вычитать формулу «успешен тот, кто успел». Не следует ли из того, что тот, кто «успел», чуть ли не автоматически заражен психологией временщика? Напротив, успех состоявшегося человека долговременен, он несет свои идеи и цели всерьез и надолго. Успел достигнуть чего? Желаемого? Всего, чего желал? «По жизни», видимо, так и есть: построил дом, посадил дерево, вырастил детей – жизнь состоялась. Но характеристика «состоявшийся» в отношении человека успеха может повлечь за собой что-то принудительно фиксированное и привести к пренебрежению мировоззренческим содержанием успеха. «Успеть» в чем? В исполнении призвания. В чем, например, может состояться успешный педагог? В личностях учеников. Возможно, они преуспеют в жизни больше, чем их учитель, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает радость.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ успеха как ценности предполагает обращение к его символам. В достижительной цивилизации деловой и жизненный успех часто отождествляются со стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах: обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры. «Деньги. Статус. Слава». Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, отождествление успеха с этими символами не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и, как замечают исследователи, американцу гораздо проще установить, чего он достиг, чем выявить, кем он является (стоит отметить, что некоторые исследователи русского национального характера полагают, что русский мыслит прямо противоположно: ему не очень важно, чего он достиг, но он хочет понять, кто он есть). Пусть это кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном очень часто означает умение «делать деньги», и постоянно озабоченный реализацией этого умения человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В таком подходе успех неумолимо объективен и даже безличностен. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода. При этом успех означает не просто состояние «быть богатым» или же «быть знаменитым» (предположим, получить все это по наследству или в качестве щедрого дара – здесь лучше подходит понятие «удача»), а именно самому добиться и того и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью «стратификационного лифта»).

Однако мало ограничиться простой констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известности, шире – восходящей социальной мобильности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения и признания. В том числе в масштабах локальных пространств и организаций, корпораций, учреждений, служб или рассеянных профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Но не меньшую роль может играть трудноисчислимое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и относителен. Более того – во многом субъективен. Относителен в том смысле, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, пре-

тендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие – менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения, включая и сферу потребления. Субъективен в том, что одновременно и подвластен, и неподвластен измерениям с помощью объективных критериев. В нем всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв (в оценках, в самооценках, в сопутствующих образах и представлениях). Он определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется «только для себя», что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл.

Такие представления и оценки, понятным образом зависят от общего социокультурного контекста. Он просто не может не подталкивать личности, группы (команды) и организации к достижению положительных результатов их деятельности, к так или иначе поддающимся демонстрации достижениям, успехам. Притом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, либо энергично, может сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, помещая ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию. Эта среда может влиять – инерциально или артикулированно – на достигательную ориентацию, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (традиционные социумы), либо, побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы). Она способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к частностям «успехологии», к деталям и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности. И притом вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

СФЕРЫ ЖИЗНИ, в которых человек хочет и может преуспеть, многообразны. Наиболее очевидны такие сферы (виды) успеха, как *жизненный, деловой, профессиональный*. Правда, их соотношение не столь очевидно, особенно в нашей отечественной ситуации. Здесь до сих пор скорее важен вопрос о преодолении скептического, а то и вовсе негативистского отношения к теме *жизненного успеха*. Закон успеха Паркинсона, трактуемый автором через «умение жить», для еще недавно доминирующей отечественной идеологии звучал скорее как «антизакон». Сегодня мы еще только начинаем привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова «умение жить» избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и в действительности связываются прежде всего с мерой овладения человеком наитруднейшим из искусств – «искусством жизни». Привыкаем, но с трудом.

Для выделения из интегрального понятия «успех» понятия «делового» и «профессионального» успеха, стоит прежде всего отметить асимметрию последних, распространенную в современной отечественной практике. Как отмечают исследователи, превращение денег (видимого богатства) из фактора, сопутствующего успеху, в фактор, определяющий успех, а с ним и моральное самочувствие и положение в обществе, провело резкую черту между «деловым» и «профессиональным» видами успеха, за которой значимость профессионального успеха явно принижена. Разумеется, эта ситуация не отменяет полноценного значения делового успеха как такового: природа его наиболее выразительно проявляется не только в деятельности хозяйственной (труд вообще, предпринимательство особенно), но и в политической жизни, в управлении, в комплексе социально-педагогической деятельности и т.д.

Осознание современной цивилизации как цивилизации достижений, акцентирование в такой цивилизации места ценностных ориентаций на деловой успех, значимая роль конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в т.н. обществе развития и риска возвышают служение Делу и ответственность перед ним. Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает этика делового успеха. Исследование российской модели делового успеха – особая задача, но уже сейчас несомненно, что невозможно эту модель вырвать из

общецивилизационного – исторического и современного – контекста. Этот тезис относится как к классическим, так и к неклассическим идеализированным моделям успеха, как к локальным (национальным и региональным), так и к универсальным.

Современные отечественные модели делового успеха наследуют дооктябрьскую и советскую традиции. Поэтому важно понять нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха, в том числе философию хозяйствования в контексте различных этноконфессиональных культур. Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой – с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди его важнейших моментов – идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о «науке успеха» в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, нравственных коллизиях «бескорыстных преступников», конфликтах «нового освоения» и т.п.

Нормально устроенное современное общество выдвигает ценность профессионального успеха в число наиболее значимых социокультурных установок человека. В таком обществе профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

В отечественной ситуации и сегодня «профессионализм» и «успех» – понятия, которые мы в их отдельности столь часто и с такой непринужденной легкостью используем в обиходной речи, в своем сочетании нередко воспринимаются как чуждый нашему уху языковой феномен. Возможно, причина этого в том, что достижение профессионального успеха хотя и рефлексировалось в «советском» обществе даже в качестве витальной ценности, но сопровождалось таким количеством социальных преград и табу, что этот, вполне нормальный для цивилизованного общества, смысложизненный идеал был подвергнут кардинальной гиперсоциализации и, в конечном счете, выродился в причудливый этатистский псевдоканон, лишенный как метафизических оснований, так и всякого смысла для приватной жизни людей.

Критерии профессионального успеха формировались не в профессиональных сообществах, а спускались как бы «сверху» и «по инстанциям». Стандарты успешного профессионализма были, во-первых, заниженными (условно говоря, довольствовались «тройками», даже не «четверками»), что обуславливалось экстенсивностью модернизационных процессов и разрывом традиций интеллектуализма. Во-вторых, эти стандарты были сугубо эзотеричными, но никак не универсальными, и аккумулировались они в области «государственного человека», лояльность которого к власти и господствующей идеологии была условием куда более значимым, чем любые имманентные и эксплицированные достоинства его профессиональной культуры. Отсюда и индивидуальный успех оценивался подчас с неизменной оглядкой на мнение тех, кто отвечал за «здоровый дух» в обществе, а в народном мнении иногда воспринимался в категориях несправедливого и незаслуженного возвеличивания одной личности над остальными. В результате тот, кто и заслуживал высокой оценки с точки зрения профессиональных успехов, старался свои успехи не очень-то демонстрировать, а тот, кто праведными и неправедными путями умудрялся снискать (объективно незаслуженно) такой оценки у власть предержащих, чаще всего не получал апробации этой псевдооценки в своем профессиональном окружении. Словом, смысл и значение понятия «профессиональный успех» если и не были кардинальным образом окончательно извращены, то, фактически, всегда «симулировались» как в рамках всего общества, так и в узколокальных профессиональных кругах. Естественно, что долго так продолжаться не могло.

Вряд ли кто усомнится в том, что трансформация сегодняшнего российского общества представляет собой нечто большее, чем деформацию старого «советского» общества, хотя, видимо, еще долго будет реализовываться стратегия именно деформации. По крайней мере до тех пор, пока самым принципиальным образом не начнется переоценка ценностей и культурных стереотипов, бытующих в нашем постсоветском пространстве. И этот процесс уже идет: общество действительно обретает новое качество, мало-помалу освобождаясь от незатребованного современными условиями «старого» культурного ба-

гажа. Вполне вероятно, что реабилитация ценностей успешного профессионализма станет в этом процессе одним из приоритетных направлений.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности предполагает, во-первых, особое внимание к выбору ориентации на достижение как к *моральному выбору*: само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора.

С одной стороны, признаком свободы такого выбора является возможность отношения к успеху как к смыслу и значению, долгу и ответственности, морально возвышенной жизненной цели, образу «плана жизни», тому, что *вдохновляет* человека. Разумеется, повседневный опыт нередко показывает, как стремление к успеху вполне может оказаться и отлученным от смысложизненного измерения, начисто лишенным метафизичности. Но предельное обобщение этого факта будет, в лучшем случае, заблуждением неведения, ибо успех вполне может и должен быть рассмотрен как своеобразное решение метафизических проблем – смысла жизни, призвания, служения, ответственности и т.п. Потребность быть сопричастным тому, что придает смысл человеческому существованию (идея, вера, дело, дети... – «дом души» у каждого свой), и в этой сопричастности не быть забытым, потерянным, а быть замеченным, именованным, *окликнутым* и тем самым выделенным, признанным – дает основание говорить, что и сам смысл жизни, в свою очередь, может быть рассмотрен как выражение представлений об успехе. Разумеется, возможен и необходим разговор о разных пониманиях самого смысла жизни, но не правомерен тезис о безразличии к нему этики успеха. Ценность успеха прямо связана с проблемой «во имя чего».

Как известно, М. Вебер выделил три «картины мира» и три способа отношения к миру, которые предопределяют направленность жизнедеятельности человека, вектор его социальных действий. Первый способ он определял как приспособление к миру, второй – как бегство от мира, третий – как овладение миром. Конечно, при желании и в первой, и во второй установке можно отыскать место для понятия «успех» – как достижения в процессе приспособления к миру или бегства от него. Но это – лишь формальный метод использования понятия. По существу дела ориентация на успех возможна лишь в рамках третьей «картины мира» и установки на овладение миром – активистской ориентации, побуждающей к деятельности «в миру» («внутримирская аскеза»).

В то же время признаком свободы мировоззренческого выбора ориентации на успех является и рациональное отношение к венчурному – в моральном смысле – характеру такой ориентации, к ее амбивалентности, порождающей моральные дилеммы успеха, атрибутивные моральные конфликты достигательной деятельности и поиск способов их разрешения. По поводу дилемм, типологию которых еще только предстоит разработать, следует сделать два замечания. Во-первых, само по себе эмоциональное проклинание «Ее Сучьего Величества Успеха» является подходом поверхностным. Плодотворнее – рациональное понимание природы моральной конфликтности идеи успеха. Во-вторых, эти дилеммы не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо и ригористическое отношение к самому факту существования дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе.

С другой стороны, невозможно – и нет необходимости – изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика долга и этика любви (с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха); стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, в том числе стоицизм с установкой на деяние без надежды на успех; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п. Поэтому существенная грань свободы выбора – моральная свобода уклонения от ориентации на успех. Идея признания права на иные жизненные пути, выбора своего направления в жизни является значимой в этике успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это – естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости. В стране с дол-

гим засилием патернализма поддержка такого чувства особенно важна. Но этика успеха культивирует и *меру* этого чувства. Поэтому значимая роль этики успеха – решение ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных ориентаций. Этика успеха не только ориентирует на достижения, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны «достигших» по отношению к «отставшим» или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отношение людей успеха «первого разряда» к «безразрядным» – пока не замеченным и не признанным. При этом напоминая, что чувство мнимого морального превосходства взобравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе «застрял» у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности предполагает, во-вторых, особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям. Деятельность по *правилам честной игры* – так можно коротко определить задачу кодекса человека успеха. Субъекты амбициозные, инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за достижением, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранным Планом жизни, – герои этих правил.

5.4.2. Профессионализм

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ – наиболее бесспорная ценность гражданского общества. Очевидный тезис? Скорее «да», если иметь в виду *место и роль* этой ценности в становлении и развитии гражданского общества: существенным признаком модернизации является глубокая профессионализация общества. Не случайно, например, вопрос к человеку, идентифицирующему себя со средним классом: насколько важна для него такая ценность, как профессионализм?, – воспринимается им как *риторический*. Скорее «нет», если иметь в виду рискованность доверия к «самоочевидности» в понимании *содержания* этой ценности, связанного с неоднозначностью представлений о природе профессионализма в практике как обыденного, так и теоретического языка¹⁶. Рискованность доверия к самоочевидности даже такого категорического ответа на вопрос о самоидентификации, как «самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая». Поэтому при идентификации профессионализма как бесспорной ценности гражданского общества важно иметь в виду ряд ограничений.

Во-первых, за «очевидностью» может скрываться ограниченная – «функциональная», «технологическая», «операционная» – трактовка профессионализма, под которым в таком случае подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Иначе говоря, трактовка, в которой не содержится хотя бы элементарных признаков *нормативно-этического* порядка. Но и в тех случаях, когда (стремясь уйти от обеднения понятия профессионализма, т.е. ограничения его суммой «чисто профессиональных» знаний и навыков) в его содержание включают, например, щепетильное отношение к вопросам профессиональной чести, природа профессионализма еще не раскрыта: за рамками рассуждений остаются *мировоззренческие* аспекты, связанные с *миссией* профессии.

Во-вторых, уверенность в очевидности тезиса о профессионализме как бесспорной ценности гражданского общества на самом деле может быть и следствием (не)намеренного неразличения и даже отождествления, с одной стороны, собственно *профессии*, с другой – *любого рода занятий, типа работы, вида деятельности, специальности и т.п.* Неразличения, приводящего и к пренебрежению ролью социальной *миссии* профессии – в отличие от *функциональной* природы специализации человеческой деятельности.

Таким образом, характеристика профессионализма предполагает: а) несводимость признаков профессионализма к *операционным* качествам, необходимым любому ква-

лифицированному специалисту (разумеется, в той мере, в какой можно и нужно различать операциональные качества профессионала и специалиста в каком-либо виде деятельности, не забывая об их сходстве в целом ряде отношений), и понимание того, что профессионализм предполагает – наряду с компетентностью и авторитетом технического плана – *моральное содержание*; (б) апелляцию к миссии профессии, ее социальной ответственности, профессиональному призванию и служению. А также необходимость как оправдания, так и ограничения *власти* профессионалов над людьми и т.п., а уже поэтому – саморегулирование профессии. И если, например, доказательство нравственного значения такой ценности гражданского общества, как *рациональность*, предполагает оппонирование привычной дилемме «подлый разум» – «чистая совесть», то выявление *нравственного содержания* профессионализма подразумевает снятие абсолютизации роли наиболее очевидной по значению – *операциональной* – стороны профессионализма и намеренное акцентирование роли его *мировоззренческого* элемента. В противном случае велик риск доминирования технократических ориентаций. Поэтому и в *апологии*, и в *критике* профессионализма, во всяком случае в их отечественной версии, ценностный акцент весьма значим.

МЕСТО *мировоззренческих аспектов профессионализма* проясняется при попытке рассуждения о том, что вообще побуждает людей войти в мир профессий и стремиться к высотам профессионализма. Опасения относительно сползания в прошлое допрофессионализированных социумов – если и не полностью, то в значительной мере? Несомненно. Нужда, материальные выкладки, зуд честолюбия, упоение властью, которую сулит монополия на знания, престижный статус? Несомненно. В тех или иных пропорциях, в различных комбинациях эти мотивы присутствуют в сознании профессионалов и не могут быть сброшены со счета в обычных обстоятельствах. Но уместно вспомнить, что М. Вебер предлагал различать «истинного» профессионала – и лишь отчасти такового, профессионально идентифицированных – и неидентифицированных, как бы ни было трудно произвести такую разграничительную операцию. При этом Вебер обращал внимание на внутреннее единство *жизненного призвания и профессионального самоопределения*.

Подлинный профессионал не пренебрегает материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы иногда неряшливо называем моральным удовлетворением. Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (не тщеславия). Но *смысл* своей деятельности настоящий профессионал черпает в другом – беззаветном служении Делу. Не обязательно жертвенном, но, во всяком случае, приуготовленном к нему. Он «охвачен» страстью самоотдачи и верности Делу. Конечно, «призванных» в таком плане гораздо меньше, нежели просто «званных», вообще вовлеченных в профессиональную деятельность. Это тот самый случай, когда *ничто* или есть или его нет.

Но не слишком ли хороша идея жизненного призвания, предназначения для грешного рыночного мира? Лапидарная формула такого призвания гласит: не насилие над свободой через подневольную деятельность, а освоение, «обживание» свободы путем служения Делу, использование многообразных возможностей, предоставляемых рынком для повышения эффективности общественного капитала и приращения на такой основе капитала духовного. Значит, не только и не столько доходом как таковым мотивирован подлинный профессионал – им он лишь измеряет успешность ведения своего дела. Не денег алчет он, не по богатству томится, не обусловленной ими власти жаждет (хотя и не чурается их: думать иначе было бы непростительной наивностью). М. Вебер говорил о профессиональном призвании, соединяя призвание *внешнее* – как источник экономической независимости («честное пропитание профессионала») – с *внутренним призванием*, подкрепленным психологическими наградами как платой за «нервную работу», но, в первую очередь, этической значимостью этой деятельности. Поэтому Вебер обращал внимание на то, что жизнь профессионала носит известный отпечаток аскетизма: «дело» и «отрешение», отказ от фаустовской многосторонности взаимосвязаны в стиле жизни.

Конечно, следует учитывать изменения в сути профессионального призвания, которые произошли, начиная с эпохи его зарождения в истоках Нового времени и первичного философского осмысления и вплоть до наших дней. В современном мире – мире современной секуляризации, омассовленных профессий и создания «фабрик» по конвейер-

ной штамповке специалистов – эта суть освободилась от многих черт внутримирского аскетизма («трудись и молись!»). В этой связи одни исследователи указывают на неоскептическую интерпретацию профессионального призвания («неудержимое потребительство угрожает глобальной экологической катастрофой»). Другие – на вытеснение этико-религиозного «вертикализма», которому приходится потесниться в пользу вполне рационального этического «горизонтализма», иначе говоря – в пользу апробации профессионального долга и идеи призвания, служения Делу с помощью групповых норм, санкций и прочих средств контроля со стороны социопрофессионального сообщества. Современному профессионалу свойственно желание глубокого душевного равновесия, «полного и честного расчета с жизнью и самим собой» (так однажды, но совсем по другому поводу, выразился писатель Ю. Домбровский). Наверное, оно сродни чувству удовлетворения, которое возникает у любого беспокойного мастера своего дела, что, между прочим, не выключает механизмы постоянного недовольства собой как мотива самосовершенствования.

ТРУДНОСТИ характеристики профессионализма как одной из базовых ценностей гражданского общества связаны и со спецификой процессов профессионализации нашего общества. Многие исследователи усматривают в этих процессах один из позитивных итогов долгого коммунистического правления, важнейший аспект продвижения России по пути модернизации и одну из гарантий невозможности вернуть страну на исходные позиции. Соглашаясь с подобным тезисом в принципе, нельзя выводить за пределы анализа и достаточно известный антитезис: обрели мы во многом формальную профессионализацию или полупрофессионализацию (феномен «образованщины», появление многочисленных «дилетантов с дипломами»). Те, кого именуют профессионалами, очень часто (слишком часто, чтобы воспринимать это в качестве исключений) не располагают необходимыми знаниями или компенсирующим их недостаток соответствующим опытом. Запасов таких знаний вряд ли хватит на то, чтобы именовать их интеллектуальным капиталом, который обеспечивает владельцу социальную независимость (в том числе и от государства как главного работодателя и «подателя» всех благ) и статус, подкрепленный вызывающим уважение уровнем доходности и престижности занятий.

Кроме того, полупрофессионализация и формальная профессионализация отрицательно влияли на способность профессионалов продуцировать *этику профессионализма*. Ведь успешное исполнение функций во всех сферах приложения профессионального труда предполагает взыскательные требования к квалифицированности и компетентности специалистов и в том случае, когда социальные обстоятельства оказываются неблагоприятными для этого. Более того, именно в таких обстоятельствах необходимо насыщение высокого профессионализма способностью к глубокому осознанию своей ответственности, готовностью безукоризненно исполнять свой профессиональный долг. А пренебрежение ценностями профессиональной этики, умаление значимости ее норм, своеобразной ценностной «логики», негативно влияет как на качество работы специалистов, так и на статус в обществе профессиональных групп и соответствующих ассоциаций.

ИНАЧЕ ГОВОРЯ, отвечая на вопрос о том, очевиден ли тезис «профессионализм – наиболее бесспорная ценность гражданского общества», формулой «скорее “да”», важно иметь в виду адекватность этой ценности лишь природе *развитого* гражданского общества и, напротив, пренебрежение этой ценностью или ее искажение в авторитарных (тоталитарных) обществах. Например, одним из негативных моментов советского периода процесса профессионализации нашего общества являлось постоянное давление на профессиональные группы и организации со стороны партийно-государственной бюрократии, которая держала под плотным идеологическим и административным контролем умонастроения и все проявления духовной жизни в профессиональных средах. Более того, еще совсем недавно (с точки зрения исторического времени), в советский период жизни нашей страны, была характерна *амбивалентная* ситуация: одновременное существование двух противоположных тенденций – «табу на профессионализм» и «идеологии профессионализма». Противоположных, потому что в первом случае понятие профессионализма трактовалось в положительном смысле, а во втором – в негативном. Соответственно, в первом случае речь шла об апологии подвергнувшегося политическому и культурному табуи-

рованию профессионализма, а во втором (в конечном счете) – о критике профессионализма.

Как показано в специальном исследовании первого из этих феноменов¹⁷, он характеризуется тем, что смыслы понятия «профессионализм» соотносились не с такими ценностями, как социальное творчество, свободный выбор человека, а с политической лояльностью т.н. «профессионалов». Именно «так называемых», ибо понятие «профессионал» не культивировалось. Это объясняется уже тем, что для развитого гражданского общества «профессиональная идентичность» непосредственно связана с саморегулированием профессии, т.е. формированием автономных профессиональных корпораций, осознанием профессиональной миссии, формированием профессионально-нравственных кодексов. А для советского государства было неприемлемо существование такого рода ассоциаций, выступающих в роли прослойки между государством и человеком. Неизбежностью образования саморегулируемых профессиональных сообществ и было вызвано табуирование понятия и явления «профессионал», «профессионализм». А вот «специалист» – более приемлемая для тоталитарного режима управления *функциональная* идентичность. В итоге в обществе действовал искаженный образ «профессионализма» и «служения профессии».

Что касается второго феномена – «идеологии профессионализма», то, по мнению его исследователей¹⁸, такая идеология выступала как реакция на систематическую идеологизацию общества и служила для советской интеллигенции механизмом морально-психологической самозащиты. Соответственно, интеллигенция выдвигала на роль «образца совершенства» не моральные или гражданские ценности, а ценность профессионализма. При этом образ профессионализма, который подразумевается исследователями описываемого феномена, нагружен – в отличие от случая с «табу на профессионализм» – негативным смыслом. По их мнению, эта идеология исходит из представления о том, что ценность личности определяется не индивидуальным своеобразием, духовным богатством внутреннего мира, но овладением «унифицированными навыками».

Такая оценка полемически оправдана, если сводить профессионализм к так называемому «профессиональному кретинизму». Однако конкретизирующий признак «идеологии профессионализма» представляется еще более спорным. Исследователи полагают, что профессионализм как ценность среднего класса не просто «нивелирует личность», но и «конвертирует в совершенство средние способности». Получается, что плоха не только «идеология профессионализма», но собственно профессионализм. В том числе потому, что на него как на ценность ориентируется средний класс.

Профессионализм действительно можно – и даже необходимо – охарактеризовать как идеологию среднего класса. В этом смысле вполне оправдано говорить и о буржуазности, и «срединности». Но и смыслы слов «идеология», «профессионализм», «срединность» могут с достаточным основанием употребляться и без негативного значения.

Чтобы подчеркнуть спорность отождествления смысла прилагательного в понятии «средний класс» со «средними способностями», можно привести в качестве примера богатство подходов к теме «срединности» в суждениях самих профессионалов – агентов среднего класса, – вовлеченных в процесс самоидентификации. *«Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности»; «Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного»; «“Средний” – не значит “трючник”. “Средний” – основательный “хорошист”»; «Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым; его реальная ценность исключает чувство неполноценности»; «Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”»; «Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех»¹⁹.*

Базовой ценностью этоса среднего класса действительно является профессионализм, и эта ценность вполне согласуется с ценностями этики гражданского общества. Профессионал – действительно ключевая фигура среднего класса. В составе этого класса определенную часть образуют предприниматели, агенты бизнеса – большей частью мелкого и среднего, но численно преобладают люди других профессий и специальностей: менеджеры, лица свободных профессий, рабочие высокой квалификации, инженеры, чи-

новники, учителя, врачи, ученые, юристы, научно-педагогические работники. И именно ориентирующая их ценность профессионализма оказывается не менее существенным консолидирующим фактором гражданского общества, чем их же уровень благосостояния и общественный статус. Не мифическое право социального наследования, а выраженные ориентации на профессиональный успех и реальный факт состоявшегося успеха профессионала – потенциал этоса среднего класса.

Стремление человека среднего класса к профессионализму вдохновляется отнюдь не пренебрежением к богатству внутреннего мира человека или к гражданской позиции. И, как уже говорилось выше, не своекорыстными калькуляциями (что не девальвирует роли профессиональных, в том числе и материальных интересов), а ценностями нравственного порядка: соответствующая деятельность ориентируется и регулируется задаваемыми профессиональной этикой миссией и «правилами игры».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень, 1990; Они же: Игра по правилам: политическая этика в гражданском обществе. М., 1991; На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции; Будь лицом: ценности гражданского общества / Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова. Т.1-2. Томск: Изд-во ТГУ, 1993.

² Приходится воздерживаться от злоупотребления понятием «общественное благо», так как оно легко затушевывает то обстоятельство, что сообщество не является гомогенным образованием, где благо одних гармонически сочетается с благом других (см.: Хейфе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. С. 42).

³ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. С. 22.

⁴ Там же. С.26. В приложении «А», под названием «“Естественное” против “искусственного”», автор предлагал свою версию интерпретации данных понятий в духе культурного эволюционизма.

⁵ Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Моск. школа политич. исследований, 2003. С. 99.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ См.: Wuthnow R. Meaning and Moral order. Explorations on Cultural Analysis. Berkeley: University of California Press, 1987. P.79-91; Согомонов А.Ю. «Культура шанса»: две интерпретации «простой» современности // Ведомости. Вып. 22. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. С. 78-87.

⁸ Де Жувель Бертран. Этика перераспределения. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1995. С.43.

⁹ Гегель. Философия права. М.: Наука, 1990. С.90.

¹⁰ См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

¹¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. С.142.

¹² Вебер М. Указ. Соч. С.696.

¹³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. С. 186-214.

¹⁴ См., напр.: Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

¹⁵ См.: Апология успеха: Профессионализм как идеология российской модернизации; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика успеха. Введение в доктрину. Спецкурс. Тюмень-Москва, 1996; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу // Этика успеха. Вып.10, специальный. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха; МакКлелланд Д. Достижительное общество. Главы из книги // Ведомости. Вып. 14-17. Тюмень, НИИ ПЭ, 1999-2000; Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000; Перминова С.В. Перспективы этики успеха в современной России // Ведомости. Вып. 11. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998; Российская идея успеха: экспертиза и консульта-

ция // Этика успеха. № 11. Тюмень-Москва, 1997; Согомонов А.Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: ООО «Солтэк», 2005; Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. СПб., 1990; Хубер Р. Деньги. Статус. Слава. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 2. Тюмень-Москва, 1994; Хубер Р. Моральные дилеммы успеха. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Этика успеха. Вып.1-11. Тюмень-Москва, 1994-1997; Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003 и др.

¹⁶ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Общепрофессиональная этика // Ведомости. Вып. 25. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этнос среднего класса: нормативная модель и отечественная реальность; Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень, 1994; Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996; Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень, 1994; Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий; Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып. 2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Российская модель профессионального успеха // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм // Этика науки. Ведомости. Вып.18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001; Становление духа университета: опыт самопознания; Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра // Ведомости. Вып. 3. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996; Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию // Неприкосновенный запас. № 1. 2000 и др.

¹⁷ См.: Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм.

¹⁸ См.: Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию.

¹⁹ См.: Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса.

Глава 6

Моральный выбор как *modus vivendi* прикладной этики

В главе 2 мы попытались показать, что в природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики. *Сущностная предпосылка*. Прежде всего потому, что ситуация выбора – универсальная структура приложения. Казалось бы, далее достаточно лишь *распространить* эту характеристику феномена морального выбора на все многообразие сфер прикладных этик. Сосредоточившись на поиске критериев, позволяющих идентифицировать ситуации выбора, возникающие в «малых системах» этики гражданского общества, как ситуации именно *морального* выбора, нормы которого отличны от множества пара- и неморальных регулятивов – «правил игры», «стандартов поведения», «регламентов» и т.п.

Однако прежде, чем решать эту конкретную задачу, к стати, тоже задачу приложения (в одном из его многих значений), необходимо сделать важный шаг – перейти от трактовки природы морального выбора как *предпосылки* прикладной этики к трактовке морального выбора как одного из *оснований* прикладной этики, *способа ее существования*. И может быть даже так: способа существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*.

В первом параграфе этой главы рассматриваются два аргумента в пользу идентификации морального выбора как науки и искусства приложения: *тотальность* ситуации выбора и *рациональность* морального выбора. Далее следуют три параграфа, каждый из которых последовательно раскрывает один из аспектов идеи рационального морального выбора как *инвариантного основания* многообразия прикладных этик: выбора определенного типа нормативно-ценностной системы (моральное творчество в общественном масштабе); выбора как креации и интериоризации «малой системы» (выбор профессии); этико-праксиологического основания морального решения (выбор поступка). При этом первый и второй аспекты мы представим посредством анализа результатов двух этических экспертиз, а третий – через краткое изложение прикладного потенциала нашей концепции этической праксиологии.

6.1. Моральный выбор как наука и искусство приложения

В ситуации выбора субъект поставлен перед необходимостью принятия решения о предпочтении одного из вариантов поступка: есть объективная возможность выбора и все зависит от способности субъекта проявить нравственную активность, принять достойное и эффективное решение и исполнить его. Этот «вызов-запрос», содержащийся в ситуации морального выбора, получает свой *ответ* в прикладной этике. Рассматриваемой нами *науке и искусстве* морального выбора, который, в свою очередь как наука и искусство приложения.

Приложения, которое, как было показано в главе 3, лишь в малой степени похоже на элементарную *аппликацию*, ибо предполагает рациональную процедуру *конкретизации*. *Рациональную* процедуру морального творчества. Поэтому *ответ* прикладной этики (в ипостаси *нормативно-ценностной системы*) выражается в виде рациональных оснований: предпочтения субъектом, принявшим саму моральность, в пользу нормативно-ценностной системы гражданского общества (этика гражданского общества, «постестественная», рациональная мораль); предпочтения субъектом, принявшим нормативно-ценностную систему гражданского общества, в пользу ценностей и норм той или иной конкретизированной морали – в рамках изобретения гражданским обществом «малых систем», конкретизированной («прикладной») нормы и т.д.; выбора, совершаемого субъектом в такой ситуации приложения, как нормоприменение (в том числе морального решения в ситуациях нравственного конфликта). И не только в ситуациях, характерных для «малых систем», но, *в допустимой мере*, и в ситуациях частной жизни, межличностных отношений и т.п.

Что касается *ответа* прикладной этики (в ипостаси *проектно-ориентированного этического знания*), то он выражается в виде обеспечения рациональных оснований выбора субъекта посредством «технологического» – моделирующего, экспертирующего, проектирующего, консультирующего и т.п. – потенциала этико-прикладных исследований и культивирования фронестической способности субъекта.

И в любом случае *ответ* прикладной этики – рациональные основания выбора субъекта в ситуации приложения как акта морального творчества. При этом *рациональное основание* выступает отнюдь не в ипостаси «арифметического расчета», «пошлого благоразумия», не в карикатурных формах, к которым нередко сводится реальный конфликт «совести и разума» в морализаторских диспутах, кстати, не различающих сферу частной и публичной жизни. И даже не только в ипостаси праксиологического подхода. Но, наряду с праксиологическим, точнее, *этико-праксиологическим*, в ипостаси «постестественной», «рациональной» морали как определенного типа морали, присущего гражданскому обществу.

6.1.1. Тотальность морального выбора

ПЕРВЫЙ аргумент в пользу тезиса о моральном выборе как способе существования прикладной этики заключается в указании на *тотальность* ситуации морального выбора во всех сферах и значениях *приложения*. Во всяком случае, мы надеемся, что этот признак прикладной этики в необходимой мере *очевиден* после характеристики феномена морального выбора во второй главе и потому уклонимся от процедуры *вторичного анализа* панорамы представленных в той главе ситуаций.

Однако нам предстоит подкрепить тезис о тотальности ситуации морального выбора для всех сфер и значений *приложения* анализом сюжетов из сферы «малых систем» – они не были представлены в панораме. Попытаемся сформировать соответствующую панораму ситуаций, подбирая их как из сферы прикладной этики в ипостаси нормативно-ценностной системы, так и из сферы прикладной этики в ипостаси теоретизирующего знания. Но при этом выбирая их не по критерию (не)причастности проблематики к буму прикладной этики последних лет, а по критерию нашей авторской причастности к разработке направлений прикладной этики.

* *Ситуация из сферы «этики образования».* Размышляя на тему «Первый и Последний в классе», С.Соловейчик в интервью одному из авторов этой монографии для журнала «Этика успеха» так охарактеризовал ситуацию морального выбора в деятельности педагога: «Возможны, по крайней мере, две ценности, два критерия педагогического успеха. Один из них – дело, то есть знания, прохождение программы, реальное умственное развитие детей. Другой – чувство внутреннего достоинства, обретенное ребенком, самоопределение ребенка с точки зрения его места в окружающем мире и отношения к нему как равноценному человеку, какие бы у него ни были способности. Знание или достоинство – вот как формулируется проблема. Нельзя ли сформулировать иначе, через “и”? Во всем мире, на практике, реально получается именно “или”. ...Теми методами, которыми обладает сегодня учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям, а когда вы начинаете давать знания способным детям и хотите таких же знаний от неспособных, то чем ниже у Последних шкала способностей, тем больше вы унижаете их достоинство, тем больше они чувствуют себя второстепенными, третьестепенными и десятистепенными».

* *Ситуация из сферы этики успеха.* Этот тематически «смежный» с приведенным выше сюжет – из разрабатываемой нами в качестве самостоятельного направления прикладной этики концепции этики успеха, пронизывающей многие, если не все, «малые системы», – о дилеммах этики успеха на примере поиска американской культурой своей идентичности. «*Ее Сучье Величество или застенчивая дама?*» – так Р. Хубер, автор книги «Американская идея успеха» (большая часть которой переведена и опубликована в нашем журнале «Этика успеха»), формулирует инвариант амбивалентности идеи успеха. «Вероятно, формы обеих (альтернатив. – В.Б., Ю.С.) вытканы на гобелене американского опыта. Он представляет собой механизм взаимоотношений, в котором форма и сущность одного зависит от другого. Как распутать менее приятную нить, не меняя специальных качеств механизма?», – спрашивает Р. Хубер и отвечает, что «специальные качества такого устройства частично сотканы из дилемм идеи успеха». Одна из них: «оправдатель-

ная дилемма самоотдачи против своекорыстия» представляет собой, с точки зрения автора, моральный вопрос, который пытается разрешить идея успеха. «Возможно ли быть христианином и капиталистом одновременно? Нам следует быть любящими, добрыми и готовыми к самоотдаче. Однако мы живем в мире, в котором мы должны быть своекорыстными, жадными и преследующими собственные интересы».

* *Ситуация из сферы журналистской этики.* В интервью для нашего проекта «Моральный выбор журналиста» В.В. Познер на вопрос «какие сюжеты всплывают в его сознании, когда он слышит выражение “журналист в ситуации морального выбора?”» ответил: «это не один сюжет, это бесконечные сюжеты, это вся жизнь. Каждодневная жизнь профессионального журналиста есть постоянный моральный выбор. Наиболее, наверное, драматичный выбор – между благополучием и возможным неблагополучием. Например, между пониманием, что в зависимости от того, что ты скажешь, власть или твое руководство выразят недовольство, и ты даже можешь потерять работу, – и пониманием того, что есть твой журналистский долг. Выбор между благополучием жены, детей, твоей семьи – и правдой, при этом правда умозрительна, а семья совершенно конкретна».

* *Ситуация из сферы этики воспитания.* Идет заседание ректорского семинара в ТюмГНГУ, проводимого совместно с НИИ прикладной этики. Тема – «Идеи и ценностные ориентиры современного воспитания». Один из пунктов программы семинара – «Воспитатель в ситуации выбора». Для рефлексии участников семинара предложено описание альтернатив выбора. «Ситуация советского общества отличалась признанием лишь одной системы ценностных ориентиров воспитания. Современная ситуация характерна одновременным сосуществованием различных – в том числе и противоположно ориентированных – ценностных систем. Одна из них знаменует возврат к доктрине коммунистического воспитания. Причем проблема возврата радикализируется в установке на “выбор прошлого” – слегка подкорректированное под современность знаковое “светлое будущее” с присущим этой идеализированной модели набором неотрадиционалистских ценностей, с реанимацией пропитанных этими ценностями форм воспитательной деятельности. Другую систему характеризует освоение потенциалов свободы для серьезной реконструкции целей и способов воспитательной деятельности на основе либеральных ценностей (в сотрудничестве со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности), для лучшего понимания ее общественной значимости, для выбора будущего нашей страны как демократического общества». Вопрос для обсуждения на семинаре: что делать воспитателю в ситуации вариативности ориентиров, каковы основания его выбора?

* *Ситуация из сферы бизнес-этики.* Интервью у одного из участников рубрики «Биография побед и поражений» журнала «Этика успеха»: «Считаю своим успехом то, что родился не слишком рано и не слишком поздно. Это главный мой успех: родился *во время*. Выбор – это самое главное, что мне представило его время. ...Я чувствовал, в себе достаточно сильный, как я сейчас только понял, частно-собственнический инстинкт. Но не в смысле инстинкта накопительства – я не считаю себя жадным человеком, – а в том смысле, что во мне росло очень сильное желание вспахать своё собственное поле. Горбачёв дал мне возможность завести своё поле и на этом поле рисковать, высаживать всё, что угодно. Дальше я мог двигаться как мне хочется: мог остаться в научно-административной среде, а мог и перейти в систему свободного предпринимательства. И я выбрал для себя свободный полет. ...Был период кризиса, когда я понял, что построил для себя идеальные схемы, что на самом деле для занятий бизнесом в России нужен определенный цинизм, достаточно серьезный пересмотр своих морально-этических принципов. Мои решения уже не могли строиться на тех основах, на которых меня воспитали мама-папа и пионерский отряд. Например, я столкнулся с такой проблемой, как взятки. ...Сегодняшние реалии во многом отличаются от того первоначального представления, которое у меня было в голове, и которое я искренне пытался привнести в свое дело. Я увидел, что ребята, которые работают по правилам, идут на дно. Ребята, которые приспособливаются к ситуации, не позволяют себе никаких иллюзий, выживают. Есть и третья категория людей, которые формируют новые правила игры, более агрессивные, более жесткие, более российские. Но с ними мне было не по пути. Я не мог себя заставить вести более агрессивно – исходя из моего происхождения, воспитания, трудно было вычеркнуть все эти начала».

* *Ситуация из сферы политической этики.* В выступлении на парламентских слушаниях, организованных Комиссией по депутатской этике Государственной думы РФ, один из авторов этой книги предложил участникам слушаний сюжет о профессионально-этическом самоопределении депутатства относительно правил честной игры. «Сердцевиной политической этики являются ценности честной политической игры в ситуации морального выбора: такая ценность своеобразно соотносена с правилами политической целесообразности. Политик обязан быть *успешным* деятелем, ориентироваться на достижение своих целей по принципу максимизации. Долг депутата – проводить именно такую установку; в противном случае вся его легислатура (срок полномочий) обесмысливается. Но ориентация на профессиональный успех нравственно оправдана лишь в том случае, если не нарушается другое, не менее существенное должностное требование. Речь идет о необходимости соблюдения правил честной игры (не лицемерить, не обманывать, держать слово, выполнять взятые обязательства и т.п.) *независимо* от того, выгодно или невыгодно это делать в каждом конкретном случае. *Соединить* одновременно критерии успешности с критериями честности, то есть лишь *в конечном счете* сплавляемые стратегии поведения, не просто: нельзя уклониться ни от одной из них. Можно, конечно, сослаться на логику политической необходимости. Но на почве такой «логики» легко вызревают политическое двуличие и цинизм, которых вскоре перестают стыдиться, которыми подчас бравируют, почитают за доблесть. В то же время политическая этика не допускает смешения честности с грубой прямолинейностью, негибкостью, наивностью, которые противопоставлены политике. Умение лавировать, находить хитроумные ходы, идти на компромиссы и т.п. – качества, совершенно необходимые депутату. При этом они вовсе не означают одобрения беспринципности, бессовестности, демагогии. Подобно тому, как можно было побеждать в безупречно честном рыцарском поединке или на дворянской дуэли с очень высокими ставками при проигрыше, так и в политике можно вести честную игру и добиваться успеха, о чем свидетельствуют биографии выдающихся политиков».

* *Ситуация из сферы профессиональной этики.* Участник нашего проекта «Городские профессионалы», геолог В.И. Шпильман, обсуждает тему писаных или неписаных «правил игры», избираемых профессионалами. Отмечая сложность краткого ответа для характеристики своего первого правила, он воспользовался цитатой из песни Андрея Макаревича: «Я давно уже не вру, врать вообще не хочется, самому себе не врать во сто крат трудней». И все же дал комментарий профессионала: «очень трудно, проводя исследования, занимаясь геологической аналитикой, не соврать. Ты потратил очень много сил, но одна точка на графике ложится “не туда”. Может быть, и бог с ней? Трудно не соврать – своей профессии, самому себе? Но ты должен иметь мужество сказать соблазну упрощения “нет”. Как часто эта, случайно не лежащая “туда”, точка потом оказывается самой важной. Думаю, что это правило и для профессии, и для жизни в целом».

* *Ситуация из сферы этики науки* – из сферы науки, называемой «*прикладная этика*». На упомянутых выше Парламентских слушаниях по депутатской этике один из авторов этой монографии так сформулировал ситуацию выбора, в которую он считал себя вовлеченным, когда занялся исследованием проблем прикладной этики. «В отношении к исследовательской работе над проблемами парламентской этики есть три сходных сценария. Первый: бежать от этой темы подальше, ибо какая же может быть *этика* в деятельности наших парламентариев, известных как средоточие всех возможных грехов. Что политическая этика, что предпринимательская – парадокс в самом названии! Второй: исследовать-то, может быть, и надо, но с предельной настороженностью и критичностью – как бы незаметно не стать адвокатом депутатских нравов. Третий: предмет исследования вполне привлекателен, отличная возможность проявления “научного любопытства за казенный счет”. Решение? Если бы это выступление состоялось не *сегодня*, а много лет назад, когда мы принесли свой первый проект в депутатскую комиссию по этике Верховного Совета СССР, то, наверное, выбрали бы *третий* сценарий. И это было бы естественно для того – окрыленного романтическими ожиданиями – времени. А сегодня? Первый вариант? До такого *катастрофизма* мы еще не дозрели. Да и вообще в *чистом* виде нам, как исследователям проблем парламентской этики, не нравится *ни один* из трех вариантов. Первый – уже тем, что в нем не различается *мораль* как должное и *нравы* как сущее. Второй – отводит деятельности исследователя лишь две полярные роли: либо адвоката, либо прокурора. Третий – своей наследственностью, геном социализма. По-

этому мы сконструировали еще один – *понимающий* – вариант. Он позволяет увидеть отечественную парламентскую этику на реальной шкале исторического времени, т.е. в определенной – переходной – ситуации, как *становящуюся* этику, имеющую свой шанс».

ОСТАНОВИМ конструирование панорамы, призванной анализом сюжетов из сферы «малых систем» подкрепить тезис о тотальности ситуации морального выбора для всех сфер и значений приложения. Этого набора достаточно, чтобы решить поставленную в этой главе задачу. И еще раз подчеркнем понимание ограниченности панорамы, если строить ее по другому критерию: за ее пределами остались ситуации морального выбора, регулируемые биоэтикой, юридической этикой, экологической этикой, этикой войны и мира и т.д. Но причина такого решения объяснена выше.

Остановим, так как мы уже достигли своей цели – показать, что в (не)явном виде представленные в обеих панорамах ситуации выбора объединяет не просто тотальный вызов-запрос к способности субъекта совершить моральный выбор, но и, особенно во второй панораме, потребность субъекта в *рациональных основаниях* такого выбора как ответе на этот вызов. Ответе на вызов ситуации, в которой этика образования открывает конфликт таких ценностей, как знание или достоинство, проблему рациональных оснований ориентации педагога на Первого или Последнего в классе. Ответе на вызов ситуации, в которой политическая этика открывает проблему рациональных оснований решения конфликта критерия успешности с критерием честности, не давая политику права уклониться ни от одного из них. Ответе на вызов ситуации, в которой воспитателю предстоит решить проблему предпочтения одного из ценностных ориентиров его деятельности, рационально определив основания своего выбора. Ответе на вызов ситуации, в которой журналист должен решить конфликт между ориентацией на благополучие семьи – и неугодной руководству правдивой информацией («правда умозрительна, а семья совершенно конкретна»). И т.д.

6.1.2. Рациональные основания морального выбора

ВТОРОЙ аргумент в пользу тезиса о моральном выборе как способе существования прикладной этики (ПЭ) связан с *рациональными основаниями* выбора. С рациональными основаниями морального решения, являющимися, на наш взгляд, особенностью практически всех ситуаций, рассмотренных как в главе 2, так и в панораме, сконструированной в начале данной главы. Разумеется, менее всего рациональность морального выбора характеризует ситуации частной жизни, более – публичной и, особенно, ситуации выбора в «малых системах». (Учитывая опыт многолетней полемики, в которую мы были вовлечены чаще всего в качестве объекта публицистической критики, еще раз подчеркнем, что *рациональные основания* и *рациональное обоснование* морального выбора в данном случае – не «этика с арифметикой», не оппортунизм или конформизм, не «применительно к подлости», не уклонение от ответственности или морализаторство.)

Рациональность морального выбора рассматривается нами в трех аспектах (очевидно, что феномен рациональности в морали многогранен, а само понятие исторично): во-первых, как особенность морального выбора, определяемая самим *типом нормативно-ценностной системы* гражданского общества («рациональная» мораль); во-вторых, как установка на поиск рациональных оснований предпочтения какой-либо из альтернатив – признак моральной компетентности субъекта, связанный с рациональной процедурой *приложения как конкретизации*; в-третьих, как соответствие выбора *этико-праксиологическим* критериям. При этом второй и третий аспекты выводятся из первого и, свою очередь, характеризуют его.

УЧИТЫВАЯ, что первый аспект – рациональность морального выбора, определяемая самим *типом нормативно-ценностной системы* гражданского общества, с необходимой обстоятельностью рассмотрен в главе 5, обратимся сразу ко второму аспекту. Высокий потенциал интерпретации рационального морального выбора как рациональной процедуры *приложения-конкретизации* мы находим в современных исследовательских подходах, представленных прежде всего в работах методологического плана, и публикациях по конкретным направлениям прикладной этики.

* Конструктивный аргумент в пользу тезиса о необходимости рационального обоснования морального выбора и актуальности моральной рефлексии в ситуациях *приложения* мы находим уже в том факте, что известное учебное пособие по биоэтике¹ открыва-

ется вводным разделом. В нем авторы убеждают читателей в необходимости этического анализа ситуаций морального выбора вполне резонным суждением: «поиск аргументов и контраргументов, укрепляющих одну из альтернатив и ослабляющих другую ...нередко обнаруживает изъяны в позиции, которая ранее представлялась морально безупречной, – оказывается, что ситуация, видевшаяся безальтернативной, на самом деле заключает в себе реальный выбор»². При этом авторы в лучших традициях прикладной этики доказывают свою позицию разбором конкретной ситуации.

Сначала – ситуация и варианты выбора. «Пациент лежит в отделении интенсивной терапии. К его телу подключены жизнеподдерживающие аппараты; врачи определенно знают, что сознание пациента утеряно навсегда, и их усилия не позволят вывести его из устойчивого вегетативного состояния, в котором он может находиться долго-долго. ...Врачи в этом случае оказываются в положении, когда надлежит делать выбор, и при том чрезвычайно тяжелый: либо продолжить жизнеподдерживающее лечение, борьбу за жизнь данного пациента, либо отключить аппаратуру. Прекратить усилия по продлению его жизни во имя спасения других. Тех, кого еще можно спасти. Как видим, для каждой из альтернатив нетрудно предложить моральное обоснование, аргументы «за», но несомненны и негативные, морально предосудительные стороны и одного и другого выбора». Затем – возможные решения. «В такой ситуации можно рассуждать по-разному. Одна из мыслимых позиций – считать, что коль скоро безупречной линии поведения нет, то будет допустимым любой выбор. Такой способ рассуждения, по сути дела, представляет собой уход от острой моральной проблемы и, между прочим, он отнюдь не снимает возможности морального осуждения и моральных санкций за сделанный выбор. Другая позиция – попытаться найти дополнительные аргументы, обосновывающие тот или иной выбор». И наконец, авторская оценка этих решений, демонстрирующая потенциал этического анализа, вполне реально способного обнаруживать изъяны в позиции, которая ранее представлялась морально безупречной: «пока врачи руководствуются только соображениями, касающимися данного пациента и его близких, то вся линия рассуждений, связанная с последствиями их действий для других пациентов, будет закрыта»³.

* Доказательству необходимости разработки этических алгоритмов, призванных давать рациональные основания разрешения возникающих в сознании субъекта конфликтов разных систем ценностей, и демонстрации опыта конструирования этих алгоритмов для такой сферы *приложения*, как бизнес-этика, посвящена специальная монография по этике международного бизнеса. Ее автор проблематизирует приложение одной этической системы к ситуации, в которой обычно действуют иные нормы: «Как высокопоставленный менеджер многонациональной корпорации, обычно воспитанный в отечественных моральных традициях, должен разрешать конфликты между этими традициями – и традициями страны пребывания? Если стандарты страны пребывания, касающиеся загрязнения, дискриминации и распределения жалования, кажутся недостаточными с точки зрения отечественных (для менеджера. – В.Б., Ю.С.) норм, должен ли менеджер выбрать прямой путь и применить отечественные стандарты? Или это будет означать неуважение к культурным различиям и национальной целостности?». Полагая, что «многонациональные корпорации в прошлом часто оказывались неспособными удовлетворить законные моральные требования не просто из-за алчности или злой воли, а из-за невнимания к значимым параметрам моральных проблем», автор конструирует и отстаивает этический алгоритм, который менеджеры многонациональных корпораций могут использовать в разрешении таких нормативных конфликтов», отмечая, что «предлагаемая формула отражает и терпимость к культурным различиям, и уважение к социально-значимому уровню экономического развития»⁴.

* Интерпретация прикладной этики как этики «открытых проблем», которые «имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой способно быть методом моральной аргументации», приводит сторонников этого подхода к двум характеристикам, обосновывающим рациональность морального выбора. Первая: «Для решения этих проблем недостаточно одной доброй воли, нравственной решимости; требуется еще и профессиональная строгость суждений. Здесь моральная обоснованность выбора теснейшим образом сопряжена с адекватным знанием предмета выбора. Нельзя, например, выработать нравственно взвешенное отношение к трансплантации органов без ответа на вопрос о медицинских критериях человеческой жизни». Вторая: «Способ принятия реше-

ний здесь ...является публичным, процессуально оформленным, чаще всего он осуществляется через особые этические комитеты, в которых представлена вся совокупность относящихся к делу интересов и компетенций. В случае этико-прикладных проблем как бы выносятся наружу тот, выявленный еще Аристотелем, внутрилличностный механизм рационального взвешивания и борьбы мотивов, который предшествует принятию нравственно вменяемого решения»⁵.

* Один из важных аспектов рационального морального выбора – проблема творческого *приложения* нормы к ситуации, в том числе моральная *казуистика*. Актуализируя современный потенциал концепции пробабиллизма, в том числе через полемику с *этикой дискурса* Ю.Хабермаса, А.И.Бродский пишет: «Исходя из принципа универсализации, Ю.Хабермас, например, отождествил обоснованность нормы с достижением консенсуса, и это отождествление стало важнейшим принципом популярной ныне этики дискурса. Разумеется, такой подход к проблеме обоснования морали допустим. Но он, на мой взгляд, обладает и некоторыми существенными недостатками. Во-первых, в этике дискурса, как и в других видах этического универсализма, всегда, в конце концов, оказывается, что стихийно сложившийся уровень и характер нравственных представлений является высшим критерием правильности принимаемых решений. Выбор поступка считается здесь оправданным, только если все, кого этот поступок может коснуться, согласятся с его нравственной обоснованностью. Из моральной сферы в этом случае исключается творчество, новаторство, которое, как известно, всегда идет наперекор общепринятым мнениям. Можно представить себе, чем было бы христианство, если бы Христос во время Нагорной проповеди думал о консенсусе с фарисеями»⁶. С точки зрения автора, «главное достоинство этики пробабиллизма заключается в том, что она носит индивидуально-творческий характер. В отличие от этики дискурса, например, или каких-либо других форм этического универсализма, пробабиллизм допускает, что человек в каждом конкретном случае может сам разумно обосновывать свои нравственные решения, не рассчитывая при этом на всеобщее одобрение и не дожидаясь никакого консенсуса»⁷.

НЕ СТАВЯ ЗДЕСЬ задачи специального обсуждения представленных позиций и подходов и оставляя за рамками множество иных, весьма эвристичных, например, многообразные теории рационального выбора и принятия решений (в том числе исследования В.А.Лефевра, представленные в книге с характерным с точки зрения наших рассуждений о рациональности морального выбора названием «Алгебра совести», посвященной формально-психологическому методу анализа процессов выбора из альтернатив, имеющих для субъекта моральный смысл), аргументируем наш тезис о том, что «вызов-запрос» на прикладную этику, содержащийся в феномене морального выбора, получает в прикладной этике свой «ответ» в виде *рациональных оснований* морального выбора, связанных с рациональной процедурой *приложения* как *конкретизации*, обсуждением проблемы нравственных конфликтов, возникающих между ценностями и нормами общей и профессиональной этики, – во-первых; между ценностями и нормами различных профессиональных (или надпрофессиональных) этик – во-вторых; в рамках какой-либо одной из профессиональных этик – в третьих.

Анализ ситуации именно в профессиональной этике наиболее адекватен теме параграфа, ибо ее нормы создавались, сегментировались под более сильным воздействием заинтересованных институций и даже теоретической мысли в ходе экспертного консультирования, чем нормы общественной нравственности в целом. В них больший элемент рационального обоснования, поскольку у социопрофессиональных групп технологическая, организационная целесообразность и собственно моральные стороны деятельности тесно связаны и взаимозависимы.

Нравственно-конфликтные ситуации выбора – один из существенных факторов развития профессиональной этики. В этом смысле справедливо суждение, согласно которому «проблемы в профессиональной этике и возникают в том случае, когда ценностные доминанты отдельной профессии на практике вступают в конфликт с другими ценностями». Вполне уместно предположить, что наличие этой проблемы – *динамизирующий* фактор в проблематизации профессиональной этики. Показательным аргументом в пользу этого тезиса является рефлексия исследователя телеэтики: «Документалистика постоянно имеет дело с противоречием между правом публики знать все и правом личности, оказавшейся на экране, на неприкосновенность частной жизни. Между правом кандидата

в период избирательной кампании изложить в эфире то, что он хочет, и правом зрителя получить возможность судить о подлинных намерениях кандидата. Но до каких пределов простирается наше право знать? В каких случаях в жертву такому праву можно принести суверенность отдельной личности?»¹⁰. Как уже было показано в главе 2, мы исходим из того, что сложность решения нравственного конфликта заключается не столько в том, что субъект не ориентирован на ценности, не знает норм или не желает их выполнять, сколько в необходимости найти *рациональные критерии* разрешения их столкновения.

Обратившись еще раз к теме столкновения требований *в рамках одной и той же профессиональной этики*, мы обнаруживаем, что природа такого вида конфликта практически не отличается от конфликтных ситуаций в рамках общей, общеобщественной этики – речь идет о столкновении ценностей в рамках одной нормативно-ценностной системы. Например, ситуация выбора, характерная для юридической этики – столкновение норм поведения адвоката и прокурора. Для первого – недопустимо подчеркивать любые обстоятельства, отягчающие положение обвиняемого; а второй – обязан во всех подробностях, пронизательным и объективным образом осветить как обстоятельства, подтверждающие вину обвиняемого, так и те, которые показывают его невиновность¹¹. Условие рационального решения такого рода противоречия норм – фиксация сферы эффективности каждой из них и уклонение от какой-либо иерархизации требований в рамках одной профессиональной этики.

Особый вид конфликта – противоречие между требованиями профессиональной и надпрофессиональной этик. Наглядный пример – конфликт ценностей медицинской этики и становящейся надпрофессиональной нормативно-ценностной подсистемой – биоэтики, применительно к требованиям обеспечения блага пациента и сохранения жизни. Авторы учебного пособия «Введение в биоэтику» описывают этот конфликт следующим образом: «Естественной моральной установкой медицинской практики всегда было обеспечение блага пациента. При этом высшим благом представлялось, конечно же, сохранение его жизни. Фактически и то и другое ...не различалось. Сегодня, однако, нередкими становятся такие ситуации, когда эти два требования вступают в конфликт между собой. Например, многие специалисты (а зачастую и рядовые граждане, когда дело касается их самих) оспаривают трактовку, при которой продление жизни безнадежно больного, испытывающего жесточайшие боли и страдания, является благом для него»¹². Характерно предложенное авторами *рациональное основание* решения конфликта моральных требований: идентификация традиционной медицинской этики как корпоративной, а биоэтики – как надкорпоративной. «Быстрое развитие биоэтики свидетельствует о том, что ныне ситуация радикально и, очевидно, необратимо изменяется – этические вопросы медицины решаются не на корпоративной, а иной, более широкой основе, с полноправным участием тех, кто представляет и выражает интересы пациента и его близких»¹³. Можно предположить, что речь здесь на самом деле идет об ориентации решения на приоритет моральной системы не просто надпрофессионального, но и общественного масштаба.

Переходя к проблеме возможной конфликтности ценностей и норм профессиональной этики в ее отношениях с этикой общеобщественной, обратим внимание на критерии рационального выбора в ситуации конфликта их ценностей и норм. Чаще всего выдвигаются два ориентира: один исходит из «очевидного» доминирования ценностей общей этики над ценностями этики профессиональной, другой рефлексирован тему «единственного» и «очевидного» критерия. Рассмотрим пример обоснования и применения первого из этих критериев. Фиксируя, что «большинство этических дилемм, ассоциируемых с различными видами профессиональной этики, ...включают некий вид противоречия между функционально-дифференцируемой и универсальной этикой», авторы учебного пособия по этике бизнеса предлагают разбор конкретной ситуации. Замечая, что «военный персонал низшего уровня в развивающихся странах с репрессивными режимами часто увеличивает интенсивность допросов пленных, когда на них наводится фотоаппарат, потому что следователь имеет зрителей и это позволяет ему чувствовать себя сильным мужчиной», суть конфликта авторы видят в том, что, с одной стороны, на журналисте «лежит профессиональная обязанность воспринимать сюжет так, как он есть. С другой – фотожурналист не может игнорировать всеобщий долг защищать человеческую жизнь». Формулируя вопрос «Каким обязательствам – функционально-дифференцированному или универсальному – должен последовать принимающий этическое решение?», авторы

вполне определенно отвечают на него замечанием: «Существенно, что некоторые фотожурналисты реагировали на ситуацию подобного рода зачехлением своих фотоаппаратов и уходом с места допроса»¹⁴.

В свою очередь, аргументом скептического отношения к представлениям о необходимости строгой иерархии моральных ценностей является апелляция к противоречию социальных ролей человека. И. Лазари-Павловска подчеркивает мысль Р. Дарендорфа о том, что конфликты, вырастающие из «столкновения норм и ожиданий», из-за того, что «различные роли могут включать антагонистические образцы поведения», «позволяют поддерживать множественность ценностей, все разнообразие которых заслуживает сохранения». А чтобы занять предлагаемую Р. Дарендорфом позицию «не утопического синтеза, а рациональной антиномии», необходимо «принять на веру определенные предположения, что наша аксиология мультивалентна и должна оставаться таковой (а конфликты между ценностями происходят в любой мультивалентной аксиологии), а также что жесткая иерархия ценностей, которой мы придерживаемся, нежелательна»¹⁵.

На наш взгляд, в поиске рациональных оснований решения в ситуации конфликта ценностей и норм общеобщественной и профессиональной этики продуктивно парадоксальное суждение о том, что если «самый первый вопрос, который общество должно задавать каждой профессии: хорошо ли она служит своим главным ценностям?», то «второй вопрос: не служит ли она им слишком хорошо?»¹⁶.

ТРЕТИЙ из аспектов, избранных нами для характеристики рациональности морального выбора, – соответствие оснований выбора *этико-праксиологическим* критериям. Здесь акцентируется момент *поиска и принятия решения*, рациональные основания которого характерны как для установки субъекта на выбор эффективного решения, так и для моральной компетентности субъекта в процедуре соотнесения цели и средств. Если обратиться к метафорической характеристике процесса принятия решения как перехода Рубикона, то в проблеме рационального морального выбора можно выделить два Рубикона – это не только граница, отделяющая поступки противоположной нравственной ориентации, но еще и *мера целесообразности* средств. Выход за рамки этой меры чреват искажением нравственного достоинства цели как в тех ситуациях, когда субъект пренебрегает заботой об эффективности принимаемого решения, так и в тех ситуациях, когда субъект в поиске эффективных средств уходит от проблемы их соответствия нравственной чистоте целей. Этико-праксиологические критерии рациональности морального выбора противопоставляют позицию эффективного решения как «бессильному принципу», так «беспринципной силе». Специально этот аспект будет рассмотрен в параграфе 6.4.

6.2. Моральный выбор как творчество общественного масштаба

Развернем идею о том, что рациональный моральный выбор – инвариантное основание многообразия прикладных этик, посредством сравнительного анализа двух конкретных ситуаций морального творчества в общественном масштабе: ситуаций выбора определенного типа нормативно-ценностной системы. Выбора, который при достаточно конкретной идентификации каждой из альтернатив совершался (совершается) по рациональным основаниям. В той мере, в которой эти основания могут быть рациональными в транзитивной ситуации, ситуации затянувшейся неопределенности. В ситуации исторически не сформировавшихся альтернатив. Материалом для анализа являются опубликованные совсем недавно результаты нашего проекта 2006 года «Двадцать лет спустя» – экспертизы-консилиума как одной из технологий этико-прикладного знания¹⁷.

«ДВАДЦАТЬ лет спустя» – со времени старта одного из весьма успешных проектов в отечественной прикладной этике, «*Самотлорского практикума*». Проект был посвящен гуманитарной экспертизе-консилиуму нравственной ситуации в советском обществе первых лет Перестройки, трактуемой авторами проекта как *ситуация морального выбора* общественного масштаба. Это была первая попытка инициативного движения этического сообщества приложить потенциал знания о морали к современной практике, работая в формате этического форума, технологизированного методами экспертного опроса и игрового моделирования.

Уже первое знакомство с двумя изданиями материалов этой экспертизы – «Самотлорский практикум» и «Самотлорский практикум-2»¹⁸ – позволит сразу обнаружить ее

ключевую тему. Обращаясь к участникам проекта (философам, этикам, социологам, психологам, политологам, публицистам, литературным критикам) с просьбой провести коллективную диагностику моральной ситуации в обществе, мы выдвинули гипотезу о Перестройке как *инновационной* для всего нашего общества и каждого гражданина ситуации морального выбора. Субъекты морального выбора – индивиды, группы, общество в целом – творят свою биографию и свою историю на перекрестках человеческой деятельности, используя сложившиеся шансы и создавая шансы свои собственные. И Перестройка – такого рода перекресток: в глобальной ситуации выживания, в переходной для советского общества ситуации исторического масштаба, в судьбоносной ситуации самоопределения индивида.

Гипотеза сработала. При этом сформировалось более конкретное представление о роли идентификации моральной ситуации в стране как ситуации выбора и о признаках, по которым можно квалифицировать нравственное состояние общества именно как ситуацию выбора. Причем многие из диагностических и прогностических оценок, содержащихся в экспертных текстах тех лет, значимы и сегодня.

Двадцать лет спустя мы предположили, что отечественная ситуация во многом повторяется – как новое перепутье, как ситуация стратегического выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. Отсюда – проект «Двадцать лет спустя»: Выберет ли Россия ценности гражданского общества?». В характеристике результатов *пилотного* этапа этого проекта мы сосредоточим внимание на тех его задачах, которые значимы с точки зрения темы данной главы: (а) апробация самой идеи о возможности и необходимости экспертизы новой ситуации в российском обществе именно как ситуации морального выбора; (б) пробная попытка сравнительного анализа ситуаций Перестройки и ситуации «Двадцать лет спустя» с точки зрения их идентификации как ситуаций морального выбора и выявления общего и различного в содержании характеризующих эти ситуации альтернатив выбора.

Обратимся к материалам проекта. Его гипотеза проекта, как отмечено в программе, инициирующей экспертный опрос «Двадцать лет спустя»¹⁹, заключалась в характеристике актуальной ситуации российского общества как ситуации исторической развилки. Характер переживаемой Россией новой ситуации выбора не исчерпывается финансовым, экономическим, социальным, политическим и т.п. аспектами. У всех них есть системное основание, которое проявляется в остром кризисе веры в идеалы и ценности трансформации России, с одной стороны, и во все более усиливающимися тенденциях смены декларируемых на старте постсоветского периода ценностных ориентиров развития общества – с другой. Речь идет не просто о принятии-непринятии обществом инструментальной части российского модернизационного проекта. Предельная напряженность современной ситуации выбора связана, во-первых, с заметным разочарованием в изначально декларируемой ценностной ориентации этого проекта, в тех либеральных смыслах, которые еще недавно оправдывали новое самоопределение России, связываемое с идеей гражданского общества. Во-вторых, с тем, что пока наглядной альтернативой этому разочарованию оказывается лишь доминирование в реально реализуемой стратегии развития страны ценностей неотрадиционализма. Поэтому и уместно говорить о том, что наше общество снова оказалось вовлеченным в ситуацию морального выбора исторического масштаба.

6.2.1. Апробация идеологии проекта

ЗДЕСЬ НАМ предстоит обратить внимание на восприятие экспертами замысла проекта, постановки сформулированных перед консилиумом задач, оценить степень реалистичности ожиданий авторов проекта от экспертного опроса и, тем самым, извлечь уроки из реакции экспертов на идеологию проекта.

С необходимой скромностью укажем на оценки типа *«хотел бы прежде всего приветствовать замысел повторения “Самотлорского практикума”»* (А.А. Гусейнов) или *«Время экспертного опроса выбрано, как мне кажется, очень удачно. ... Именно сейчас этот вопрос более чем уместен»* (А.Ф. Филиппов), которые содержатся в текстах экспертов²⁰. Обратим внимание и на поддержку идеи проекта «по факту» – она содержится уже в заголовках некоторых экспертных текстов, например: *«Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»* (Р.Г. Апресян).

Очевидно, что с точки зрения апробации идеи проекта еще более значимы суждения экспертов, содержащие разнообразный критический потенциал. Например, весьма важны скептические суждения экспертов о возможности говорить о таком субъекте морального выбора, как общество. *«Совершает ли общество моральный выбор? – рассуждает А.Ю. Согомонов. – Строго говоря, нет, хотя такая проблематизация вполне допустима и порой вполне эвристична»*. Принимая тезис автора о необходимости для решения этого вопроса «самостоятельного теоретического и исторического экскурса, отметим само допущение автором эвристичности такой проблематизации. А отвечая на скепсис других экспертов, предложим различать, с одной стороны, саму возможность выделять субъект морального выбора в масштабе общества (*«Возникает вопрос: можно ли по этому признаку характеризовать социумы в целом?»* – А.А. Гусейнов) и – с другой – степень зрелости такого субъекта (*«Казавшийся естественным двадцать лет назад вопрос о моральном выборе общества сегодня вызывает у меня настороженность и сомнения. Может ли общество в целом быть субъектом выбора, а если может, то как оно проявляет свою субъектность?»* – Р.Г. Апресян). Отметим, что оба автора говорят фактически об одном и том же индикаторе являющейся объектом экспертизы ситуации выбора в масштабе общества: «единый народный порыв».

Специальное исследование вопроса о корректности институализации субъекта морального выбора в масштабе общества еще только предстоит предпринять. Но уже сейчас обратим внимание на то, что, во-первых, один из цитированных выше экспертов в своих диагностических оценках прямо допускает возможность экспертизы ситуации морального выбора в масштабах общества: *«российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»* (Р.Г.Апресян). Во-вторых, ряд экспертов вполне категорично рассуждают о правомерности выделения такого субъекта. Так, по мнению Г.Л. Тульчинского, ситуация морального выбора «существует всегда перед каждой личностью и любым обществом. Такой выбор и определяет исторический процесс, даже если личность и общество не отдадут себе в этом отчета», а Б.Н. Кашников полагает, что *«ситуация морального выбора как для общества в целом, так и для отдельной личности имеет место всегда»*. Косвенно о субъекте выбора в масштабе общества говорит и эксперт, отмечающий, что время экспертного опроса выбрано удачно.

В ПРОЦЕДУРЕ апробации идеи проекта нельзя не обратить внимание на весьма категоричное отрицательное суждение по поводу идентификации современной российской ситуации в категориях морального выбора. Самые первые слова текста И.М. Клямкина: *«Мне не нравится определение современной российской ситуации как ситуации морального выбора. Более того, меня смущает даже использование для ее характеристики самого слова “мораль”»*. Аргумент – зависимость смысла слов от контекста. Автор подчеркивает, что его скепсис по поводу актуализации экспертизы ситуации в нашем обществе в категориях морального выбора реально направлен против *«традиционалистского верховенства морали над правом, что в индустриально-городском обществе ведет к формированию доправового, морально-репрессивного типа сознания и утверждению соответствующей ему и на него опирающейся политической практики»*.

Действительно, трудно спорить с убедительной характеристикой автором «исторического контекста», включающей наглядные доказательства активных попыток реставрации традиционалистских представлений о природе морали, отождествления содержания морали как таковой с одной из ее исторических моделей. Более того, с нашей точки зрения, критика автором вполне конкретной тенденции в нашем обществе справедлива и актуальна. Но, может быть, трезвое понимание контекста не обязательно должно приводить лишь к отказу от экспертизы российской ситуации в категориях морального выбора, предложенных проектом? Возможно, оправдан и поиск рациональной альтернативы реставрации традиционалистских представлений о природе морали в рамках идентификации ситуации именно как ситуации морального выбора? Альтернативы в виде рациональной морали гражданского общества, в котором мораль не подменяет право, а согласует оба эти регулятора жизни общества? Во всяком случае, в гипотезе нашего проекта такая альтернатива представлена – мы не случайно вынесли в его заголовок вопрошание: *«Выберет ли Россия ценности гражданского общества?»*.

Фактическим продолжением апробации идеи проекта является конкретная диагностика ситуации Перестройки и ситуации «Двадцать лет спустя».

6.2.2. «Двадцать лет назад»: эскиз ситуации морального выбора времен Перестройки

НАСКОЛЬКО (не)адекватной посчитали участники «Самотлорского практикума» идентификацию Перестройки как ситуации морального выбора? И, что не менее важно, какие признаки такой идентификации можно выделить в экспертных суждениях?

Начнем с характеристики базового признака любой ситуации выбора – самой возможности выбирать, наличия реальных альтернатив для самоопределения. Этот признак ситуации «двадцать лет назад», казалось бы, очевиден. *«Ситуация морального выбора в условиях Перестройки характеризуется расширением диапазона предоставляемых альтернатив. Это одно из нравственных последствий процесса демократизации»*, – полагал участник практикума А.П. Вардомацкий. Но почему очевидность такого признака, как расширение возможностей выбирать, оговорена нами осторожным «казалось бы»?

Во-первых, из-за того, что, как отмечает тот же эксперт, в «перестроечной» публицистической литературе особенность ситуации *«схвачена двумя однокоренными, но мертворожденными словами: перестройка или подстройка»*. Во-вторых, из-за особых обстоятельств начального этапа формировавшейся в то время ситуации выбора. *«Происшедшие в обществе перемены не означают, что уже сейчас человек поставлен в такие социальные условия, когда от его собственной нравственной позиции зависит возможность практической реализации осуществленного выбора»*, – отмечал Е.И. Головаха. Аргументы: *«Авторитарные стереотипы сильны и в массовом сознании, которое настолько свыклось с однонаправленным движением любых решений (с верхних этажей – на нижние), что для большинства людей моральный выбор является проблемой, связанной в лучшем случае с коллизиями, встречающимися в социальной микро-среде»*. В-третьих, очевидность такого признака, как расширение возможностей выбирать, оговорена нами осторожным «казалось бы» из-за морального риска (а не просто дискуссионности) самой идентификации ситуации выбора как «переходной». *«Следует обратить внимание, что уже сейчас появляется особая разновидность перестроечной морали»*, – писал А.И. Пригожин. – *«Особенность такой морали состоит, на взгляд автора, «в допущении тех нравственных норм, которые в развитом, ставшем, стабильном обществе не могут быть приняты в таком виде. Например, лозунг “нравственно то, что эффективно”»*. С точки зрения автора, *«для переходных периодов следует признать возможным функционирование некоей экстремистской или промежуточной морали, поскольку необходимость перенастройки общественного сознания, возможно, требует необычно сильных воздействий»*.

СГРУППИРУЕМ суждения экспертов вокруг другого признака ситуации выбора – содержания альтернатив. И здесь следует отметить, что характеристика экспертами содержания альтернатив связывается с переходным характером ситуации. При этом одна и та же констатация такого рода характера ситуации приводила экспертов к разным диагностическим заключениям – в зависимости от идентификации проблем морального выбора, встающих перед субъектами разного масштаба.

Ряд экспертов, сосредоточивших свое внимание на идентификации ситуации выбора, стоящей перед субъектом масштаба общества, прямо или косвенно переводили очевидную характеристику общественной ситуации как ситуации переходного периода в идентификацию Перестройки как *перехода к иной нормативно-ценностной системе*. При этом констатировалась вполне естественная неопределенность возникших альтернатив, недостаточная рациональность в их идентификации. Например, И.М. Клямкин полагал необходимым поостеречься оценивать ситуацию Перестройки в качестве классической ситуации выбора. С его точки зрения, выбор предполагает наличие *«готовых вариантов, из которых предстоит отдать какому-то предпочтение. А если варианты не ясны? Если они исторически не сложились? Тогда выбирать приходится между позициями абстрактными, непроясненными, недоявленными»*. Автор вел речь о двух такого рода альтернативах: *«С одной стороны – ориентация на равенство, понимаемое как антипод свободы. С другой стороны – ориентация на свободу как основу всего, в том числе и равенства»*. Конкретные аргументы эксперта? В основе первой позиции он видит *«примитивный добуржуазный коллективизм, который Маркс назвал грубым»*. А вторая позиция, с точки зрения И.М. Клямкина, – *«позиция развитой индивидуальности, противостоящей примитивному коллективизму и слепому, нерассуждающему послу-*

шанию». И само возникновение такой позиции, тем более ее все более широкое распространение, дает автору основание для оптимизма. *«Раз появляется вдохновляемая идея свободы индивидуальность, значит, появляется нравственная ответственность; значит, ситуация выбора осознается как глубоко личная проблема, которую не решит за меня никто – ни бог, ни царь и ни герой».*

Переходный характер ситуации с точки зрения смены ценностных систем подчеркивал и А.А. Гусейнов. *«Нравственная жизнь советского общества характеризуется в настоящее время рядом таких признаков, ...которые обычно всегда были показателем переходного состояния, кризиса одной системы ценностей и зарождения другой»,* – писал автор. И вполне определенно утверждал, что *«общее направление, исторический вектор происходящих в этой области бурных, порой драматических, изменений можно определить как движение от жесткой нормативности к большей свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения».*

И ВСЕ ЖЕ большинство интерпретаций Перестройки как ситуации морального выбора в суждениях экспертов этого проекта оставались в рамках идеи нравственного очищения, выхода из кризиса социалистической морали за счет восстановления «подлинных моральных ценностей». Моральное обновление *исчерпывалось* идеей «прививки» к социалистической морали норм общечеловеческой нравственности, простых норм нравственности. О ситуации выбора как выборе иной нормативно-ценностной системы в этом случае речь фактически не шла. Более того, такого рода выбор рассматривался как рискованный *«Мы совершаем один из последних, решающих скачков в сторону личной автономии, имея перед собой опыт развитого буржуазного индивидуализма, нравственно-разрушительные следствия которого, если не перевешивают, то вполне соразмерны его позитивным сторонам».*

Систематическая постановка вопроса о выборе в пользу иной системы моральных ценностей могла возникнуть лишь на следующем историческом этапе жизни России.

6.2.3. «Двадцать лет спустя»: эскиз отечественной ситуации морального выбора

ПЕРЕХОДЯ к анализу результатов пилотной диагностики современной отечественной ситуации в категориях морального выбора, напомним, что мы предложили экспертам идентифицировать современную моральную ситуацию через соотнесение ее с ситуацией Перестройки. И начнем с реплик экспертов по поводу самой идеи сравнения двух ситуаций. Скептическая реплика: *«Повторяется ли сегодня ситуация морального выбора перестроечного времени? В этом вопросе авторов проекта экспертам, безусловно, содержится некоторая ирония, поскольку любой акт свободного морального выбора аутентичен и неповторим»,* – говорит А.Ю. Согомонов. Реплика солидарная: *«Вопрос анкеты состоит в том, не стоим ли мы снова перед выбором. Но выбором в пользу чего? С отказом от чего? Пожалуй, этот вопрос вообще не имел бы смысла, если бы не рефлексия по поводу того, что произошло за эти годы»* (А.Ф. Филиппов).

Что касается конкретных диагностических суждений экспертов по первому тематическому направлению анкеты, то среди них мы находим: (а) вполне определенное принятие идентификации современной ситуации в нашем обществе как ситуации морального выбора; (б) не менее определенное непринятие; (в) позицию противоречивого диагноза.

Первая из позиций характеризуется следующим образом: *«российское общество стоит сейчас возможно перед самым тяжелым выбором за всю свою историю. Речь идет о том, чтобы перестать быть обществом вечной неопределенности, обществом, колеблющимся постоянно “между бытием и смертью” (Хомяков), и перейти к состоянию “мужественной формы” (Бердяев). ...Современное российское общество – это отвратительный гибрид, который умудряется сочетать самые противоречивые модели общественной морали, но ведущая роль остается все же за традиционной патриархально-клиенталистской моралью господства и подчинения. Эта мораль не имеет в себе ничего мистического и не содержит никакой “тайны русской души”* (Б.Н.Кашников).

Вторая позиция аргументируется следующим образом: моральное состояние современной России *«является вполне устоявшимся во всех отношениях, в том числе и*

в своих моральных деструкциях». Соответственно, «нет никаких оснований специально выделять его как ситуацию морального выбора» (А.А.Гусейнов).

Наконец, модель противоречивого диагноза складывается из суждений, прямо или косвенно поддерживающих апробируемую проектом идентификацию, в сочетании с диагностическими указаниями на незрелость подвергаемой экспертизе ситуации. В этой связи обратим внимание на позицию, фиксирующую противоречие между объективной необходимостью выбора, с одной стороны, и степенью его реальной возможности – с другой. «*Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора*», однако «*в отсутствии национальной (гражданской) консолидации его понимание на уровне общественного сознания и его реализация маловероятны*». Более конкретное объяснение противоречия: «*Особый вопрос, который необходимо учитывать, насколько такая консолидация – перед лицом не национальной угрозы, тем более внешней, а именно морального выбора – возможна в нашем российском обществе, с его сложным социальным составом и множественностью социально-ценностных ориентаций*» (Р.Г. Апресян).

Близкое по смыслу объяснение указанного противоречия: «*Если говорить о главной “болевой точке” нашего развития, то она остается прежней: неразвитость понятия об общем интересе и, соответственно, о его сочетании с индивидуальной свободой*» (И.М. Клямкин). Определенная переключка в оценке степени зрелости ситуации видится нам и в диагностическом наблюдении А.Ю. Согомонова: «*мы все менее отчетливо распознаем единство морального поля*».

СОГЛАСНО замыслу проекта «Двадцать лет спустя», самая конструктивная часть экспертизы – характеристика современной моральной ситуации как ситуации переходной с точки зрения самоопределения общества не просто к «морали вообще», но к одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем. Как мы полагали, именно это направление программы проекта даст возможность операционализации идеи об экспертизе современной ситуации в категориях морального выбора. Выбора, совершаемого благодаря ясному и конкретному пониманию альтернатив, по вполне рациональным основаниям. Насколько эти основания могут быть рациональными в транзитивном обществе. И действительно, анализ экспертных текстов дает возможность не только зафиксировать согласие-несогласие экспертов с оценкой ситуации как переходной, но и выявить достаточно отрефлексированное содержание альтернативы, которую предпочло общество – при разном отношении экспертов к моральному достоинству этой альтернативы.

Но прежде отметим, что эксперты дают противоположные оценки по поводу степени зрелости самого процесса перехода общества к новой нормативно-ценностной системе. Одна точка зрения – «*Переход уже совершился*». Аргумент: «*Объективно в обществе представлены многие перечисленные в анкете нравственные системы (кроме постиндустриальной этики)*» (А.В. Разин). Другая точка зрения заключается в констатации затянувшейся неопределенности в выборе. «*Современное, в нравственном плане дисперсное и неменяемое, российское общество не в состоянии сделать определенное предпочтение. Оно живет мифами и ожиданиями*». Причина: «*люди не являются хозяевами собственной жизни и не осознают сферы собственной ответственности и свободы. Это очевидно не только в политике, но и в деловой активности, даже в быту (ТСЖ)*». Последствия: «*Россия (в том числе – в силу упомянутых причин) не может сделать цивилизационного выбора. Она огрызается на христианский Запад и пытается заигрывать с хвостом дракона Ю-ВА и ислама. В результате она остается наедине с собственной неменяемостью*» (Г.Л. Тульчинский).

Свою версию причин затянувшейся неопределенности переходной ситуации предложил А.Ю. Согомонов. «*Вероятнее всего, российские реформы пока почти не коснулись ни институциональной матрицы российского общества, ни индивидуалистической парадигмы его гражданского корпуса. Иными словами, для выбора в пользу современной морали и гражданской этики все еще нет достаточных предпосылок социального и культурного свойства. Подобный выбор, разумеется, в каждом случае совершается индивидуально, но при этом “визируется” обществом, в противном случае любая сумма индивидуальных выборов в пользу морали никогда не станет критической и, более того, легитимирующей. Только в этом смысле можно говорить о нравственной переходности российского общества: индивидуальные выборы в пользу морали носят*

редкий и случайный характер, предопределяя нашу этическую “дремучесть”. В эпоху “высокой” современности выбор в пользу морали “осложнен” искушениями расширяющейся вселенной жизненного выбора и биографического проектирования. Глобализация, свобода перемещений и информации, универсализация стилей жизни – все это и многое другое приводит к чрезвычайно сильному давлению – извне и изнутри – на нравственную ситуацию в России и, очевидно, в недалекой перспективе неизбежно приведет к коллапсу морального этатизма и неизбежному развороту в сторону нравственной автономии личности. Однако чем больше общество, находясь под сильным государственным гнетом, оттягивает этот выбор, тем сложнее в будущем он дастся морально незащищенным слоям населения. И тогда можно будет говорить о подлинных моральных издержках модернизации».

Сопоставим суждения о неопределенности отечественной ситуации морального выбора с позицией, в которой уверенная констатация определенно направленной переходности ситуации сочетается с указанием на желаемую экспертом альтернативу выбора и – подчеркиванием реальных трудностей исполнения его надежд. *«Общественная мораль современного российского общества представляет собой удивительную смесь самых разнообразных моральных систем, начиная от архаики и кончая постмодерном. Хочется верить, что российское общество решит, наконец, “каким оно хочет быть Востоком” (Соловьев). Полагаю, что этот выбор завершится в пользу современного либерального общества, предполагающего горизонтальные связи, социальное доверие, четкое различие между публичной и частной сферами, властью закона и т.д. Иными словами – переходом к либеральной модели общественной справедливости. Трудность подобного перехода связана с отсутствием у нас не только “либерального”, но даже “экономического” индивида, поскольку оба эти исторические типы личности предполагают автономию индивидуальной морали. В нашем крайне атомизированном обществе еще нет даже предпосылок для превращения автономной морали в массовое явление. Господствующая форма индивидуальной морали – это, в лучшем случае, патримониальная мораль авторитета (по Кольбергу), а в худшем – не рационализируемый обычай подчинения любому источнику силы» (Б.Н. Кашников).*

Третья точка зрения, позволяющая конкретизировать содержание альтернатив ситуации выбора, исходит из констатации достаточной определенности этой ситуации. Соглашаясь с постановкой вопроса в анкете: *«речь надо вести не просто о переходе к “морали вообще”, словно мы прежде находились в аморальном или доморальном состоянии, а к “одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем”», А.А. Гусейнов говорит, что «если исходить из принятого в социологической литературе деления последних на феодальную (традиционную), буржуазную (либерально-демократическую) и социалистическую (в другой терминологии: тоталитарную), то несомненно, что Россия предпочла буржуазно-нормативную ценностную систему». Другое дело – возможные оценки такого предпочтения. Например, автор последнего диагноза специально подчеркивает, что «такую констатацию нельзя признать удовлетворительной». Причина в том, что «люди не очень рады выбору, который они сами сделали, как если бы они запутались в закоулках истории и забрели не туда, куда хотели. Разочарование в либерально-демократических ценностях стало доминантой общественных настроений (достаточно упомянуть вывод Всемирного русского собора о необходимости ограничить права человека служением добру, из чего вытекает, что сами по себе они – права человека – добром не признаются или что, по крайней мере в условиях России и для России, возможна более совершенная и адекватная конкретизация идеала добра, чем либерально-демократическая практика прав человека)». Поэтому автор полагает необходимым «переосмыслить, составить более конкретное представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании» (А.А. Гусейнов).*

Содержание альтернатив морального выбора может быть охарактеризовано и по другому основанию. Р.Г. Апресян имеет в виду иную – по сравнению с предложенной в программе проекта – классификацию: он говорит не о тех системах морали, которые привычно связываются с цивилизационными этапами развития человеческого общества, а о

«конфигурациях ценностей». С его точки зрения, *«в любом обществе в различных конфигурациях представлен определенный ограниченный набор нравственных ценностей».* Допуская, что *«в традиционалистских обществах этот набор не проявлен, а в тоталитарных придушен (в той мере, в какой моральность как выражение личностной автономии и индивидуальной ответственности систематически ограничивается)»*, автор говорит, что *«во всех обществах во все времена» сосуществуют четыре системы нравственных ценностей: «гедонистически-потребительская, утилитарно-меркантилистская, перфекционистски-аскетическая, гуманистически-альтруистическая. «Исторически конкретно» они проявляются в разных смежных формах и опосредованы культурно-национальными особенностями».*

ЗАВЕРШАЯ эскиз экспертных суждений по поводу современной отечественной ситуации морального выбора, мы должны признать, что интерпретация его результатов в качестве аргументов в пользу идеи о том, что рациональный моральный выбор – *инвариантное основание* многообразия прикладных этик – дело весьма рискованное. У нас был большой соблазн поддаться скептическому настроению в отношении потенциала проекта. И все же, на наш взгляд, есть некоторые аргументы для его развития. В том числе и для усиления нашей идеи. Более того, есть и наметки соответствующей программы.

6.2.4. О программе экспертизы шансов выбора Россией ценностей гражданского общества

Гипотеза о возможности и необходимости идентификации современной ситуации как ситуации морального выбора для российского общества содержала не декларированный (в прямом виде) в программе экспертного опроса тезис о том, что ситуация морального выбора в данном случае – это ситуация (не)выбора ценностей гражданского общества. В замысел проекта была заложена версия о том, что если основные альтернативы морального выбора эпохи Перестройки – это социалистическая мораль и нормы общечеловеческой морали, то основные альтернативы морального выбора нашего времени – ценности гражданского общества и традиционалистские ценности общества, склонного к неосоветизации.

Программируя следующий этап экспертизы, мы должны учесть уроки ее *пилотного* этапа. Уроки, определяющие (не)успех исследования *меры рациональности* оснований морального выбора, совершаемого обществом.

1. Вполне убедительные аргументы экспертов в пользу вывода об уже свершившемся предварительном выборе общества в пользу идеи гражданского общества, выраженном, говоря словами А.А. Гусейнова, в *«движении от жесткой нормативности к большой свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения».* И не менее убедительные скептические выводы на эту тему другого эксперта. *«Гражданская этика все еще остается индивидуальным выбором очень немногочисленных и совершенно разрозненных групп относительно автономного и дееспособного населения. Околостатная бюрократия (по мировым меркам – весьма многочисленная) и социально зависимые от нее слои “тяглого” населения сделали свой выбор в пользу корпоративного гражданства и, соответственно, корпоративной этики патерналистского государства, что в известном смысле возвращает нас к нескольким забытым образцам позднесоветских времен. С одной лишь разницей, что теперь идея “государства-империи” становится ключевой в процессе формирования актуальной модели общественной морали»* (А.Ю. Согомонов).

2. Мы полагаем, что наряду с первым уроком, значимым для программирования следующего этапа экспертизы, еще один урок стоит извлечь из позиции эксперта, который двадцать лет назад «поостерегся» оценивать ситуацию Перестройки *«как классическую ситуацию выбора (в том числе и морального)».* И сегодня можно сказать, что пока *«варианты не ясны, исторически не сложились»* и *«выбирать приходится между позициями абстрактными, непроясненными, недоявленными»* (И.М. Клямкин). Прежде всего речь идет о такой альтернативе, как нормативно-ценностная система гражданского общества – в российской ситуации речь может идти лишь о становлении такого общества и его этики.

3. В программе предстоящей экспертизы предстоит сбалансировать две тенденции. С одной стороны, необходимость *«переосмыслить, составить более конкретное*

представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании. ...Прошедшие годы показали, что мы не смогли “перехитрить” историю и воспринять несомненные достоинства буржуазной цивилизации, отбросив столь же несомненные ее недостатки» (А.А. Гусейнов). С другой стороны, необходимость рационального взвешивания последствий, связанных с тем, что «антибуржуазная» альтернатива, конструируемая через пафосное противопоставление отечественных ценностей и традиций ценностям и традициям западным, альтернатива, в пользу которой сегодня все настойчивее предлагается сделать моральный выбор, – «это выбор далекого отечественного прошлого в его наиболее архаичных проявлениях». Аргументируя это суждение, его автор, И.М. Клямкин, убедительно подчеркнул архаичность такой альтернативы. «Синкретиз неписаного права и морали, причем морали именно общинной, возвышавшей интересы локальной коллективности над интересами отдельных людей и исключавшей их личностную автономию, синкретиз, характерный для всех общностей традиционного типа, и пытаются реанимировать сегодня российские традиционалисты, интерпретируя его как самобытное морально-ценностное достояние российских народов и их отличие от народов западных стран».

4. Программирование следующего этапа экспертизы предполагает операционализацию очевидного тезиса о том, что сами ценности гражданского общества вовсе не исчерпываются лишь либеральной моделью.

5. Заинтересованность в эффективности предстоящей экспертизы требует включить в ее программу задачу конкретного анализа состояния общества с точки зрения его готовности к выбору, пока это состояние описано в весьма общих характеристиках типа: «отсутствие гражданской консолидации на уровне общественного сознания» (Р.Г. Апресян), «в настоящее время нет такого концентрированного общественного напряжения, которое соединяло бы большинство граждан в неких общих нравственно-окрашенных ожиданиях и действиях» (А.А. Гусейнов).

6. Предлагая для экспертизы идею выбора современной Россией в пользу ценностей гражданского общества, важно не забыть, что критика охотно попрекает гражданское общество и его этику за самомнение, гордыню и нарциссизм. Однако не менее важно учесть, что при всем желании затруднительно отыскать в истории такую социальную и нормативно-ценностную систему, которая была бы столь расположенной к фундаментальной самокритике, иронически, иногда эпатажно и даже алармистски настроенной по отношению к царящим порядкам и к ожидаемому будущему. Что не испытывая особой нужды в рукоплесканиях идеологических клакеров, гражданское общество умело преобразовывает самую острую критику и самокритику в средство, ведущее к его развитию и самосовершенствованию.

6.3. Моральный выбор как креация и интериоризация «малой» нормативно-ценностной системы (выбор профессии)

Следующий шаг в обсуждении идеи о рациональном моральном выборе как *инвариантном основании* прикладных этик – анализ такого типа ситуации морального выбора, как креация и интериоризация «малой системы». Предпримем этот анализ с помощью материалов одного из наших экспертных опросов, посвященного проблемам профессиональной этики; здесь феномен морального выбора находит одно из своих приложений, проявляясь как профессионально-нравственный выбор.

Гипотеза экспертного опроса предполагала, что характерная черта профессиональной этики как одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества – развитый мировоззренческий ярус этой системы. Определяя *смыслоценностное* содержание профессии, этот ярус ориентирует и ситуации выбора профессии. Согласно гипотезе, выбирая профессию, человек вместе с ней выбирает и определенную нормативно-ценностную подсистему – профессиональную этику. Выбирает, даже если на какой-то стадии своего профессионального пути не осознает этого выбора. Но зрелый профессионал способен открыть для себя рациональные основания своего профессионально-нравственного выбора.

(Не)правомерность идентификации ситуации выбора профессии как выбора морального была среди важнейших предметов экспертизы. Один из вопросов экспертной анкеты так и был сформулирован: «Является ли выбор профессии моральный выбором?»²¹. В свою очередь, аргументы в пользу такой идентификации, полученные в результате экспертизы, работают на идею рационального морального выбора как инвариантного основания приложения, в данном случае – *приложения* к этике профессии.

6.3.1. Исследовательские подходы

ПРАВОМЕРНО ли идентифицировать выбор профессии как один из видов морального макровыбора, выбора мировоззренческих ориентиров? И если «да», то как *конкретизируется* общеморальная природа выбора применительно к выбору профессии? Ответы на эти вопросы далеко не очевидны. Как они не очевидны, например, и для более частного вопроса – о соотношении выбора *жизненного пути* и т.н. «*профессионального жизненного пути*»²² (на наш взгляд, спорно уже само это последнее выражение). При этом можно ли забыть, что в ситуации современности человек не прикован к одной профессии, что его биография рефлексивна?

«Выбор профессии» – тема междисциплинарная, ее исследуют специалисты в сфере социологии, педагогики, психологии, социальной психологии и т.д.²³. Исходная позиция их рассуждений: акт выбора профессии – одно из важнейших жизненных решений человека. Но при этом менее всего акт выбора профессии исследуется как *моральное самоопределение*, этически акцентированный выбор. Почему?

Возможно, потому, что проще всего считать выбор профессии важнейшим жизненным решением человека лишь на том основании, что такой выбор определяет существенные стороны его бытия: место в системе общественного разделения труда, принадлежность к социальной группе; место работы; кем работать и какой стиль жизни избрать²⁴. Однако в таком подходе есть вероятность упрощения роли выбора профессии, недооценки его морального содержания. Стоит только абсолютизировать этот подход и тогда, например, недалеко до тезиса о том, что выбор профессии – пример почти технической задачи.

Более сложный подход к выбору профессии связан с уже знакомой нам по главе 2 многоуровневой интерпретацией человека, выбирающего профессию, как человека «экономического», «социального», «духовного». В первом случае «человек просто трудоустраивается, т.е. готов на любую работу, лишь бы иметь “кусочек хлеба”». Во втором – человек «выбирает профессию». В третьем – «ищет смысл жизни»²⁵. Отмечая, что в выборе профессии все три слоя деятельности «лишь угадываются, так как они слиты воедино», авторы этого подхода, как мы помним, считают такую интерпретацию выбора человеком профессии целесообразной – как способ выявления уровня зрелости личности. «Если деятельность “окрашена” только материальными интересами, то человек во многих отношениях существенно обедняет свою жизнь», – отмечают они²⁶. Однако, на наш взгляд, место морали в такой трактовке выбора профессии – скорее «рядом» с актом выбора, а не в *основаниях* этого акта. Да, в такой классификации один человек выступает одновременно в трех лицах. И важно, что при этом подчеркивается: «каждый шаг его тройной. И ответственность тройная»²⁷. Но, представляется, за пределами такого подхода остается проблема морального «измерения» профессии, а тем самым и выбора не просто «сферы деятельности», а самоопределения человека к определенной профессии с характерной для нее *нормативно-ценностной системой*.

Важный шаг в продвижении к пониманию морального содержания акта выбора профессии связан с признанием роли свободы личности в таком выборе, права человека на самоопределение в профессии даже в том случае, если речь идет об очень молодом человеке. При этом следует учесть, что ключевая роль самоопределения в профессии, решений человека, которые мотивированы его стремлением к проектированию своей трудовой и жизненной биографии, не самоочевидна. Во-первых, человек может не оценить самого факта возможности выбора профессии, значимости свободы выбора, столь отличающую современность от предшествующих времен²⁸. «Современность внесла существенную коррективу в регламент воспризнания профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден отныне осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы и средства, которыми он располагает,

чтобы добиться успеха. Средневековый подмастерье, как правило, не обладал возможностями выбора, поскольку был обязан наследовать дело своего отца или стать мастером после смерти наставника. Открыть свое дело в условиях господства профессиональных корпораций было практически невозможно»²⁹. Во-вторых, человек, особенно молодой, далеко не всегда осознает, что стоит перед актом выбора, вольно-невольно вовлечен в ситуацию выбора, очень часто неповторимую и необратимую. Не осознавая, что зачастую ситуацию нельзя «переиграть», такой человек часто «пропускает» драматизм ситуации, оборачивающейся серьезными последствиями как для него, так и для других. При этом самоопределение в профессии не обязательно одноразовый акт, исключая следующие ситуации выбора и решения (как мы помним, «решить» – значит предпочесть одну и «порешить», уничтожить другие возможности). В понятии «самоопределение» важнее акцент на самостоятельности решения. Поэтому снятие неопределенности не обязательно барьер на пути к дальнейшему развитию³⁰.

В-третьих, некоторые исследователи и практикующие педагоги, психологи, социологи склонны не замечать именно проблему свободы самоопределения личности в профессии, педалируя тему *управления* выбором профессии. Поэтому, например, столь важна психолого-педагогическая рефлексия на тему сбалансированности между педагогическим руководством процессом развития подрастающего человека – и его свободным развитием. Акцент педагога на значимости именно «психологии самоопределения», а не «управления выбором профессии» помогает формированию у молодого человека способности и умения «определять и формировать свои жизненные профессиональные планы»³¹.

И, наконец, еще один важный шаг к пониманию моральной природы акта выбора профессии связан с тем, что, выбирая профессию, человек выбирает и ее *ценностный мир*, и ее *миссию*. При таком подходе самоопределение к профессии, мотивированное стремлением человека проектировать свою биографию, есть основание рассматривать и как акт морального выбора. И идентифицировать выбор профессии как рациональный моральный выбор.

6.3.2. Самопознание профессионалов

Для постановки и решения вопроса о том, можно ли говорить о выборе профессии как о моральном выборе, как о приложении-конкретизации универсального феномена морального выбора, существенное значение имеет рефлексия самих профессионалов, анализирующих прожитые ими ситуации выбора и решения. В наших проектах по профессиональной этике такого рода рефлексия была инициирована в рамках экспертного опроса столичных и тюменских журналистов³². Представляется, что опыт их самопознания, с одной стороны, дает основания для позитивного ответа на сформулированный выше вопрос, с другой – вскрывает существенные грани темы, требующие продолжения этико-прикладных исследований.

Аналитический обзор материалов экспертного опроса уместно начать с замечания о том, что некоторые из его участников посчитали необходимым уточнить предмет экспертизы: речь идет о моменте *старта* профессионального пути – или же о сознании более или менее *зрелого* профессионала, открывающего для себя, что выбирая профессию, вместе с ней он выбирал и определенную профессиональную этику? Уточнить, чтобы отметить: стартовый этап в профессиональной деятельности вряд ли является моментом именно морального выбора. *«Я считаю, что в молодости люди совершенно не думают о таких вещах, как этика профессии, – отмечает Л.Радзиховский. – На старте профессии ее выбор моральными соображениями, думаю, совершенно не руководствуется. Нормальный человек руководствуется самым главным – выбирает то, к чему душа лежит»*. Тему неосознанности выбора начинающего журналиста мы находим и в суждении С.Бунтмана: *«На старте профессиональной деятельности скорее может совершаться неосознанный выбор, связанный, например, с влечением к определенной сфере деятельности или с традициями семьи. И тогда ты ставишь себе какую-то цель, которая совсем не формулируется как большая: было бы странно в этом случае говорить “я хочу быть журналистом для того, чтобы говорить правду”»*. Другие эксперты подчеркивают: в том, осознает ли тот или иной журналист свой выбор профессии

как моральный выбор, вряд ли есть общая закономерность. В.Дымарский: *«Здесь нет общих правил»*. С.Новопрудский: *«Мне кажется, что это вообще очень индивидуально»*.

Следует ли из тезиса о том, что журналист, не проблематизирующий свою профессию в категориях профессионально-нравственного выбора на стартовом этапе жизненного пути, это – в моральном плане – *tabula rasa*? Приведем характерную перекличку рассуждений экспертов, отмечающих роль общеморальной готовности человека к профессиональной деятельности. С.Новопрудский: *«Мне кажется, что человек выбирает профессию, исходя из некоторого набора ценностей, которые у него есть...»*. В.Дымарский: *«Не думаю, что человек, выбирая ту или иную профессию, осознает, что одновременно он принимает некие “правила игры”, свойственные этой профессии. Помоему, он – человек – подчиняется некоему кодексу поведения, который составил сам для себя и который не связан с профессией»*.

Обсуждение тезиса о том, что выбирая профессию, журналист тем самым выбирает (сначала скорее неосознанно) и присущие именно ей «правила игры», уже начатое в последнем рассуждении, конкретизирует этическую сторону выбора профессии. При этом авторы приводимых ниже суждений отмечают, что журналистике свойственны свои собственные этические «правила игры». Продолжая тему осознания выбора профессии как морального выбора лишь на этапе определенной зрелости, Л.Радзиховский отмечает, как происходит «открытие» этих правил: *«То обстоятельство, что выбирая профессию, ты выбираешь и свойственные ей “правила игры”, на старте и в голову не приходит, тем более, что их мало кто знает заранее. Узнаешь потом, когда попробуешь в процессе»*. Подобные замечания можно найти и в размышлениях А.Симонова: *«Выбирая профессию, ты принимаешь определенные “правила игры”. К сожалению, на ранних этапах, если человек учится профессии в юности, а не приходит в нее из других профессий (что в журналистике, как и в режиссуре, случается часто); выбор, в лучшем случае, сопровождается благими намерениями, вытекающими из достаточно туманных представлений о профессии. Как правило, проблема морального выбора встает при первом столкновении с отрицательными аспектами профессии. И только тогда, задним числом, и то не все осознают, что за счет благоприобретенных общих моральных правил они уже не один раз успешно проскочили морально-профессиональный момент выбора»*.

Весьма существенно, что наши эксперты не сводят всю проблему выбора к выбору «правил игры», не пренебрегают обсуждением мировоззренческих оснований выбора. Например, сравнение времени советского и постсоветского придает проблеме выбора профессии как раз мировоззренческий аспект. Е.Альбац: *«Я считала невозможным вступать в КПСС и писать статьи о великих достижениях загнивающего режима. И я занималась научной журналистикой, писала в основном о физике элементарных частиц»*.

Вполне уместно продолжить этот ряд суждением В.Лошака: *«Тогда мы изначально находились в конфликте с моралью власти и, в то же время, были оружием этой власти, более того, мы ее как бы и морально обслуживали. Это очень тяжело. Тогда выбор был более трудным. Фактически тогда речь шла о том, чтобы “быть минимально неморальными”»*. Суждения В.Третьякова показывают, что мировоззренческий аспект выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. Автор подчеркивает, что сегодня *«в самой профессии возникают совершенно новые моральные проблемы, которые у многих профессий отсутствуют. И самое печальное, что до сих пор абсолютное большинство самих журналистов, по крайней мере в своих выступлениях перед другими людьми и перед коллегами, по-прежнему не трезво, не корректно оценивают то, чем они занимаются»*. Речь идет о том, что, по мнению автора, *«сегодня журналистика объективно – помимо желания и воли отдельных журналистов, руководителей СМИ, политиков – призвана выполнять, выполняет (и не может от этого отказаться) четыре функции, которые, собственно, и делают журналистику особым социальным и профессиональным институтом»*. Особенность ситуации выбора: *«моральный выбор возможен тогда, когда знаешь, между чем и чем выбираешь. Если ты не знаешь, что здесь есть выбор, то действуешь по наитию, как животное, пусть социальное животное. Когда знаешь, что это функция журналистской профессии, и ты не можешь от нее отказаться, не можешь найти себе такую нишу в журналистике, где с этим не придется столкнуться (потому что такова сегодня журналистика как социальный ин-*

ститут, а не потому, что есть Березовский, Гусинский, Путин, Доренко), тогда ты принимаешь моральное решение. Вообще не хочешь в этом участвовать? Тогда найди такое место, где это будет возможным, но если ты более или менее интересуешься и увлекаешься политикой как таковой, тебе это не удастся».

Как можно увидеть из анализа суждений экспертов, даже если вопрос о выборе профессии как профессионально-нравственном выборе зависит от специфики того или иного этапа жизненного пути и деловой карьеры журналиста, факт остается фактом: вместе с профессией ты выбираешь и определенную этику (и творишь ее).

ЗАВЕРШАЯ обзор экспертных суждений участников проекта, полагаем возможным сделать несколько выводов. 1. Уже тем, что выбор профессии журналисты трактуют как акт морального выбора (пусть и осознаваемый не на старте карьеры), они дают существенные аргументы в пользу тезиса, вынесенного в название параграфа. Кстати, тем самым они «оправдывают» существование профессиональной этики журналистов; вопрос о «правомерности/неправомерности» квалификации ее как именно *профессиональной* этики дискутируется в специальной литературе. 2. В поиске ответа на вопрос о том, является ли выбор профессии моральным выбором, важно иметь в виду роль общеморальной готовности человека к профессиональной деятельности, степень зрелости его ориентации в сфере общих моральных ценностей. 3. Выбор профессии является профессионально-нравственным выбором еще и потому, что, выбирая профессию, журналист тем самым выбирает и присущие именно ей ценности и нормы «малой системы». Предмет дальнейших эмпирических исследований – тезис о том, что на старте выбора журналист делает это скорее неосознанно, открывая их для себя уже в процессе профессиональной деятельности. 4. Выбор профессии – акт мировоззренческого выбора, для зрелых людей часто драматического, связанного с критической оценкой наличных «правил игры», предлагаемых общественно-политической и экономической системами. Тем более важно не «проскочить» через этот драматизм, адекватно оценить его, важно и выбирающему профессию, и обществу. 5. Мировоззренческий аспект ситуации выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. В профессиональной деятельности сегодня возникают новые моральные проблемы. И для профессии, и для общества весьма рискованно, когда выбирающие профессию неадекватно оценивают то дело, которым они собираются заниматься. 6. Может быть, одним из «секретов» в понимании морального содержания выбора профессии является нередкая сопряженность «чисто профессионального» выбора и выбора «собственно морального»: принятие профессиональных решений зачастую оказывается ситуацией профессионально-нравственного выбора.

6.4. Этико-праксиологическое основание морального решения (выбор поступка)

6.4.1. Сколько Рубиконов в моральном решении?

НАЧНЕМ характеристику еще одного аспекта идеи рационального морального выбора как *инвариантного основания* прикладных этик с краткого вторичного анализа некоторых из представленных выше ситуаций морального выбора.

* Модельная ситуация сказочного перепутья. Витязь, читающий на придорожном камне: «Направо пойдешь – ..., налево пойдешь – ..., прямо – ...». В этой модели ситуации выбора можно увидеть и возможность выбирать – множество альтернатив, и необходимость выбора одной из альтернатив. Но с точки зрения идентификации этико-праксиологического аспекта морального выбора приходится, пользуясь терминами детской поисковой игры, говорить: «холодно». И даже если выделить момент рациональности выбора – взвешивание последствий каждого решения. Так – «теплее» И все же нельзя сказать «горячо».

* Выбор Сократа. И в этой классической ситуации можно увидеть как возможность выбирать – множество альтернатив, так и необходимость выбора одной из альтернатив. Можно обнаружить и момент рациональности выбора: обстоятельства искушали Сократа к бегству и, таким образом, к спасению жизни, но сознание нравственной невозможности такого решения запрещало побег, диктовало предпочтение требованиям чести. Так – «теплее» И все же здесь тоже нельзя сказать «горячо».

* Выбор, совершаемый родителями школьника: предпочесть школу традиционного типа – или «школу самоопределения»? И в этой ситуации с точки зрения идентификации этико-праксиологического подхода максимум оценки – «теплее».

* Игровая ситуация для студентов по мотивам рассказа «Срочный фрахт» Б. Лавренева и одноименного кинофильма. Половина студентов предпочла решить ситуацию выбора ценой жизни ребенка. Выше мы интерпретировали эту ситуацию с точки зрения важности (не)«узнавания» нравственного значения альтернатив выбора. Здесь же подчеркнем, что студенты стремились оптимизировать свое решение. С точки зрения идентификации этико-праксиологического подхода к моральному выбору – «горячо». Даже слишком – эта «оптимизация» произведена по критериям, прямо противоположным критериям этической праксиологии.

* Ситуация выбора для героя «Северной повести» Константина Паустовского. «Он сжал голову ладонями и задумался: как быть с дуэлью?». Классические признаки ситуации выбора. Включая поиск решения. «Теплее»? Более того, если обратить внимание на критерии принятого решения («оттянуть дуэль до совершения побега, остаться в Мариенгамне и стреляться. Это означало крушение всех его тайных мыслей о бегстве с Анной и жизни, полной радости и скитаний»), то «горячо». Даже очень «горячо», но в положительном-нравственном смысле.

* Ситуация выбора для учителя. Рассуждая о Первом и Последнем в классе, С.Соловейчик сформулировал жесткую альтернативу: «Знание или достоинство – вот как формулируется проблема». Тем не менее публицист рассказал и об опыте решения, снимающего альтернативу, – методике Шаталова. «Как задать вопрос? На какой стадии его задать? Что это за вопрос? Какие необходимы изобретения? Чтобы (а) слабый ученик ни на минуту не почувствовал, что он слабый, и (б) очень важно слабого ученика привести к очевидному для него успеху, чтобы за время обучения он увидел, что в силах справиться с такой задачей, которая на старте казалась ему невозможной. Через год–два, а иногда и через шесть месяцев он приходит к невозможному. И это произошло именно с ним. Это меняет его психологию: успех и достоинство сочетаются. Здесь вся соль в том, чтобы успех и достоинство не разделялись, чтобы успех содействовал внутреннему достоинству, чтобы это был успех не за счет других, как сейчас в школе часто происходит, а личный успех на успешном фоне. Тогда расцветает достоинство, сохраняется и выращивается, когда личный успех достигается на общем фоне успеха, когда и другие люди рядом с тобой также ценят успех и также его добиваются».

В этой ситуации выбора снова можно увидеть и возможность выбирать – множество альтернатив, и необходимость выбора одной из альтернатив. Нельзя не обнаружить и такой момент рациональности выбора, как взвешивание последствий каждого варианта решения. Но это всего лишь «теплее». А нам кажется, что в этом сюжете трудно пройти мимо очевидных признаков поиска и нахождения эффективного решения. Решения, непосредственно ориентированного на нравственное соответствие цели и средств. «Горячо». Может быть и неявно, но это вполне адекватная модель рационального морального выбора – в фазе целереализации – по критериям этической праксиологии. По критериям концепции, которую мы начали разрабатывать еще на стадии становления этико-прикладного знания, когда в формировании его предмета доминировали ситуации индивидуального морального выбора³³. Концепции, активированной с выходом прикладной этики на исследование «малых систем», где альтернативность категорического и условного императивов во многом смягчена, более того, их требования сопряжены, что проявляется в зависимости эффективности морального выбора от профессионально-нравственной компетентности субъекта.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ этико-праксиологического аспекта идеи рационального морального выбора – в фазе целереализации – как инвариантного основания прикладных этик с помощью примененной выше метафоры о двух Рубиконах весьма продуктивна. Прежде всего тем, что с ее помощью наряду с *ценностным* Рубиконом, определяющим достоинство цели, акцентируется роль Рубикона *этико-праксиологического*: целереализационного, операционального, определяющего эффективность средств для достижения цели.

Значимость особого внимания ко «второму Рубикону» определяется ответственностью субъекта морального выбора за эффективность поступка. Как мы знаем, объектив-

ное свойство ситуации морального выбора – возможность и необходимость для каждого субъекта иметь хотя бы расхожие житейские представления о том, «что такое хорошо...», – нередко оборачивается моральной самоуверенностью, своего рода романтической убежденностью в том, что для достойного выбора самодостаточно «благие намерения» и «добрые чувства». С такой точки зрения кажется естественным сведение всего содержания культуры морального выбора к способности чтения предписаний на «придорожных указателях», легко разводящих порядочных и бессовестных людей в разные стороны. В действительности же речь должна идти об особой моральной способности субъекта, его моральных заслугах (или вине) и с точки зрения соответствия в его поступках нравственно оправданной цели – и выбираемых для ее достижения средств; достоинства намерений – и адекватности их воплощения в конкретных деяниях, успешности этих деяний.

В целереализационном, операциональном, инструментальном аспекте реализации принятого решения осуществляется *конкретизация* моральных оснований предпочтения той или иной альтернативы. Этот тезис весьма важен в нашей концепции, так как в метафоре о двух Рубиконах есть риск упрощения. Риск механического заимствования идей праксиологии как общей теории эффективности человеческой деятельности. Риск их элементарной аппликации к проблемам морального решения. Риск введения «чисто праксиологических» критериев в моральную рефлексию без их этической апробации. И, в итоге, вместо освоения эвристического потенциала праксиологии – утери морального содержания «второго Рубикона».

Попытаемся обозначить необходимость профилактики этого риска соотношением задач общей праксиологии с задачами этической праксиологии, обсуждая вопрос: почему мы не ограничиваемся идентификацией «второго Рубикона» как *праксиологического*? Иначе говоря: с какой целью мы называем его именно *этико-праксиологическим*?

Как мы уже говорили в главе 2, ссылаясь на основоположника праксиологии Т.Котарбиньского, в соответствии с праксиологическим видением понятие «выбор» предполагает, что если «кто-то выбрал “то-то и то-то”», значит, он предположил возможность «сделать “то”» или «сделать “иное”»; затем сравнил первое «то» со вторым – «иное» и на этом основании намеренно поступил так, чтобы «было одно из двух» и столь же намеренно «не сделал так, чтобы не было другого». При этом – здесь самое главное – «в одном случае сделал это успешно», в другом – нет. Выбор здесь предстает как четкая рациональная процедура, совершаемая по строгим критериям целесообразности.

Среди мотивов создания «теории хорошей работы»³⁴ – так Т. Котарбиньский называл общую праксиологию, выделим осознание парадокса, обнаруживаемого при сопоставлении двух обстоятельств. С одной стороны, полагает автор, человечество как «многоголовый homo faber», вероятно, уже совершило все возможные наблюдения в «области эффективности различных способов активного поведения» и потому современному теоретику остается лишь перерабатывать, систематизировать, уточнять и разъяснять общие правила. С другой стороны, трудно найти причину отсутствия особой исследовательской дисциплины, которая имела своим предметом «изучение возможностей достижения наиболее эффективной деятельности». Отсюда далеко не риторический вопрос автора: «Не является ли своеобразным парадоксом, что homo faber не решился создать грамматику действия, хотя бы по примеру человека как существа говорящего?»³⁵.

Исследуя праксиологические «достоинства (недостатки)» действий, приписываемые им с точки зрения их *исправности*, выявляя, что определяет меньшую или большую исправность, что имеется в виду при оценке субъектов как таковых с точки зрения исправности их действия, Т.Котарбиньский утверждает: прежде всего, необходимо выявить – было ли действие успешным. Для праксиологии *успешным* считается действие, которое «ведет к следствию, задуманному в качестве цели». Если чье-либо поведение оценивается как успешное, а также неуспешное или безразличное, то применение этих характеристик ограничивается лишь применением к чьим-либо целям. А так как «успешность действий с точки зрения достижения цели – это не что иное, как целесообразность действий», понятия успешности и целесообразности в рамках праксиологии можно считать взаимозаменяемыми.

Обратим внимание на *моральную* саморефлексию праксиологической концепции. Прежде всего, такая рефлексия не только не чужда, но, фактически, атрибутивна праксиологии. Это может удивить. Ведь если все «семейство» праксиологических понятий,

включая базовое – «эффективная деятельность», в их обыденных значениях, *как кажется*, достаточно хорошо известно, так как оно обладает завидным свойством самоочевидности, во всяком случае – при первом приближении, то как раз моральные смыслы этих понятий таким спасительным свойством не обладают. Более того, они кажутся совершенно чуждыми праксиологическому измерению. Тем не менее моральная саморефлексия в «теории хорошей работы» налицо.

Характерен поиск праксиологического содержания, предпринятый Т. Котарбинским в ... моралистической литературе. «Моралисты рекомендуют нам избегать несчастья и сохранять чистую совесть. Обычно они рассматривают эти вопросы совместно с проблемами эффективного действия, поскольку последние необходимы им для освещения путей добродетели и доказательства безысходности морального падения», – отмечает автор. Такого рода смешанный характер он выделяет в произведениях баснописцев Федра, Лафонтена, Крылова и др. И если, например, «Волк и журавль» – скорее рассказ о неблагодарных, которые злом платят за добро, то основной мыслью басни о медвежьей услуге является не просто порицание дурных чувств и склонностей, но – в образной форме – критика плохой работы. Соответствующая сентенция по Т.Котарбинскому звучит так: «нецелесообразным является всякое действие, устраняющее препятствие на пути к данной цели таким способом, что сама эта цель также оказывается уничтоженной»³⁶. Вывод автора из анализа множества предостережений и поучений, содержащихся в басенной литературе, заключается в том, что постулаты нравственные здесь переплетены с рекомендациями, предметом которых является целесообразность или нецелесообразность.

Но есть ли у рекомендаций праксиологического толка *этическое* содержание и, если есть, то обладают ли этим содержанием сами праксиологические рекомендации, пусть и включенные в содержание моралистики, или моральный смысл им придают лишь цели, во имя которых они применяются? Намеренно обострим постановку вопроса, обратившись к комментариям Б.Рассела к «науке успеха» Н.Макиавелли. По мнению автора известной работы по истории западной философии, если существует такого рода наука, то «ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, – даже лучше, ибо примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых». Однако, подчеркивает Рассел, такая наука «пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же, как и грешник, должен ждать достижения успеха»³⁷. Не вторгаясь пока в сложнейшую проблему соотношения целей и средств, особенно в ту ее грань, которая связана с допустимостью зла во имя добра, все же отметим, что Б.Рассел реабилитирует идеи Н.Макиавелли, традиционно отождествляемые (и обыденным, и теоретическим сознанием) с его *личной моральной позицией* и с его *моральными рекомендациями*, как *праксиологические*. В действительности же, по мнению Рассела, Макиавелли занимал вполне определенную оценочную позицию относительно «выведенных» им норм политической целесообразности. Аналогичную работу относительно этического содержания «макиавеллизма» проделал в свое время и Л.Колаковский.

Вполне определенный ответ на дискуссионный вопрос об этической нейтральности либо ангажированности рекомендаций праксиологического толка дает анализ исследования (и культивирования) праксиологией этических аспектов «техники борьбы». Вообще *борьба* для праксиолога – любое действие с участием по меньшей мере двух субъектов, где хотя бы один из субъектов препятствует другому. Праксиолога при этом интересует только *исправность техники борьбы*. Другие же ее стороны значат лишь косвенно – в той мере, в какой от них зависит усиление или ослабление *исправности*.

Из этого не следует, что праксиолог сам может рекомендовать любые из обоснованных практикой приемы техники борьбы. Т.Котарбинский подчеркивает: «то, что хорошо с праксиологической точки зрения, может быть достойным осуждения с точки зрения, например, добросовестности». Но знание и этих приемов полезно – хотя бы для воспрепятствования тому, кто прибегает к этим приемам «с целью застигнуть нас врасплох и одержать победу»³⁸. В то же время праксиология не забывает, что тот, кто обучает искусству борьбы вообще, пусть и косвенно, становится соучастником возможного применения этого искусства. И действительно, «имея дело с темой борьбы, трудно не затронуть ка-

ким-либо образом сердце, совесть, даже в том случае, если понятие борьбы взято во всей его общности и рассматриваются в основном только технические условия "исправности". Более того, занимаясь, казалось бы, нейтральной – технической – стороной борьбы, праксиолог не позволяет себе «умыть руки», ибо техника борьбы, как и любая техника, может применяться как с пользой для людей, так и во зло им. В то же время праксиология полагает, что «всеобщая польза от честного сознательного применения ее техники значительно больше, чем вред, который принесут результаты употребления этой техники нечестными людьми»³⁹.

Итак, «теория хорошей работы» морально рефлексивна. Вполне активно обсуждается соотношение критериев морали и «исправной работы». Разрабатывает критерии и правила, способные повысить эффективность решений субъекта, стремящегося к нравственно достойной цели. Однако описывает отношения этики и праксиологии лишь с помощью союза «и». Предполагая и даже подчеркивая моральные проблемы, возникающие в связи с рекомендациями праксиологии, автор концепции и ее сторонники разрабатывают общую теорию эффективности человеческой деятельности и не ставят задачи довести моральную рефлексию праксиологических проблем до идеи конвергенции этики и праксиологии.

В свою очередь *этико-праксиологический* подход к моральному выбору – феномен прикладной этики, для идентификации которого союза «и» недостаточно. Этот подход – «этика родительного падежа»: этика эффективного решения, этика успеха... И т.д. В отличие от общей праксиологии концепция этической праксиологии рассматривает проблему эффективности деятельности и целесообразности выбора в соответствии с вполне определенной задачей – выработкой принципов, правил и норм, определяющих методы достижения морально-положительных целей и уже потому *запрещающих* применение для этих целей таких средств, за эффективностью которых явно или скрыто выявляется опасность извращения цели, а то и полной потери ее нравственного достоинства. Существенной особенностью этической праксиологии является возможность обнаружения действительной ценности целей, рассматриваемых в качестве морально-положительных, разоблачения софистических приемов оправдания выбора любых средств, возможность вскрывать стоящие за этими средствами аморальные цели. При этом *этико-праксиологический* подход акцентирует значимость акта поиска и принятия решения: для него характерны и нравственная поддержка готовности субъекта в трудной ситуации не уклоняться от выбора, а действовать, готовности разрешить ситуацию – «между Сциллой и Харибдой надо грести», и ориентация субъекта на поиск эффективного решения, и моральная компетентность субъекта в сложнейшей процедуре соотношения цели и средств.

6.4.2. Потенциал этико-праксиологического основания в решении проблемы цели и средств

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ выше *этико-праксиологический* подход, конкретизированный в виде рассуждения о необходимости выделения второго Рубикона в моральном решении, позволяет квалифицировать как весьма конструктивную серию вопросов, с помощью которых мы обычно программировали обсуждение на тему «Оправдывает ли цель средства?» (разумеется, этот вопрос имеет смысл лишь в такой версии: оправдывает ли высокая цель низкие средства?). Нравственная цель (точнее было бы сказать нравственно-положительная цель) и эффективные средства... Существует ли между ними неразрывная связь, или они безразличны друг другу? Есть ли ограничения в выборе эффективных средств для достижения нравственно достойной цели? Определяются ли эти ограничения характером цели или характером средств? А может быть, они лежат вне соотношения цели и средств, например, в некоей высшей цели, которая и определяет ценность и способы достижения всех других целей и потому служит решающим аргументом морального выбора? Определенная абстрактность этого вопрошания может стать вполне *прикладной*, если его ориентировать на рациональный поиск критериев выбора поступка.

Этико-праксиологическое основание морального решения дает прикладным этикам ориентиры преодоления антиномии «беспринципной силы» и «бессильного принципа».

* Ценность средства в значительной степени обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство применяется, но цель именно определяет средства, а вовсе не оправдывает их. Всякие рассуждения относительно «оправдания»

какого-то средства означают на деле лишь приписывание средству свойства, объективно ему не присущего. В моральном смысле такого рода манипулятивная операция означает просто вынужденное лицемерное прикрытие безнравственных действий ссылками на благородство, возвышенность целей.

* Результат, в котором воплощается цель, суть предназначения средства. Выбор не соответствующих цели средств ведет к нежелаемому результату и тем самым искажает природу цели, делает ее безнравственной.

* Обусловленность нравственной ценности средства характером цели предполагает такие характеристики ценности средства, как абсолютность и объективность. Целесообразность выбора «любого» средства оказывается в действительности лишь видимостью. Именно поэтому тезис «цель определяет средства» взаимодополняется тезисом «средства определяют цель».

* Нравственная цель и средства ее достижения не только взаимоопределимы, но и соотносительны, а это означает, что любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства и, наоборот, то, что было лишь средством, в новой ситуации морального выбора способно оказаться целью. Дело в том, что смысл цели смещается в системе отдаленных целей, их дальних горизонтов, где действуют принципы соподчиненности и иерархии целей. Если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более значимой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто как лишнее целесообразности.

* В ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное с нравственной точки зрения средство, возникает необходимость поиска *наименьшего зла*. Здесь обязательно видеть три смысловых грани проблемы. (А) Речь может идти о принципе выбора, который в положительном ключе формулируется как требование максимизации добра, отрицательное выражение которого и звучит как принцип минимизации зла. (Б) Через понятие меньшего зла возможна трактовка результатов согласования объективных и субъективных элементов ситуации морального выбора, скажем, проблема компромисса желаний и условий, и принцип меньшего зла играет роль своеобразного балансира, требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств выбора. (В) Нравственно-конфликтная ситуация требует согласиться с осознанной жертвой одними моральными ценностями во имя сохранения ценностей более высокого порядка. При таком подходе делается равное акцентирование на разнознаковые моменты этого критерия выбора: *меньшее зло*, однако, все же *зло*.

* Позволим себе формулу в надежде, что ее уязвимость не перевешивает ее конструктивность. Нравственно и целесообразно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения положительно-нравственной цели, которое не противоречит более высокой цели, не изменяет ее морального характера. В этом выводе слиты два требования к средствам выбора: эффективность и нравственная ценность, при этом ориентация на целесообразность средств приобретает нравственное качество. Разумеется, это лишь самый общий вывод, не избавляющий личность от морального творчества в ситуации выбора. Творчества, в котором бремя и радость решения сбалансированы далеко не всегда. При всем этом надо учесть, что мораль не только инструментальна, но и самоценна. Соответственно, нравственные цели вовсе не предполагают обязательного размещения на иерархической лестнице: они самодостаточны.

ПРОКОММЕНТИРУЕМ потенциал *приложения* некоторых из этих критериев, инвариантный, на наш взгляд, для различных прикладных этик.

* Первое приложение: этико-праксиологический подход помогает проявить причины несоответствия цели и средств, нередко возникающего в практике морального выбора. Такое несоответствие может быть вызвано, с одной стороны, скрытым безнравственным характером самой цели, по отношению к которой избранные средства как раз целесообразны, вполне эффективны. Здесь средства высвечивают аморальную природу цели. Классическим примером ситуации выбора с заведомо аморальными целями является преступление Родиона Раскольникова. На первый взгляд, читателю романа Ф.М. Достоевского может показаться, что в ситуации Раскольникова речь идет о благих намерениях, которыми «вымощена дорога в ад», то есть о противоречии высокой цели и неправильно выбранных средств. Однако писатель показал, что аморальность средств и результатов в поведении Раскольникова находится не столько в противоречии с целью, сколько в соот-

ветствии с «подпольными» целями, с преступным замыслом. Именно средства и результаты выявляют подлинную цель Раскольникова. Герой «Преступления и наказания» безудержно стремился к реализации своих эгоистических целей, пытаясь убедить себя и других в том, что аморальные приемы, используемые им для продвижения «наверх», оправданы святостью цели⁴⁰.

С другой стороны, несоответствие это может быть обусловлено попытками человека строить эффективное решение по образцу беспринципной деятельности. Здесь средства деформируют вполне нравственный характер цели. Почти классическим примером ситуации, в которой человек противопоставляет злу его же «беспринципную силу» (стремясь оптимизировать свои действия за счет освоения арсенала людей беспринципных, не гнушающихся «любыми средствами», оправдать свой выбор, пытаясь убедить себя и других в невозможности победить зло «неэффективными средствами добра»), является ситуация страхового агента Юрия Деточкина – героя и сегодня нестареющего фильма «Берегись автомобиля», не стареющего и по художественным критериям, и с точки зрения распространенности этого типа борьбы со злом в практике.

Обе ситуации – Раскольникова и Деточкина – убеждают, что связь требований нравственной ценности и эффективности оказывается неразрывной: этический контроль не ограничивается ни только средством, ни только целью. «Цели без средств пусты, средства без цели слепы».

* Второй вариант приложения этико-праксиологического подхода – к ситуациям, вынуждающим человека решаться на выбор средств, ведущих (?) к цели очень дорогой ценой. Потребность оптимизировать выбор в ситуации, не дающей возможности применить безукоризненное в моральном смысле средство, обращает человека к поиску «меньшего зла». В этом случае не может не возникнуть вопрос об «оправдании» средств целью, за некорректной формулировкой которого скрыты сомнения и колебания по поводу права использования определенного рода средств, несущих с собой и отрицательные моральные последствия.

Мы уже говорили выше, что проблема «меньшего зла» имеет несколько смыслов. Среди них – ситуация, в которой под «меньшим злом» можно понимать результат согласования объективных и субъективных элементов ситуации выбора, например согласование между «Сциллой желаний» и «Харибдой условий». В этом случае «меньшее зло» играет роль своеобразного «баланса», требуемого неблагоприятным стечением обстоятельств. Так, например, рассказывая о замысле своего романа о деловых людях «Большая пайка», Юлий Дубов говорит, что его книга – про людей, подчиненных цели, «абсолютно рациональной» деятельности. У этой деятельности «есть свои законы, преступить которые нельзя». Автор отмечает, что к Евангелию эти законы отношения не имеют, но «поступая в соответствии с этими законами, можно задавать – а можно и не задавать – себе вопрос: я моральный человек или нет? Я правильно поступаю или нет?». И люди, задающие себе эти вопросы, дают разные ответы. «Если хочешь жить по-божески, – брось заниматься этим, уезжай куда-нибудь в другое место и живи по-божески, если окружающая среда тебе позволит. Это нормальный выход, я знаю людей, которые так и поступают. Но если ты выбрал эту жизнь, в этих условиях постарайся быть приличным человеком, насколько эти условия допускают. Это максимум того, что ты можешь себе позволить».

Еще один, наиболее эвристический смысловой аспект проблемы «меньшего зла» – когда она рассматривается применительно к выбору компромиссного характера в ситуациях, требующих от личности осознанной жертвы одними моральными ценностями во имя сохранения других ценностей. Основной смысл проблемы оценки «меньшего зла» в практике нравственной деятельности и заключается в понимании меры допустимости компромиссов и готовности к ним в ситуации морального выбора. Речь здесь идет только о тех компромиссах, которые отражают объективные особенности конфликтных ситуаций (своеобразно преломляя общеисторическую закономерность развития прогресса как преодоления определенных форм зла). В таких ситуациях важно побороть искушение решить конфликт по логике «либо-либо» и попытаться найти оптимальный путь согласования принципов с особенностями обстоятельств, принять решение, не нарушающее границ между тактикой и беспринципностью. Компромисс – один из наиболее сложных и тонких актов морального выбора. В нем особенно велик риск уничтожения нравственного харак-

тера цели в процессе ее достижения. Однако конструктивный вывод из опасений за характер компромисса не может быть ни догматическим его отрицанием, ни релятивистским обожествлением. Такой вывод предполагает поиск и соблюдение меры компромисса.

В этом случае компромиссный моральный выбор – это в первую очередь выбор так называемых «вынужденных средств», без помощи которых нельзя разрешить ситуацию. Ригористический отказ от таких средств с необходимостью ставит принимающего решение человека в такое положение, когда во имя уничтожения возможности зла он уничтожает возможность добра и, тем самым, вольно-невольно позволяет торжествовать злу. Естественно, может возникнуть вопрос: зачем в таком случае постоянно напоминать о сложности и противоречивости средств морального выбора, акцентировать неизбежность жертв моральными ценностями при выборе «вынужденных средств»? Наше предложение заключается в следующем. Вовлеченный в ситуацию выбора человек может принимать решение, исходя из различных позиций: «не навреди» – «рискни», «помоги» – «уклонись»; он может проявлять перестраховку – и смелость; бескомпромиссность – и гибкость. Любая из этих установок прямо или косвенно выражает то или иное отношение к принципу «меньшего зла». Но осознание того, что в конфликтной ситуации моральный выбор является отрешением от какой-либо ценности во имя ценности более высокой, необходимо. Для того, чтобы иметь основания решимости действия, с одной стороны, чтобы видеть отрицательный характер побочных последствий такого выбора и понять необходимость сведения этих последствий к минимально возможным – с другой. Напомним, что в таком подходе ударение делается и на позитивный, и на негативный моменты этого критерия выбора: зло, но все же меньшее; меньшее, но все же зло. Возможно, роль «меньшего зла» в таких ситуациях – дать надежду минимизировать необходимость прибегать к нему.

Мы полагаем, что предложенная выше этико-праксиологическая проблематизация служит одним из важных оснований решения ситуаций морального выбора в различных прикладных этиках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Введение в биоэтику: Учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция. 1998.

² Там же. С.35.

³ Там же. 34-35

⁴ Donaldson T. The Ethics of International Business. – N.Y.-Oxford: Oxford University Press, 1989. С.3-9.

⁵ Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике. С.153.

⁶ Бродский А.И. Casus conscientiae. Казуистика и пробабиллизм с точки зрения современной этики // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Сер. «Мыслители», вып. 12. СПб.: С.-Петербург. филос. общ-во, 2002. С.294.

⁷ Там же, С.293.

⁸ Лефевр В.А. Алгебра совести /Пер. со 2-го англ. изд., с дополн. М.: Когито-Центр, 2002.

⁹ Professional ethics // Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.V.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. 2001. P.1385.

¹⁰ Муратов С.А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). С. 9-10.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Введение в биоэтику. С. 14-15.

¹³ Там же.

¹⁴ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 41.

¹⁵ Лазари-Павловска И. Указ. соч. С. 207-208.

¹⁶ Professional ethics // Encyclopedia of ethics. P.1386.

¹⁷ Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29.

¹⁸ См.: Самотлорский практикум. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Тюмень, 1988.

- ¹⁹ Текстом программы экспертизы открывается подборка материалов проекта в ж. «Ведомости» НИИ ПЭ, вып. 29.
- ²⁰ Набранные курсивом цитаты взяты из текстов участников проекта «Двадцать лет спустя», опубликованных в ж. «Ведомости», вып. 29.
- ²¹ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (5). Медиаэтнос. Журналист в ситуации морального выбора; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналистов. Тюмень, 2002.
- ²² Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С.16.
- ²³ См., напр.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения; Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975; Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985; Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып.3. Москва-Тюмень, 1995; Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000, и др.
- ²⁴ См. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. С. 30.
- ²⁵ Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Указ. соч. С.30.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Шубкин В.Н. Начало пути. М., 1979. С. 9-10.
- ²⁸ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире.С.14.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. С. 39.
- ³¹ Там же. С. 5.
- ³² См.: Тетради гуманитарной экспертизы (5). Журналист в ситуации морального выбора.
- ³³ Бакштановский В.И. Задачи этической психологии. В сб.: Насущные проблемы этики. Тамбов 1975. Vaksztanovski W. Etyka a prakseologia // Etyka. № 19, 1981.
- ³⁴ Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.
- ³⁵ Там же, с.27.
- ³⁶ Цит. соч., с.24.
- ³⁷ Рассел Б. История западной философии. М., 1983. С.529.
- ³⁸ Цит. соч., с.207.
- ³⁹ Цит. соч., с.226.
- ⁴⁰ Подробнее об этом см.: Карякин Ю. Самообман Раскольникова. М., 1976.

Общепрофессиональная этика: алгоритм конкретизации морали в «малых системах»

РАЗВЕРНУТАЯ в этой главе концепция общепрофессиональной этики предлагает общую для «малых систем» (исключая вне - и надпрофессиональные этики) *алгоритмизацию процесса конкретизации морали*. Разработанный нами *инвариантный алгоритм* этико-прикладного исследования (а значит, в том числе и *проектирования*), описания и рефлексии – в процессе самопознания профессионалов – проблем общепрофессиональной этики и ее подсистем, в своей первоначальной версии позволил исследовать предпринимательскую, политическую, журналистскую этики, этику воспитания, этику образования и др. В модернизированном варианте этот алгоритм представлен в главе 3 при характеристике арсенала концепции конкретизации морали. На наш взгляд, этот алгоритм инвариантен не только тем профессиональным этикам, которые мы исследовали в своих работах, но и медицинской этике, этикам инженера, менеджера, юридической этике, этике социальной работы, пиардеятельности и т.д.

Рассмотрим основные признаки этики профессии в соответствии с этим алгоритмом, учитывая, что некоторые из его «шагов» уже представлены в предшествующих главах (например, этика профессионального успеха и апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» – в главе 5, выбор профессии как моральный выбор – в главе 6, пракτικότητα профессиональной этики как вида прикладной этики – в главе 3).

7.1. «Предназначение» профессиональной этики

В рамках первого шага алгоритма нам предстоит здесь дать характеристику предназначения (отличив его от *функции*) профессиональной этики и идентифицировать профессиональную этику как вид этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества (анализ соотношения этики профессиональной и этики общественной, определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса – предпринят в предшествующих главах).

ОСНОВНОЙ мотив выбора пафосного понятия «*предназначение*»¹ для заголовка этого параграфа – критичное отношение к весьма распространенной в литературе абсолютизации роли *функционального* направления поиска идентичности профессиональной этики. Основной аргумент такого выбора – интерпретация *дуалистичности* морального феномена, представленная в главе 1: мораль не только социальное изобретение, обслуживающее социальные системы, но и институт, *превосходящий функциональность*, ориентирующий на критику заведенного в социуме порядка.

Решаясь на пафосное понятие для определения темы этой главы, мы тем самым подчеркиваем, что для понимания природы и «духа» профессиональной этики (морали) *сегодня* принципиально важными оказываются вопросы «ради чего?» и «во имя чего?» (а не просто – «с какой целью?» и «как?»). Именно рефлексия смыслоакцентированных вопросов отличает нормативно-ценностную систему *профессии* от моральных аспектов иных, *внепрофессиональных* видов человеческой деятельности. И если практически все виды человеческой деятельности регулируются определенными нравственными (часто – *паранравственными*) нормативами, то *профессии* характеризуются еще и миссией. Соответственно – и *предназначением* присущих им профессиональных этик, развитых нормативно-ценностных систем. При этом наличие у *профессии* отрефлексированной миссии прямо связано с предназначением (миссией) соответствующей *профессиональной этики*.

Уместно обратить внимание на то, что целенаправленное обсуждение роли миссии, предназначения в обосновании природы профессиональных этик встречается в литературе скорее как исключение, чем правило, а если и встречается, то рефлексия по этому поводу осуществляется далеко не последовательно. Чаще всего речь идет об ответственности профессии как причине появления и развития профессиональных этик, от-

ветственности перед клиентами, перед самой профессией и ответственность перед обществом. На наш взгляд, аргументация от имени социальной ответственности профессии вполне приемлема. Но пределы ее эффективности определяются тем, насколько последовательно исследователи и авторы учебников обращают внимание на язык *морального оправдания* профессии (в том числе *оправдания* власти профессионала в сфере его деятельности, без которой он не сможет выполнять свои задачи, при этом ограничивая полноту этой власти), предполагающий обращение не только к регулятивной, функциональной, но и к ориентирующей роли морали в целом, профессиональной морали – в том числе. В то же время анализ литературы по профессиональной этике показывает, что нередко тема предназначения профессиональной этики заменяется обсуждением ее функций. На наш взгляд, одним из примеров может послужить суждение, согласно которому «первой и главной функцией профессиональной этики является содействие успешному решению задач профессии»². Не чреват ли такого рода подход инструментальным отношением к профессиональной этике и вольным-невольным редуцированием ее предназначения к прагматической функции?

Еще раз: в основе доминирования функционального подхода к профессиональной этике лежит абсолютизация – может быть, и неосознанная – лишь одной из сторон *дуалистического* морального феномена. При, казалось бы, равной вероятности как гиперморальной, так и гиперсоциальной односторонностей в интерпретации дуализма природы профессиональной этики (морали), в реальной практике встречается скорее вторая крайность. Соответственно, акцентирование предназначения профессиональной этики важно потому, что позволяет увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*, ориентирующий такую этику на критическое отношение к практикуемым профессиональным *нравам*. В свою очередь, предназначение профессиональной этики предполагает и *самокритику* профессии, в том числе ее постоянное соотнесение с ценностями общества. Выше мы уже указывали на характерный пример такой самокритики – формирование специального направления в журналистике под названием *медиакритика*, существенным содержанием которой является этическая критика журналистской практики. Поэтому и общество, в свою очередь, держит профессиональную этику под пристальным критическим вниманием, не только спрашивая себя «время от времени»: «хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами», но и, «если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области», задавая себе не риторический вопрос: «может быть стоит пересмотреть соглашение?»³.

Значимость для отечественной ситуации активного поиска идентичности профессиональной этики возрастает в связи с тем, что в процессе такого поиска нередко предлагаются весьма спорные аргументы в пользу актуализации этой темы, аргументы, сблизняющие своей облегченностью и благодаря этому вольно-невольно уводящие от глубинных оснований высокой актуальности проблем профессиональной этики.

Прежде всего речь идет об аргументах, редуцирующих смыслоценностное содержание профессии. Например, наряду с известными аргументами сторонников «карнегизации» этики, порождающими абсолютизацию этикетно-инструментальной стороны морали, заметна тенденция оправдания значимости профессиональной этики тем, что она менее ригористична и более эгоистична, а потому минимизирует моральное напряжение в деятельности профессионалов и профессиональных групп. Вариант аргументации такого рода – тезис «честность выгодна». Выгодна при такой трактовке чем? Например, тем, что наличие этического кодекса снизит *затраты* на другие способы регуляции профессиональной деятельности, например, на суд. Выгодна не только личности, но и профессиональному сообществу, ибо не столько *ограничивает свободу действий профессионала*, сколько *заботится о защите интересов профессиональной группы*. «Милость» профессиональной этике, оказываемая такого рода аргументацией, примитивизирует актуальность ее развития: низведение этики профессии до функции, отказ ей в надфункциональности, в миссии, оборачивается, например, тем, что широко распространенное требование социальной ответственности профессии нередко интерпретируется как ответственность реактивно-адаптивная и сводит моральность к легальности.

В СВОЮ очередь, стратегия культивирования в нашем обществе профессиональной морали в известной мере определяется уровнем развития теоретизирования в этой

сфере, которую мы считаем в целом сферой этико-прикладного знания. Понимание предназначения профессиональной этики непосредственно связано с выяснением того, что ее объединяет, а что – выделяет в отношении к нормативно-ценностной системе общества, общественной, *общеобщественной* этике (морали). В свою очередь, успех попыток такого рода понимания зависит от той или иной характеристики взаимоотношений профессиональной и прикладной этик. Являются ли профессиональные этики *прикладными*? И если являются, то как это влияет на их природу и как определяет их отношения с этикой общественной, общеобщественной?

Значение статуса профессиональной этики как этики *прикладной* редко является актуальным предметом рефлексии авторов работ о конкретных видах профессиональной этики. Чаще всего характеристика профессиональной этики как прикладной подразумевается. Однако при этом нередко ограничиваются фиксацией отнесения профессиональной этики к виду специальных этик, применяющих принципы общей этики в специализированных видах деятельности. Что такое соотношение дает для понимания природы профессиональной этики, чаще всего не обсуждается. Но даром такая минимизация усилий не дается. Например, у автора известной работы по деловой этике в одном ряду оказываются деловая, медицинская, техническая этики⁴. В итоге уход от различия деловой и профессиональной этик оставляет, например, без внимания обсуждение известного тезиса о том, что цель бизнеса – выгода, а цель, например, медицины – здоровье пациента. Однако и в тех редких случаях, когда вопрос о соотношении профессиональной и прикладной этик все же поднимается, хотя бы на уровне анализа понятий, это нередко совершается с помощью излишне категоричных суждений относительно объема понятия «профессиональная этика», редко отличаемого от понятий «деловая этика», «трудовая этика», а то и, как уже отмечалось выше, прямо отождествляемого с ними. Например: «Профессиональная этика ...осуществляет связь и наследование прогрессивных моральных ценностей в нравственных отношениях *трудовой сферы*» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)⁵. А ведь это работа о предпринимательской этике, отнесение которой к разряду именно профессиональных этик требует доказательств, хотя бы по поводу различия целей бизнеса и медицины, о котором говорилось абзацем выше.

В публикациях, посвященных представлениям о профессиональной этике как таковой, обостренное внимание к ее соотношению с прикладной этикой также весьма редко. Характерны в этом плане соответствующие словарные статьи в этических энциклопедиях. В одной из них обсуждаемый нами вопрос вовсе не ставится⁶. В другой – заявлена сама тема взаимосвязи профессиональной этики с прикладной, однако реально эта связь не проявляется⁷.

В отечественной этической литературе, посвященной общей теории морали, возникший в последние годы интерес к вопросам прикладной и профессиональной этики при обсуждении вопроса об их соотношении нередко рассматривается с помощью очень мало (или очень много?) говорящего союза «и». Характерны в этом плане названия ряда исследовательских центров за рубежом и у нас в стране типа: «Центр прикладной *и* профессиональной этики» (выделено нами. – В.Б., Ю.С.).

Обратившись к немногочисленным отечественным теоретическим дискуссиям о соотношении прикладной и профессиональной этики, мы находим примеры подходов, прямо разводящих и даже противопоставляющих прикладную и профессиональную этику, – и совершающих это различие с меньшей категоричностью. Но во всех случаях за такими подходами стоит определенное понимание природы прикладной этики. По одной из версий, профессиональная этика отражает позицию людей, находящихся в профессии, а прикладная – позицию людей, находящихся вне профессии, но при этом затрагивающей надпрофессиональные, общественные интересы. «Профессиональная этика – для профессии. Прикладная этика – для всех, кто не является членами этих профессий, кто находится вне их, но кто кровно заинтересован в том, как будут идти дела в этих профессиях... Поэтому прикладная этика ... представляет собой форму регуляции деятельности не изнутри, а извне»⁸.

Другая версия соотношения профессиональной и прикладной этики также заключается в их разведении: «я рассматриваю профессиональную этику не как разновидность прикладной этики», но на другом основании, чем в цитированной выше работе: «под прикладной этикой я понимаю раздел, направление, а лучше сказать – аспект исследований

морали, наряду с философской, нормативной и дескриптивной этикой). Предметом прикладной этики является императивное и ценностное содержание профессионально и/или предметно определенных практик; ее задачей является этическая рационализация, т.е. осмысление, критика или обоснование тех или иных стратегий, тактик и методов профессионально и/или предметно определенных практик»⁹.

Еще одна версия различает профессиональную и прикладную этику менее категорично, но различает именно из-за своеобразной трактовки прикладной этики. «Прикладная этика тесно соприкасается, а отчасти и совпадает с профессиональной этикой, но не тождественна с ней. Различия касаются, по крайней мере, двух пунктов: профессиональная этика конкретизирует общие моральные требования применительно к своеобразию соответствующей профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения», в то время как прикладная этика «имеет своим предметом конкретные моральные ситуации; первая рассматривает профессиональное поведение, вторая – общезначимые проблемы»¹⁰.

Как видно уже из предельно краткого обзора подходов исследователей, дискуссия о соотношении прикладной и профессиональной этики находится скорее всего лишь в начале пути. Но уже сегодня весьма важно учесть, что даже в ситуации, когда на смену свойственному отечественной этике недавних времен негативному отношению к самому факту конституирования прикладной этики приходит ее формальное признание, сама по себе квалификация профессиональной этики через отнесение ее к прикладной этике зависит от того или иного понимания природы прикладной этики.

Так, например, описанное в главе 3 «дополнительское» и «исключительское» представление о природе прикладной этики оборачивается соответствующим представлением о природе профессиональной этики. Пример первого случая: в работе, обосновывающей необходимость этики бизнеса, говорится о *дополнительных* моральных требованиях по отношению к универсальной морали¹¹. Во втором случае речь идет об обнаружении таких особенностей, таких ситуаций поведения профессионалов, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, и задача этической теории в этом случае – оправдать подобные отступления, предельно минимизировать их до единичных случаев.

Сформулировав в главе 3 критические замечания в адрес таких подходов, мы полагаем, что профессиональные этики являются видом *прикладной* этики как нормативно-ценностной системы, конкретизирующей общественную мораль, с одной стороны, теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания, фронтистических технологий приложения (этическое ноу-хау) – с другой. Следствия такого подхода показаны в последующих параграфах.

7.2. Природа профессии: «моральное измерение»

Второй шаг алгоритма, который мы считаем инвариантным для профессиональных этик, – анализ «морального измерения» природы профессии как основание для структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются, во-первых, различие между профессией и непрофессиональными видами человеческой деятельности и специфика высоких профессий, во-вторых – этос профессиональной корпорации и саморегулирование профессии.

7.2.1. Professions или occupations?

СРЕДИ способов проблематизации рассуждений о природе и предназначении профессиональной этики (морали) – характеристика природы *профессии* с точки зрения возможности и необходимости включения в эту характеристику *нравственной* составляющей. Этот подход предполагает преодоление ряда затруднений.

Во-первых, уже отмеченной в главе 5 распространенной практики (не)намеренного неразличения понятия «профессия» с понятием «род занятий, вид деятельности»¹². Так, обратившись к практике языка, мы обнаружим, что с термином «профессия» могут быть связаны разные значения. Например: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д. В то же время важно иметь в виду, что, начиная с А. Флекснера, для различения по-

ятий «профессия» и «род занятий, вид деятельности» используются определения *professions* и *occupations*; и в качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социологии выделяет тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения». Представляется, что неакцентирование смысла различия *professions* и любого *специализированного* рода занятий, вида человеческой деятельности, уверенность в *очевидности* содержания понятия «профессия» рискованны для исследований по профессиональной этике.

Во-вторых, попытка этического анализа феномена *professions* должна считаться с фактом неоднозначности трактовки этого феномена как в теоретическом, так и в практическом сознании. Этот факт дал определенное основание для весьма категорического заявления Г. Беккера о том, что «из-за противоречивости суждений не было достигнуто ни одного соглашения относительно точного определения термина»¹³.

В-третьих, сама трактовка *этической составляющей* профессии, содержание ее «морального измерения» могут весьма различаться. Прежде всего речь идет о широкой практике актуализации моральных проблем профессии через рассуждения о соотношении профессии и морали (вспомним названия параграфов в целом ряде учебников: «Мораль и политика», «Мораль и бизнес», «Мораль и труд» и проч.) и о редких попытках поиска этического компонента в природе самой профессии. Кроме того, можно свести различие профессии от любого вида занятий к подчеркиванию значимости для первой наличия профессионального сообщества, а можно говорить еще и об отличии первой благодаря феномену миссии, а также противопоставляя профессии и другие виды деятельности через известную дилемму «служение в профессии» и/или «жизнь за счет профессии» и т.д.

САМЫЙ элементарный обзор распространенных в исследовательской литературе определений профессии позволяет обнаружить множество наборов признаков разной степени полноты, разные списки индикаторов собственно профессии, представляющие собой определенные множества. В качестве классического примера наиболее полного набора индикаторов называют список Дж. Миллерсона, составленный из двадцати трех индикаторов¹⁴. Что характерно для такого рода «списков»? Выбирая минимальный список факторов, позволяющий считать определенный вид деятельности профессией, они склонны, в лучшем случае, к непоследовательному вниманию к этической составляющей природы профессии, ее моральному измерению. Этическая составляющая не всегда входит в число необходимых признаков. Поэтому уместно замечание автора статьи в Международной энциклопедии этики о том, что такого рода широко распространенные способы понимания термина «профессия» не подходят «в качестве базиса для нормативной профессиональной этики, поскольку каждое из таких определений выбирает в качестве профессий некий набор видов деятельности, которые с точки зрения нормативной этики ничем существенно не отличаются от других видов деятельности, классифицируемых как “не относящиеся к профессиям”»¹⁵. Чего, с точки зрения автора, не хватает? «Главное преимущество, которое общество предоставляет представителям определенных видов деятельности, – это право на значительную долю самоконтроля над их собственными действиями»¹⁶. Иначе говоря, не хватает существенного признака морального измерения профессии – *саморегулирования*.

Откладывая этический анализ феномена саморегулирования для специального фрагмента данного параграфа, далее подчеркнем наличие иных подходов к пониманию природы профессии, которые прямо или косвенно фиксируют феномен *морального измерения* профессии. С этой точки зрения характерны исследования в сфере сформировавшейся в XX веке «социологии профессий». Для одного из методологических подходов в рамках этого направления как раз и характерно последовательное различение *professions* и *occupations*. В числе удачных компилятивных совокупных портретов идеального типа профессии исследователи называют модель Р. Повалко. Обратим внимание на те из предлагаемых Р. Повалко индикаторов «истинной профессии», которые, на наш взгляд, прямо обращены к этической составляющей. Первый из них: «профессиональная компетентность должна соотноситься с центральными ценностями общества». Второй: «профессионалы должны быть ориентированы на служение обществу», иначе говоря, мотивации этики служения должно отдаваться предпочтение перед мотивацией к личной вы-

годе. Третий индикатор: «профессионалы руководствуются в своих действиях этическим кодом» (кодексом). Четвертый: «профессиональное сообщество – значимый критерий формирования профессиональной идентичности»¹⁷.

Выделим работу, которая позволяет увидеть разные трактовки собственно содержания этической составляющей. Речь идет об оцениваемой как классической статье А. Флекснера «Является ли профессией социальная работа?» (1915). Автор выдвинул тезис о том, что «в строгом употреблении термин “профессия” противоположен бизнесу или ремеслу и служит для обозначения специфического разграничения, скрывающегося за многообразием деятельностей»¹⁸, и предложил шесть критериев для отличия профессии от других видов деятельности. Среди них: профессия мотивируется альтруизмом, профессионалы осознают, что работают на общественное благо¹⁹.

ЧТО ЖЕ дает анализ подходов, представленных в специальных исследованиях, для поиска идентичности профессиональной этики, для понимания ее природы и назначения? Прежде всего, возможность выделить и собрать вместе наиболее значимые с точки зрения вопроса о «моральном измерении» профессии ее признаки: * идею профессионального призвания и служения; * альтруистическую мотивацию; * саморегуляцию, причем в широком смысле слова, который предполагает самоопределение к профессии, свободу и автономию в профессии, создание ассоциаций, этические кодексы. Эти признаки «морального измерения» профессии являются, на наш взгляд, важными структурными элементами общепрофессиональной этики.

7.2.2. Идея высокой профессии

СВОЕ предельное выражение наша концепция профессиональной этики получает в отношении к т.н. *высоким профессиям*. Мы полагаем, что идея *высокой профессии* максимально соответствует той стороне дуалистичной по своей природе морали, в которой мотивационный механизм, *превосходящий функциональность*. При этом выделение среди множества профессий высоких и, тем более, стремление культивировать идею *высокой профессии*, требуют предварительного формулирования ряда «техусловий».

Во-первых, следует учитывать возможное негативное отношение к такой классификации, мотивируемое тем, что если есть профессии «высокие», то, следовательно, есть и профессии «низкие». Полагая целесообразным выделение вида высоких профессий и считая это важным шагом в обосновании природы и миссии профессиональной этики, мы особо подчеркиваем, что такое выделение в данном случае производится не через противопоставление «низким» профессиям, а через акцентирование в высоких профессиях *доминирующей* установки на «Служение в профессии», предполагающей, что, не отменяя стремления (говоря словами М.Вебера) к «честному заработку профессионала», эта установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена, и оправдывается этикой бизнеса. *Во-вторых*, нельзя не учесть распространенность характеристики «свободные профессии», во многом совпадающей с характеристикой «высокие профессии». Обычно считается, что свободные профессии отличаются творческим характером деятельности, ее персонализацией и соответственно персональной ответственностью профессионала. Характеристика «свободная профессия» охватывает практически те же виды профессий, что и характеристика «высокая профессия». Однако, на наш взгляд, уместнее характеристику «свободная» относить к т.н. «творческим профессиям», прежде всего из сферы искусства, а «высокая» – к деятельности врача, учителя, адвоката, ученого, журналиста и т.п.

В-третьих (не по значимости), необходимо трезвое осознание такой трудности культивирования идеи *высокой профессии* в современных условиях, как своеобразная «дегероизация» профессий, являющаяся следствием целого ряда факторов: (а) массовизация профессий, порождающая ослабление роли призвания как безусловной доминанты этического сознания профессионала, усиление прозаического функционализма. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются возможности для сравнительно легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как служение, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей степени оказывается объектом

морального выбора: призывание не поддается тиражированию (глобальная ситуация); (б) включение профессионалов в деятельность больших организаций и, тем самым, утрата их автономности (глобальная ситуация); (в) «дикая» маркетинговая, в том числе усиление ориентации на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам (прежде всего отечественная ситуация); (г) понижение роли профессиональных сообществ (прежде всего отечественная ситуация); (д) серьезные ошибки, совершаемые деятелями медицины, науки, образования и т.п. в своей профессиональной практике; рост безразличия к последствиям собственной деятельности; в целом усиление известного отчуждения «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии, также подрывающего авторитет профессии. «Высокие профессии» в этих условиях могут терять доминанту Служения, обесценивать свою миссию.

ОСОБАЯ значимость выделения вида высоких профессий становится наглядной при исследовании отечественной профессионально-нравственной ситуации, в которой указанные выше условия, подрывающие авторитет профессии (прежде всего – последствия вхождения страны в рынок), проявляются в обостренной форме, а потому вовлекающей профессионалов в напряженные моральные дилеммы. Так, например, ситуация в сфере профессиональной этики образовательной деятельности в условиях реформирования российского образования отличается, как мы уже отметили выше, известным дуализмом: образовательная деятельность как *профессия* дополняется, а то и вытесняется образовательной деятельностью как *сервисом*. И этот дуализм создает моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью. Конкретизация этого диагноза применительно к образовательной деятельности – дилемма для университетов, которую можно сформулировать с помощью такой ригористической формулы: «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения, – или корпорация людей, профессия которых *служение делу духовного производства* человека, а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация?».

Во многом сходные процессы проявляются в профессионально-нравственной ситуации, переживаемой отечественной журналистикой. Здесь, на наш взгляд, происходит кардинальная *переоценка* смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Речь идет о заметной своей агрессивностью тенденции в понимании природы журналистики – редукации *профессионализма* в этой сфере человеческой деятельности к *сервису ремесленника*, умеющего создавать товар на потребу масс и продвигать его на рынок.

(Не)готовность признать (или не признать) значимость самой постановки вопроса о необходимости намеренно идентифицировать ряд профессий в качестве высоких, аргументацию «за» и «против» такой идентификации можно увидеть при анализе материалов двух последних экспертных опросов, проведенных нами в рамках исследования этики образования и журналистской этики²⁰. В целом можно сказать, что первые результаты анализа экспертных суждений дают основания как для уверенности в оправданности гипотезы, так и для осознания трудностей ее теоретического обоснования и, особенно, практического применения.

Вряд ли проблема выделения миссии высокой профессии имеет очевидные решения. В ситуации конфликта высокие профессии должны отступать от своих ценностей во имя прагматической политики организации? Или государство и организация должны корректировать свои интересы во имя ценностей базовой для этой организации профессии – журналистики, педагогики, медицины и т.п.? Мы полагаем, что в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия не отменяется.

7.2.3. Профессия как корпорация

Продолжая следовать *инвариантному алгоритму* этико-прикладного исследования, описания и рефлексии проблем общепрофессиональной этики и ее подсистем, отметим, что широкая «занятость» термина «корпорация» и при том его «нагруженность» как позитивными, так и негативными коннотациями требуют уже сразу выделить из известного множества вариантов применения понятия «корпорация» то значение, которое выне-

сено в заглавие, обращаясь к иным вариантам лишь по мере необходимости – в случае пересечения значений.

Исторический синоним «профессиональной корпорации» – «цех», «гильдия». В современном языке ближайший синоним этого термина – «профессиональное сообщество». Их объединяет феномен общности, а различает – степень организованности, наличие инфраструктуры, оформленность «правил игры» и т.п. Обычно различают «незримые колледжи» и реальные организованные профессиональные ассоциации. Но и в том, и в другом случае профессиональное сообщество выступает референтной группой в вопросах профессиональной этики. Тем более, что профессионалов объединяет и сходство судеб, и профессиональная культура, а чувство принадлежности к профессиональному сообществу – важный критерий профессиональной идентичности. Среди критериев сформированности профессионального сообщества, предложенных У. Гудом, – *схожая самоидентификация, общие ценности*²¹. Характерный момент: рассуждая о профессии как общности, «незримом колледже», уместно иметь в виду (а) не только «ныне здравствующих» профессионалов, но и заслуженных, знаменитых профессионалов прошлых лет, и (б) не только уже вошедших в общность, но и тех, кто намеревается в нее включиться. Для последних «вопрос “кем быть?” – это и вопрос “с кем быть”, а не просто “что делать?”»²². Сравним с характеристикой, данной Гудом: профессиональное сообщество, хотя и не порождает следующее поколение биологически, осуществляет это социально²³.

Важное условие понимания духа и правил игры, ориентирующих и регулирующих профессиональные сообщества и их членов, – рассмотрение их в общем контексте корпоративности как социального института. «Дух» и «правила игры» корпорации как социального института (при всей разнице между, например, предпринимательской корпорацией, с одной стороны, университетом – с другой, профессиональной ассоциацией – с третьей) инвариантны: относительно замкнутая ассоциация, на определенных условиях выражающая интересы своих членов, увеличивающая индивидуальные возможности и шансы индивида на успех и защищающая их. Развитие корпораций – характерная черта гражданского общества, которое, как отметил еще А. де Токвиль, представляет собой огромное количество разного рода ассоциаций. Создавая их на основе взаимных соглашений для выполнения тех задач, которые нельзя выполнить в одиночку, люди учатся совмещать свое понимание частного интереса с общественными добродетелями. В этом смысле корпоративность – один из эффективных способов рационального сочетания индивидуализма и солидаризма.

В то же время *дух корпоративизма* является одновременно предметом и пафосной апологии, и острой критики. Проявления последней могут быть и весьма поверхностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современные проявления корпоративизма как «локального тоталитаризма»). В известной статье Умберто Эко на тему наступления «Нового Средневековья» речь идет о возрождении корпоративных социальных структур. А в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Но что несомненно – предметом взвешенного критического анализа, тем более в противоречивой ситуации становления гражданского общества в России, должны быть *моральные риски* культивирования корпоративности, риски пренебрежения ее *нравственными оппозициями*, риски превращения корпоративного этоса в патос, корпоративности как ценности в антиценность. Так, например, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, корпоративность несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальности «стадности» (корпорацию нередко называют «второй семьей»); вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться групповым эгоизмом, противопоставлением частных интересов универсальным интересам общества; необходимая для саморегулирования корпораций тенденция к созданию корпоративных этических кодексов нередко оборачивается беспредельной пафосностью и фальшивостью «корпоративного духа», который поставлен здесь в кавычки потому, что сводится к далеко не добровольным этикетным требованиям, ритуалам, гимнам и т.п.

БОЛЕЕ или менее длительное существование корпораций приводит к возникновению не менее существенной, чем материальные соображения, силы – «духа корпорации», «эспри де кор». Можно сколь угодно «ассоциировать», например, бизнесменов или профессионалов любого профиля, но «на выходе» вдруг обнаружится лишь механическое соединение лиц и интересов, шаткие агломерации или конгломерации, но вовсе не то, что с полным правом именуется корпорацией. И так будет обстоять дело до тех пор, пока не возникнет таинственное «склеивающее» вещество духовного свойства, «эспри де кор». Оно имеет, прежде всего, *профессионально-этическое* измерение с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании (которое, по словам поэта, есть «влеченье, род недуга»), товарищеской солидарности. Однако те, кто пишут о корпорациях в России, довольно часто обходят эту тему стороной, хотя, казалось бы, именно в России об этом и надлежит говорить в первую очередь – с учетом отличий «духа корпорации», который сложился на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма.

На первый взгляд, рассуждение о «духе корпорации» напоминает «дух трудового коллектива». Но только на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что «индивидуализм» использовался в качестве бичующего идеологического ярлыка, а «коллективизм» предполагал методы принудительного укоренения, которые ведут к обезличиванию, к атрофии личностной автономии и ответственности (кем-то было очень точно замечено, что человеку можно было дать все, кроме одного: права что-то делать сознательно, даже поддерживать советский строй; все делалось за него, и такая субкультура еще не преодолена, а без ее преодоления не может вырасти гражданское общество), к подавлению независимого мнения и поведения.

«Дух корпорации» не витает в заоблачных высях, в атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах *корпоративной этики*, профессионального призвания и ответственности, в правилах «честной игры» и т.п. Точнее говорить даже не об «игре», а об «играх», поскольку различаются правила взаимодействия – во-первых, между правовым государством и автономными корпорациями – во-вторых, между однородными и разнородными корпорациями – в-третьих, между корпорациями и группами с неорганизованными интересами и, в-четвертых, существуют правила внутрикорпоративной игры. Чаще все эти правила сведены в более или менее четкие профессиональные поведенческие кодексы, которые предусматривают как собственно моральные, духовные, так и административные санкции. В идеале такие правила, впитавшие в себя «дух корпорации», не только содействуют удовлетворению групповых интересов, но и нацелены на подавление фурий корпоративного эгоизма (Дж. Ролз называл его проявления « пороками ассоциаций», хотя интерпретирует сами ассоциации предельно расширительно).

ВМЕСТЕ с тем важно учитывать, что у нас не было и подходящего духовно-нравственного наследия корпоративности на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма. Поэтому деятельность профессиональных корпораций обременена негативными аспектами в целом позитивного процесса сегментации общественной нравственности. Именно эти самые негативные аспекты и препятствуют формированию «духа корпораций», складыванию профессиональной этики, которая могла бы служить барьером, во-первых, от реанимации духа номенклатурного бюрократизма во внутрикорпоративных отношениях и, во-вторых, от заражения настроениями группового эгоизма. Пакет «добродетелей» того и другого (патронально-клиентельные подходы, готовность пойти на ранговые сделки «верхов» с «низами», подмена партнерства безропотным исполнением, минимальная гражданская активность, отказ от нравственного «первородства», т.е. неотъемлемого права на свободный моральный выбор, не предписанной инстанциями суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п.) подрывает позиции профессиональной морали.

Пока в нашей стране свободных корпораций все еще меньше, нежели старых объединений, которые после поверхностной и скоротечной модернизации предпочитают именовать себя звучным именем «корпорация».

В ФОРМИРОВАНИИ духа и правил игры профессиональных сообществ существенную роль играет активное самопознание профессии. Практикуемые нашими проектами экспертные опросы и практикумы с журналистами дают определенный материал для анализа суждений самих профессионалов об этике профессии, к которой они принадлежат. Анализ материалов этих опросов дает основание заключить, что вопрос о понимании феномена профессиональной корпорации для отечественной журналистики – не праздный. Тем более не праздным является вопрос о том, какого рода «дух» должен закладываться в основы такой корпоративности самим «цехом». Людям, считающим себя представителями «цеха», важно задуматься о нравственных особенностях профессиональной журналистской корпорации, о том, что можно определить как ее «дух», – и попытаться выделить те базовые нормы и ценности, которые именно сегодня должны быть заложены в качестве *побуждений* (в первую очередь) и *ограничений* (по возможности – во вторую) профессиональной деятельности ее членов.

7.2.4. Саморегулирование профессии

«Если бы саморегулирование было постоянной заботой журналистского сообщества, то сегодня не было бы поводов для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы». «Журналист должен думать о саморегулировании не только в смысле защиты от давления государства, но и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества». Два суждения из экспертного опроса журналистов – пример попытки понять место и роль саморегулирования профессии. И хотя здесь еще не прочитывается прямой «заказ» профессиональной этике, сама актуализация профессионалами идеи саморегулирования – свидетельство идентификации ими своей деятельности как *профессии*. Но «заказ» профессиональной этике в связи с таким признаком профессии, как саморегулирование, не сводится ни к теме кодексов, ни даже к теме *системы* саморегулирования, одним из элементов которой и являются кодексы, – ее выстраивание само по себе не есть решение *профессионально-этической* задачи.

Разумеется, очень важно представить эту систему в ее полноте, увидеть, что саморегулирование включает в себя множество институциональных механизмов, являясь системой обеспечения ответственности профессии (С*О*О*С*). Мы уже приводили в главе 4 рассуждения автора этого термина, К.-Ж. Бертрана, который в своей работе перечисляет свыше 30 различных механизмов саморегулирования СМИ. Попытка классифицировать их позволяет выделить три группы. В первую входят *документы*: этические кодексы; внутренние меморандумы; колонки в газете, содержащие письма с критикой в адрес СМИ; публичные заявления; теле- и радиоэфир; информационные бюллетени для читателя о том, что происходит в газете и т.п. Вторую группу составляют *люди* или группы людей – это штатный критик, этическая комиссия, инструктор по вопросам этики, омбудсмен, бюро жалоб, советы по делам прессы, различные фонды и т.п. Третья группа представляет собой процессы, под которыми понимаются обучающие семинары, опросы, исследования и т.п.²⁴ Кроме того, автор предлагает и другую классификацию в зависимости от того, кто участвует в С*О*О*С*: внутренние С*О*О*С* (саморегулирование в узком смысле слова), внешние С*О*О*С* (СМИ можно призывать к ответу и без их согласия) и кооперативные С*О*О*С* (работники прессы, специалисты и общественность могут работать вместе во имя обеспечения качества).

Отметим, что, несмотря на широкий спектр возможных институциональных механизмов саморегулирования, в нашей отечественной практике саморегулирования наиболее известны: из первой группы – профессионально-этические кодексы, из второй – Большое жюри, а обучающие семинары за редким исключением не понимаются как формы саморегулирования. Правда, в последние годы в России изучается и получает свое теоретическое развитие такая форма саморегулирования профессии, как медиакритика. Уже цитированный выше А.П. Короченский называет медиакритику такой областью журналистики, которая осуществляет «критическое познание и оценку социально значимых, актуальных культурно-творческих, профессионально-этических, правовых, экономических и технологических аспектов информационного производства в средствах массовой информации с акцентом на творческую сторону медийного содержания»²⁵. Очень важна при

этом ориентирующая роль медиакритики – как для аудитории, так и для самих СМИ. Для СМИ ориентирующая функция медиакритики проявляется в том, что, как отмечает автор, медиакритика участвует «в постоянном пересмотре, совершенствовании и обновлении подвижной нормативной системы профессиональной этики». В результате чего СМИ имеют возможность переоценки своей социальной функции²⁶.

И все же само по себе глубокое понимание *системы механизмов* саморегулирования профессии еще не является решением *профессионально-этической задачи*. Более того, недостаточно просто сказать, что самостоятельное место темы саморегулирования в концепции профессиональной этики связано с тем, что саморегулирование является существенным признаком *профессии*²⁷. Важно осознать, что эта задача предполагает прежде всего прояснение *этического смысла* саморегулирования как признака профессии, требуя своеобразной *этической экспертизы* идеи и практики саморегулирования. Лишь в этом случае можно говорить о саморегулировании профессии в контексте собственно профессиональной этики.

Тезис о необходимости этической экспертизы феномена саморегулирования – концепций и реальной практики – опирается на проведенный нами анализ процесса и результатов заметной актуализации внимания к роли саморегулирования в жизни профессий, проявившейся не столько за пределами России, где саморегулирование профессий – сложившийся и устоявшийся институт, сколько в нашей стране, где пока можно говорить скорее о *становлении* института саморегулирования профессий и, соответственно, его исследований. В то же время мы рискнем утверждать, что есть некая общая тенденция: собственно *этическая* природа саморегулирования профессии остается чаще всего за пределами внимания исследователей. В отечественной литературе феномен саморегулирования как атрибут жизни профессии становится предметом профессионально-этической рефлексии весьма редко. Особенно – в работах по общепрофессиональной этике (тогда как в исследовании конкретных профессиональных этик ему «везет» больше). В итоге – свойственная многим работам по конкретным профессиональным этикам *невыведенность* именно моральных по своей природе ориентиров и регулятивов профессии, в том числе *мотивов* активизации процессов саморегулирования профессии.

Так ли эта *невыведенность* значима? На наш взгляд, для современной российской ситуации тема саморегулирования требует сегодня не просто доказательства ее актуальности – как это было еще несколько лет назад, – но и осознания необходимости для профессионалов быть *нравственно осторожными* в освоении этой темы. Один из аргументов в пользу этого тезиса – анализ ситуации в журналистике. Своеобразным эпиграфом к данному тезису может послужить высказывание В. Познера в одной из передач тогда еще живых «Итогов». Он остро отреагировал на инициативу Индустриального комитета по созданию этой инстанцией правил поведения журналистов в чрезвычайных ситуациях: «Получается такая вот картинка: давайте вместе подумаем, как бы нам ошейник надеть». И действительно: можно ли считать абсолютной ценностью такое «саморегулирование», которое отказывает журналисту в статусе *субъекта* нравственной свободы, выбора и ответственности, предполагая превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект *сверхрегуляции*? Саморегулирование – итог осознания социальной ответственности профессии. Но ответственность бывает *адаптивная* (реакция как ответ на ситуацию) и *неадаптивная* (опережающее действие). Скорее всего сегодня отечественное профессиональное сообщество журналистов живет по версии адаптивной. Отсюда – необходимость «подстраиваться», «реагировать» – так поступил, например, Индустриальный комитет после «Норд-Оста». В итоге – опасность превратить саморегулирование в «добровольный ошейник».

Российским профессиональным сообществам предстоит осознать опасность *огосударствления* профессиональной морали через придание государственным инстанциям роли высшей *моральной* инстанции. Эта опасность искушает «духовного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. Новый контекст проблемы морального выбора (ситуация становления так называемой «управляемой демократии») может спровоцировать профессионалов и их ассоциации – не только журналистские – на предпочтение *самоцензуры* как реакции на давление «сверху», с одной стороны, на своеволие, вседозволенность самих профессио-

налов – с другой. Причем самоцензуры как следствия страха перед не знающей над собой контрольной «снизу» властью, а не саморегулирования, вытекающего из сознания ответственности профессии.

Уже только несомненная неслучайность попытки Индустриального комитета побуждает подвергнуть активно обсуждаемую журналистской корпорацией идею саморегулирования процедуре этической экспертизы, направленной на оценку нравственного потенциала этой идеи. Процедуре анализа и оценки этических оснований этой идеи, актуальной уже потому, что (не)понимание этих оснований отражается на практике саморегулирования, в том числе на инициативах по созданию профессиональных кодексов, далеко не всегда соответствующих духу профессиональной этики.

Полагаем необходимым выделить три направления этической экспертизы идеи саморегулирования. Во-первых, роль мотивов активизации саморегулирования профессионального «цеха» в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования. Во-вторых, критерии этической идентичности профессиональных кодексов (речь о них пойдет в отдельном параграфе). В-третьих, моральные основания деятельности этических комитетов профессиональных ассоциаций. Наш опыт разработки и внедрения всех трех направлений такой экспертизы представлен как в других главах этой книги, так и в ряде публикаций²⁸.

7.3. Мировоззренческий ярус профессиональной этики

Еще один шаг алгоритма – идентификация мировоззренческого «яруса» профессиональной этики. Из двух его аспектов один мы уже рассмотрели в главе 6 – подход к выбору профессии как к процессу морального выбора. Здесь же сосредоточимся на втором, полагая эффективным способом аргументации значимости мировоззренческого яруса профессиональной этики обращение к дилемме «“служение в профессии” и/или “жизнь за счет профессии”?». При этом будем апеллировать к материалам наших экспертных опросов, анализируя проекты, посвященные журналистской этике – материалам *самопознания* профессионалов, их этической рефлексии.

УЧАСТНИКАМ опроса на тему «Журналист в ситуации морального выбора»²⁹ был предложен вопрос: *«Какая из известных со времен М. Вебера альтернатив – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – доминирует в нашей журналистике?»*. Представим полученные ответы с помощью типологии, отражающей три возможных варианта отношения к этой дилемме.

Прежде всего выделим подход, который прямо трактует предложенную альтернативу как предмет морального выбора журналиста. С уточнением, что человек не волен совершать этот выбор «идеальным образом» и такой выбор трудно оценить однозначно. Так, по мнению В.Т., *«Служение есть некое подвижничество, это следование принципам, ...с отказом от чего-то, что дает простая “жизнь за счет...”*. Например, когда журналист выбирает из двух рабочих мест не то, где больше зарплата, а то, где он может свободнее высказываться».

Далее выделим скептическую позицию относительно самой метафоры «служение в профессии». *«Прежде всего журналистика – это профессия, я этим зарабатываю деньги. Я не служу в профессии – это моя работа, – говорит Е.А. – Я не сторонник отношения к журналистике как к некоему мессианству. Журналистика – это ремесло прежде всего»*. Сдержанное отношение к тезису о служении в профессии применительно к реальной журналистской практике высказывает А.С.: *«Служение профессии возможно, разумеется, но оно дается уже битому и тертому, прошедшему все искусства служения внутри профессии: служения учителю, редактору, своей команде, идее, миссии. Если, пройдя через все это, не скурвился, что случается нередко, у тебя оттачивается нюх на мораль служения профессии как таковой»*.

В то же время другой участник проекта – С.Б. – полагает, что *«выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма»*. При этом автор отмечает, что *«чаще всего слышишь определение обратное: профессионал – это тот, кто хорошо и качественно делает свою работу и живет за счет профессии, не видя в ней некоего служения»*. И дает вполне четкое определение: *«Чтоб не вдаваться в излишний пафос, служение – это осознание цели, или сверхзадачи, даже миссии»*. С точки зрения автора, формула Вебера имеет серьезный смысл. Более того, автор вполне на-

глядно конкретизирует эту формулу. Сначала – ту ее часть, которая определяется через «жизнь за счет профессии». *«Мне кажется, “жить” можно за счет халтуры (халтура в понимании старого Художественного театра, т.е. не работа плохого качества, а работа дополнительная и необязательная, ... работа как средство к существованию)»*. А далее – конкретизация другой части формулы, связывающей профессионализм со «служением». *«Когда мы организовывали “Эхо” (как ни странно, мы стали получать больше, чем в Гостелерадио, но это было дополнительным обстоятельством), – это был фактор свободы и некоего, может быть, извините, служения. Появилась цель: мы тогда говорили друг другу, что очень здорово, когда делаешь то, что хочешь, так, как хочешь, и еще за все это получаешь деньги. Именно в таком порядке. И мы эту цель стали доводить до предела: радио полезное и нужное, которое говорит, что хочет, да еще и деньги зарабатывает рекламой»*. С точки зрения иллюстрации сути порядка, зафиксированного в последнем тезисе, интересно приводимое, когда-то поразившее автора, высказывание основателя японского театра «Но». *«Он очень хорошо сказал, что если ты стремишься к высокому, то придут и богатство, и слава, но когда ты просто стремишься к богатству и славе, то высокое может и не прийти. Это очень тонкая мысль, потому что сразу богатство и слава начинают преобразоваться: если ты к чему-то стремишься, то богатством для тебя может быть что угодно, и славой тоже»*. При этом особое внимание автор обращает на необходимость деликатного отношения к позиции служения в профессии: *«жить с постоянным ощущением миссии очень плохо. Наиболее близкие мне священники постоянно осуществляют свою миссию, но никогда это не педалируют. ... Миссия – это не ощущение постоянного мессианства. Настоящий мессия не раздает визитные карточки»*.

БОЛЬШИНСТВО экспертов с тем или иным успехом попытались снять напряженность веберовской альтернативы. Прежде всего они скептически отнеслись к дилеммности самой характеристики профессионала. Журналист Р.Г.: *«Отмеченные Вебером альтернативы существуют вопреки физическим законам одновременно в одной и той же точке пространства»*. В.Л.: *«Полагаю, что противопоставление двух позиций – это упрощенный подход»*. С.Н.: *«Для меня лично две альтернативы Вебера являются частью одной формулы. И то, и другое совершенно допустимо»*. В.П.: *«Разведение двух веберовских формул – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – применительно к журналисту кажется чуть-чуть упрощенным. На самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому»*. Л.Р.: *«Применительно к себе формулу Вебера о двух типах отношения к профессии я отчасти принимаю, отчасти – нет»*.

При этом важно, как именно наши эксперты пытались совместить обе части формулы. С.Н. четко определяет: *«И то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии»*. И далее С.Н. предлагает свою версию веберовской формулы: *«Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова, что принципиально важно. И потому альтернатива Вебера достаточно искусственна. Все-таки это одна формула. Да, есть оппозиция “иметь или быть?”, но, как показывает практика, важнее всего находить какой-то внутренний компромисс между тем и другим, понимать, что одно не исключает другого»*. Суждение Р.Г. при более резкой формулировке по поводу роли заработка журналиста – созвучно представленному выше. *«Ничем не хуже других те, кто приходит в журналистику ради заработка. “Не ради денег, сэр, пишут только болваны”, – морализировал еще в XVIII веке доктор Сэмюэл Джонсон. Другой вопрос – на что журналист способен ради денег? Готов ли он, погружаясь в профессию, понять не только ее ответственность, но и миссию?»*. По мнению В.П., *«человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому»*. И все же эксперт расставляет акценты: *«Вот я, например, считаю, что последние несколько лет и служу в профессии, и живу за счет профессии. Я очень хорошо обеспечен, но в то же время не только ради заработка делаю то, что я делаю»*. Л.Р. четко показывает, в каком смысле формулу Вебера о двух типах отношения к профессии он применительно к себе отчасти принимает, а отчасти – нет. Сначала – о том, что такое именно «жить за счет профессии». *«Это когда делаешь заказные статьи – рекламные, коммерческие, политические тексты. Противно, брезгливо, трудно,*

не интересно, муторно и т.п. И уж тем более не стал бы подписываться своим именем, потому что именем дорожу». А что такое «служение в профессии»? «Журналисты, которые ездят в опасные места и действительно рискуют жизнью, конечно, получают большие деньги, но, думаю, у многих из них есть и такой мотив, как говорить правду, добыть информацию и прочее. Эти люди на самом деле считают, что рискуют собой не только за деньги и не только ради известности, но чтобы исполнять свою профессиональную миссию, свой профессиональный долг. В этом смысле у них как раз служение в профессии».

ОТДЕЛЬНО представим экспертные суждения, в которых авторы с сожалением фиксируют наиболее распространенное отношение отечественных журналистов к веберовской альтернативе и, как нам кажется, методом от противного высказывают свои приоритеты. В.Д. полагает, что «в журналистике, как и в любой другой профессии, “служителей” меньше, чем людей, для которых работа является просто источником существования». Автор при этом отмечает: «именно “служители” могут задавать нравственную тональность». Считая, что Вебер противопоставляет не альтернативные понятия, А.О. также отмечает существенную количественную разницу между теми, кто выбирает «служение в профессии», и теми, кто предпочитает «жизнь за счет профессии». Последний вариант – «удел сотен тысяч профессионалов», а «служение» – «удел единиц» («как “редкая птица долетит до середины Днепра”, так в многочисленных редакциях редко отыщется профессионал, статусно и общественно зачисленный по разряду “служения”»). При этом автор говорит, что «служение в профессии, не отвергая “за счет”, возникает как наивысшая творческая форма профессионализма. Бескорыстный, но бездарный специалист, как бы он ни афишировал свое вполне искреннее бескорыстие, на “служение” не обречен». Аналогичный диагноз дают Ю.П. («пока в нашей журналистике доминирует не “служение в профессии”, а “жизнь за счет профессии”») и В.Т. («Большинство “живут за счет”, а “служит в профессии” меньшинство. Те, кто “служит”, как правило, более способные, более преуспевающие»).

МЫ ПОЛАГАЕМ, что анализ материалов экспертных опросов дает некоторые основания для вывода о том, что для самих профессионалов рефлексия мировоззренческого яруса профессионально-этического сознания не только не чужда, но и сопровождается вполне эвристичными подходами и аргументами.

Выделим здесь, во-первых, суждение «выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма» и характеристику служения в профессии «как осознания цели, или сверхзадачи, даже миссии». И при этом прекрасный афоризм по поводу понятия «миссия»: «настоящий мессия не раздаёт визитные карточки». Продуктивны, во-вторых, рассуждения, стремящиеся «снять» дилеммность предложенной для экспертизы проблемы с помощью квалификации двух альтернатив как частей одной формулы. Как позиций, вполне совместимых в системе ориентаций профессионала. Характерно в этом плане суждение «и то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии». Эвристична и предложенная формулировка: «Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова». В-третьих, стоит обратить внимание на суждения, подчеркивающие, что предложенная для экспертизы дилемма не надуманна, что она отражает реальные противоречия поведения профессионала и фиксирует необходимость морального выбора мировоззренческого уровня.

7.4. Нормативный ярус: профессионально-этические кодексы

В главе 4 мы уже обращались к теме нормативно-ценностных документов организаций и профессиональных сообществ – кодексов, хартий, конвенций и т.д., но рассмотрели их как предмет этического проектирования. Здесь же рассмотрим проблему этической идентификации такого рода документов профессиональной этики. При этом попытаемся показать условность отнесения кодексов именно к нормативному ярусу – они, с нашей точки зрения, должны включать и мировоззренческую проблематику.

ОБЩЕПРИЗНАНО, что этический кодекс – атрибут профессии, способствующий преобразованию атомизированных групп в автономную профессиональную корпорацию, один из инструментов ее саморегулирования. С этой точки зрения кодекс обычно и рас-

смачивается исследователями и практиками. Однако при таком подходе за пределами рефлексии часто остается собственно этическая природа кодекса, что приводит к его редукции до квазиморального документа³⁰. Одно из последствий: кодекс может стать вульгарно инструментальным, потеряв потенциал «демонстрации флага», сигнала как для профессионального сообщества, так и для гражданского общества, «визитной карточки» конкретного сообщества, элемента публичной политики.

В связи с этим особого внимания заслуживает характеристика кодексов с точки зрения их места и роли в нормативно-ценностной системе профессии. Кодекс как результат морального нормотворчества профессии – структурированный формат нормативного яруса профессиональной морали. Традиционное содержание кодексов – система принципов и норм – является своеобразным нормативным ядром профессии. Что, с нашей точки зрения, не только не исключает, но и прямо подразумевает возможность и необходимость обогащения содержания кодексов элементами мировоззренческого яруса профессиональной морали, выводом содержания кодекса на *смысло-ценностный* уровень, фиксируемый в виде кредо и миссии профессии.

Какие проблемы прежде всего связаны с *этической* идентификацией профессиональных кодексов? Кодекс – «правила добра» или инструкции по технике безопасности? Возможен ли профессионально-этический *стандарт*? Если «да», то каково его место между легальностью и моральностью? Кодекс как ядро нормативного яруса – кредо и/или нормы? запреты и/или побуждения? Отдельно – правила работы профессиональных сообществ над своими кодексами, в том числе «Кодекс для кодификаторов».

НАЧНЕМ с тезиса о необходимости этической экспертизы современной отечественной практики морального (?) нормотворчества, в том числе распространенной рефлексии назначения кодексов, связанной обычно с обсуждением проблем саморегулирования того или иного «цеха». С нашей точки зрения, именно *этическая* экспертиза может показать, что сама по себе приверженность задаче создания профессионально-нравственных кодексов еще не гарантирует понимания собственно *этической* природы таких кодексов, и судьба уже созданных или вновь создаваемых кодексов профессий во многом зависит от того, способно ли профессиональное сообщество справиться с задачей «опознания» в некоторых из предлагаемых ему сегодня проектов кодексов (не)скрытого недоверия к его нравственной свободе, не всегда скрываемого административно-политического рвения и упоения.

Противопоставят ли профессиональные сообщества таким проектам кодексы, опирающиеся на концепцию *нравственного самоопределения* профессионала? Перебирая предлагаемые варианты, «откроет» ли то или иное профессиональное сообщество не всегда очевидную связь принципов и норм каждого из кодексов с такими понятиями мировоззренческого ряда, как «*кредо*», «*призвание*», «*служение*»? Идентифицирует ли кодекс как институт самоопределения сообщества относительно его миссии, социальной роли, духа корпорации? Осознает ли профессиональное сообщество, что без рефлексии этой проблематики для него рискованны не только слегка замаскированные кодексы внормальной регуляции, но и самые благие намерения по развитию профессиональной солидарности? Что без такого рода рефлексии можно придти либо к принудительному собиранию «цеха» на основаниях, достаточно далеких от морали, в том числе профессиональной, либо к скачкообразному усилению раздробленности «цеха»: с потерей в обоих случаях и без того небольшого (если говорить объективно) шанса на трансформацию духа лицензированного (государством) «корпоративизма» в дух свободной корпорации.

ПРЕДПРИНЯТАЯ нами *включенная* экспертиза практики рефлексии кодексов трудовых коллективов, журналистских союзов и депутатского корпуса (как советского, так и постсоветского времени)³¹ и, что не маловажно, того контекста, в котором совершалась такого рода рефлексия, позволяет сформулировать некоторые выводы, применимые к кодификации деятельности журналистов, предпринимателей, политиков, педагогов и др. Прежде всего в нашей отечественной ситуации.

Российские профессиональные сообщества, стремящиеся упорядочить стихийный процесс нормотворчества путем оформления его результатов в виде хартий, кодексов, конвенций и т.п., должны осознать ряд возможных затруднений. Среди них – интерпретация кодексов как документов сугубо *запретительного* характера и известный *инструментализм* обращения с природой профессиональной морали.

В первом случае речь идет о наследовании такой трактовки повышенной ответственности профессии журналиста, депутата, менеджера и т.д., в которой ответственность сводится к введению дополнительных запретов (или, напротив, исключению некоторых профессиональных ситуаций из ведения безусловных требований морали), а функция кодекса – к административно-управленческому регулированию случаев нарушений профессионально-нравственных норм. Разумеется, такого рода «рамочный» подход имеет определенное отношение к морали. Но это скорее та «мораль», которая слабо доверяет собственной природе, опасаясь свободного морального выбора. И потому-то кодексы нередко приобретают репрессивную направленность, подкрепляющую административную регламентацию поведения профессионалов. С другой стороны, практика кодифицирования профессиональной нравственности имела и имеет до сих пор элемент *утопических* ожиданий: вот появится кодекс – и оздоровит нравственную атмосферу в журналистской среде, в депутатском корпусе, в среде предпринимателей и т.д. Более того, разработчикам подобных кодексов, как правило, представляется, что такое улучшение способно повлиять на нравы всего общества. В подкрепление этих надежд не раз давались ссылки на некий «мировой опыт». Характерно, однако, то, что при этом фактически никогда не приводилось мнение тех зарубежных исследователей, которые говорили об изначальной беспочвенности подобных ожиданий, их апологетическом смысле.

Более продвинутой выглядит другая тенденция нормотворчества профессиональных сообществ: попытки осмыслить кодекс как инструмент развития *профессиональной общности*, но решение этой задачи возможно лишь в том случае, если кодекс, во-первых, выходит за пределы задачи «повязать» профессионала и, во-вторых, формулируется «цехом» скорее «снизу», чем «сверху». Однако и в этом направлении процесса нормотворчества потенциал *морали* неизбежно оказывался востребованным сообществом лишь в ограниченной степени, а *побудительная* сила кодекса – слабо заявленной и мало освоенной. Одна из причин лежит на поверхности: формирование кодекса «снизу» – не панацея, коли «там» и по сей день доминирует «запретительский» стереотип понимания природы морали.

Цивилизованное взаимодействие с опытом кодифицирования профессионально-нравственных норм, приобретенным тем или иным отечественным «цехом» в прежние времена, предполагает, разумеется, непрерывность эстафеты. В то же время необходимо и отчетливое представление о том, в чем имеет смысл ограничить инерциальность прошлого (а во многом – и современного) опыта. От какого же именно наследства стоило бы отказаться?

1. От попыток приспособить к современной российской действительности западные кодексы. Подчеркнем: скепсис по этому поводу – не псевдопатриотизм: дело в том, что «тамошние» кодексы вырастают из собственной моральной и профессионально-нравственной ситуации. Одна из ее особенностей в том, что определенная доктрина нравственной философии уже давно освоена профессиональной культурой и *подразумевается*, если даже и не декларируется, в конкретных нормах. Другая особенность: традиция тех профессиональных кодексов неустранимо «сверхпрактична», вплоть до утраты «нерастворимого остатка» специфики морали. (Многие кодексы имеют характер жестких практических предписаний, инструкций по поведению в определенных, стандартных ситуациях.) Такую ситуацию нельзя «перешить» на собственную фигуру – отечественным профессиональным сообществам (вместе со становящимся в России гражданским обществом в целом) необходимо *прожить* свою собственную ситуацию. Поэтому-то «большой скачок» российских профессиональных сообществ сразу в этап кодификации по зарубежным лекалам весьма рискован.

2. От трактовки кодексов как лишь «регламентов», табуирующих моральное пространство, ограничивающих свободу выбора профессионала. Мотивации в духе «Уложения о наказаниях» важно противопоставить мотивацию морального самоопределения профессионала, позитивную самоориентацию: через призвание, ответственность, служение, солидарность, через самореализацию, наконец.

3. От односторонних, превратных, нередко искаженных образов кодекса или любого подобного документа, образов не просто различных и спорных, но и прямо ошибочных. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля. Или, например, образ инструкции по технике безопасно-

сти. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. Подчеркнем, что эти образы не случайны, в их основе – отражение реальных сторон практикуемых документов регулятивного плана. Но меньше всего они могут быть отнесены к документам саморегулирования.

4. От догматической интерпретации самой роли кодекса. В том числе от такой практики, когда кодексы проектируются на манер казенно-коллективистской морали в чиновничьем исполнении. В этом случае они приобретают дух административно-правового принципа оценки, но без правовой санкции (хотя и с возможным предвкусением оной). Кодекс в этом случае выступает как прокрустово ложе, лекало, механический ранжир, требующий лишь одного – наложения нормы на казус. Между тем оценка другого человека – это тоже поступок и, стало быть, моральное решение. Кодификация, которая поддается соблазну преимуществ стереотипной оценки, имеет весьма отдаленное отношение к нравственности. И профессиональным сообществом, и обществом в целом должна осознаваться и признаваться благотворность определенного (метафизически неизбежного) риска профессионала в ситуации морального выбора как *естественного* фактора профессионально-нравственной деятельности. То же относится и к обоснованию права на нравственные искания, на моральное творчество, в том числе и творчество, результат которого – *новые* элементы *правил честной игры*. Кодекс в этом подходе – не самодовлеющий инструмент оценивания и санкционирования, но подспорье для самостоятельной оценки, своеобразная логика для творческого акта морального выбора.

5. От подмены нормотворчества как процесса, организуемого самой профессиональной корпорацией, проектировочными усилиями специалистов (социологов, управленцев, психологов, этиков) даже самого высокого класса. Отказаться от создания кодекса в тиши то ли «храма корпоративной бюрократии», то ли «храма науки».

ПОПЫТАЕМСЯ конкретизировать сформулированные выше общие положения посредством анализа заметной тенденции отечественной практики профессионально-нравственного нормотворчества – стремления придать кодексам формат «этического стандарта». Это стремление проявляется двояко: формат рассматривается (а) как очевидное *преимущество* по сравнению с иными форматами кодексов, (б) как *меньшее зло*. В первом случае подчеркивается, что позитивный эффект формата «этический стандарт» доказан зарубежным опытом, например, развития парламентской этики. Во втором, связанном с журналистской этикой, отмечается, что ситуация кризиса в профессии ориентирует на то, чтобы ставить перед сообществом «минимальную планку». Рассмотрим оба случая, обращаясь прежде всего к проблеме *этической идентичности* кодекса как ядра нормативно-ценностной природы профессии.

* В рамках работы Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ над кодексом парламентской этики были проведены парламентские слушания «О состоянии и перспективах формирования системы парламентской этики в России» и «круглый стол» на тему «Публичная политика: российский контекст и британский стандарт»³². На том и другом мероприятиях был презентован зарубежный опыт работы со стандартами парламентской этики. Выступая на «круглом столе», Н. Викс, председатель Комитета по стандартам в публичной сфере (Великобритания), отметил, что этот комитет «должен был исследовать стандарты поведения лиц, занимающих государственные должности, включая нормы и процедуры, регулирующие финансовую и коммерческую деятельность, а затем предоставлять рекомендации по внесению в существующие механизмы изменений, необходимых для обеспечения более высоких стандартов благопристойности в публичной сфере»³³. Выступая на «слушаниях», В. Бейрд, главный консультант Комиссии по этике Сената США, отметил, что в процессе создания парламентских кодексов «шла дискуссия о том, принимать какие-либо четкие, детально прописанные правила поведения или ограничиться какими-то общими принципами – “кредо депутата”, как здесь было сказано. В результате было принято решение, что необходим некий набор запретительных правил, которые я называю правилами, предотвращающими искушение». Так, «для того чтобы ограничить возможности подкупа депутатов при исполнении ими своих служебных обязанностей, было принято решение о необходимости введения правила ограничения приема подарков вне зависимости от источника дарения и от того, связано ли дарение с исполнением служебных обязанностей или нет».

Как видим, формат «этического стандарта» в этой версии весьма далек от формата моральной нормы. В подтверждение этого вывода приведем рассуждение одного из участников слушаний, директора правового отдела Фонда развития парламентаризма в России, А.С. Автономова, поддерживающее идею заимствования отечественным парламентаризмом зарубежного опыта разработки формата «этический стандарт» и наглядно показывающее, что в основе этого формата – детально расписанные внешние (внеморальные) регулятивы. Утверждая, что «внешнее регламентирование людей при всей его формалистичности необходимо», автор отдает себе отчет, что при создании кодекса в этом формате «моральные нормы ... превращаются в чисто внешние, регулирующие поведение того или иного человека в виде свода правил вне зависимости от того, готов ли внутренне человек к их использованию». И все же заключает: «такой кодекс, конечно, нужен»³⁴.

Анализ позиций сторонников внедрения в отечественную практику культивирования парламентской этики формата «этический стандарт» побудил нас при формулировании предложений Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ *проблематизировать* зарубежный опыт кодифицирования деятельности депутатов. В своих предложениях мы отметили, что сегодняшней период существования парламентской этики в России действительно скорее всего можно назвать *пренатальным*. Отсюда неизбежно особое внимание к соответствующему международному опыту. Но депутатскому корпусу предстоит понять степень схождения и различия традиций разных стран в понимании природы парламентской этики. Например, в американском подходе – и подходе отечественном. «Там» – скорее правила, расписанные до формы стандарта (да еще и запретительного характера), и в лучшем случае более общие нормы Кодекса, например, честности, неподкупности, требование действовать в таком духе, чтобы не подорвать доверие к парламенту и т.д. Но без предъявления профессионально-нравственного кредо. Об этом свидетельствует, например, публикация американского Национального демократического института международных отношений «Парламентская этика: сравнительный анализ»³⁵. У нас – пока – иная этическая традиция, скорее противоположного характера: склонность к формулированию высоких этических принципов, не конкретизированных в виде правил. И корпорации отечественных парламентариев предстоит определиться в вопросе о том, сводить ли кодекс к стандартам, *внеморальным* регламентам или создавать его как свод собственно этических принципов и норм.

Достаточно ли, с точки зрения депутатов, в отечественном кодексе подробно, детально, тщательно расписать правила, определяющие прозрачность финансовой деятельности депутата, декларацию его интересов и нормы честного лоббирования? Даже если в кодекс будут еще вписаны и некоторые принципы, например, принципы честности, неподкупности? «Готовы ли депутаты, – спрашивали мы в своих предложениях, – оценить эффективность формата “этический стандарт” с моральной точки»? Действительно, отклонения от этического стандарта поведения – как правило, в сторону понижения – более очевидны, прозрачны для восприятия. Тем самым они не создают особых затруднений при их оценивании: налицо и «факты», и «трафареты». Но ведь стандарты не эффективны в нравственных коллизиях *повышенной* сложности, в отношении поступков с запутанностью мотивов, обстоятельств и последствий решений, полных драматизма. Например, уже само стремление согласовать установки на *успешность* своей деятельности с политической *честностью* нередко ставит депутатов перед труднейшим моральным выбором. Здесь обычные позитивные и негативные оценки оказываются малоприспособленными для того, чтобы охватить ими *нравственные оппозиции* парламентской деятельности. Эти коллизии выводят на противоречия в политической и нравственной культуре общества (парламент – их одновременно незамутненное и искривленное зеркало). Эти коллизии предполагают трудные нравственные искания, тесно связанные как с национальными особенностями сознания и психологии парламентариев, так и со спецификой становления российского парламентаризма.

* Обратим внимание на аргумент в пользу разработки отечественными журналистами *минимального стандарта профессионально правильного поведения*: разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг такой минимальной планки, как «минимальный стандарт». В процессе работы над проектом Тюменской этической медиаконвенции Ю.В. Ка-

заков – инициатор идеи «*минимального стандарта профессионально правильного поведения*» и разработчик нескольких его версий – напомнил участникам одного из проблемных семинаров, что эта идея появилась сначала как чисто игровая, методическая, совершенно не претендующая на свою жизненность. Им были проанализированы полсотни кодексов, из них отобраны те схожие моральные нормы, которые для своего применения *не требуют никакой специальной рефлексии, не вовлекают журналиста в ситуацию морального выбора* (курсив наш. – В.Б., Ю.С.), затем они были отредактированы и предложены для игрового проживания. На игровом семинаре в «Тюменском курьере» команда, защищавшая «минимальный стандарт», успешно освоила и даже продвинула его содержание. *«А дальше неожиданно оказалось, что с этой идеей можно и нужно работать не только в игровой ситуации, но и в реальной жизни сообщества. Хотя бы потому, что это разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг “минимального стандарта”, пусть еще и “сырого” по исполнению. Эту гипотезу и предстоит испытать на примере Тюменской конвенции».*

В итоге работы над Тюменской конвенцией в ее состав был включен раздел «*Минимальный стандарт профессионально правильного поведения*», мотивированный следующим образом: *«Представляя собой ориентиры “первого уровня” для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения “минимального стандарта” объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации»³⁶.*

Подчеркнем, что автор идеи «минимального стандарта», вполне отчетливо осознавая и риск использования термина «стандарт», тщательно взвесил аргументы «за» и «против». Но в дилемме «*Российский выбор: кодекс или стандарт?*» (так назван соответствующий раздел его монографии) склоняется, как нам кажется, в пользу своей идеи. Один из аргументов в пользу такого выбора – весьма убедительный – вошел в качестве последнего абзаца в раздел о минимальном стандарте Тюменской конвенции: *«Разумеется, может показаться, что некоторые требования минимального стандарта относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не просто разрушает ремесло, но и подрывает смысл и устои профессии».* Нельзя не принять и другого аргумента, уже приведенного выше, о том, что в ситуации кризиса журналистской профессии в нашей стране профессиональное сообщество легче всего соберется вокруг *минимальной планки*.

Однако идея «минимального стандарта», принимаемая нами скорее как идея *паллиатива* полноценного кодекса в конкретных отечественных обстоятельствах, порождает уже знакомые нам вопросы. Во-первых, равноценны ли нормы «*профессионально правильного*» и «*профессионально-нравственного*»? Можно ли отождествить «правила игры» с моральными нормами, даже если это «правила честной игры»? Во-вторых, где предел конкретизации норм «минимального стандарта», предел, за которым они теряют свое этическое содержание и переходят в статус административных норм и/или ремесленных правил? Рефлексия этих вопросов особенно важна потому, что «минимальный стандарт» весьма привлекателен: он ближе к повседневности профессии, он нагляден, здесь сконцентрированы азы ремесла. Действительно, атомизированное сообщество отечественных журналистов если и соберется вновь, то, прежде всего, вокруг этого стандарта. Но останется ли в этом случае «стандарт» *этическим* документом? Не превратится ли в инструкцию по «болевым точкам» ремесла для начинающего журналиста, в своеобразную «технику безопасности»³⁷?

В поисках ответов на вопросы, возникающие при анализе аргументации в пользу такого формата кодекса, как «*этический стандарт*», целесообразно обратить внимание на три тезиса, подкрепляющие и развивающие тезисы этической экспертизы, представленные в начале главы.

Первый тезис: «неконкретность» моральной нормы, обычно трактуемая как ее недостаток в сравнении с нормами административными, техническими, правилами ремесла и т.д., является скорее *преимуществом*, заключающимся в отношении к профессионалу как субъекту свободного выбора (и ответственности). Преимуществом именно потому, что моральные нормы требуют рефлексии, вовлекают профессионалов в ситуацию мораль-

ного выбора. Известно, что одно из существенных отличий моральной нормы от правовой и административной заключается в том, что последние «расписаны», то есть не только конкретизированы, но и детализированы. Причем от уровня такой «расписанности» зависит и оценка административно-правовых систем, качество их разработанности. Моральной норме не свойственна подобная «расписанность» – она генерализована, а функция «расписанности» возлагается на субъекта моральной регуляции, что предполагает наличие у него способности к совершению подобной работы, которая, понятно, не фиксируется и не имеет обязывающей силы. Она всегда пребывает в режиме *ad hoc*. В этом обстоятельстве заключается креативность подобной регуляции. Так как в моральной норме, в ее директивной и санкционирующей частях, отсутствует «расписанность» (в ней не указан конкретный адресат и исполнитель санкций, она носит «вселенский» характер, а исполнителем санкций выступает сам субъект регуляции), речь может идти о *саморегуляции*. Проблема справедливости, т.е. соразмерности деяния и воздаяния, отдается при этом «на откуп» самому субъекту: в духовном плане он сам себя награждает и сам себя осуждает (от морального удовлетворения до тяжких угрызений совести). Поведение, основанное на моральной норме, предполагает развитую способность субъекта поступка расшифровать, раскодировать смысл императивности; понять его диспозицию; предвидеть возможные санкции; требует сцепления, когеренции одной нормы с другими, родственными и неродственными. Все это означает творческий акт со значительно более объемным ресурсом *свободы* выбора действия и, стало быть, с большим объемом ответственности за совершенный поступок.

Второй тезис: этап *становления* профессиональной этики предполагает ориентацию кодексов на этосный уровень морального феномена. Как было показано в главе 1, в нашей трактовке понятие «этос», обладающее неустойчивым терминологическим статусом, характеризует (в отличие от морали как чистого бытия должного, идеально-должного) *реально-должное*. Этика (мораль) и этос отличаются друг от друга подобно сущности и существованию. В определенном смысле этос – «полуэтика» («полумораль») и «полунравы». В этосном контексте фундаментальные моральные понятия «оформляются», конкретизируются их восприятие, отношение к ним, как, впрочем, и вся «проводка» их связей с неморальными понятиями и ценностями: нормативное на этом уровне фактуализируется, не утрачивая своих исходных универсальных значений.

Актуализация этосного подхода к проектированию кодексов иллюстрируется фрагментом дискуссии журналистов – участников проекта «Тюменская этическая медиаконвенция». На утверждение В.З., что «*журналиста нельзя ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Нет, не как хочешь, а как должно*», последовало возражение Е.К.: «*если задрать планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают*».

Третий тезис: одно из возможных решений в условиях этапа становления ряда профессий в нашей стране – (а) *многоформатность* кодекса, например, соединение в его рамках минимального стандарта и кредо, миссии и т.п., и (б) *конвенционный* характер разработки и принятия кодекса. Поэтому в комментариях к тексту Тюменской медиаконвенции подчеркнуто: «“цехом” осознается противоречивость любой попытки сформулировать нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. И мы не собираемся соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия. Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров и элементарных норм профессионального поведения. Тем самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа». А в преамбуле к конвенции говорится: «Выбор именно такого вида нашего документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в “цехе”, которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм»³⁸.

НЕОБХОДИМОСТЬ сохранить *этическую идентичность* проектируемых профессиональных кодексов различным «цехам» еще только предстоит превратить в система-

тическое намерение. Некоторые из этих уроков реализованы на практике при создании Тюменской этической медиаконвенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы предпочли бы воспользоваться здесь понятием «миссия», но это может привести к путанице в связи с использованием этого понятия при характеристике одной из черт природы профессии: «миссии профессии».

² Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М.: Дело, 2000. С. 52.

³ Professional ethics. International encyclopedia of ethics. P.703.

⁴ Джорж Р.Т.де. Деловая этика / Пер. с англ. / В 2 т. Т.1. СПб.: Экономическая школа, М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С.49.

⁵ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 52.

⁶ Encyclopedia of ethics. . P.1384-1386.

⁷ International encyclopedia of ethics. P.703-706.

⁸ Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). С. 44-45.

⁹ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику. С. 167.

¹⁰ Гусейнов А.А. Прикладная этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2002. С. 389. Напомним, что одну часть статьи «Прикладная этика» в этом словаре написал А.А. Гусейнов, а другую – В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов.

¹¹ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 40.

¹² Ср.: «В нашей стране не было и, полагаем, нет нужды и впредь вводить расслоение в мир трудовых занятий, деля его на профессии и не профессии» (Е.А.Климов. Психология профессионального самоопределения. С. 142).

¹³ Becker Howard. The Nature of Profession // Sociological Work: Method and Substance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. Цит. по: Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха. Вып. 3 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Тюмень-Москва, 1994. С.77.

¹⁴ См.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 64.

¹⁵ Professional ethics // International encyclopedia of ethics. P.704.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 63-66.

¹⁸ Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ См.: Самоопределение университета / Ведомости. Вып. 27. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 6. Тюмень: АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 2005.

²¹ Цит. по: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий. С. 67.

²² См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. С. 146.

²³ Цит. по: Лукша О.В. Социология профессиональных групп... С.67.

²⁴ Цит. соч. С. 41-51.

²⁵ Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону, 2003.

²⁶ Короченский А. Регулятивная роль медиакритики // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности. Перспективы становления в России. С. 178.

²⁷ Это положение не абсолютно. Так, например, полагая, что медицина – лучший пример профессии, Э. Фрейдсон утверждает, что для этой профессии саморегулирование не оправданно (Freidson E. Professions of medicine: a study of the sociology of applied knowledge. New York, 1975).

²⁸ См.: Тетради гуманитарной экспертизы. Вып.1-5; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста; Они же: Этика профессии.

²⁹ Тетради гуманитарной экспертизы (5). Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста; Ср. материалы других наших экспертиз: Бакштановский В.И.,

Согомонов Ю.В. Этнос среднего класса; Становление духа университета: Опыт самопознания / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2001.

³⁰ Один из примеров последнего времени: книгоиздатели России, политики и популярные писатели подписали «Хартию деловой этики». Представляя ее, один из подписантов говорит, что Хартия это «правила взаимоотношений и поведения на книжном рынке – этические, нравственные, юридические, профессиональные, человеческие».

³¹ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва–Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, Философское общество СССР, 1990; Кредо и кодекс власти: Российское депутатство // Этика успеха. Вып.6. Тюмень-Москва, 1995; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха; Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Изд-е Госду-

мы, 2002.

³² Парламентская этика в России. С. 7-70, 71-132.

³³ Ср. Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. М.: Ин-т права публичной политики, 2001.

³⁴ Парламентская этика в России. С.31.

³⁵ Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Национальный демократический институт международных отношений, 2000.

³⁶ Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентиры самоопределения, способ собирания сообщества. С.72-78.

Обновленную версию «минимального стандарта» автор представил в своей монографии: На пути к профессионально правильному. Российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001. С. 203-205.

³⁷ В ряде работ Б.Н. Лозовского необходимость «техники безопасности» для журналиста мотивируется «вызывающим непрофессионализмом» в работе многих СМИ, связанным с игнорированием «либо по неведению, либо по халатности, либо по осознанному решению правовых и этических норм профессии». Некоторые из предлагаемых автором примерных правил техники безопасности журналиста: «проверять достоверность получаемых и сообщаемых сведений; избегать использования неподтвержденных сведений и слухов; хранить в надежном месте все материалы; знать условия, при которых журналист и редакция освобождаются от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности; знать толкование терминов “клевета”, “оскорбление”, “честь”, “достоинство”, “диффамация”». См., напр.: Лозовский Б.Н. Журналистика: техника безопасности. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2003.

³⁸ Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос. Тюменская конвенция: ориентиры самоопределения, способ собирания сообщества. С.78.

Заключение

«Согласия по поводу смысла термина “прикладная этика” достичь так и не удалось», – констатируют авторы статьи о прикладной этике в Международной энциклопедии этики». Нет согласия и в отечественной этической литературе: не случайно редакторы Энциклопедического словаря «Этика» воспользовались редким способом: дали две статьи на одну тему.

Но в (не)согласии ли дело? И является ли актуальной задачей его достижение? На наш взгляд, сегодня важнее испытать эффективность разных версий природы и оснований прикладной этики анализом проявления предложенных концепций в исследовании конкретных «малых систем»; в разработке know-how прикладной этики – технологий, институций, инфраструктуры, проектов и программ, этико-прикладных игр, конвенций, учебных пособий; в экспертизах и консультировании значимых проектов.

Поэтому в следующей работе мы намерены совместить характеристику своей концепции с предъявлением нашего опыта разработок в различных направлениях прикладной этики: этики воспитания, предпринимательской этики и этики политической, этики успеха, этики образования, журналистской этики, а особое место в этой книге будет отведено нашей авторской «мастерской»: мастерской исследователя, эксперта-консультанта, проектировщика, преподавателя и т.п.

* См.: INTERNATIONAL ENCYCLOPEDIA OF ETHICS. P.49.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Введение в прикладную этику** / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.

Подписано в печать 20.12.2006.
Формат 62х90/16.
Гарнитура Arial.
Усл.печ.л. 24,5.
Печать офсетная.
Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство «Нефтегазовый университет» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, г.Тюмень, ул. Володарского, 38.

Отпечатано с готового макета в ООО «Сити-пресс».
г.Тюмень, ул.Минская, д.3^г, корп. 3.